

ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY

GERMAN PHILOLOGY
IN ST. PETERSBURG
STATE UNIVERSITY
IX
DIALOGICAL INTERACTION
OF TEXTS AND DISCOURSES

Collection of research papers

Edited by: *Sergey T. Nefedov, Irina J. Jesan*

St. Petersburg University Press
2019

Deutsche
Philologie
IX

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НЕМЕЦКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ

IX

ДИАЛОГИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
ТЕКСТОВ И ДИСКУРСОВ

Под редакцией *С. Т. Нефёдова, И. Е. Езан*

ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ББК 81.2Нем

Редакционная коллегия: *Г.А.Баева* (С.-Петербург. гос. ун-т, РФ), *С.В.Буренкова* (Омск. гос. технич. ун-т, РФ), *К. Вих-Райф* (С. Wich-Reif, Рейн. Бонн. ун-т Фридриха Вильгельма, Германия), *К. Ганзель* (Ch. Gansel, Ун-т Грайфсвальда, Германия), *Е. А. Гончарова* (Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, РФ), *И. Е. Езан* (С.-Петербург. гос. ун-т, РФ), *А. А. Масленникова* (А. А. Maslennikova, Рочестер. ун-т, США), *Л. Н. Неборская* (Минск. гос. лингвист. ун-т, Республика Беларусь), *С. Т. Нефёдов*, гл. ред. (С.-Петербург. гос. ун-т, РФ), *М. А. Олейник* (Кубан. гос. ун-т, РФ), *О. И. Таюпова* (Башкир. гос. ун-т, РФ), *К. А. Филипов* (С.-Петербург. гос. ун-т, РФ)

Рекомендовано к публикации Научной комиссией в области наук о языках и литературе Санкт-Петербургского государственного университета

Сборник акцентирован на объяснительном потенциале дискурсивно-аналитической методологии для лингвистического анализа текстов и тематико-функциональных типов текста на немецком языке. Тексты рассматриваются не как замкнутые сами на себя образования, а как часть совокупности (дискурсивной формации) тематически и функционально связанных текстов, находящихся в диалогических отношениях друг с другом. При этом, с одной стороны, через анализ лексической, грамматической, композиционно-содержательной, текстово-типологической и т. д. структуры текстов воссоздается материальность соответствующих текстов и типов текста в ее лингвокультурологической специфике на материале немецкого языка. С другой стороны, на лингвистической основе устанавливается сопряженность языковых единиц и структур, таких как маркеры дискурсивной открытости текста, ключевые слова, аллюзивные имена собственные, фраземы, речеактовые глаголы ввода чужой речи, модально-эпистемические компоненты и т. д., с внешними участниками и обстоятельствами общения и моделируется определенный «срез» коммуникации. Дискурсивный ракурс рассмотрения языковых манифестаций дискурсов от словообразовательной морфемы до текста направлен в целом на то, чтобы в опоре на ресурсы немецкого языка представить динамику ценностных и мировоззренческих картин мира, структуру коллективного и индивидуального знания, выражении позиции дискурсивных субъектов, действующих словом в коммуникативных практиках.

Ключевые слова: интертекстуальность, немецкоязычный тематический дискурс, прецедентное знание, коммуникативная стратегия, макротекстовый анализ.

The focus of the present issue is on explanatory potential of the discourse analysis methodology as applied for the analysis of German texts and theme-functional text types. German texts are considered by the authors as elements of a corpus (discursive formation) of thematically and functionally related texts which form dialogue relationships with each other rather than enclosed textual structures. However, the researchers draw on the analysis of lexical, grammatical, composition and content-related, textual and typological, etc. text structure to reconstruct material layout of the corresponding texts and text types in their linguocultural specifics as applied to the German language corpus. On the other hand, linguistic ground is employed to establish adjacent relations between linguistic units and structures, namely markers of textual discursive openness, key words, allusion proper names, phrasemes, reporting verbs, modal and epistemic components and others as well as external actors and context of communication. As a result a particular level of communication is modelled. The discursive approach to investigating linguistic manifestations of discourses from the derivational morpheme to the text is based on the linguistic resources of the German language. It is aimed at demonstrating the dynamics of value- and worldview-related 'world pictures', collective and individual knowledge structures, expression of the positions of discursive subjects who act through words in communicative practices.

Keywords: intertextuality, the German thematic discourse, precedent knowledge, communicative strategy, macro-textual analysis.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый читателям сборник научных статей является результатом сотрудничества филологов СПбГУ с коллегами из разных университетских центров России и Германии. Он базируется на общей для всех авторов междисциплинарной методологии изучения языковых феноменов. В основном сборник сформирован из научных статей сотрудников кафедры немецкой филологии СПбГУ: профессоров Г. А. Баевой, С. Т. Нефёдова, К. А. Филиппова, доцентов А. В. Бояркиной, М. Н. Дмитриевой, И. Е. Езан, Е. А. Ковтуновой, М. В. Корышева, К. В. Манёровой, А. В. Мельгуновой, Л. Я. Слининой, ст. преп. Е. М. Крепак, асс. Д. Е. Нифонтовой и проф. кафедры романской филологии СПбГУ Е. П. Ивановой; в сборник также вошли статьи профессоров кафедры иностранных языков ОмГТУ С. В. Буренковой, кафедры немецкой филологии РГПУ им. А. И. Герцена Е. А. Гончаровой, кафедры немецкой филологии Воронежского государственного университета Л. И. Гришаевой, кафедры иностранных языков Оренбургского государственного педагогического университета Е. В. Комлевой, д-ра мед. наук, главного специалиста Санкт-Петербургского научно-исследовательского психоневрологического института им. В. М. Бехтерева Е. В. Зубовой, научного сотрудника Йенского университета д-ра Б. Бок и научного сотрудника факультета гуманитарных и социальных наук Университета им. Г. Шмидта д-ра К. Петерсен.

В первой, наиболее обширной части сборника рассматривается реализация диалогических отношений в разных типах текста. Открывает данный раздел статья *Е. А. Гончаровой*. Автор анализирует тип текста «Laudatio», который является недостаточно изученным как в отечественной, так и в зарубежной стилистике и лингвистике текста. Современная методика дискурс-анализа, как отмечает Е. А. Гончарова, позволяет рассматривать текст лаудации как осуществление определенной «дискурсивной практики»,

а именно социальной практики (корпоративного) чествования. Представленная работа в значительной мере дополняет исследование по теории текста и дискурса.

В статье *С. Т. Нефёдова* описывается «диалог» наличного, общеизвестного, а потому прецедентного в германистическом сообществе знания и знания нового, еще не включенного в систему общедисциплинарного знания. Актуальность поставленной проблемы определяется недостаточной изученностью моделей представления сегментов качественно различного знания в тематических дискурсах в сфере лингвистики.

В статье *М. Н. Дмитриевой* анализируются категории диалогичности в текстах научного лингвистического дискурса. В статье рассматриваются вербальные средства и коммуникативные стратегии эксплицитного проявления диалогичности и прагматических установок в текстах научного дискурса — лингвистических статьях, опубликованных в специализированных изданиях. В рамках представленной статьи, как отмечает автор, акцент делается на системном описании лексического состава научных текстов, позволяющего автору-исследователю эффективно реализовывать стратегии научной аргументации.

Объектом филологической интерпретации в статье *Е. В. Комлевой* становится класс апеллятивных текстов. Автор статьи отмечает, что апеллятивная доминанта подчиняет и трансформирует остальные компоненты текста, занимает его сильные позиции, обеспечивает интегрированность структуры, а также оказывает влияние на имманентные текстовые категории. Тесное взаимодействие категории адресованности с функционально-семантической категорией апеллятивности превращает монологический по своей речевой форме апеллятивный текстовый прототип в диалогически открытый дискурс.

Эмпирической основой статьи *Л. Я. Слинной* послужили тексты современной немецкой и австрийской прессы, рекламы, а также материалы портала *Die Wortwarte*. В ходе исследования автором было выделено шесть типов контекстного окружения контаминационных образований. В работе показана роль контекста и интертекста в создании и восприятии словообразовательной контаминации.

Второй раздел посвящен диалогизму текстов межкультурной коммуникации. *Г. А. Баева* анализирует немецко-итальянский (венецианский) (1424) и нижненемецко-русский (1607) разговорники

как письменные памятники деловой межкультурной коммуникации отдаленной эпохи, отражающие межкультурные отношения и особенности разговорной речи. Коммуникативные практики рассматриваются исследователем как коммуникативные действия, связанные с получением и передачей информации и воспроизводством коммуникации.

А. В. Бояркина рассматривает особенности перевода интертекстом различного происхождения на материале немецкоязычных эпистолярных текстов XVIII века. Комплексный лингвокультурологический анализ особенностей функционирования и текстообразующего потенциала интертекстом на материале немецкоязычного эпистолярного текста XVIII века составляет научную новизну данной работы. Выявлены композиционно-структурные и содержательные особенности частной корреспонденции Л. Моцарта и В. А. Моцарта, а также представлены переводческие решения для наиболее трудных случаев перевода интертекстуальных элементов.

Актуальным вопросам перевода посвящено и следующее исследование. В статье *Л. И. Гришаевой* речь идет о способах выявления маркеров диалога текстов в одном из видов межкультурной коммуникации — переводе. Особое внимание автор статьи уделяет текстограмматическим механизмам вербализации сведений о мире и раскрывает объяснительную силу холистического подхода к анализу изучаемых объектов — макротекстов. Продуктивность этого подхода показана через сопоставление людического/лудофильного текста, порожденного в немецкой языковой культуре, и разных вариантов перевода этого текста носителями русского языка и культуры.

В своей статье *К. А. Филиппов* подчеркивает тот факт, что интертекстуальность как явление сопровождает человека на протяжении всей истории культуры, воплощенной в текстах, и затрагивает практически все сферы коммуникации. Интертекстуальность выступает в качестве неотъемлемого признака литературной коммуникации; прямые и скрытые отсылки от одного текста к другому, интеграция фрагмента исходного текста в другой текст позволяют преодолеть идиоэтнические рамки языковых систем, сохранить и приумножить культурное наследие литературных предшественников.

Третий раздел посвящен анализу средств интертекстуальности, в его статьях рассмотрены различные аспекты интертекстуальности в литературном, разговорном, инструктивном типах дискурса. *С. В. Буренкова* исследует комический потенциал имен собствен-

ных в немецком разговорном дискурсе. Собранные автором из различных источников (научные публикации по проблемам ономастики, словари, форумы в сети Интернет, личные записи) примеры аллюзивных имен собственных, обладающих определенной степенью комизма и представляющих интерес с точки зрения лингвистических механизмов его создания, систематизированы по классам онимов: имена, фамилии, прозвища, географические названия, названия торговых марок.

А. В. Мельгунова изучает различные виды интертекстуальных связей в романе Лиона Фейхтвангера «Семья Опперман». Цитаты и парафразы связывают текст романа с произведениями таких классиков немецкой литературы, как Гёте, Лессинг, Клейст, и менее известных писателей, с поэзией Гомера и Шекспира, с религиозными текстами христианства и иудаизма, текстами песен и оперных либретто.

В статье Д. Е. Нифонтовой представлен структурно-семантический и коммуникативно-прагматический анализ «чужой» речи в текстах руководств для путешественников в Германии XVIII века. Автор приходит к выводу, что «чужая речь» играет особую роль в этом редком жанре литературы Германии эпохи Просвещения и представлена широким спектром форм (атрибутированные и неатрибутированные, точные и неточные цитаты, реминисценции, целые текстовые включения), выполняющих разнообразные функции.

Маркеры интердискурсивности в политической коммуникации стали предметом рассмотрения в статьях четвертого раздела, в центре внимания которых находится русский и немецкий политический дискурс. В статье Б. Бок и К.В. Манёровой представлен контрастивный анализ фразем в политическом дискурсе на примере метафор времени периода советской перестройки и воссоединения Германии. Обращение к данной теме в рамках современного социолингвистического и коммуникативно-прагматического подходов обуславливает актуальность проблемы.

В исследовании И. Е. Езан и Е. А. Ковтуновой представлен многоуровневый дискурс-анализ ключевого слова *Einheit*. Материалом публикации послужил составленный авторами корпус контекстов употреблений ключевого слова *Einheit* из политических текстов разных типов (речей политиков, мемуарно-биографических произведений, текстов партийных программ, публикаций в прессе и других). Авторы приходят к выводу о высокой степени актуальности

изучаемого ключевого слова для политического дискурса Германии как с позиций диахронического дискурс-анализа, так и в контексте исследования современных социально-коммуникативных практик.

Завершает сборник культурологический *post scriptum*, в который вошло междисциплинарное исследование, представленное коллективом авторов из России и Германии. Статья *Е. П. Ивановой, М. В. Корышева, Е. М. Крепак, Е. В. Зубовой и К. Петерсен* посвящена рецепции личности и творчества Жан-Жака Руссо в последней работе известного немецкого психиатра Карла Леонгарда. Как пишут авторы, в эпоху Просвещения возникает широко разветвленная система связей между литературным, антропологическим и педагогическим дискурсами, а многогранность концепции немецкого психиатра является важным вкладом не только в современную психиатрию, но и позволяет по-новому взглянуть на литературное и философское наследие этого крупнейшего мыслителя эпохи Просвещения.

Таким образом, предметом разноуровневого лингвистического анализа в статьях сборника стали научно-популярный, литературно-художественный, научный, общественно-политический, разговорный, эпистолярный и другие типы дискурса. В сборнике делается акцент на объяснительном потенциале дискурсивно-аналитической методологии и ее значении для современного лингвистического анализа. Статьи предлагаемого сборника могут быть полезны исследователям, интересующимся проблемами лингвистического анализа дискурсов, стилистическим и историко-диахроническим анализом текстов, многоаспектным описанием текстотипов, выявлением интертекстуальных и междискурсивных связей на уровне языковой структуры и содержания текстов.

И. Е. ЕЗАН

Санкт-Петербургский государственный университет

Езан Ирина Евгеньевна

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ, кандидат филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Irina Je. Jesan

Associate Professor of German Philology Department,
St. Petersburg State University, Candidate of Philological Sciences
Address: 7–9, University emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: i.ezan@spbu.ru

SPIN-код: 1838-1835; AuthorID: 317717; ResearcherID: C-2597-2016

**ДИАЛОГИЧНОСТЬ — ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ —
ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТЬ**

Ключевые слова: лингвистическая методология, междисциплинарность, диалогизм, интертекстуальность, интердискурсивность, дискурс, тип текста.

Статья носит ориентирующий характер — она дает читателю представление о теоретических позициях, на которых строят свои исследования авторы настоящего сборника. Концептуально все статьи объединяет коммуникативно-дискурсивная методология. Языковые манифестации дискурсов от словообразовательной морфемы до текста рассматриваются как средства социальной интеракции, очного или заочного диалога речевых субъектов, действующих словом в коммуникативных практиках. Диалогизм жизни и социальной деятельности проецируется на язык. Он наследуется текстами и дискурсами, выявляется в присущих им категориях интертекстуальности и интердискурсивности. Анализ в категориях диалогизма, интертекстуальности и интердискурсивности позволяет вскрыть надтекстовый, дискурсивный и наддискурсивный уровень формирования коммуницируемых смыслов, в которых закодированы структуры социальных отношений в разных сферах коммуникации. Эти отношения проявляются в текстовой материальности дискурсов на разных уровнях: структурно-языковом, содержательно-смысловом, функционально-стилистическом и прагматическом.

S. T. NEFEDOV
Saint Petersburg State University

DIALOGICITY — INTERTEXTUALITY — INTERDISCOURSIVITY

Keywords: linguistic methodology, interdisciplinarity, dialogism, intertextuality, interdiscursivity, discourse, text type.

The article has an orienting character. It gives the reader an idea of the theoretical positions on which their authors base their research. Conceptually, all articles are united by communicative and discursive methodology. Language manifestations of various discourses from a derivation morpheme to a text are considered as means of social interaction, as a face-to-face or absentee dialogue between speech subjects acting with words in communicative practices. Thereby, the dialogue of life and social activity is projected onto the language. It is inherited by texts and discourses and then can be revealed and described in the categories of intertextuality and interdiscursivity inherent in them. The analysis using the categories of dialogism, intertextuality and interdiscursivity allows revealing the supra-textual, discursive and supra-discursive level of the formation of communicated meanings, in which the structures of social relations in different areas of communication are encoded. These relations manifest themselves in the text materiality of discourses at different levels: at the structural, semantic, stylistic and pragmatic one.

1. Специфика современной лингвистической методологии

Одной из главных черт современной лингвистики языковеды-теоретики называют ее ярко выраженный «экспансионизм» [6, с. 207–211]. Это проявляется в двух четко обозначенных тенденциях, радикально изменивших теоретический облик и методологию лингвистики. С одной стороны, в лингвистическом анализе доминируют не чисто языковые объекты — структурные единицы языка и речи, а объекты гетерогенной природы, такие как высказывания, речевые акты или дискурсы. Во внутреннем устройстве этих и подобных объектов языковой компонент хотя и является необходимым элементом, формирующим их материальность, но вместе с тем составляет отнюдь не единственную и даже не главную для анализа часть. Другими обязательными компонентами их организации выступают социокоммуникативное и когнитивное измерения. Именно через эти последние устанавливается сопряженность языковых объектов с внешними участниками и обстоятельствами коммуникации, а также с воспринимающим и интерпретирующим (индивидуальным или коллективным) сознанием речевых субъектов. Так, дискурсы как «открытые — принципиально неограниченные по количеству текстов — тематически связанные формации» (перевод наш. — С. Н., И. Е.) [12, S. 43] не только обладают наблюдаемой языковой материальностью, но и являются вместе с тем ментально-коммуникативными образованиями, в которых фиксируется динамика структур коллективного и индивидуального знания, ценностных и мировоззренческих картин мира, а также воспроизводятся коммуникативные модели получения и обмена этими знаниями и оценками.

С другой стороны, сам лингвистический анализ вынужден адаптироваться к изменившейся объектной реальности. И более того: исследовательским приоритетом он ставит прежде всего задачу моделирования внешнеязыковых идеологических, политических, национально-культурных, профессиональных, межличностных и других отношений, отраженных и зафиксированных в структурах языка. Естественно, что такие исследования, эмпирической основой которых являются языковые формы, требуют соответствующих терминов и понятий, конгруэнтных коммуникативному и когнитивному уровням анализа. Именно поэтому современная лингвистика изобилует многомерными операционными понятиями, такими как *диалогизм, интертекстуальность, интердискурсивность*.

2. Диалогизм

Термины *диалектика*, *диалог*, *диалогизм* пришли из древнегреческой философии [1, с. 7]. Современная теоретическая лингвистика заимствовала понятие *диалогизма* из литературоведения под влиянием широко воспринятой в гуманитарных науках теории «полифонизма» (диалогичности) речевых высказываний М. М. Бахтина [2]. В этом понятии заложена идея взаимодействия в самом широком смысле: речевых субъектов текста друг с другом, автора текста со своими потенциальными оппонентами, воспринимающего сознания читателя с содержанием текста, одного текста с другим. *Диалогизм* буквально пронизывает речетекстовые образования. Он произрастает из глубокой социальности речевых субъектов, осознающих себя частью общего национально-культурного и языкового коллектива и одновременно частью многочисленных формальных (институциональных) и неформальных сообществ, в которых социальные актеры выполняют определенные роли и вступают в диалогические отношения с другими субъектами. «Диалог, — пишет Н. Д. Арутюнова, — организует... внутреннюю жизнь человека, образуя оппозицию *Я — Другой*» [1, с. 8].

Все тексты в явной или скрытой форме, в большей или меньшей степени несут на себе печать *диалогизма*. Они либо сами являются прямыми диалогами, как в канонических ситуациях актуального присутствия коммуникантов в актах речи [8, с. 3–4], либо обладают внутренним *диалогизмом* в силу неустранимой адресованности текста Другому, с которым автор текста вступает в заочный диалог. Особенно наглядно это видно на примере письменных научных текстов. Здесь автор-исследователь целенаправленно инсценирует дискуссию с уже существующими теоретическими позициями других исследователей, чтобы на этом фоне убедительнее обозначить свою собственную точку зрения. При «отвлеченности» от непосредственной ситуации создания текста (ср. введенные Конрадом Элихом в лингвистику научной речи понятия *die zerdehnte Situation*, *die Sprechsituationsentbindung* [13, S. 15]) в научной письменной коммуникации автор-исследователь активно моделирует диалогическое взаимодействие со своим потенциальным адресатом и будущим оппонентом. Это непосредственно проявляется в языковой структуре текстов, в которых — вопреки ожиданиям и устоявшемуся мнению — можно в достаточном количестве встретить формы

исконно диалогической коммуникации: вопросы, эксплицитные и косвенно-эксплицитные побуждения, Я-высказывания [7; 15].

Текст, таким образом, как речемыслительный продукт интегрированного в социум речевого субъекта выступает средством диалога с потенциальным или конкретным целевым адресатом. Это неизбежно, потому что индивидуальное мнение, индивидуальная позиция, чтобы состояться, должны быть заявлены Другим. И более того: личная точка зрения вообще имеет смысл, если она соотносится с коллективно выработанными теориями, мировоззрениями, системами знаний и ценностей. Только в этом случае она может быть оценена и признана интересной, полезной, значимой и так далее.

Внутреннему и внешнему *диалогизму* текстов разных типов уделяется особое внимание в настоящем выпуске «Немецкой филологии». Ему посвящены две первые части, в которых авторы статей с разных сторон и в разной исследовательской перспективе обсуждают этот языковой, когнитивный и коммуникативный феномен.

3. Интертекстуальность

Идея открытости отдельного текста всем другим текстам нашла широкий научный резонанс и поддержку в гуманитарных науках опять-таки благодаря работам М. М. Бахтина. В лингвистике текста с помощью данного понятия описывается взаимодействие одного текста с другими, ранее созданными текстами на уровне внешней языковой структуры и содержания [11, с. 75]. Как было отмечено выше, современный лингвистический анализ оперирует многомерными категориями и понятиями. *Интертекстуальность* в этом смысле не составляет исключения. Под данную категорию подводятся как языковые средства, с помощью которых устанавливается интертекстуальное взаимодействие текстов (имена авторов текстов, названия текстов, прямые и косвенные цитаты из других текстов и так далее), так и особые смысловые соотношения текстов друг с другом на уровне сюжетных линий, аллюзий, намеков и так далее, приводящих к возникновению в сознании воспринимающего новых текстовых смыслов. Кроме того, К. А. Филиппов, вслед за другими исследователями, особо указывает еще на один тип интертекстуальности — так называемую *текстотипологическую интертекстуальность* [9, с. 28–29], под которой понимается соотнесенность конкретного экземпляра текста с определенной моделью построения некоторой

совокупности текстов — типом текста. Соответственно, данная категория интертекстуальности играет важную роль в типологии текстов и упорядочивает безбрежный мир текстов.

Лингвистическому анализу средств интертекстуальности посвящены статьи третьей части настоящего сборника.

4. Интердискурсивность

В тематических и социофункциональных дискурсах протоколируются выработанные в коммуникативных практиках системы знаний и ценностей и способы оперирования ими. Само собой разумеется, что в социофункциональных дискурсах, таких как политический или научный, эти системы на порядок масштабнее по объему и несравнимо разнообразнее по содержанию, чем в тематических дискурсах. Это уже следует из того, что названные категории дискурсов соотносятся между собой как часть и целое. К примеру, социофункциональный научный дискурс можно представить как *n*-е количество тематических дискурсов, обсуждающих конкретные научные объекты, закономерности, факты. То же самое действительно для политического, официально-делового, религиозного, бытового и всех других глобальных дискурсов; см. классификацию дискурсов, например, у В. И. Карасика [5].

Дискурсы представляют собой многомерные феномены с тремя базовыми измерениями: языковым, когнитивным и коммуникативным. Между дискурсами как ментальными пространствами, в границах которых социальные актеры выражают и коммуницируют идеи, ценностные установки, мировоззренческие и идеологические позиции и так далее, формируются сложные разнонаправленные отношения. В критическом дискурс-анализе отношения между дискурсами подводятся под понятие *интердискурсивности* [14].

Выявление *интердискурсивности* является аналитическим инструментом дискурсивного анализа, обращенным к содержательно-смысловой стороне отношений между дискурсами. Анализ интердискурсивных отношений дает возможность интерпретатору-исследователю выявить и описать, как речевые и коммуникативные субъекты «работают» с разными элементами и целостными системами индивидуально или коллективно созданной и создаваемой ментальности. Особо следует подчеркнуть, что доступ к этим — по большей мере скрытым и глубоко закодированным в се-

мантике языковых знаков — ментальным пространствам, а также стратегиям и процедурам оперирования ими возможен единственно через объективированные продукты речемыслительной деятельности — тексты. Именно из текстов и маркированных для воспринимающего сознания комбинаций языковых единиц извлекаемы особые конфигурации надтекстовых смыслов, индицирующих междискурсивное взаимодействие.

В самом общем виде отношения между дискурсами, как они конституируются речевыми субъектами в социальных практиках, можно свести к трем основным разновидностям.

Первый тип интердискурсивности представляет собой внутреннюю дискурсивность. Последняя отражает внутреннюю динамику в определенном дискурсе в разные временные периоды его существования. В содержательно-смысловом отношении синхронные срезы дискурса — это, по сути, разные дискурсы, поскольку в них представлены различающиеся от периода к периоду системы знаний и ценностей и разные дискурсивные позиции речевых субъектов. Когда в создаваемый новый текст как вербальную манифестацию текущего дискурса включаются фрагменты уже существующих текстов или эксплицитные и имплицитные указания на них, то неизбежно возникает смысловое столкновение между разными синхронными срезами дискурса, поскольку в каждом из них зафиксированы содержательно-смысловые структуры и дискурсивные позиции субъектов, хотя бы минимально отличающиеся друг от друга и от таковых актуального автора. По-видимому, внутренняя интердискурсивность является универсальной чертой любого дискурса.

Другой тип интердискурсивности формируется в результате взаимодействия типичных концептов, прецедентных понятий, стилистических элементов, коммуникативных стратегий и так далее, типичных для одного дискурса, в другой дискурс. По сути, в данном случае имеет место совмещение смысловых кодов и коммуникативных процедур разных ментальных пространств. Включение элементов одного ментального пространства в другой «порядок дискурса» приводит к расширению и углублению смыслового пространства воспринимающего дискурса, как это видно на примере художественной фантастики или научных междисциплинарных исследований.

Наконец, в-третьих, интердискурсивность возникает между типами дискурсов, если происходит «переключение с одной типо-

логической модели текстопроизводства... на другую» [10. с. 229]. Это всегда «игра» устойчивыми семиотическими системами, перекодировка одного «порядка дискурса» в другой. Очень часто трансформация и реконтекстуализация концептов, концептуальных систем, жанров, стилей мышления обнаруживаются в политической и массмедийной коммуникации [3; 4]. Здесь сплошь и рядом институциональный политический дискурс (например, официальные выступления политиков) реконтекстуализируется в форматах разных жанров массмедийного дискурса — например, новостного сообщения или диалога-обсуждения выступления политика с экспертами. Примером интердискурсивности может служить и трансформация медицинского профессионального дискурса в рекламный, когда реклама какого-нибудь лекарственного препарата подается как консультация пациента с лечащим врачом.

В статьях четвертой части сборника феномен интердискурсивности обсуждается на материале ключевых понятий немецкой и российской реальности. На первом плане при этом стоит внутридискурсивная динамика в употреблении изучаемых понятий в политическом дискурсе.

Таким образом, понятия диалогизма, интертекстуальности, интердискурсивности, широко применяемые в практике современных лингвистических исследований, позволяют операционализировать важные элементы знаний об использовании конкретных языков, таких как немецкий, английский или русский, в различных сферах социальной интеракции. На материале немецкоязычных текстов и дискурсов это показано в статьях авторов настоящего сборника.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Слово о диалоге // Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2010. С. 5–9.
2. Бахтин, М. М. Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 2. М.: Русские словари, 2000. С. 5–175.
3. Езан, И. Е. Цитированный способ передачи информации в немецкой журнальной публицистике // Вестник Омск. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2014. № 3 (4). С. 51–53.
4. Езан, И. Е., Ковтунова, Е. А. Динамические процессы в лексике немецкого политического медиадискурса // Германистика в современном научном пространстве: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (Краснодар, 18–19 окт. 2017 г.). Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2017. С. 93–100.

5. Карасик, В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. трудов. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
6. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX в. М.: Ин-т языкозн. РАН, 1995. С. 142–238.
7. Нефёдов, С. Т. Темпоральная периферия научного текста (ненарративные функции перфекта и претерита) // Вестник С.-Петерб. ун-та. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2015. № 1. С. 114–123.
8. Падучева, Е. В. Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 3–18.
9. Филиппов, К. А. Лингвистика текста и современный анализ устной речи: учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2016. 228 с.
10. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста. Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие. М.: Либроком, 2009. 248 с.
11. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2013. 208 с.
12. Antos, G. Texte. Modelle der Erzeugung von Wissen // Studien zur Text- und Diskursforschung / hrsg. von Z. Bilut-Homplewicz, A. Mac, M. Smykala, I. Szwed. Frankfurt a/M.: Peter Lang Verlag, 2010. S. 39–55.
13. Ehlich, K. Deutsch als fremde Wissenschaftssprache // Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache. 1993. Bd. 19. S. 13–42.
14. Foucault, M. The Archaeology of Knowledge, and the Discourse on Language. New York: Vintage Books, 2010. 245 p.
15. Nefedov, S. Fachsprache 'Linguistik' in der universitären Kommunikation: explizite und implizite Autorisierung sprachwissenschaftlicher Texte // Alman Dili ve Edebiyatı Dergisi = Studien zur deutschen Sprache und Literatur. Bd. 32, Nr. 2. Istanbul: Universität Istanbul Publ., 2014. S. 17–34.

References

1. Arutiunova, N. D. A Word about the Dialogue. *Mono-, dia-, polilog v raznykh iazykakh i kul'turakh*, ed. by N. D. Arutiunova. Moscow, Indrik Publ., 2010, pp. 5–9. (In Russian)
2. Bakhtin, M. M. *Problems of Create of Dostoevsky*. Bakhtin M. M. *Sobr. soch.*, in 7 vols, vol. 2. Moscow, Russkie slovari Publ., 2000, pp. 5–175. (In Russian)
3. Ezan, I. E. The Quoted Way of Information Transfer in German Journalistic Publicism. *Vestnik Omsk. gos. ped. un-ta. Gumanitarnye issledovaniia*, 2014, no. 3 (4), pp. 1–53. (In Russian)
4. Ezan, I. E., Kovtunova, E. A. Dynamic Processes in the Vocabulary of the German Political Media Discourse. *Germanistika v sovremennom nauchnom*

prostranstve: materialy V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Krasnodar, 18–19 okt. 2017 g.). Krasnodar, Kuban. gos. un-t Publ., 2017, pp. 93–100. (In Russian)

5. Karasik, V. I. On Types of Discourse. *Iazykovaia lichnost': institucional'nyi i personal'nyi diskurs: sb. nauch. trudov*. Volgograd, Peremena Publ., 2000, pp. 5–20. (In Russian)

6. Kubriakova, E. S. The Evolution of Linguistic Ideas in the Second Half of the 20th Century (The Experience of Paradigmatic Analysis). *Iazyk i nauka kontsa XX v*. Moscow, In-t iazykozn. RAN Publ., 1995, pp. 142–238. (In Russian)

7. Nefedov, S. T. Temporal Periphery of the Scientific Text (Non-narrative Functions of Perfekt and Präteritum). *Vestnik S.t-Peterb. un-ta. Seriiia 9. Filologiiia. Vostokovedenie. Zhurnalistika*, 2015, no. 1, pp. 114–123. (In Russian)

8. Paducheva, E. V. Egocentric Valencies and Speaker Deconstruction. *Vo-prosy iazykoznaniiia*, 2011, no. 3, pp. 3–18. (In Russian)

9. Filippov, K. A. *Text Linguistics and Modern Analysis of Spoken Language: Handbook*. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta Publ., 2016, 228 p. (In Russian)

10. Cherniavskaia, V. E. *Text Linguistics. Poly-codeness, Intertextuality, Interdiscursivity: Handbook*. Moscow, Librokom Publ., 2009, 248 p. (In Russian)

11. Cherniavskaia, V. E. *Text Linguistics. Discourse Linguistics: Handbuch*. Moscow, Flinta Publ.; Nauka Publ., 2013, 208 p. (In Russian)

12. Antos, G. Texte. Modelle der Erzeugung von Wissen. *Studien zur Text- und Diskursforschung*, ed. by Z. Bilut-Homplewicz, A. Mac, M. Smykala, I. Szwed. Frankfurt a/M., Peter Lang Verlag, 2010, pp. 39–55.

13. Ehlich, K. Deutsch als fremde Wissenschaftssprache. *Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache*, 1993, vol. 19, pp. 13–42.

14. Foucault, M. *The Archaeology of Knowledge, and the Discourse on Language*. New York, Vintage Books, 2010, 245 p.

15. Nefedov, S. Fachsprache 'Linguistik' in der universitären Kommunikation: explizite und implizite Autorisierung sprachwissenschaftlicher Texte. *Alman Dili ve Edebiyati Dergisi (Studien zur deutschen Sprache und Literatur)*, vol. 32, no. 2. Istanbul, Universität Istanbul Publ., 2014, pp. 17–34.

Нефёдов Сергей Трофимович

профессор кафедры немецкой филологии СПбГУ, доктор филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Sergey T. Nefedov

Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,
Doctor of Philological Sciences
Address: 7–9, University emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: s.nefedov@spbu.ru

SPIN-код: 1464-4148; ResearcherID: J-9445-2015; ID Scopus: 572 11543207;

ORCID: 0000-0002-0719-7702

І. РЕАЛИЗАЦИЯ ДИАЛОГИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РАЗНЫХ ТИПАХ ТЕКСТА

УДК 811.112.2

Е. А. ГОНЧАРОВА

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

РЕЧЕВЫЕ СИГНАЛЫ ДИСКУРСИВНОЙ ОТКРЫТОСТИ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА LAUDATIO

Ключевые слова: тип текста, дискурсивная практика, дискурсивная доминанта, мелиоративная оценка, речевой этикет, красноречие.

В статье предлагается интерпретация композиционно-речевых сигналов дискурсивной открытости типа текста *Laudatio*, который имеет в европейской и немецкой культуре достаточно длительную историю в качестве письменной и устной реализации «похвальной речи», входящей в дискурс «Чествование/Награждение». В основе интерпретации лежит, во-первых, подход к изучаемому типу текста как к одной из жанрово-текстовых форм известной со времен античной риторики эпидейктической речи. Композиционно-смысловую стержень этой речи составляют высказывания, содержащие прямую или косвенную мелиоративную оценку чествуемого/награждаемого лица и не столько сообщающие новые сведения об этом лице, сколько формирующие у читателей/публики положительное отношение к нему. Во-вторых, современная методика дискурс-анализа позволяет рассматривать текст лаудации как осуществление определенной «дискурсивной практики», а именно социальной практики (корпоративного) чествования. Сочетание в содержании и форме *Laudatio* таких «дискурсивных доминант», как, с одной стороны, сигналов конвенционального «речевого этикета», а с другой — элокутивных средств авторского красноречия и изобразительности, повышающих степень эмоционально-экспрессивного воздействия текста, определил и две генеральные линии анализа способов формулирования, типичных для этого типа текста. К сигналам «речевого этикета», рассматриваемым в статье, принадлежат формы обращения говорящего к публике и лауреату, а также совокупность средств усиления прагматической активности «субъектной позиции» лауреата — фактического объекта речи. Ораторский «речевой этикет» соблюдается лаудатором и с помощью отодвигания на задний план номинаций и атрибуций собственной персоны. Этому способствуют, среди прочего: цитация реальных высказываний лауреата в форме прямой, несобственно-прямой или косвенной речи; ссылки на его литературно-художественные произведения; высказывания третьих лиц, прямо или опосредованно характеризующие награждаемое лицо.

SPEECH SIGNALS OF THE DISCURSIVE OPENNESS IN GERMAN LAUDATIO TEXTS

Keywords: text type, discursive practice, discursive dominant, ameliorative evaluation, speech etiquette, eloquence.

The article offers an interpretation of compositional speech signals of discursive openness in the *Laudatio* text type, which has a fairly long history in European and German culture as written and oral realization of “praising speech” included into the discourse of Honoring and Awarding. The interpretation is based, first, on the approach to the text type under study as to one of genre and text forms of the epideictic speech known since the ancient rhetoric times. The compositional and meaningful core of this kind of speech is comprised by utterances containing direct or indirect ameliorative evaluation of the honored/awarded person and not so much communicating new information about this person as forming the readers’/audience’s positive attitude towards the person. Second, the modern methods of discourse analysis allow us to treat the *Laudatio* text as one realizing a specific “discursive practice”, namely, social practice of (institutional) honoring. The content and the form of the *Laudatio* is characterized by a combination of such “discursive dominants” as, on the one hand, conventional “speech etiquette” signals and, on the other hand, elocutionary means of the author’s eloquence and figurativeness which increase the emotional and expressive effect of the text. This combination has defined the two main lines of analyzing the way of formulation typical of the given text type. The “speech etiquette” signals considered in the article include the forms of addressing the audience and the laureate (the actual speech object) as well as the complex of means of enhancing the pragmatic activity of the laureate’s “subject position”. The public speaker (*Laudator*) also observes the “speech etiquette” by means of overshadowing the nominations and attributes which refer to the person of the speaker her-/himself. This effect is achieved, among all, by the following means: quoting the laureate’s real utterances in the forms of direct, uttered represented or indirect speech; references to her/his literary works; and third parties’ utterances which characterize the awarded person directly or indirectly.

1. Об истории и эволюции типа текста *Laudatio* в немецкой культуре

Текст *Laudatio*, или *Laudation* (от лат. *laudare* «восхвалять, превозносить»), имеет в европейской и, соответственно, немецкой культуре длительную историю, продолжая оставаться и в наше время общим стандартным обозначением похвальной публичной речи. Подобная речь произносится обычно общественно признанным, авторитетным лицом по случаю присуждения кому-то ученой степени или звания, а также юбилея или награждения с целью

представления публике достижений и достоинств чествуемой или награждаемой персоны. В русской культуре также существует заимствование «лаудация», которое, однако, значительно реже, чем в немецком узусе, используется в качестве обозначения автономного типа текста, заменяясь, как правило, словосочетаниями «приветственная речь», «похвальное слово»¹.

В основе формулирования текста лаудации, уходящего корнями в Античность, лежит так называемая эпидейктическая речь, которая выделялась в риторике Аристотеля наряду с совещательной и судебной речью и понималась как речь, связанная с осмыслением прекрасного и постыдного, добродетели и порока [1, с. 33–41]. В интенциональный план этого вида речи традиционно входят, соответственно, либо похвала, либо порицание, причем не только конкретного — добродетельного или порочного — человека, но и любого другого творения природы или явления из мира людей. При этом убеждающее воздействие на публику любой эпидейктической речи складывается из трех моментов: качества самой речи, нравственности говорящего, настроения и отношения к нему слушателей [1, с. 19–20]. Исходя из вышесказанного, композиционно-смысловой стержень любой эпидейктической речи и, следовательно, текста лаудации как одной из форм ее жанрово-текстовой фиксации составляют высказывания, содержащие прямо или косвенно выраженную мелиоративную либо пейоративную оценку. Суть информации подобных оценочных высказываний состоит не столько в сообщении новых сведений о предмете речи, сколько в формировании у публики соответственно положительного или отрицательного отношения к нему.

К главным особенностям речевых действий автора лаудации как вида эпидейктического текста, фиксируемого в письменной форме и устно воспроизводимого перед публикой, принадлежит далее, с одной стороны, соблюдение определенных правил ораторского речевого этикета, связанных с предписанным общим церемониалом процедуры чествования или награждения лауреатов. С другой стороны, со времен Аристотеля автору лаудации, выступающему в функции оратора, рекомендуется использование «неожиданных суждений и мыслей, которые возбуждают слушателей,

¹ В дальнейшем лексемы *Laudatio* и *лаудация* используются в статье как взаимозаменяемые терминологические обозначения описываемого типа текста.

эмоционально убеждают их, воздействуют на них» [3, с. 19]. А это, в свою очередь, предоставляет речевому субъекту достаточно широкую свободу в творческом выборе риторических и стилистических средств, свидетельствующих о его языковой креативности.

Конвенциональный характер текста *Laudatio* объясняется исторически также и тем, что первоначально он использовался в античности для достаточно ограниченного круга коммуникативных ситуаций: 1) как доброжелательное публичное показание или защитная речь в суде (*laudatio iudicialis*) или 2) как похвальное надгробное слово (*laudatio funebris*). Можно предположить, что говорящий должен был в подобных ситуациях посредством своего выступления создать исключительно положительный образ человека — предмета речи и убедить присутствующих в истинности даваемых положительных оценок. Кроме того, названные коммуникативно-речевые ситуации требовали от говорящего во все времена соблюдения существенных для социума культурных и моральных норм, прагматическая опора на которые повышала бы эффект воздействия его речевого высказывания на слушателей.

Очерченный выше комплекс текстовых характеристик *Laudatio*, созданных традицией, позволяет рассматривать его в логике современного дискурс-анализа как актуализацию определенной «дискурсивной практики», так как он свидетельствует о «предрасположенности членов социума вести себя сходным образом в широком диапазоне ситуаций (на уровне метакоммуникативной рефлексии это выражается фразой «сейчас так принято») [2, с. 31]. Дискурсивная практика, закрепляемая с помощью текстов лаудации, которые формулируются в соответствии с устоявшимися в культурно-историческом и языковом сознании социума нормами и, исходя из этого, содержат в своей композиционно-смысловой структуре ряд определенных «дискурсивных доминант», то есть обязательных коммуникативно-прагматических и лингвостилистических компонентов, «опосредует» на их основе «социальную практику» (корпоративного) чествования (по: [2, с. 27]).

Роль дискурсивных доминант в комплексе традиционных особенностей анализируемого текста играют:

- а) жанрово-речевая (эпидейктическая) «ткань» лаудации;
- б) связанная с ней «пафосная» эмоциональная экспрессивность текстового целого;

- в) очерченный круг коммуникативно-речевых ситуаций, в которых текст создается и в устной форме преподносится публике;
- г) сосредоточенность автора на положительных характеристиках тематического объекта текста.

Сам факт наличия подобных дискурсивных доминант, как и семантика их обозначений, свидетельствуют о том, что формулирование и воспроизводство текстов *Laudatio* не могут не подчиняться, как уже отмечалось, правилам ораторского речевого этикета, конвенционально предписанным общим церемониалом процедуры чествования.

Сказанное выше позволяет, далее, говорить о «дискурсивной открытости» лаудации, то есть о ее функционально-смысловых корреляциях — как с другими текстами церемониала публичного награждения, так и с иными видами риторических текстов, в основе которых также лежит интенция «выражение почтения и/или благодарности» (поздравительное письмо, речь по случаю юбилея и другие). В содержание понятия «дискурсивная открытость» текста *Laudatio* может быть включен и особый характер прагматически «расщепленной» коммуникативно-речевой обращенности лаудатора, с одной стороны, к чествуемому лицу, а с другой — к публике, являющейся обязательной участницей процедуры награждения.

2. Сигналы речевого этикета в структуре текста *Laudatio* и их коммуникативно-прагматические функции

Следование традиционным нормам формулирования и воспроизводства подтверждается наличием в композиции и современных текстов лаудации целого ряда характерных для них «этикетных речевых знаков», или «этикетных формул». Под последними понимаются более или менее устойчивые речевые единицы, принятые в определенных ситуациях речевого общения, прежде всего как средство для установления и поддержания контакта с аудиторией (ср.: [3, с. 313; 5, с. 409–419]). Выполняя в первую очередь функцию вежливости, этикетные речевые формулы одновременно с этим задают характер отношений между оратором и слушателями и настаивают последних на доброжелательное восприятие произносимого текста. Несоблюдение этикетных норм в построении текста

считается нарушением «культуры общения» и «коммуникативной неудачей» или проявлением «бестактности», обозначаемой в риторической традиции как «fauxpas» [7, S. 188 f.].

Роль этикетных речевых знаков в тексте лаудации принадлежит в первую очередь формам приветствия чествуемого лица, а также обращений к нему. Осуществляемый при этом контакт между говорящим (так называемым лаудатором) и лауреатом может иметь два полюса: 1) официально-вежливое отношение, 2) дружеское отношение. Анализ современных немецких текстов *Laudatio* по случаю вручения разнообразных международных и отечественных литературных премий показал, что обращения к чествуемому лицу в абсолютном большинстве случаев построены по формуле: прилагательное *liebe(-r)* + существительное *Herr/Frau* + фамилия («дорогой/-ая + господин/госпожа + фамилия»). Только в двух текстах были обнаружены модификации этой формулы:

1. В речи, посвященной вручению Эриху Кёстнеру премии имени Георга Бюхнера, автор текста лаудации, известный немецкий писатель и журналист Казимир Эдшмид, в течение всего высказывания последовательно (пятикратно) использует форму обращения *Lieber Kästner* («дорогой Кёстнер»). Это обращение согласуется с вежливым местоимением *Sie* («Вы»), что можно считать выражением коллегиальной солидарности и симпатии между двумя литераторами. Подтверждением невозможности для лаудатора выразить «академически серьезное» отношение к Э. Кёстнеру, приличествующее ситуации, служит и весь зачин текста, который построен как риторическая фигура семантико-синтаксической компрессии, дающая в сжатой форме (мелиоративную) оценку квинтэссенции творчества лауреата:

Lieber Kästner,

es ist nichts schwerer, als mit akademischem Ernst über einen Mann zu reden, der durch seinen Charme ebenso wie durch seine delikate dosierten Satiren viele Menschen heiter gestimmt hat. Diese Heiterkeit in Ihrem Werk wird oft missverstanden (DASD).

«Дорогой Кёстнер,

нет ничего труднее, чем с академической серьезностью говорить о человеке, который и своим юмором, и деликатно выстроенными сатирическими текстами приводит в веселое настроение многих

людей. Эта веселость в Вашей литературе часто недопонимается» (здесь и далее перевод мой. — Е. Г.).

2. В тексте *Laudatio* по поводу вручения Штарнбергской литературной премии писательнице Петре Морсбах лаудатор Й. Штрассер дважды — в начале и конце текста — обращается к лауреату в форме *Liebe Petra* («Дорогая Петра»), объясняя дружескую непринужденность обращения, в том числе, собственной близостью к жизни и творчеству героини:

Meine Damen und Herren, liebe Petra!

Es ist das zweite Mal, dass ich eine Laudatio auf Petra Morsbach zu halten habe. Das erste Mal war vor ziemlich genau acht Jahren bei der Verleihung des Marie-Luise-Fleißer-Preises. Die Gründe, sie zu loben, sind inzwischen noch zahlreicher geworden, was die Sache nicht vereinfacht, weil ich mich heute sehr viel kürzer fassen muss als beim ersten Anlass. <...>

Liebe Petra, ich gratuliere Dir herzlich zum Starnberger Literaturpreis (JS).

«Дамы и господа, дорогая Петра!

Сегодня я во второй раз уполномочен произнести похвальную речь в честь Петры Морсбах. В первый раз это произошло приблизительно восемь лет назад по случаю присуждения ей премии Марии Луизы Флейсер. Причины для похвалы лауреата стало еще больше, что не облегчает моей задачи, так как сегодня я должен говорить гораздо более кратко, чем в первом случае. <...>

Дорогая Петра, я сердечно поздравляю тебя с присуждением Штарнбергской литературной премии».

Как видим, второй текст начинается официально-вежливым обращением к публике и продолжается более интимным апеллятивом к лауреату, что свидетельствует об избирательном подходе автора текста к этикетным нормам лаудации и об эмоционально-экспрессивных коннотациях текстового смысла уже в его зачине.

К этикетным нормам текста лаудации можно отнести и особый, задаваемый традицией, характер выстраивания в нем субъектно-объектных прагматических и коммуникативно-речевых отношений. Искусный лаудатор, являясь субъектом речевого действия в виде создаваемого текста, должен быть стратегически настроен на усиление в композиции текста прагматической активности «субъектной позиции» чествуемого лица, хотя тот и является для него формально (тематическим) объектом речи, и отодвигать на за-

дний план композиционно-смыслового построения текста номинацию и атрибуцию собственной персоны. Интенция высказываний от 1-го лица лаудатора, если таковые присутствуют в тексте, всегда состоит в том, чтобы сделать смысловой и эмоциональный акцент — исходя из личного (персонального или читательского) переживания, связанного с лауреатом, — на какой-то важный момент биографии и/или творчества последнего.

Так, в *Laudatio* по поводу вручения 3 сентября 2018 года премии имени Франка Ширмахера Даниэлю Кельману президент ФРГ Ф. В. Штайнмайер подробно рассказывает о своей первой встрече с писателем, которого он считал после восторженного прочтения романа *Die Vermessung der Welt* («Измеряя мир») знатоком и опытным путешественником по Южной Америке. Вставной нарратив о знакомстве с Даниэлем Кельманом имеет форму «анекдота» — не в том значении слова, в котором оно используется сегодня в русской культуре, — а в понимании его как короткой, часто остроумной, истории об известном человеке [6, S. 66]. Как и всякий анекдот, история, которую рассказывает президент, интересна и занимательна. Она имеет и собственный «пуант» (неожиданную развязку), заключенный в краткой реплике из прямой речи виновника торжества. Но главный смысл рассказываемой истории знакомства с лауреатом и интенция лаудатора состоят в том, чтобы подчеркнуть с ее помощью незаурядность природы и таланта Д. Кельмана, а также глубину и значительность его прозы:

Ich kenne ihn seit vielen Jahren, genau seit 2006. Ich weiß das wie heute, weil ich damals — als gerade frisch ins Amt gekommener Außenminister — vor meiner ersten Lateinamerikareise stand. Und ich suchte nach Rat und Expertise, kurzum: nach jemandem, der sich auf diesem südamerikanischen Kontinent auskannte. Gerade hatte ich mit Begeisterung „Die Vermessung der Welt“ gelesen und hatte ihn gefunden, den Kenner und langerfahrenen Südamerikareisenden Daniel Kehlmann. Ich ließ anfragen und er sagte tatsächlich zu, mitzureisen. Das erste Mal trafen wir beim Abflug in der Flugzeugkabine zusammen. Meine Freude war riesengroß, ich dankte ihm herzlich und gestand, dies — obwohl Außenminister — sei meine erste Reise nach Südamerika. Darauf er ganz trocken: ‘Meine auch!’ Das war natürlich ein kleiner Schock. Aber auch eine Lehre über die große Empathie und Phantasie eines außergewöhnlichen Schriftstellers. Und meinen ohnehin schon großen Respekt vor ihm hat es noch gesteigert (DBP).

«Я знаю его много лет, если быть совсем точным — с 2006 года. Хорошо помню, как произошло наше знакомство, так как я, незадолго до того вступив в должность министра иностранных дел, должен был впервые посетить Латинскую Америку. И я искал советчика и эксперта, короче, кого-то, кто хорошо знал этот южноамериканский континент. Я только что с восторгом прочитал „Измеряя мир“ и подумал про себя: „Вот он, знаток и опытный путешественник по Южной Америке — Даниэль Кельман“. Я поручил обратиться к нему, и он согласился сопровождать меня. В первый раз мы встретились прямо перед вылетом в кабине самолета. Я был очень рад нашей встрече, поблагодарил сердечно за согласие принять участие в поездке и сознался, что — хоть и являюсь министром иностранных дел — впервые лечу в Южную Америку. На это он сухо ответил: „Я тоже!“ Конечно, это был шок для меня, но, одновременно, и осознание того, насколько велики эмпатия и сила воображения у этого незаурядного писателя, что увеличило мое, и до того большое, уважение к нему».

Описываемая прагматическая «переориентация» субъектно-объектных отношений в тексте осуществляется, помимо уже упомянутых ранее положительных оценок персоны и творчества лауреата и цитации его реальных высказываний в форме прямой, несобственно-прямой или косвенной речи, с помощью ссылок на созданные им литературно-художественные произведения, а также высказываний третьих лиц, прямо или опосредованно характеризующих награждаемое лицо. Так, в интерпретируемой речи Ф. В. Штайнмайера неоднократно появляются реминисценции, связывающие Д. Кельмана с другими широко известными в немецкой и европейской культуре литераторами. Благодаря этому весь текст оказывается пронизанным риторическими фигурами сопоставления, а это, в свою очередь, углубляет историко-культурный контекст речи *Laudatio*:

- (1) *Er ist ein gelehrter Dichter, ein poeta doctus, wie Walter Jens gesagt hätte. Er möchte in der intellektuellen Auseinandersetzung selber klüger werden und macht genau deshalb wieder seine Gesprächspartner klüger (DBP).*

«Он поэт-ученый, poeta doctus, как сказал бы Вальтер Йенс. Он хочет через интеллектуальную дискуссию сам стать умнее, и именно поэтому делает умнее своих собеседников».

- (1) *Günter Grass hat sein „Treffen in Telgte“ mit einer Sentenz eröffnet, die auch für Daniel Kehlmann und seinen „Tyll“ gelten kann: ‘Gestern wird sein, was morgen gewesen ist.’ (DBP).*

«Гюнтер Грасс начал свой роман „Встреча в Тельgte“ сентенцией, которая справедлива и по отношению к Даниэлю Кельману и его „Тиллю“: „Вчера будет таким, каким было завтра“».

Манфред Остен, автор текста *Laudatio*, посвященного вручению литературной премии фонда Конрада Аденауэра известному немецкому поэту Вульффу Кирстену, строит практически всю речь на достаточно объемных цитатах из стихотворений поэта, заканчивая и свой текст поэтическим шестистишием лауреата. Лаудатор соединяет фрагменты стихотворений в смысловой композиции текста краткими тематическими «скрепами» в форме словосочетаний, которые также представляют собой «свернутые» цитаты из высказываний В. Кирстена или его стихов. Такие рассредоточенные по тексту цитатные вкрапления знакомят публику с основными лейтмотивами в поэзии В. Кирстена и сгущают смысл других, объемных (в одну-две строфы) поэтических цитат. К ним относятся, например, цитаты-словосочетания: *das ‘schändliche Vergessen’* («постыдное забывание»), *dieses ‘schnödevergessen’* («это „презренное забывание“»), *der ‘dingetotesgedächtnis’*² («мертвая память вещей»). Кроме того, все цитаты можно рассматривать как пошаговое смысловое декодирование заголовка текста лаудации: *Erinnerte Gegenwart und lyrisches Gedächtnis bei Wulf Kirsten* («Вспоминаемое настоящее и лирическая память у Вульфа Кирстена»), который является компримированной аллюзией, соотнесенной со смыслом всей поэзии лауреата. Например:

Wenn wir heute Wulf Kirsten ehren, so ehren wir in ihm einen Dichter, der mit verstörender Konsequenz immer wieder den verborgensten und sublimsten Quellgrund der Lüge hörbar und sichtbar werden lässt. Es ist dies freilich ein besonders tiefer und leise rauschender Quellgrund. Und es ist ein Quellgrund, den wir heute immer weniger wahrnehmen. Wulf Kirsten hat ihn bezeichnet als das „schändliche Vergessen“.

Ein abgründiges Wort. Denn es ist bei Wulf Kirsten verschränkt mit dem Ende aller Humanität. Das heißt, Wulf Kirsten hat es früh und hellsichtig erkannt: wo das Gedächtnis schwindet, beginnt die Barbarei (KAS).

² Орфография оригинального текста.

«Чествуя сегодня Вульфа Кирстена, мы чествуем поэта, который с паразитическим постоянством помогает нам увидеть и услышать самый скрытый и незаметный источник лжи. Это, действительно, самый глубокий и самый неслышимый источник. И это тот источник лжи, который мы сегодня все меньше воспринимаем. Вульф Кирстен назвал его „постыдным забыванием“.

Слово-пропасть. Потому что у Вульфа Кирстена оно перекликается с концом всякой гуманности. Это значит, что Вульф Кирстен рано и с полной ясностью осознал: там, где исчезает память, начинается жестокость».

Как видим, смысловым ядром приведенного отрывка лаудации (и далее) является «скрытая косвенная речь» с цитированием только самой значимой части слов В. Кирстена *das schändliche Vergessen* («постыдное забывание»). Подобный способ передачи речи помогает лаудатору встроить в собственные оценочные суждения о творчестве поэта фрагмент из его речи, минимальный в аспекте синтаксиса, но значительный для главной темы выступления, сформулированной в его заголовке.

Профессор Эберхард Леммерт, автор другого текста *Laudatio*, написанного и произнесенного по случаю присуждения звания почетного доктора Берлинского свободного университета Гюнтеру Грассу, также идет в большинстве случаев по пути максимальной компрессии и структурно-семантической ассимиляции цитируемых слов писателя с собственными высказываниями. За счет структурного подчинения слов Г. Грасса «авторскому слову» они приобретают в контексте речи лаудатора смысл риторических аргументов, доказывающих справедливость суждений лауреата:

Günter Grass, für den ich hier zu sprechen habe, hat allerdings bereits mit dem ersten Satz einer Vorlesung über 'Schreiben nach Auschwitz' seine Frankfurter Studenten am eigenen Beispiel davor gewarnt, 'zwischen Widersprüchen sesshaft' zu werden. Mit wenigen Strichen zeichnet Grass dort vor einer Generation die extremen Bedingungen, unter denen seine Generation sich zurechtzufinden hatte (GW).

«Гюнтер Грасс, которому посвящено мое сегодняшнее выступление, уже в первом предложении своей лекции о „Литературе после Освенцима“ на собственном примере предупреждал франкфуртских студентов об опасности „застрять между противоречиями“. В этой лекции Грасс несколькими штрихами рисует молодому поколению

картину экстремальных условий, при которых его поколение должно было найти свое место в жизни».

Приведенные выше примеры показывают, что — независимо от способа передачи «чужого слова» (слов самого лауреата или третьих лиц) — в прагматическом плане оно всегда вводится в «авторское слово» лаудатора с целью аргументирования комплиментарного смысла текстового целого и углубления его культурно-исторического контекста.

3. Дискурсивные функции элокутивных средств красноречия и образительности в тексте *Laudatio*

Конвенциональные требования, предъявляемые к тексту лаудации, не исключают, однако, как уже отмечалось выше, использование индивидуально-стилистических средств, мотивируемых желанием автора создать оригинальное по мысли и форме высказывание и повысить его риторическую выразительность, соответствующую торжественности коммуникативно-речевой ситуации и ожиданиям публики. Автор должен, с одной стороны, владеть знанием о конвенциональных правилах построения этого типа текста, а с другой — «уметь играть с ними, сознательно нарушать их, обогащать личными интонациями и, может быть, даже создавать новые, которые станут ориентиром для других»³. Игра эта обусловлена прежде всего потребностью автора текста в привлечении внимания и воздействии, не в последнюю очередь эстетическом, на публику. Лаудатор осознает, что и чествуемый лауреат, и остальные слушатели хотят получить удовольствие от обращенной к ним речи, поэтому он не может не учитывать при ее формулировании «красоту» и образительность языкового выражения, его наглядность и эмоциональную экспрессивность, которые рождаются благодаря необычному, креативному, использованию языковых единиц и оригинальному построению текста.

К сигналам авторской креативности, наиболее часто встречающимся в композиции и архитектонике *Laudatio*, принадлежат в первую очередь тропы и риторические фигуры речи (некоторые из

³ «...um so dann mit ihnen spielen zu können, bewusst von ihnen abzuweichen, sie um einen persönlichen Akzent zu bereichern, vielleicht sogar neue zu schaffen, die für andere einen Orientierungsrahmen anbieten» [7, S. 186].

них уже упоминались выше). Тематически они всегда связаны либо с оценкой самой персоны лауреата, либо с каким-то ярким моментом его творчества или биографии и употребляются как в прямых обращениях к чествуемому лицу, так и в высказываниях, представляющих его с разных сторон публике.

Так, К. Эдшмид продолжает цитированное выше обращение к Эриху Кёстнеру следующими предложениями:

Sie benutzen das Humorige nur so, wie die Chemie sich gelegentlich bestimmter Hilfsstoffe bedient, um ein hochmolekulares Ergebnis zu erreichen. Humor ist das Souterrain des Gebäudes, in dessen Höhe sich die Dachgärten der Heiterkeit erst entfalten. Heiterkeit ist der Weisheit benachbart, nichtder Komik (DASD).

«Вы прибегаете к юмору так же, как химия при необходимости использует вспомогательные вещества, для того чтобы получить высокомолекулярные соединения. Юмор — это подвал здания, на крыше которого только и расцветают цветники веселости. Веселость — соседка мудрости, а не комизма».

Как видим, лаудатор характеризует юмор и веселость Кёстнера с помощью развернутой метафоры-олицетворения, которой предшествует метафорическое сравнение. Эта метафора срastaется с риторической фигурой парадокса (*Humor ist das Souterrain des Gebäudes, in dessen Höhe sich die Dachgärten der Heiterkeit erst entfalten*), которая, в свою очередь, семантически и прагматически проецируется на ранее сказанную фразу: *Diese Heiterkeit in Ihrem Werk wird oft mißverstanden*.

Похожие метафоры и образные сравнения Кёстнера с другими известными поэтами Германии, включая и Георга Бюхнера, премия имени которого вручается писателю, рассеяны по всему тексту. Они помогают слушателям и читателям текста лаудации понять сущность творчества Э. Кёстнера и оценить степень его влияния на мировой литературно-исторический и культурный дискурс:

An Ihren Büchern lernen die Kinder in den Schulen Schwedens und Amerikas die deutsche Sprache. Schon dadurch haben Sie mehr als hundert heutige patriotische Uhlande für Ihr Vaterland getan. Daß Sie dabei kein Bayrischer Hirtenknabe und kein Tiroler Jodler sind, wem soll man das noch erklären? Wenn man Sie im literarischen Raum suchen wollte, so fände man

Sie wahrscheinlich in der Nähe von Heinrich Heine, einer Vogelart zugehörig, die selten über die Landstriche Deutschlands zieht und deren heiterer Gesang nicht vergessen lässt, daß hinter ihm ein Vorhang von Tränen steht (DASD).

«По Вашим книгам дети в школах Швеции и Америки учат немецкий язык. Уже поэтому Вы сделали для Вашей отчизны больше, чем сотня нынешних патриотических Уландов. Нужно ли при этом кому-то объяснять, что Вы не баварский пастушок и не тирольский йодлер? Если же попытаться определить Ваше место в литературном пространстве, то, наверное, Вас можно найти поблизости от Генриха Гейне, так как Вы принадлежите к той породе птиц, которые редко летают над землями Германии и чье веселое пение не дает забыть, что за ним стоит завеса слез».

Приведенный отрывок текста содержит, помимо ироничной антономасии *hundert heutige patriotische Uhlande*, представляющей собой часть фигуры сравнения, две метонимии *kein Bayerischer Hirtenknabe und kein Tiroler Jodler* в составе риторического вопроса, а также развернутую метафору-сравнение, объединяющую двух поэтов Германии, в «веселом» творчестве которых слышится плач (вновь фигура парадокса).

Можно было бы привести много других примеров креативности авторов лаудаций в выборе элокутивных средств, семантика и место которых в системе средств орнаментальности и изобразительности текста различны. Вне зависимости от этого можно утверждать, что фигуры креативного красноречия, так же как и этикетные речевые сигналы, принадлежат к текстовым элементам *Laudatio*, также свидетельствующим о дискурсивной открытости этого вида текста. С их помощью создается неповторимый «модус формулирования», вытекающий из особенностей речевого поведения и индивидуального стиля языковой личности лаудатора и, одновременно с этим, подчиняющийся нормам речевого общения с лауреатом и публикой, принятым в процедуре награждения как особом виде дискурсивной практики.

4. Текстовая позиция *Laudatio* в дискурсе процедуры награждения

Реализуя комплексный речевой акт, требующий как предварительной (мысленной и психологической) подготовки определенного (предписанного) содержания и языковой формы высказывания, так и его публичной устной реализации, лаудация, в свою очередь, включается в регламентированную коммуникативно-речевую процедуру (дискурсивную практику) «Чествование» или «Официальное награждение». Названная процедура представляет собой конвенциональную консеквентную последовательность нескольких (автономных) комплексных речевых актов, ситуационно-тематическое и коммуникативно-прагматическое единство которых создает особый вид дискурса. Как правило, процедура открывается: 1) торжественным приветствием и/или обращением к публике официального/-ых лиц/-а, затем следуют: 2) *Laudatio*, 3) собственно вручение премии и 4) ответная речь-благодарность награждаемого лица.

Каждый из комплексных речевых актов является развернутым риторическим высказыванием (текстом) отдельного автора, отличающимся своей интенциональной установкой от других речевых актов процедуры награждения. При этом лаудация и ответная речь лауреата наиболее близки друг другу по иллокутивной цели, поскольку в них находят интенсивное выражение чувства говорящего (в первом случае лаудатора, во втором — лауреата), связанные с установкой на выражение благодарности и признательности. Объединяет их и схожесть перлокутивной цели — вызвать положительную реакцию и одобрение публики, пассивного, но от этого не менее значимого адресата обоих текстов, которые являются коммуникативно-прагматическими центрами в дискурсивном пространстве официального чествования.

Следует отметить и то, что, принадлежа к общему дискурсу, все (комплексные) речевые акты, формирующие его, опираются в своей основе на три базовые риторические категории, выделенные в свое время Аристотелем. Категория *этоса* находит свое отражение в уместности и уважительном характере речи участников официальной процедуры, а также в ее соответствии нравственным ожиданиям присутствующих, осознаваемом говорящими. *Пафос* изначально окрашивает замысел создателя каждой речи, который

свидетельствует о положительном отношении говорящего к лауреату и оценочной позиции по отношению к чествуемому лицу, солидарной с другими выступающими. *Логос* связан с выбором и комбинацией в речи языковых средств, которые соответствуют торжественности ситуации и повышают убедительность логики и оценок автора, а также создают у публики впечатление «красоты» речи выступающего (ср.: [4, с. 11]).

Кроме того, отдельные речевые акты конвенционального дискурса «Официальное награждение», включая и рассматриваемый акт лаудации, объединены между собой на уровне текста унисонным «стилистическим регистром», для которого характерно слияние торжественно-возвышенного и проникновенно-разговорного тона высказываний, что подтверждают вышеприведенные примеры.

Таким образом, интерпретация композиционно-смысловой и архитектурной структуры современных немецкоязычных текстов *Laudatio* позволила выделить ряд дифференциальных коммуникативно-прагматических и лингвистических признаков этого вида текстов, являющихся сигналами его «дискурсивной открытости». К подобным признакам принадлежит прежде всего актуализация в текстовой структуре абсолютной мелиоративной оценки отдельных (сознательно отбираемых автором) сторон тематического объекта текста — персоны лауреата, играющая роль общего прагматического акцента текста. Эта оценка сопровождается такие «дискурсивные доминанты» текста лаудации, как этикетные формулы обращений к чествуемому лицу и к публике; речевые сигналы усиления «субъектной позиции» лауреата, как то: перечисление его личных качеств, действий и произведений, цитирование высказываний лауреата, а также его произведений и мнений о нем третьих лиц; индивидуально-стилевые орнаментальные речевые средства. Совокупность названных речевых сигналов обуславливает коммуникативно-прагматический статус лаудации как социально устойчивой «дискурсивной практики», реализуемой на основе существующих в культурно-историческом национальном сознании немцев норм коммуникативно-речевой организации публичных актов чествования, а также проецируемой на тексты, которые имеют сходные тематические и прагматические установки (поздравление с юбилеем, текст-благодарность, письмо-поздравление и другие). Дальнейшее изучение подобных текстов с позиций дискурс-анализа представляет несомненный интерес не только

для лингвистики и стилистики текста, но и для лингвопрагматики, а также теории речевой коммуникации.

Источники иллюстративного материала и сокращения к ним

DASD — <https://deutscheakademie.de/de/auszeichnungen/georg-buechner-preis/erich-kaestner/laudatio> (дата обращения: 30.10.2018).

DBP — <http://bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Frank-Walter-Steinmeier/Reden/2018/09/180903-Schirmacherpreis-Kehlmann.html> (дата обращения: 22.10.2018).

GW — http://www.geisteswissenschaften.fu-berlin.de/fachbereich/ehrenpromotionen/grass_kertesz/laudatio_laemmert/index.html (дата обращения: 22.10.2018).

JS — https://www.lk-Starnberg.de/media/custom/613_10080_1.PDF?1260196806 (дата обращения: 18.10.2018).

KAS — https://www.kas.de/documents/252038/253252/7_dokument_dok_pdf_7788_1.pdf/f7f3e6ff-d758-059c-9e19-eb99d00bba3c?version=1.0&t=1539665634344 (дата обращения: 18.10.2018).

Литература

1. Античные риторики / ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. 352 с.
2. *Иссерс, О. С.* Дискурсивные практики нашего времени. 2-е изд., испр. М.: Ленанд, 2015. 272 с.
3. *Кохтев, Н. Н.* Основы ораторской речи. М.: Флинта; Наука, 2012. 328 с.
4. *Львов, М. Р.* Риторика. Культура речи. М.: Академия, 2004. 272 с.
5. *Формановская Н. И.* Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: ИКАР, 2007. 480 с.
6. Das Fremdwörterbuch. 9., aktualisierte Aufl. / hrsg. von der Dudenredaktion. Bd. 5. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2007. 1104 S.
7. *Mayer, H.* Rhetorische Kompetenz. Grundlagen und Anwendung. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2007. 241 S.

References

1. *Antique Rhetoric*, ed. by A. A. Takho-Godi. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta Publ., 1978, 352 p. (In Russian)
2. *Issers, O. S. Discursive Practices Nowadays*, 2nd ed., revis. Moscow, Lenand Publ., 2015, 272 p.

3. Kokhtev, N. N. *Basics of Oratory*. Moscow, Flinta Publ.; Nauka Publ., 2012. 328 p. (In Russian)
4. Lvov, M. R. *Rhetoric. A Culture of Speech*. Moscow, Academiai Publ., 2004, 272 p. (In Russian)
5. Formanovskaia, N. I. *Speech Interaction: Communication and Pragmatics*. Moscow, IKAR Publ., 2007, 480 p.
6. *Das Fremdwörterbuch*, 9th ed., updated, ed. by Dudenredaktion, vol. 5. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, Dudenverlag, 2007, 1104 p.
7. Mayer, H. *Rhetorische Kompetenz. Grundlagen und Anwendung*. Paderborn, Ferdinand Schöningh, 2007, 241 p.

Гончарова Евгения Александровна

профессор кафедры немецкой филологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48

Evgenia A. Goncharova

Full Professor of the German Philology Department,
Herzen State Pedagogical University of Russia, Doctor of Philological Sciences
Address: 48, Moika emb., Saint-Petersburg, 191186, Russian Federation

E-mail: eagon@rambler.ru

ДИАЛОГИЧНОСТЬ КАК ДОМИНАНТНАЯ КАТЕГОРИЯ ТЕКСТОВ НАУЧНОГО ДИСКУРСА

Ключевые слова: диалог, монолог, диалогизация, научный дискурс, стратегия воздействия, языковые средства диалогизации.

В статье обсуждается одна из важнейших текстовых категорий научного дискурса — категория диалогичности. Научный текст совмещает в контаминированной форме признаки монологической и диалогической речи, поэтому представляет особый исследовательский интерес. Коммуникативно-прагматический, антропоориентированный и дискурсивный подходы к описанию языковых феноменов дают дополнительную возможность принципиально расширить исследовательские горизонты, методологический арсенал и систему теоретических понятий, проецируемых на текстовый материал. В результате такого подхода речевой материал обсуждается с точки зрения пронизывающих его коммуникативных категорий. Для текстов научного дискурса важнейшей категорией выступает категория диалогичности. Также в текстовом пространстве реализуются релевантные для научной коммуникации прагматические установки и действия, а именно: аргументация выводов и обобщений, сознательное управление вниманием адресата, метатекстовое комментирование, модальность истинностной оценки и формулирование гипотез, дискретизация подаваемой информации. На эмпирическом материале современного немецкого языка обсуждаются вербальные средства и коммуникативные стратегии эксплицитного проявления диалогичности и названных прагматических установок в текстах научного дискурса — лингвистических статьях, опубликованных в специализированных изданиях. Наблюдается широкое разнообразие использованных языковых средств, что иллюстрируется многочисленными текстовыми примерами. Задействованными оказываются разноплановые языковые средства, но в рамках статьи акцент делается на системном описании лексического инструментария, его семантических характеристик и коммуникативного потенциала. В результате выявляются механизмы языковой репрезентации когнитивно-логических операций, необходимых в процессе исследования и представления его результатов научному сообществу. К таким операциям относятся следующие: констатирование, обобщение, сепарация, противопоставление, сопоставление, отсылка к авторитетам, дистанцирование, истинностная оценка, критика, уточнение, пояснение.

M. N. DMITRIEVA
Saint Petersburg State University

DIALOGIC AS THE DOMINANT CATEGORY OF SCIENTIFIC DISCOURSE TEXTS

Keywords: dialogue, monologue, dialogism, scientific discourse, communicative strategy, linguistic means of dialogicity.

The article discusses one of the most important text categories of scientific discourse — the category of dialogicity. The scientific text combines the features of monological and dialogical speech in the contaminated form, therefore it is of special research interest. Pragmatic, anthropocentric and discursive approaches to the description of linguistic phenomena provide an additional opportunity to expand the research horizons, methodological devices and system of theoretical concepts projected on the text material. As a result of this approach, the speech material is discussed from the communicative point of view. For the texts of scientific discourse the most important category is the category of dialogicity. Pragmatic attitudes and subject action that are relevant for scientific communication are realized in the text space, namely: argumentation in the sphere of rational influence, conscious control of attention of the addressee, metatext comments, modal truth-evaluation, formulation of hypotheses, discretization of the submitted information. On the basis of the empirical material of the modern German language verbal means and communicative strategies of explicit manifestation of dialogicality and named pragmatic attitudes in the texts of scientific discourse — linguistic articles published in specialized publications are discussed. There is a wide variety of language tools used, which is illustrated by numerous text examples. Involved are diverse linguistic means, but in the article the emphasis is on a systematic description of the lexical tools, semantic features and communicative potential. As a result, the mechanisms of language representation of cognitive operations necessary in the process of research and presentation of its results to the scientific community are revealed. These operations include the following categories: identification, synthesis, separation, juxtaposition, comparison, reference to authority, and distancing, the result evaluation, criticism, clarification, clarification.

1. Вступление. Дискурсивное пространство научного текста

Прагматический и антропоориентированный подходы, господствующие в парадигме современных лингвистических исследований, дают возможность разноаспектного восприятия языковой действительности как совокупности фактов и явлений результатов познавательной и речевой деятельности человека. К наиболее значимым прагматическим характеристикам текстов научного дискурса относятся, среди прочих, следующие: аргументативность, ассертивность научного нарратива, адресатно-ориентированность, модусы истинности и гипотетичности. Многоаспектность коммуникации в сфере профессионального общения схематично представлена Т. Рёлке. Схема, предложенная им [9, S. 13], отражает системно-лингвистический, прагмалингвистический и когнитивно-лингвистический подходы к систематизации и описанию научной коммуникации. Важнейшим компонентом схемы выступает оппозиция «Text — Antwort» («текст — ответ»). В результате такого

подхода во главу угла ставятся «коммуникативные отношения, при которых создаются и воспринимаются специальные тексты»¹.

Среди других характерных признаков научной коммуникации можно назвать структурированность научного общения и его подчиненность четким правилам и канонам. В немецкоязычной лингвистике текста такую воспроизводимость структур называют «текстотипологической интертекстуальностью» («texttypologische Intertextualität») [7]. Г. Грефен пишет буквально следующее: «Можно говорить о некой прототипической макроструктуре или макроструктуре типа текста. В лингвистике текста для этого часто используется также термин „текстотипологическая интертекстуальность“»². Причем правила построения научных текстов сохраняют константность и в диахронической перспективе, что позволяет ответить утвердительно на поставленный Б.-М. Шустер вопрос в заголовке статьи «Kann und soll man Textmusterwandel systemtheoretisch erklären?» (букв.: «Можно ли и следует ли объяснять вариативность типов текста с точки зрения системно-теоретического подхода?») [10, S. 43], посвященной обсуждению немецкоязычных медицинских специальных текстов XIX столетия.

2. Монологическая и диалогическая речь. Понятие диалогизации

Лингвистическое описание монолога и диалога как двух важнейших базовых форм коммуникации осуществляется путем выделения для каждой из них характерных черт. Проблема монологизма/диалогизма является одной из ключевых в современной лингвистике и обсуждается многими авторами. В частности, А. И. Варшавская систематизирует основные черты диалогической речи в 10 группах признаков, среди которых названы участие в диалоге двух и более лиц, общность темы, ожидание ответа и другие (см.: [2, с. 24–48]). Но данные признаки, спроецированные на монологическую речь, также оказываются во

¹ «...die kommunikativen Verhältnisse, unter denen Fachtexte produziert und rezipiert werden» [9, S. 14]. Перевод здесь и далее мой. — М. Д.

² «Man kann <...> von einer *prototypischen Makrostruktur* oder *Textsorten-Makrostruktur* sprechen. In der Textlinguistik verwendet man dafür häufig auch den Terminus *texttypologische Intertextualität*» [7, S. 201–202].

многим релевантными. Как известно, обе формы являются адресатоориентированными и в равной степени служат целям достижения взаимопонимания между участниками интеракции. Таким образом, эти две формы речевой деятельности обладают общими признаками, и в коммуникативном плане строго очертить четкую границу между ними не представляется возможным, поэтому для их теоретического описания предлагается использовать понятие **диалогизации**.

Диалогизация подразумевает, что «автор традиционного монологического произведения, такого как научная статья <...> превращает свой текст в реплику в диалоге с читателем. Для этого используются различные средства» [1, с. 28]. Анализируя приведенную цитату, следует обратить внимание как минимум на два важных момента. Во-первых, акцентируется диалогическая природа научного текста. Во-вторых, важно упоминание языковых средств, типичных маркеров проявления диалогичности, о которых речь пойдет ниже.

В своей работе Е. И. Варгина на языковом материале художественных и утилитарных текстов приводит интересные эмпирические наблюдения и теоретические обобщения о разграничении и взаимопроникновении этих двух важнейших форм коммуникации. Автор обсуждает принципы иерархического и неиерархического общения, понятия адресованности, псевдиалога, принципы отбора аргументов и другие релевантные для диалогической и монологической речи категории, которые во многом выступают доминантными характеристиками научной письменной коммуникации.

Таким образом, языковая действительность отражает одну из базовых психологических поведенческих характеристик человеческой личности: стремление человека к взаимодействию с окружающей социальной действительностью, в том числе и посредством текстов. Цитата Э. Косериу дополнительно подтверждает тезис о взаимонаправленности вербальных действий каждой языковой личности: «Одно из „обстоятельств“ говорения — и самое важное — это, конечно, наличие слушающего» [3, с. 52].

Перейдем далее к обсуждению эксплицитного проявления категории диалогичности в языковом материале текстов научного дискурса — научных лингвистических статьях.

3. Языковые средства диалогизации

Если говорить о языковых средствах, с помощью которых реализуется авторская стратегия диалогизации, то в центре внимания оказываются разные языковые единицы и структуры, а прежде всего — глаголы речи, глаголы умственной активности, модальные компоненты (преимущественно эпистемической семантики), вопросительные и императивные предложения в составе монологических высказываний и другие. На материале научных лингвистических текстов некоторые из названных языковых средств, в частности вопросительные и императивные структуры, подробно анализируются в работах С. Т. Нефёдова [5; 6; 8]. Обращаясь к литературно-художественной коммуникации, Нефёдов выявляет механизмы текстового функционирования модально-эпистемических слов как маркеров авторской/персонажной позиции в опоре на языковой материал, собранный из некоторых произведений классиков немецкой литературы: Франка, Гессе, Цвейга и Фриша. Он приходит к выводу о том, что определяющим фактором употребления для того или иного маркера являются коммуникативно-прагматические причины, побуждающие автора через посредничество повествователя/персонажа эксплицировать свою позицию относительно степени достоверности сообщаемого и брать на себя за это полную или частичную ответственность [4].

Помимо названных языковых маркеров интеракции, важную роль играют личные и притяжательные местоимения, ментальные и (очень редко в научной письменной речи) эмоциональные предикаты, оценочные компоненты и другие.

4. Эмпирический материал и методы его анализа

Обобщенные выше теоретические подходы к описанию текстов научного дискурса в проекции на эмпирический материал современного немецкого языка позволяют сделать следующие наблюдения и выводы.

В качестве эмпирической базы были взяты немецкоязычные лингвистические статьи, опубликованные в специализированном научном журнале *Zeitschrift für germanistische Linguistik* за период с 2010 по 2015 год. Методом сплошного отбора было исследовано около 200 машинописных страниц текста, в результате чего вы-

явлено около 200 коммуникативных блоков, содержащих прямое и косвенное цитирование научных трудов других авторов. Также принимались во внимание принципы макроструктурной организации текста научной статьи и их вербальная реализация.

Языковое воплощение текстотипологической интертекстуальности можно проиллюстрировать, кратко рассмотрев общую логическую структуру научной статьи. Следующие примеры метатекстовых комментариев ((1)–(6)) взяты из работы Э. Топалович и Б. Ульма, посвященной проблемам лингвистики литературного нарратива (VI, S. 27–31):

- (1) *Ein Blick in jüngere... Beiträge.* — «Изучение предшествующих... статей»;
- (2) *...wird beschrieben.* — «...описывается»;
- (3) *Unser Ziel ist also zu zeigen...* — «Таким образом, наша цель — показать...»;
- (4) *Zunächst sind es also...* — «Таким образом, прежде всего это...»;
- (5) *Angemerkt sei an dieser Stelle...* — «В этом месте следует заметить...»;
- (6) *Zusammenfassend muss an dieser Stelle also festgehalten werden...* — «Подводя итог, в этом месте следует придерживаться...».

И для сравнения приведем текстовые фрагменты из научной статьи М. Лемке и А. Штульпе о тексте и социальной реальности (III):

- (7) *Im einleitenden Text...* — «В тексте Введения...»;
- (8) *Demgegenüber...* — «В противовес этому...»;
- (9) *Beispielhaft...* — «В качестве примера...»;
- (10) *Als Zwischenergebnis...* — «В качестве промежуточного вывода...»;
- (11) *Die vorgestellten theoretischen Ansätze...* — «Представленные теоретические предпосылки...»;
- (12) *So können... berücksichtigt werden* — «Так, можно принять во внимание...».

В примерах можно наблюдать вербализацию разноплановых логико-когнитивных операций, которые включают научно-исследовательское описание: введение в проблематику и фиксацию состояния исследования — примеры (1), (2), (7); целеполагание — (3); акцентирование внимания реципиента — (4), (5); обобщение полученных результатов — (6), (10), (12). Даже при таком кратком

сопоставлении этих двух научных статей наблюдается «параллельность» в их макроструктурной организации, то есть схожий порядок следования когнитивных операций авторов и сходная последовательность в манифестации композиционно-текстовых блоков в процессе развертывания научной аргументации.

Переходя к анализу непосредственно семантики используемых в научном текстово-дискурсивном пространстве предикатов, можно выделить их следующие группы. Одну из количественно наиболее значительных группировок составляют так называемые «нейтральные» предикаты, содержащие глаголы говорения широкой семантики. Их дискурсивно-текстовое функционирование можно наблюдать в следующих примерах ((13)–(17)):

- (13) *Ähnlich schreibt Frege hinsichtlich seines Beispielsatzes* (I, S. 282). — «Сходным образом **описывает** свой иллюстративный пример Фреге»;
- (14) *Dorothy Edgington schreibt...* (I, S. 287). — «Дороти Эджингтон **пишет...**»;
- (15) *Im Detail lassen sich die Fehler folgendermassen beschreiben und zu Gruppen ordnen: (a), (b), (c), (d)* (II, S. 209). — «Более детально ошибки **можно описать и классифицировать** по группам следующим образом: (a), (b), (c), (d)»;
- (16) *Seine Ausführungen leitet er dabei in Zelle 12 mit dem Ausdruck ja ein* (V, S. 129). — «При этом свои высказывания он **вводит** в ячейке 12 с помощью частицы *da*»;
- (17) *Thurmair schreibt bezüglich des Merkmals des Interesses* (IV, S. 363). — «Турмаир в отношении признака интереса **пишет** [следующее]».

В некоторых случаях наряду с нейтральным обозначением акта говорения реализуется модальность потенциальности, выраженная глагольной лексемой *sich lassen* ‘позволять’.

Когнитивные предикаты логических операций также имеют важное значение: они описывают различные речемыслительные процессы поиска научной истины. Наиболее характерный для этой группы пример (18) содержит когнитивный глагол широкой семантики *denken*:

- (18) *Es lassen sich kaum alltägliche Kommunikationssituationen denken* (I, S. 283). — «**Едва ли можно представить себе** повседневные коммуникативные ситуации».

Еще одну семантическую нишу представляют глаголы нейтральной констатации. Такие лексические единицы могут использоваться при вербальной фиксации научных результатов других ученых; см. примеры (19) и (20):

- (19) *Lehmann stellt außerdem eine Reihe von Parametern auf* (V, S. 130–131). — «Кроме этого, Леманн **устанавливает** ряд параметров»;
- (20) *Ein Konstruktionscluster des Ausrufe-Ethicus sieht wie folgt aus* (IV, S. 371). — «Кластер конструкции экскламатива вежливости **выглядит** следующим образом».

Также очень важную роль играет расстановка внутри научного текста логических акцентов и фокусировка внимания потенциального реципиента на релевантных, по мнению автора статьи, исследовательских результатах. Этот прием используется с целью аргументативного воздействия на адресата и навязывания собственной точки зрения. В этой прагматической стратегии оказываются задействованы различные языковые средства: глаголы речемыслительной активности, наречия выделительной семантики, формы презентного конъюнктива в побудительной функции, иносказательные выражения:

- (21) *Hier konzentrieren wir uns auf die zweite Annahme* (I, S. 282). — «Здесь мы **сконцентрируем внимание** на второй гипотезе»;
- (21) *Bezeichnenderweise ist das Nullallomorph gerade dort nicht gesetzt...* (II, S. 212). — «**Характерно**, что нулевой алломорф как раз там не употреблен...»;
- (23) *Man beachte hier, dass...* (IV, S. 362–363). — «Здесь **следует обратить внимание** на то, что...»;

апелляция к авторитету:

- (24) *Sextus selbst weist auf folgendes Problem hin* (I, S. 282–283). — «Секстус и сам **обращает внимание** на следующую проблему»;

выражение согласия принять точку зрения:

- (25) *David Lewis stimmt ihr grundsätzlich zu* (I, S. 287). — «Дэвид Льюис в основном **согласен** с ней»;

пояснение (представляет собой интересный пример безглагольно-го представления логической операции):

(26) *Mit anderen Worten* (V, S. 141–142). — «Иными **словами**».

Таким образом, в рассмотренных примерах реализуется глобальная прагматическая установка на диалогичность научного общения. Автор всеми доступными способами стремится доказать право на истинность представляемой им научной концепции.

Частью аргументации выступает и анонсирование разных точек зрения, их сопоставление и противопоставление, как в следующих примерах:

- (27) *Nach Börger dient mir...* (IV, S. 367). — «Согласно Бергеру, *mir* служит...»;
- (28) *Nach Wegener verweist der Sprecher durch mir...* (IV, S. 370) — «Согласно Вегенеру, говорящий с помощью *mir* выражает...»;
- (29) *Vergleicht man die Sätze...* (IV, S. 369) — «Если сравнить предложения...»;
- (30) *Einerseits glauben sie... , dass... , andererseits würden sie... ablehnen* (I, S. 283). — «С одной стороны, они верят в то, что..., с другой стороны, они признали бы неверным...»;
- (31) *Es macht einen großen Unterschied* (I, S. 290). — «Это представляет собой значительную разницу»;
- (32) *Die Unterschiede... fasst die folgende Tabelle noch einmal zusammen* (V, S. 147). — «Различия... еще раз обобщает следующая таблица».

В данных контекстах также используются разноплановые языковые средства, имеющие различную частеречную принадлежность и прагматический потенциал внутри текста, для комментирования этапов развертывания научно-познавательного процесса. В проекции на адресата это означает, что автор научного текста дает точные инструкции, как следует понимать текст, то есть делает «шаг навстречу» своему потенциальному реципиенту.

Следующую количественно небольшую подгруппу составляют структуры со значением когнитивной операции разграничения определенной группы фактов/явлений с целью уточнения исследовательской области:

- (33) *Der Ort der Pragmatikalisierung lässt sich also in vier Parameter unterteilen* (V, S. 139). — «Место прагматикализации **можно**, таким образом, **разделить** на четыре параметра»;

- (34) *Dabei **beschränken** wir **uns** hier auf indikativische Konditionalsätze* (I, S. 280). — «При этом мы **ограничимся** здесь только условными предложениями, содержащими формы индикатива».

Иногда автор научного текста использует прием некатегорично-го подтверждения собственной правоты:

- (35) *...könnte man eine weitere Bestätigung dafür finden* (IV, S. 359). — «...можно было бы найти этому дальнейшее подтверждение».

Тем самым он оставляет реципиенту потенциальную возможность для самостоятельных выводов и дальнейшего изучения проблемы.

Интересными примерами отсылки к авторитетной точке зрения на предмет исследования являются следующие:

- (36) *In (30) werden also folgende Bedingungen erfüllt, die dem D. e. in der Literatur **zugesprochen** werden* (IV, S. 364). — «Таким образом, в примере (30) выполнены следующие условия, которые **приписываются** в литературе этическому дативу»;
- (37) *Paul Grice **schreibt** ihnen dieselbe Bedeutung **zu*** (I, S. 280). — «Пауль Грайс **приписывает** им это же самое значение».

Путем словообразования (присоединения к корневой основе префикса *zu-*) происходит модализация исконного значения *verba dicendi*.

Модальные компоненты встречаются в исследованном материале не часто, ограничиваясь единичными случаями употребления:

- (38) *Das Konsequenz ebenfalls **wahr** ist* (I, S. 286). — «Последовательность также **соответствует действительности**».

Важным средством диалогизации выступает употребление форм множественного числа личных и притяжательных местоимений. Слово сочетание *unser Ziel* ‘**наша** цель’, как в примере (3), призвано внести в научное общение элемент инклюзивности, равнозначных отношений между партнерами общения, создать ситуацию доверительного общения и вовлечения адресата на равных в процесс научной аргументации. Инклюзия проявляется и в употреблении соответствующих форм повелительного наклонения:

(39) *Betrachten wir vier weitere Sätze* (I, S. 283). — «**Давайте рассмотрим** четыре следующих предложения».

Следует заметить, впрочем, что такого рода примеры не являются частотными.

5. Выводы

Диалогичность является неотъемлемым текстообразующим признаком научного текста, пронизывая все его содержательно-композиционные части. Это связано с тем, что даже в рамках письменной коммуникации, в условиях отстраненности от актуального присутствия адресата автор-исследователь создает свое научное произведение в ориентации на модель определенного потенциального адресата — представителя научного профессионального сообщества. С целью диалогизации общения в научных текстах задействованы разнообразные лексические и грамматические средства немецкого языка: глаголы говорения и синонимичные конструкции, глаголы со значением логических операций и когнитивных действий, претерито-презентные глаголы, акцентные наречия, модальные компоненты, формы конъюктива и кондиционалиса для выражения гипотетичности и некатегоричного утверждения, личные местоимения 1-го лица множественного числа, инклюзивные императивные формы. Большинство рассмотренных выше средств диалогизации имеет метакоммуникативное предназначение. С помощью метакоммуникативного комментирования автор научного текста помогает потенциальному читателю лучше и быстрее ориентироваться в текстовом пространстве научной аргументации, а также через императивы, вопросы и местоимения с инклюзивной семантикой вовлекает своего адресата в процесс научного поиска. В общем плане, кроме того, текст каждой научной статьи представляет собой фиксацию на письме уникального акта исследовательского и творческого поиска, то есть внутреннего диалога исследователя с самим собой, со своими оппонентами и, разумеется, со своим потенциальным адресатом.

Источники иллюстративного материала

I. *Bülow, L. Schamberger, Ch.* Die Logik indikativischer wenn-Sätze. Eine philosophisch-linguistische Studie zum konditionalen und konzessiven Gebrauch des Subjunktors wenn // *Zeitschrift für Germanistische Linguistik*. 2013. Bd. 41, Nr. 2. S. 277–298.

II. *Fobbe, E.* Fingierte Lernersprachen // *Zeitschrift für Germanistische Linguistik*. 2014. Bd. 42, Nr. 2. S. 196–222.

III. *Lemke, M., Stulpe, A.* Text und soziale Wirklichkeit // *Zeitschrift für Germanistische Linguistik*. 2015. Bd. 43, Nr. 1. S. 52–83.

IV. *Mollica, F.* Der Dativus ethicus im Deutschen aus konstruktionsgrammatischer Sicht // *Zeitschrift für Germanistische Linguistik*. 2014. Bd. 42, Nr. 3. S. 349–378.

V. *Mroczynski, R.* Zur Herausbildung des Diskursmarker ja. Grammatikalisierung oder Pragmatisierung? // *Zeitschrift für Germanistische Linguistik*. 2013. Bd. 41, Nr. 1. S. 127–152.

VI. *Topalović, E., Uhl, B.* Linguistik des literarischen Erzählens // *Zeitschrift für Germanistische Linguistik*. 2014. Bd. 42, Nr. 1. S. 26–49.

Литература

1. *Варгина, Е. И.* Риторика. Иерархия. Взаимодействие // *Язык как культурный код нации* / ред. А. А. Зеленщиков, Е. Г. Хомякова. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2014. С. 24–41.

2. *Варшавская, А. И.* Говорящий как творец монолога // *Риторика монолога* / ред. А. И. Варшавская. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2002. С. 24–48.

3. *Косериу, Э.* Синхрония, диахрония и история. Проблема языкового изменения. М.: Едиториал УРСС, 2001. 208 с. (Лингвистическое наследие XX века).

4. *Нефёдов, С. Т.* Акцентированность позиции говорящего и способы включения в высказывание модальных компонентов // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Вып. 3. Антропоцентризм языковых феноменов* / ред. С. Т. Нефёдов. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2013. С. 138–144.

5. *Нефёдов, С. Т.* Императивы как инструмент диалогизации научного текста // *Научное мнение*. 2015. Т. 9, № 1. С. 9–18.

6. *Нефёдов, С. Т.* Функциональный потенциал вопросительных структур в научных лингвистических текстах // *Вестник Волгоград. гос. ун-та. Серия 2. Языкознание*. 2015. № 4 (28). С. 65–74.

7. *Graefen, G.* Der wissenschaftliche Artikel: Textart und Textorganisation. Frankfurt a/M. et al.: Peter Lang Verlag, 1997. 358 S.

8. Nefedov, S. Aufforderung in linguistischen Fachtexten // *Deutsch als Bindeglied zwischen Inlands- und Auslandsgermanistik: Beiträge zu den 23. GeSuS-Linguistik-Tagen in Sankt Petersburg*. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2017. S. 379–388.

9. Roelcke, Th. *Fachsprachen*. Berlin: Erich Schmidt Verlag GmbH & Co. KG, 2010. 269 S.

10. Schuster, B.-M. Kann und soll man Textmusterwandel systemtheoretisch erklären? Überlegungen zum Für und Wieder am Beispiel fachsprachlicher Texte // *Textsorten und Systemtheorie / hrsg. von Ch. Gansel*. Göttingen: V & R unipress, 2008. S. 43–66.

References

1. Vargina, E.I. Rhetoric. Hierarchy. Interaction. *Iazyk kak kul'turnyi kod natsii*, ed. by A. A. Zelenshchikov, E. G. Chomiakova. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta Publ., 2014, pp. 24–41. (In Russian)

2. Varshavskaia, A.I. Speaking as the Creator of Monologue. *Ritorica monologa*, ed. by A. I. Varshavskaia. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta Publ., 2002, pp. 24–48. (In Russian)

3. Koseriu, E. *Synchrony, Diachrony and History. The Problem of Language Change*. Rus. ed. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001, 208 p. (Lingvisticheskoe nasledie XX veka). (In Russian)

4. Nefedov, S. T. Accentuation of the Speaker's Position and Ways of Including Modal Components in the Statement. *Nemetskaia filologija v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete*, issue 3, Antropotsentrizm iazykovykh fenomenov, ed. by S. T. Nefedov. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta Publ., 2013, pp. 138–144. (In Russian)

5. Nefedov, S. T. Imperatives as the Tool of Work of the Scientific text. *Nauchnoe mnenie*, 2015, vol. 9, no. 1, pp. 9–18. (In Russian)

6. Nefedov, S. T. Functional Potential of Interrogative Structures in Scientific Linguistic Texts. *Vestnik Volgograd. gos. un-ta. Serii 2. Jazikoznanie*, 2015, no. 4 (28), pp. 65–74. (In Russian)

7. Graefen, G. *Der wissenschaftliche Artikel: Textart und Textorganisation*. Frankfurt a/M. et al., Peter Lang Verlag, 1997, 358 p.

8. Nefedov, S. Aufforderung in linguistischen Fachtexten. *Deutsch als Bindeglied zwischen Inlands- und Auslandsgermanistik: Beiträge zu den 23. GeSuS-Linguistik-Tagen in Sankt Petersburg*. Hamburg, Verlag Dr. Kovač, 2017, pp. 379–388.

9. Roelcke, Th. *Fachsprachen*. Berlin, Erich Schmidt Verlag GmbH & Co. KG, 2010, 269 p.

10. Schuster, B.-M. Kann und soll man Textmusterwandel systemtheoretisch erklären? Überlegungen zum Für und Wieder am Beispiel fachsprachlicher Texte.

Textsorten und Systemtheorie, ed. by Ch. Gansel. Göttingen, V&R unipress, 2008,
pp. 43–66.

Дмитриева Мария Николаевна

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ, кандидат филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург,
Университетская набережная, 7–9

Maria N. Dmitrieva

Associate Professor of German Philology Department,
St. Petersburg University, Candidate of Philological Sciences
Address: 7–9, University emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: m.n.dmitrieva@spbu.ru

SPIN-код: 4413-2238, ResearcherID: C-2602-2016

ДИСТАНТНЫЙ ДИАЛОГ АПЕЛЛЯТИВНЫХ ТЕКСТОВ (на материале современного немецкого языка)

Ключевые слова: функционально-семантическая категория апеллятивности, адресованность, диалог, тип текста, класс текстов, текстовая категория, апеллятивный текст, регулятивный текст.

В статье рассматривается класс апеллятивных текстов, отличительной особенностью которого является наличие апеллятивной функции. Апеллятивная функция как функция специфического воздействия, предполагающего побуждение адресата к совершению предречевого, речевого и/или посткоммуникативного действия с ментальной, эмоциональной и/или физической реакцией имеет в апеллятивном тексте эксплицитное выражение. Совокупность взаимодействующих языковых единиц с семантикой апеллятивности регулярно репрезентирует в апеллятивном тексте функционально-семантическую категорию апеллятивности. Апеллятивная доминанта как фокусирующий компонент подчиняет и трансформирует остальные компоненты текста, занимает его сильные позиции, обеспечивает интегрированность структуры, оказывает влияние на имманентные текстовые категории. Акцентированная с помощью функционально-семантической категории апеллятивности адресованность превращает монологический по своей речевой форме апеллятивный текстовый прототип в диалогически открытый дискурс. Апеллятивный текст, будучи монологическим по форме, обнаруживает признаки диалогичности, среди которых можно выделить следующие: ориентация на конкретного адресата, получение «текста-реакции» в ответ на «текст-стимул», напоминающее обмен репликами в диалоге, особенности языковой архитектуры, в которой присутствуют характерные для диалога формулы приветствия, прощания, прямое обращение, набор речевых актов. Апеллятивный текст организует письменный диалог, функционирующий на основе больших блоков, растянутый во времени. Антропоцентры апеллятивного общения выступают в процессе коммуникации как взаимодействующие, рефлексиирующие личности. Признак диалогичности позволяет отграничить апеллятивный текст от регулятивного текста, наделенного аналогичным коммуникативно-прагматическим содержанием побуждения к действию. Реализацию побуждения к действию в регулятивном тексте отличает имплицитная однонаправленная обращенность к адресату.

E. V. KOMLEVA

Orenburg State Pedagogical University

DISTANT DIALOGUE OF THE APPELLATIVE TEXTS (On Modern German)

Keywords: semantic and functional category of appellation, addressing, dialogue, text type, text class, text category, appellative text, regulatory text.

The article considers a class of the appellative texts, the distinguishing feature of which is the existence of an appellative function. The appellative function as a function of a specific impact presupposing the motivation of the addressee to perform both pre-speech and speech as well as the post-communicative actions with a mental, emotional and/or physical reaction has an explicit expression in the appellative text. The aggregate of interacting linguistic units with the semantics of appellation represents in the appellative text regularly a functionally semantic category of appellation. The appellative dominant as a focusing component subordinates and transforms the remaining components of the text, takes its strong positions, provides the integration of the structure, influences the immanent text categories. The addressing, that is accented with the help of a functional-semantic category of appellation, makes the monologue speech form of the appellative text prototype in a dialogically open discourse. The appellative text, being monologue, reveals the following signs of the dialogue: orientation to a specific addressee, receiving a "text-response" in response to the "text-stimulus" resembling the exchange of cues in the dialogue, features of the linguistic architectonics in which there are welcome formulas, farewells, direct treatment, a set of the speech acts characteristic for the dialogue. Appeal text organizes a written dialogue, functioning on the basis of large blocks, stretched in time. Anthropocenters of appellative communication appear in the process of the communication as interacting, reflecting personalities. The sign of dialogue allows us to distinguish the appellative text from the regulatory text endowed with a similar communicative and pragmatic content of the motivation for action. The realization of the motivation for action in the regulatory text is distinguished by the implicit unidirectional appeal to the addressee.

1. Методологические основания изучения класса апеллятивных текстов

Ономасиологический подход, определяющий направление лингвистических исследований от функции к средствам ее выражения, в определенной мере перекликается с проблемой функций речи. Функции речи, в отличие от функций языка, проявляются лишь в определенных ситуациях общения [17]. Несмотря на то что исследователи языка выражают разные мнения относительно количества и характера речевых функций, во многих научных работах, посвященных функциям речи, выделяется интересующая нас апеллятивная речевая функция [20; 12; 6; 16; 19; 18; 11]. Апеллятивная функция имеет следующее назначение: «...служить средством призыва, побуждения к тем или иным действиям» [12, с. 9].

Изучение речевых функций неминуемо сопровождается исследованием единиц языка, реализующих данные функции, и дает импульс для анализа способности функций выступать в качестве классификационного принципа для конструирования различных систем языковых средств. Уточним, что функция при этом трак-

туется как цель употребления, назначение того или иного средства или комбинации средств [7, с. 92]. Данная трактовка функции принимается функциональной грамматикой, научная концепция которой включает семантические функции, понимаемые как использование речи с целью передачи смысла, скрытого в мысли и отражающего смыслозначимые свойства предметов, явлений, действий и отношений между ними во внешнем мире [3, с. 40]. В рамках понятия семантической функции в функциональной грамматике вводится выражение вариантов языковой семантики [4, с. 84].

Соотношение значения и функции, изучаемое в рамках функциональной грамматики, базируется на принципе объединения языковых элементов на основе общности выполняемой функции как их семантического инварианта [2]. Семантическая общность, рассматриваемая на функционально-семантической основе, квалифицируется как функционально-семантическая категория [5].

Научная концепция функциональной грамматики А. В. Бондарко [2] является методологическим основанием для объединения разноуровневых языковых средств, выполняющих апеллятивную функцию в рамках функционально-семантической категории апеллативности (ФСКА) [9]. Эталонный репрезентант (прототип) ФСКА, отличающийся максимальной концентрацией специфических признаков апеллативности, включает побуждение к действию (речевому или посткоммуникативному), ориентированное на адресата, определенного либо как член класса, рода или вида, либо как носитель уникальных свойств, который в состоянии осознать и адекватно понять адресованную ему интенцию адресанта [9].

Комплекс языковых средств с семантикой апеллативности может быть представлен как функционально-семантическое поле апеллативности (ФСПА) по следующим признакам: наличие семантического инварианта побуждения к действию, ярко выраженного ядра поля, включающего элементы, наиболее полно передающие апеллативное значение, внутрисистемное взаимодействие конститuentов поля, возможность замены одного языкового средства с семантикой апеллативности другим в определенных условиях. Ядерными компонентами ФСПА являются конструкции с семантикой прямого и косвенного побуждения к действию, обращения, вопросительные предложения. ФСПА имеет трехчленную структуру. Трехчленная структура подчеркивает три типа отношений семантики апеллативности к синтаксической структуре предложения и позволяет

рассматривать ФСПА как макрополе, состоящее трех микрополей: микрополя вокативности, микрополя побудительности, микрополя интеррогативности. Семантическая близость обращений, побудительных и вопросительных конструкций представляется достаточно очевидной. Обращения, побудительные и вопросительные конструкции выполняют апеллятивную функцию: обращение побуждает к участию в коммуникативном процессе, различные конструкции с семантикой побуждения к действию побуждают делать, вопрос побуждает говорить или делать. Микрополе вокативности находится с микрополями побудительности и интеррогативности в причинно-следственных отношениях, характеризующихся диалектической обусловленностью и синергетическим взаимодействием.

Ядро микрополя вокативности имеет бицентрическую структуру, включающую средства синтаксического уровня — предложения-обращения, а именно обращения-регулятивы и адресующие обращения. Адресующие обращения выделяют определенного адресата побуждения из множества других возможных адресатов через указание на его уникальные или на общие для всех членов данного класса адресатов свойства. Периферию микрополя вокативности образуют средства морфологического уровня — местоимения *Du* 'ты', *Sie* 'Вы', *Ihr* 'вы', которые в качестве дейксиса указывают на адресата, не называя его. Наиболее эксплицитная передача апеллятивного значения, включающего указание на силу побуждения, эквitemпоральность побуждения как речевого действия, наличие субъекта-лица как актора, изъявляющего волю, и определенной личности исполнителя действия осуществляется директивным речевым актом — ядерным компонентом ФСПА. В центральной зоне микрополя побудительности расположены формы императива, характеризующиеся регулярностью выражения побуждения к действию. На периферии поля побудительности находятся средства косвенного выражения побуждения, языковые единицы, реализующие модальность долженствования и разрешения. Компонентами функционально-семантического поля интеррогативности являются вопросительные предложения с вопросительным и без вопросительного слова.

Статус апеллятивности как функционально-семантической категории подчеркивает ее деятельностьную сторону, то есть актуализацию данной категории в речи, в тексте.

2. Прототипические характеристики апеллятивного текста

2.1. Функционально-семантическая категория апеллятивности как репрезентативная особенность апеллятивного текста

Функциональная направленность целого текста обуславливает, как известно, характер его категориальных доминант. Наш исследовательский материал подтверждает наличие текстов, в которых очевидна функционально-прагматическая апеллятивная доминанта. Апеллятивные тексты — тексты с доминантой «обращение/требование» — характеризуются наличием четко определенной апеллятивной функции. Основной для апеллятивных текстов является функция специфического воздействия, предполагающего побуждение определенного адресата к совершению предречевого, речевого и/или посткоммуникативного действия с ментальной, эмоциональной и/или физической реакцией [9, с. 139]. К апеллятивным текстам относятся деловые письма (*Bittschreiben* «письма-просьбы», *Mahnbriefe* «письма-напоминания», *Reklamationsschreiben* «рекламации», *Bewerbungen* «заявления о приеме на работу»), обиходно-деловые письма (*Beschwerdeschriften* «жалобы», *Anklageschriften* «иски», *Empfehlungsschreiben* «рекомендательные письма»), частные письма (*Einladungen* «приглашения»), военные приказы (*Militärbefehle*), служебные распоряжения (*Anordnungen*), религиозные проповеди (*religiöse Predigten*), тексты военной и политической пропаганды (*Flugblätter* «листовки», *Plakate* «плакаты»), агитационные выступления политиков (*Appell an die Nation* «воззвание к нации»). Апеллятивный текст направлен на создание прагматического эффекта, определяемого как воздействие, которое данный текст оказывает на адресата. Результатом воздействия, осуществляемого апеллятивным текстом, является побуждение адресата к совершению действия, при этом важной прагматической особенностью является контроль адресанта за наступлением перлокутивного эффекта.

Коммуникативная направленность апеллятивного текста как целостной системы воплощается в доминирующей апеллятивной текстовой функции. Апеллятивная функция обеспечивает и существование текстового прототипа — лучшего варианта ее реализации. Репрезентативной прототипической особенностью апеллятивного текста является коммуникативно-прагматическое ядро, включающее побуждение к действию с прямой обращенностью.

Данное коммуникативно-прагматическое ядро реализуется в апеллятивном тексте ФСКА, представленной двумя комбинациями ядерных разноуровневых языковых средств с семантикой апеллятивности: обращением и интеррогативным речевым актом или обращением и директивным речевым актом.

ФСКА, являясь семантической доминантой апеллятивного текста, обеспечивает его прототипические признаки. К одному из таких признаков относится максимальная степень эксплицитности языковой информации, подаваемой адресантом для обеспечения однозначности интерпретации. В этой связи к важным прототипическим признакам апеллятивных текстов следует причислить определенность субъектов коммуникации. Наличие эксплицитно обозначенных адресанта и адресата, их стабильная локализация в тексте обеспечиваются референциальной определенностью всех содержащихся в апеллятивном тексте элементов субъектной и хронотопической семантики. Речевая ситуация, в которой разворачивается апеллятивный текст, характеризуется референциальной определенностью ее участников, эквитемпоральностью, совмещенностью хронотопа адресанта и адресата, что обеспечивает неотрывностью апеллятивного текста от локально-временного континуума.

Референция в апеллятивном тексте имеет центростремительный вектор обращенности к определенному адресату и поддерживается временной и/или топографической локализованностью самого текста, например через соответствующий реквизит «дата и место создания», предвещающий или замыкающий деловой текст. Требование определенности референции субъектных и хронотопических элементов релевантно для любого текста. Однако есть формы речи, к которым относятся и рассматриваемые апеллятивные тексты, где субъектно-объектная референциальная определенность проявляется наиболее ярко и последовательно. Четкое представление об адресате закладывается в основу текстообразования и отражается в структуре апеллятивного текста через прямое обращение.

Прямое характеризующее обращение как важный прототипический признак, находящийся в препозиции к апеллятивному тексту, называет адресата действия, выделенного из множества других, — например: *Herr Schmieg* «Господин Шмиг», *Herr Präsident* «Господин президент» — или идентифицируемого до уровня рода или вида, на-

пример: *Proletarier aller Länder* «Пролетарии всех стран», *Liebe Leser* «Дорогие читатели», *Soldaten und Offiziere* «Солдаты и офицеры». В апеллятивных текстах обращение обладает сильной текстовой валентностью. Будучи адресованными конкретному адресату, обозначенному в начале текста при помощи обращения, апеллятивные тексты приобретают значимость для узкого круга читателей. Апеллятивные тексты создаются адресантом для целевой аудитории, которая может быть массовой или представлять индивидуального реципиента-интерпретатора. Прямое обращение задает силу побуждения, определяет речевые стратегии и тактики с ориентацией на указанного в обращении целевого адресата. Говоря о целевом адресате апеллятивного текста, мы имеем в виду направленность текста на определенного адресата, обозначенного в препозиции к тексту прямым обращением. Представление о целевом адресате, то есть об адресате целенаправленного воздействия, — необходимая пресуппозиция всякого апеллятивного текста.

Адресату, выделенному из множества других через прямое обращение, принадлежит ведущая роль в организации не просто адресованности, а целенаправленной обращенности апеллятивного текста. Апеллятивный текст переводит воздействие адресанта на адресата на уровень их взаимодействия в процессе речевого общения. Взаимодействие адресанта и адресата с целью побуждения последнего к действию при помощи апеллятивного текста отражается на текстовом уровне через внутрисистемное взаимодействие конститuentов ФСПА. Внутрисистемное взаимодействие в среде, в тексте, проявляется не просто во взаимодействии конститuentов ФСПА для реализации апеллятивной доминирующей функции, но и во взаимообусловленности обозначения адресата через прямое обращение и силы побуждения, речевых стратегий и тактик, способствующих эффективности побуждения.

Следующей сущностной характеристикой апеллятивного текста, логично вытекающей из всех названных выше особенностей, является его диалогическая открытость. Диалогическая открытость, выступающая в апеллятивном тексте в интересубъектной форме, «обостряется» референциальной определенностью всех субъектов коммуникации. Диалог есть духовно-событийное и ценностно-смысловое со-существование, как взаимоотношение, взаимодействие, взаимопроникновение личностей, сознаний, идей, как сфера межчеловеческого со-бытия [1, с. 293]. Прототип апеллятивного тек-

ста предстает как типизированная модель речевого социокультурного взаимодействия коммуникативных партнеров, а значит, как модель диалога, поэтому одним из основных критериев для дифференцирования текстов, объединенных коммуникативно-прагматическим заданием побуждения определенного адресата к совершению действия, является критерий их диалогической открытости.

2.2. Диалогическая открытость апеллятивного текста

Как указывалось выше, апеллятивные тексты отличаются четкой ориентацией на адресата, эксплицитной антропоцентричностью, что обуславливает наличие маркеров диалогичности, отражающих двуначалие коммуникации, репрезентирующих факт лично ориентированного общения и организующих «дистантный диалог», растянутый во времени и пространстве. Хотя нельзя отрицать, что апеллятивный текст представляет собой исходную монологическую форму речи, поскольку здесь налицо усиление роли одного активного субъекта речи (адресанта). Речепорождающая роль приемника информации либо не эксплицируется, либо присутствует в тексте опосредованно, что позволяет судить о получателе информации как о пассивном объекте коммуникации [8, с. 145–150].

Однако даже в крайней форме монолога имеет место взаимодействие субъекта с субъектом, а не субъекта с объектом [10, с. 46]. Второй субъект-адресат не является всего лишь пассивным приемником сообщения; в его внутренней речи идет интенсивная работа (комментирование, возражение, согласие и так далее), чаще всего сопровождающая восприятие информации [10, с. 46] и свидетельствующая о ментальной активности адресата. Адресант, как познающий и действующий субъект, совершает не только ментальные действия по осмыслению прочитанного, но и физические, например посткоммуникативные: ускоряет отправку документов, оформляет рекламацию на полученные товары, следует приказу и так далее. Несмотря на то что вербальная активность адресата апеллятивного текста не эксплицируется, адресат самим фактом своего существования в роли субъекта придает речевой ситуации социально значимый, коммуникативно открытый характер, способствующий дальнейшему общению.

Коммуникация начинается с апеллятивного текста, например — с текста *Bewerbungsschreiben* «Заявление о приеме на работу»,

с так называемого «текста-стимула», в котором адресант заявляет о своем намерении вступить в коммуникацию с адресатом по поводу своего трудоустройства. Если следует «текст-реакция», например *Einladung zum Vorstellungsgespräch* «Приглашение для интервью», то можно говорить о переходе монологического письменного дискурса, представленного текстом «в один конец», в диалогическую плоскость, о реализации адресованности как категории, определяющей «диалогические отношения текстов» [1, с. 36]. Дискурс, подобно диалогу, становится непрерывным: сохраняется одна тема общения [14, с. 116], происходит смена коммуникативных ролей «адресант — адресат», осуществляется обмен довольно протяженными во времени и пространстве репликами.

В апеллятивном тексте можно констатировать наличие определенной группы речевых актов, которые возникают в рамках иллокутивного «вынуждения» и становятся дополнительными сигналами диалога, заложенными в композиции апеллятивного текста. Так, текст письма-приглашения (анализируемые письма находятся в личном архиве автора статьи, ему же принадлежит перевод) с неизбежностью включает следующие речевые акты:

- обращение: *Lieber Rainer* — «Дорогой Райнер»;
- описание существующего положения дел: *am 23. September bin ich 60 Jahre alt* — «23 сентября мне исполняется 60 лет»; *Das ist zwar ein Geburtstag wie jeder andere, aber ob man will oder nicht: so ein bißchen lassen wir uns ja doch durch eine Null im Alter beeindruckt* — «Это обычный день рождения, как и любой другой, но хочешь того или нет, ноль в цифре, обозначающей возраст, производит впечатление», переходящее в обоснование просьбы: *Das erging und ergeht vor allem meiner Familie so, und deshalb haben wir beschlossen, diesen Tag etwas festlicher zu gestalten* — «Именно так было и есть в моей семье, поэтому мы решили этот день сделать более праздничным»;
- утверждение необходимости ее реализации: *Ich würde mich wirklich freuen, und das gilt ebenso für meine Familie, wenn Du kommen könntest* — «Я была бы рада, как и вся моя семья, если бы ты смог приехать»;
- выражение побуждения: *Bitte sei zum Mittagessen, gegen 12 Uhr, da. Übernachten wirst Du selbstverständlich bei uns, so daß Du am nächsten Morgen ausruht und gestärkt zurückfahren kannst* — «По-

жалуйста, приезжай на обед, к 12 часам, переночуешь, само собой разумеется, у нас, чтобы ты мог на следующее утро выспавшимся и отдохнувшим ехать назад»;

- формулы прощания: *Ganz liebe Grüße Deine Marianne* «С наилучшими пожеланиями, твоя Марианна».

Второе письмо, являясь отсроченной реакцией на «текст-стимул», также содержит признаки диалога. Автор второго письма выражает благодарность за приглашение и обосновывает свой отказ. Ответ — отказ принять приглашение включает:

- обращение: *Liebe Marianne* — «Дорогая Марианна»;
- благодарность за приглашение: *Danke für deine Einladung* — «Спасибо за приглашение»;
- отказ: *Ich bedauere sehr, nicht kommen zu dürfen* — «Я очень сожалею, что не могу приехать», переходящий в обоснование отказа: *An diesem Tag habe ich eine Dienstreise nach Stuttgart* — «В этот день у меня командировка в Штуттгарт»;
- надежду на следующую возможность встретиться: *Ich hoffe aber bei nächster Gelegenheit kommen zu können* — «Но я надеюсь приехать при первой же возможности»;
- формулы прощания: *Wünsche Dir einen schönen Tag im Kreise der Familie* — «Желаю тебе прекрасного дня в кругу семьи»; *Liebe Grüße* — «Всего хорошего»; *Rainer* — «Райнер».

Типичный, предсказуемый набор интенций и речевых актов, переводящий апеллятивный текст в диалогическую плоскость, следует отнести к виду пресуппозитивных знаний, к коммуникативно-прагматическим пресуппозициям апеллятивного текста. Данные пресуппозиции отвечают основным требованиям, предъявляемым к пресуппозитивным знаниям: они известны коммуникантам, конвенциональны, так как конвенциональны сами речевые акты [13], что и позволяет адресанту выбрать определенный речевой акт для реализации своих интенций, заложив в текст соответствующие речевой ситуации сигналы акцентированной адресованности.

Демонстрационный материал показывает, что первый апеллятивный текст — частное письмо-приглашение обуславливает появление второго апеллятивного текста — частного письма-отказа. Реактивный характер ответа на текст-приглашение, являющийся предпосылкой для появления текста-отказа и связанный с пер-

вым текстом общей темой, лежащей в речевой ситуации, подобен реплике-реакции в составе диалогического единства. Два аппеллятивных тематически взаимосвязанных текста функционируют как письменный дистантный макродиалог, состоящий из «реплики-стимула» и «реплики-реакции», при этом реплики основаны на относительно протяженных автономных блоках, являются тщательно продуманными и спланированными, обладают более широким тематическим содержанием, сложной композицией, развернутостью во времени, так как активность приемника информации не вербализуется сразу. Информационно-речевая связь субъектов коммуникации, обмен их смысловых позиций, осуществляемые посредством письменного дистантного диалога, менее динамичны в сравнении с устным диалогом, но все же поддерживают двусторонний характер общения.

Аппеллятивный текст, будучи монологическим по форме, потенциально диалогичен, интерактивен: рассчитан на появление немедленной (речевой) или посткоммуникативной реакции адресата, его со-участие, а значит, на продолжение диалога, утрату однонаправленности общения. Обращенность субъектов в «дистантном» диалоге, организованном посредством аппеллятивных текстов, является взаимной. Обращаясь к адресату аппеллятивного текста, адресант вступает с ним в диалог с целью побуждения к активности с ментальной и/или физической реакцией. Подтверждая с помощью ответного текста (речевого действия) свое вступление в диалог, адресат выступает в качестве адресанта, что приводит к смене коммуникативных ролей, к обратимости отношений «адресант — адресат — адресант». Двуначалие коммуникации посредством аппеллятивных текстов репрезентирует факт лично ориентированного общения, обращенность участников общения друг к другу и организацию «дистантного диалога».

3. Признак диалогичности как критерий разделения аппеллятивных и регулятивных текстов

Признак диалогичности позволяет провести четкую грань, отделяющую аппеллятивный текст от регулятивного текста, наделенного схожим коммуникативно-прагматическим содержанием [15]. Регулятивные тексты включают целую систему текстов различной функционально-стилевой принадлежности, объединенных нали-

чем алгоритма действий, которые адресат должен совершить [15, с. 27]. К подклассу регулятивных текстов относятся регулятивы-законы, которые образуют правовую основу общества. Регулятивы-законы представлены многочисленной группой: *Grundgesetz* «конституция», *Ehegesetz* «закон о заключении брака», *Amnestiegesetz* «закон об амнистии», *Gerichtsverfahrgesetz* «закон о судебном производстве» и так далее. Следующий подкласс регулятивных текстов представлен регулятивами-правилами, которые регламентируют поведение человека в определенной сфере его пребывания, например *Bekleidungs Vorschriften* «дресс-код». Подкласс текстов запретов и разрешений также регулирует активность человека, например: *Rauchverbot* «запрет курения», *Badeverbot* «запрет купания», *Abtreibungsverbot* «запрет аборт», *Jagdgenehmigung* «разрешение на охоту». Регулятивы-инструкции описывают способ выполнения различных технических операций, например: *Gebrauchsvorschrift* «инструкция по использованию», *Kochanleitung* «инструкция для приготовления».

Побуждение к действию, которое реализуется в регулятивных текстах с целью ограничения ментальной или физической деятельности человека, имеет ряд характеристик, позволяющих разграничивать регулятивные и апеллятивные тексты, объединенные общей прагматикой. Важной отличительной особенностью регулятивного текста является иная в сравнении с апеллятивным текстом роль обращения. Несмотря на нахождение в препозиции к регулятивному тексту как важного структурного элемента, обращение не переводит общение в диалогическую плоскость, а лишь указывает на социально обобщенного адресата, лишенного референциальной определенности. Отсутствие референциальной определенности субъектов, их темпорально-локальных координат ведет к нивелированию дополнительных коммуникативных стратегий и тактик, способствующих эффективности воздействия, придает перлокуции однонаправленный характер. Однонаправленность общения посредством регулятивного текста поддерживается отсутствием контроля со стороны адресанта за наступлением перлокутивного эффекта. Рассмотрим пример регулятивного текста инструкции по эксплуатации предмета бытового обихода:

*Liebe Kunden,
zu Ihrer Sicherheit und Hygiene reinigen Sie die Flasche vor dem ersten*

Gebrauch. Säubern Sie Ihre Flasche nach dem Gebrauch mit warmem Wasser und Spülmittel. Tauchen Sie die Flasche nicht vollständig in Wasser ein. Trocknen sie die Flasche gründlich nachdem Sie sie entleert haben.

«Дорогие покупатели,

для Вашей безопасности и гигиены промойте термос перед первым использованием. После каждого использования промывайте термос теплой водой с применением моющего средства. Не погружайте термос в воду полностью. Основательно высушивайте термос после использования» (перевод мой. — Е. К.).

Обращение, введенное в текст данной инструкции, не является катализатором коммуникативной ситуации и может быть опущено без влияния на развитие текста. Регуляция поведения имеет однонаправленный характер и лишена обратной связи с адресатом, обнаруживая при этом ориентацию на монолог, на латентно-диалогический характер перлокуции. В регулятивном тексте вокативность, обращенность затушевываются, приобретают однонаправленный характер.

Сопоставляя регулятивные и апеллятивные тексты, можно сказать, что регулятивные тексты отвечают на вопрос «как сделать?», апеллятивные — на вопрос «что сделать?». Регулятивные и апеллятивные тексты являются монологическими по форме. При этом данные тексты, будучи потенциально диалогичными, имеют разное выражение диалогических отношений между адресатом и адресантом. Понимая диалог как фундаментальное свойство всякой речи, следует говорить о латентной диалогичности регулятивного текста, лишенной потенциального взаимодействия адресанта и адресата.

Смысловое содержание латентного диалога, реализуемого регулятивным текстом, может быть представлено на ригористично кодифицированном языке в рамках семантической теории элементарных смысловых единиц (semantic primitives), развиваемой А. Вежбицкой [21]. Этот метод ведет к моделированию и наглядному выявлению при помощи последовательности простых предложений разной степени диалогичности, реализуемой посредством апеллятивного и регулятивного текстов. В регулятивном тексте диалог имеет следующее смысловое содержание: «Я говорю Вам: выполните это, так как считаю, что Вы можете выполнить это».

В диалогически открытом апеллятивном тексте содержание диалога может быть представлено следующим образом: «Обра-

щаясь к вам, отделяя вас через обращение от других возможных адресатов, я говорю вам, выполните это, так как считаю, что вы можете и должны выполнить это, и проконтролирую выполнение». Семантический примитив дает общее представление о широкой диалогической открытости апеллятивного текста, обусловленной его эксплицитной обращенностью к адресату, о чем свидетельствует один из первых композиционно-структурных элементов апеллятивного текста, которым является обращение. Такая особенность реализации побуждения посредством апеллятивного текста, как контроль со стороны адресанта, свидетельствует о его заинтересованности в наступлении перлокутивного эффекта. Антропоцентры апеллятивного общения выступают в процессе коммуникации как взаимодействующие, рефлексизирующие личности. Названные отличия позволяют нам рассматривать апеллятивные тексты и регулятивные тексты как два отдельных класса.

4. Выводы

Завершая рассмотрение круга вопросов, связанных с диалогической открытостью апеллятивного текста, следует отметить, что представленная в апеллятивном тексте ФСКА обуславливает его прототипические особенности. К главной прототипической особенности апеллятивного текста, определяющей наличие всех остальных, относится акцентированная с помощью ФСКА адресованность. Акцентированная адресованность превращает монологический по форме апеллятивный текст в диалогически открытый дискурс, ориентированный на конкретного адресата. Адресант апеллятивного текста, начиная коммуникацию при помощи «текста-стимула», вступает с адресатом в диалог, который является менее динамичным в сравнении с устным диалогом, но все же рассчитанным на активное понимание и продолжение в виде ответного «текста-реакции». Таким образом, создается дистантный макродиалог с обратимостью личностно ориентированных отношений «адресант — адресат», со сменой реплик, объединенных на тематической основе, подобно смене коммуникативных ролей и реплик в диалогическом единстве.

Литература

1. *Бахтин, М. М.* Собр. соч.: в 7 т. Т. 5: Работы 1940-х — начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1997. 732 с.
2. *Бондарко, А. В.* Функциональная грамматика. Л.: Наука, 1984. 136 с.
3. *Бондарко, А. В.* Основы функциональной грамматики. Языковая интерпретация идеи времени. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. 260 с.
4. *Бондарко, А. В.* Теоретические проблемы русской грамматики. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. 208 с.
5. *Бондарко, А. В.* Категоризация в системе грамматики. М.: Языки славянских культур, 2011. 488 с.
6. *Бюлер, К.* Теория языка: репрезентативная функция / пер. с нем. М.: Наука, 1993. 528 с.
7. *Звегинцев, В. А.* Мысли о лингвистике. М.: ЛКИ, 2008. 336 с.
8. *Каган, М. С.* Мир общения. М.: Политическая литература, 1988. 315 с.
9. *Комлева, Е. В.* Апеллятивность и текст. СПб.: Реноме, 2014. 354 с.
10. *Кучинский, Г. М.* Психология внутреннего диалога. Минск: Университетское изд-во, 1988. 304 с.
11. *Леонтьев, А. А.* Язык, речь, речевая деятельность. М.: КомКнига, 2005. 216 с.
12. *Маслов, Ю. М.* Введение в языкознание: учебник для филол. спец. вузов. 3-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1998. 298 с.
13. *Остин, Дж.* Слово как действие / пер. с англ. А. А. Медниковой // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М.: Прогресс, 1986. С. 151–169.
14. *Славгородская, Л. В.* Научный диалог. Л.: Наука, 1986. 220 с.
15. *Руберт, И. Б.* Становление и развитие английских регулятивных текстов. СПб.: Образование, 1995. 209 с.
16. *Якобсон, Р. О.* Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.
17. *Amter, K.* Einführung in die Sprachwissenschaft. Bd. 1. Halle: VEB Max Niemeyer Verlag, 1958. 212 S.
18. *Brinker, K.* Textlinguistik: Studienbiographie. Heidelberg: Universität, 1993. 178 S.
19. *Nord, C.* So treu wie möglich? Die linguistische Markierung kommunikativer Funktion und ihre Bedeutung für die Übersetzung literarischer Texte // Linguistik und Literaturübersetzen. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1997. S. 35–59.
20. *Schmidt, W.* Zur Theorie der funktionalen Grammatik // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. 1969. Bd. 22, Nr. 2. S. 135–151.
21. *Wierzbicka, A.* Semantic Primitives. Frankfurt: Athenäum Verlag, 1972. 253 S.

References

1. Bakhtin, M. M. *Collected Works*, in 7 vol., vol. 5, Works of the 1940s — early 1960s. Moscow, Russkie slovari Publ., 1996, 732 p. (In Russian)
2. Bondarko, A. V. *Functional Grammar*. Leningrad, Nauka Publ., 1984, 136 p. (In Russian)
3. Bondarko, A. V. *Basics of Functional Grammar. Language Interpretation of the Idea of Time*. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta Publ., 1999, 260 p. (In Russian)
4. Bondarko, A. V. *Theoretical Problems of Russian Grammar*. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta Publ., 2004, 208 p. (In Russian)
5. Bondarko, A. V. *Grammar System Categorization*. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2011, 488 p. (In Russian)
6. Bühler, K. *Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache*, transl. from German. Rus. ed. Moscow, Nauka Publ., 1993, 528 p. (In Russian)
7. Zvegintsev, V. A. *Thoughts on Linguistics*. Moscow, LKI Publ., 2008, 336 p. (In Russian)
8. Kagan, M. S. *World of Communication*. Moscow, Politicheskaja literatura Publ., 1988, 315 p. (In Russian)
9. Komleva, E. V. *Appeal and Text*. St. Petersburg, Renome Publ., 2014, 354 p. (In Russian)
10. Kuchinskii, G. M. *Psychology of Internal Dialogue*. Minsk, Universitetskoe izd-vo Publ., 1988, 304 p. (In Russian)
11. Leont'ev, A. A. *Language, Speech, Speech Activity*. Moscow, KomKniga Publ., 2005, 216 p. (In Russian)
12. Maslov, Iu. M. *Introduction to Linguistics: A Textbook for Specialties of Universities*, 3rd ed., revis. Moscow, Vysshaja shkola Publ., 1998, 298 p. (In Russian)
13. Austin, J. How to Do Things with Worlds, transl. from English by A. A. Mednikova. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*, issue 17. Rus. ed. Moscow, Progress Publ., 1986, pp. 151–169. (In Russian)
14. Slavgorodskaja, L. V. *Scientific Dialogue*. Leningrad, Nauka Publ., 1986, 220 p. (In Russian)
15. Rubert, I. B. *Formation and Development of English Regulatory Texts*. St. Petersburg, Obrazovanie Publ., 1996, 209 p. (In Russian)
16. Jakobson, R. O. Linguistics and Poetics. *Strukturalizm «za» i «protiv»*. Moscow, Progress Publ., 1975, pp. 193–230. (In Russian)
17. Ammer, K. *Einführung in die Sprachwissenschaft*, vol. 1. Haale, VEB Max Niemeyer Verlag, 1958, 212 p.
18. Brinker, K. *Textlinguistik: Studienbiographie*. Heidelberg, Universität Publ., 1993, 178 p.
19. Nord, Ch. So treu wie möglich? Die linguistische Markierung kommunikativer Funktion und ihre Bedeutung für die Übersetzung literarischer Texte. *Linguistik und Literaturübersetzen*. Tübingen, Gunter Narr Verlag, 1997, pp. 35–59.

20. Schmidt, W. Zur Theorie der funktionalen Grammatik. *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung*, 1969, vol. 22, no. 2, pp. 135–151.

21. Wierzbicka, A. *Semantic Primitives*. Frankfurt, Athenäum Verlag, 1972, 253 p.

Комлева Елена Валерьевна

профессор кафедры иностранных языков Оренбургского государственного педагогического университета, доктор филологических наук

Адрес: Российская Федерация, 460014, Оренбург, ул. Советская, 19

Elena V. Komleva

Professor at the Department of Foreign Languages,
Orenburg State Pedagogical University, Doctor of Philological Sciences
Address: 19, Sovetskaya str., Orenburg, 460014, Russian Federation

E-mail: elena.v.komleva@gmail.com

SPIN-код: 7017-5375; AuthorID: 348/932

ДИАЛОГ «ИЗВЕСТНОГО» И «НОВОГО»: СТРАТЕГИИ ОПЕРИРОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫМ НАУЧНЫМ ЗНАНИЕМ

Ключевые слова: научная коммуникация, коммуникативная стратегия, прецедентное знание, маркеры научной прецедентности, гипотетическое знание, лингвистический дискурс, тематический дискурс, когерентность дискурса.

В статье анализируется коммуникативный потенциал сегментов общеизвестного, прецедентного лингвистического знания в структуре научной аргументации. Внутритекстовое смысловое взаимодействие различных эпистемических типов знания оценивается как проекция инсценируемого, заочного диалога автора-исследователя с представителями профессионального сообщества, с которым он себя идентифицирует и в котором стремится обрести профессиональный авторитет. Исходным пунктом лингвистического анализа тематических дискурсов является положение о том, что прецедентное знание как общие фоновые сведения об объекте известно всем специалистам в той или иной предметной области и поэтому с информативной точки зрения избыточно. Установлено, что подключение общеизвестного и общепринятого знания к процессу аргументации и формулированию результатов исследования мотивировано прагматически. Приемы оперирования сегментами такого знания рассматриваются как коммуникативные стратегии, нацеленные на решение автором-исследователем различных текущих задач: стимулировать продолжение научной дискуссии, артикулировать личный вклад в решение проблемы, дополнить или пересмотреть общепринятые положения, использовать авторитетную методологию как основу собственного анализа.

S. T. NEFEDOV

Saint Petersburg State University

DIALOGUE BETWEEN EXISTING AND NEW KNOWLEDGE: STRATEGIES OF PRECEDENT SCIENTIFIC KNOWLEDGE OPERATION

Keywords: scientific communication, communicative strategy, precedent knowledge, markers of scientific precedence, hypothetical knowledge, linguistic discourse, thematic discourse, discourse coherence.

The article analyzes the communicative potential of the segments of the well-known, precedent linguistic knowledge in the scientific argumentation structure. The intertextual semantic interaction of various epistemic types of knowledge is evaluated as a projection of the researcher's dialogue being modeled, absentee with the representatives of the professional community he identifies himself with and seeks to gain professional authority. The starting point of the linguistic analysis of thematic

discourses is the proposition that precedent knowledge as a general background information about an object is known to all specialists in a given subject area and therefore, from an informative point of view, is redundant. It is established that the connection of well-known and generally accepted knowledge to the process of argumentation and formulation of research results is motivated pragmatically. The methods of operating such knowledge segments are considered as communicative strategies aimed at solving of various current tasks by the researcher such as to stimulate the continuation of scientific discussion, to articulate personal contribution to solving a problem, to supplement or revise generally accepted provisions, to use an authoritative methodology as a basis for personal analysis.

1. Постановка проблемы и методология анализа

Границы дискурса устанавливаются двумя основными координатами: координатой функции и координатой темы. В классификации дискурсов обе координаты дополняют друг друга. При этом координата функции имеет внешний вектор направленности членения. Она «нарезает» глобальное дискурсивное пространство по коммуникативным практикам употребления языка в соответствии с социально и/или лично значимыми целями, интересами, намерениями, типичными статусно-ролевыми характеристиками участников и специфическими обстоятельствами общения. На этих основаниях выделяются социолингвистические типы дискурса в концепции В. И. Карасика. С одной стороны, В. И. Карасик разграничивает институциональные типы дискурсов, такие как политический, педагогический, религиозный, деловой, научный и другие функциональные разновидности дискурсов, с другой — персональные типы дискурсов, такие как бытовой и бытийный дискурс [4; 5, с. 250–304]. Координата темы, в свою очередь, ориентирована внутрь дискурсивной формации текстов и позволяет упорядочить вокруг единого смыслового стержня «виртуальные корпуса текстов», объединенные вокруг «одного предмета речи, темы, фрагмента знания или понятия» (перевод здесь и далее мой. — С. Н.) [15, S. 14], или — в несколько другой теоретической перспективе — «транстекстовые совокупности тематически сходных высказываний» [20, S. 126]. В этом последнем смысле можно говорить о различных тематических (предметных) типах дискурса, например в рамках политического дискурса выделять такие тематические разновидности, как дискурс «дизельного скандала», дискурс миграции в Европу, дискурс «Северного потока — 2», дискурс глобального потепления и другие. Если взять, далее, научный

лингвистический дискурс, то в его границах конституируются тематические типы, в которых обсуждаются многочисленные аспекты и категории языка. Многообразие предметных дискурсов в том или ином сегменте дискурсивного пространства вряд ли поддается точному исчислению и устремлено в бесконечность.

Дискурсы как совокупности тематически связанных друг с другом текстов, вербализующие человеческую познавательную активность и накопленный опыт в определенной предметной сфере, обладают внутренне присущей когерентностью. Когерентность дискурса создается референциально-семантической связанностью входящих в него текстов. Ее можно было бы иначе обозначить как внутреннюю дискурсивность, то есть повторяющуюся обращенность речевых субъектов к обсуждению одного и того же объекта с разных сторон, в разных проекциях и перспективах. Когерентность дискурса принадлежит к когнитивному уровню дискурсивного анализа, так как устанавливается в опоре на некоторую общую структуру знания, стихийно складывающуюся в разных текстовых манифестациях дискурса, но обращенную к одному предмету речи.

Обсуждая когнитивную природу когерентности дискурса (в терминологии автора — «discourse coherence»), Тальми Гивон указывает на то, что она формируется за счет двух источников: внешнего — коммуникации, коммуникативной практики и внутреннего — разноплановых языковых средств внутритекстовой связанности элементов на уровне текстового смысла, то есть «ментального текста, хранящегося в эпизодической памяти» воспринимающего субъекта [16, p. 125, 179].

В научной коммуникации когерентность предметно-тематических дискурсов, их внутренняя дискурсивность носит сущностный, методологический характер. По точному замечанию В. Е. Чернявской, научно-познавательный процесс с точки зрения познающего субъекта следует рассматривать не как «линейный вектор, а [как] познавательн[ую] спираль, по которой исследователь то идет поступательно вверх, то возвращается к уже известному..., интерпретируя „старое“ и „чужое“ знание для кристаллизации некоторого нового фрагмента [знания]» [14, с. 75]. Постоянное возвращение исследователя к одному и тому же объекту на новом витке его познания не противоречит объективной гносеологической реальности «поступательно-линейного формирования знания, когда

новое открытие опирается на предыдущее и неумолимо ведет к истине»¹.

Рекурсия и поступательность создают динамику в науке, в разработке научных знаний. В конечном итоге они являются причиной качественного многообразия типов научного знания о некотором объекте — типов, которые в ходе непрерывного научно-познавательного процесса вступают в диалогическое взаимодействие друг с другом.

В настоящей работе предпринимается попытка описать «диалог» наличного (общеизвестного в лингвистическом германистическом сообществе) знания и нового знания, еще не интегрированного в систему общедисциплинарного знания. Этот «диалог» не только формирует внутреннюю когерентность лингвистического дискурса, но и является ведущей коммуникативной стратегией представления и операционализации новых сведений об изучаемом объекте.

Следует отметить, что многослойность научного знания и характеристики отдельных его типов не раз становились объектом рассмотрения в разных исследовательских перспективах и в разных направлениях гуманитарных наук. По нашему мнению, наиболее полно представлены на сегодняшний момент следующие аспекты научного знания:

- 1) сущностные характеристики типов научного знания и их места в онтологии науки с общефилософских позиций (см., например: [3; 22]);
- 2) когнитивный и лингвокогнитивный подходы в рассмотрении знаний как понятийно-смысловой базы в механизмах восприятия и понимания текстовых сообщений (см., например: [17; 18; 12; 19]);
- 3) выделение эпистемических «блоков» научного знания в смысловой структуре научных текстов (см., например: [2; 6, с. 70–71]);
- 4) прагматика выдвижения нового научного результата в гуманитарных науках [13; 14].

Указанные линии в изучении типов научного знания, как они представлены в текстах различных тематических дискурсов, не покрывают, естественно, всего комплекса стоящих перед исследова-

¹ «...knowledge emerges in a linear step-wise fashion, each new finding building on the last and leading inexorably towards the truth...» [18, p. 30].

телями задач, составляют только часть «познанного» и могут быть продолжены по многим другим направлениям. В частности, автор данной статьи убежден, что широта научных обобщений при создании теоретических моделей изучаемого объекта должна дополняться более детальным анализом типов знания в естественных контекстах его формулирования. В этом смысле настоящая работа частично восполняет некоторые лакуны в рассмотрении феноменов наличного и нового знания в двух отношениях. С одной стороны, традиционный структурно-грамматический анализ в третьем разделе статьи дает систематизированные сведения о языковых маркерах при апелляции автора-исследователя к предпосылочному, широко известному в лингвистическом научном сообществе знанию. Такого рода сведения о диапазоне маркеров общеизвестности (прецедентного научного знания) позволяют более точно и обоснованно проводить сегментацию текстов по качеству эксплицированного знания и выделять важные для поступательной динамики науки сегменты, в которых представлен «объективно/субъективно новый личностный результат» [14, с. 75]. С другой стороны, социолингвистический анализ конкретных текстов на фоне сопряженных с ними тематических дискурсов продолжает лингводискурсивную линию изучения языковых структур как средств осуществления научной аргументации, намеченной автором данной статьи в более ранних публикациях [8–10].

Эмпирическую базу предпринятого анализа составляют сегменты лингвистического (германистического) дискурса — научно-исследовательские статьи и главы коллективных монографий — из предметных областей «коммуникативно-функциональная грамматика» и «(лингвистическая) прагматика», тематически близких научным интересам автора. Это последнее ограничение должно служить некоторой гарантией объективности проведенного анализа, поскольку, как надеется автор, он обладает более или менее полными фоновыми знаниями, чтобы дифференцировать «известное» и «новое» в соответствующих предметных областях.

2. Многослойность лингвистического знания

В лингвистических текстах фиксируется сложная структура научно-познавательного процесса и получаемых в ходе отдельных его этапов знаний. Эта сложность проистекает уже из того, что научное

изучение любого феномена, в том числе лингвистического, — это растянутый во времени и непрерывный процесс, у которого есть свое начало, некоторая история, актуальное состояние и потенциал развития. С общефилософских позиций временной фактор в научной деятельности анализируется В. В. Ильиным [3]. Наряду с наличием альтернативных и конкурирующих друг с другом точек зрения на изучаемый объект временное измерение создает, по мнению этого ученого, «многоярусность науки» и, соответственно, многообразие типов научного знания. Рассматривая онтологический аспект функционирования науки и формирования научного знания, В. В. Ильин выделяет три базовых сегмента в «онтологии» (устройстве) науки как таковой: «науку переднего края», «твердое тело науки» / «эвидентный базис науки» и «историю науки» [3, с. 98]. Каждая из этих структур в общем «здании науки» опирается на характерный именно для нее тип знания: «наука переднего края» — на гипотетическое, еще не подтвержденное научным сообществом и дискутируемое знание; «эвидентный базис науки» — на нормативное, аксиоматическое знание, стабилизирующее и направляющее научные исследования; «история науки» хранит все когда-либо полученные результаты о некотором объекте: и подтвержденные, и опровергнутые полностью или частично знания [3, с. 95–99]. Следует особо подчеркнуть, что каждый из этих типов знания является значимым для научной деятельности и обладает своей эпистемологической ценностью. Даже устаревшее и вышедшее из активного использования знание может оказаться стимулом для продуктивной научной рефлексии и перспективной разработки проблемы в будущем.

В лингвистическом научном дискурсе и его тематических разновидностях естественным образом представлены все три типа знания, выделяемые на онтологических основаниях: нормативное, гипотетическое и устаревшее. Кроме того, по степени обобщенности лингвистическое знание может быть дифференцировано на следующие виды:

- общелингвистические аксиомы (*язык — это знаковая система*);
- общепринятые положения частных лингвистических дисциплин, например лингвистической прагматики (*выбор языковых средств из ряда альтернативных прагматически обусловлен*);

- знания, касающиеся конкретных категорий и единиц той или иной частной лингвистической дисциплины (например, знания о таких категориях прагматики, как *контекст*, *речевое действие*, *перформатив*, *дейксис* и так далее);
- знания о разных свойствах, аспектах и характеристиках отдельных категорий и единиц (например, знания о свойствах и типах контекста).

Разные по степени обобщения структуры знания образуют иерархически организованную концептуальную сеть и лежат в основании когерентности лингвистического дискурса. Когерентность тематических дискурсов воссоздается и поддерживается в коммуникации между представителями профессионального лингвистического сообщества, специализирующимися в том или иной предметной области.

3. Маркеры прецедентности в лингвистическом тексте

Между понятиями «прецедентное знание», «нормативное знание» и «наличное знание» складываются нетождественные логико-семантические отношения. При этом термином «наличное знание» обозначается самая широкая категория знаний, охватывающая все когда-либо полученные знания о том или ином объекте. Отношения между категориями «нормативное знание» и «прецедентное знание» допускают различную трактовку. Самый очевидный вариант интерпретации этих отношений — это отождествление «прецедентного знания» с «нормативным», что, по-видимому, действительно для многих прецедентных структур знания. Вместе с тем «прецедентное» в ряде случаев оказывается гораздо шире «нормативного», претендующего на вневременную стабильность и постоянное активное использование в научной дисциплине. Так, с одной стороны, общеизвестные теоретические положения, входившие в прошлом в «эвидентный базис» лингвистической науки, могут устаревать и терять статус нормативного знания в современной лингвистике. Таково, например, положение представителей сравнительно-исторического языкознания XIX века и его младограмматического направления о научности только диахронического изучения языка. С другой стороны, прецедентное знание, то есть известное на каком-то этапе исследования объекта значительному

кругу исследователей, может функционировать в лингвистических дисциплинах как активно дискутируемое и гипотетическое и не входить в категорию «нормативное знание». В качестве примера здесь можно привести хорошо известное в лингвистике текста и дискурса мнение В. Е. Чернявской об интертекстуальности как «однозначно маркированном эксплицитном диалоге „своего“ и „чужого“ текстов», а не «всяк[ого], даже отдаленн[ого] отношения между текстами по сходству тем, сюжетов, идей...» [11, с. 227–228].

В настоящей статье «прецедентное» будет пониматься в расширительном смысле и опираться на критерий известности того или иного фрагмента знания широкому кругу лингвистов независимо от его эпистемического статуса. Косвенным свидетельством прецедентности является отнесенность знания к известным теоретическим подходам прошлого и настоящего, а также высокая цитируемость работ того или иного автора, в которых это знание сформулировано. Как правило, прецедентное знание связывается с именами авторитетных в лингвистике исследователей и их научными работами. Как пишет по этому поводу В. И. Карасик, «[п]рецедентными текстами для научного дискурса являются работы классиков науки, известные многим цитаты, названия монографий и статей, прецедентными становятся и иллюстрации, например, лингвистам хорошо известны фразы *Colourless green ideas sleep furiously* и *Flying planes can be dangerous*, используемые в работах по генеративной грамматике» [4, с. 14–15]. Знания об общепринятых, прошедших проверку временем и практикой теоретических положениях лингвистики, о ведущих подходах и направлениях на разных этапах ее развития, об авторитетных исследователях прошлого и настоящего, их идеях и широко цитируемых работах, наконец, об общих нормах проведения научных исследований и формулировании полученных результатов в текстовой форме — все эти знания составляют общий предварительный (предпосылочный) фонд профессиональных знаний. Общий фонд знаний в соответствующей предметной области обеспечивает саму возможность профессиональной научной коммуникации между представителями академического лингвистического сообщества. Не случайно поэтому у исследователей нередко возникает потребность в эксплицитных отсылках к общеизвестному фоновому знанию и его вербализации, чтобы эффективно решать текущие задачи представления и обоснования лично полученных результатов.

Сегменты прецедентного знания выявляются в ходе структурно-грамматического и контекстно-семантического анализа лингвистических текстов. При этом можно говорить о двух основных способах маркирования и интеграции прецедентного знания в базовый авторский текст: во-первых, посредством эксплицитных и, во-вторых, с помощью косвенно-эксплицитных языковых средств. В качестве прямых эксплицитных показателей прецедентности знания, формулируемого в текстовых высказываниях, выступают прежде всего наречия и синтаксические структуры разной степени сложности с семантикой известности (*bekanntlich* — Zifonun, S. 103; *bekanntermaßen* — Zifonun, S. 110), привычности (*üblicherweise* — Steinhoff, S. 11; *wie üblich* — Zifonun, S. 109), традиционности (*traditionell*; *Wie die Wissenschaftsgeschichte zeigt* — Steinhoff, S. 17), типичности (*typischerweise* — Bücking, S. 261; *Übereinstimmend wird angenommen* — Egbert, S. 15), нормативности (*normativ formuliert* — Steinhoff, S. 2), всеобщности (*generell* — Hennig, S. 419), распространенности (*verbreitet* — Steinhoff, S. 7) и другие. Поскольку по своей функции такие языковые показатели выражают авторскую оценку достоверности сообщаемой информации, ее эпистемологический статус в системе дисциплинарного знания и актуализируют тем самым теоретическую позицию автора-исследователя в текущем тематическом дискурсе, то они должны быть отнесены к категории «эпистемических модальных компонентов». (Об эпистемической модальности и средствах ее выражения см. подробнее: [7].) Например:

- (1) ***Bekanntlich** ist das Konstruktionsmuster im Deutschen nicht nur durch Entlehnung präsent, sondern ebenso im nativen Wortschatz, sowohl, was native nominale Basen angeht als auch die Ableitungssuffixe* (Zifonun, S. 103). — «Как известно, в немецком языке модели конструкций (с относительными прилагательными. — С. Н.) представлены благодаря не только заимствованиям, но и в равной мере исконному словарю, в отношении как именных производящих основ, так и словообразовательных суффиксов».

Приведенный текстовый фрагмент открывает в статье Г. Цифонун, посвященной в целом формально-грамматическому варьированию построений с относительными прилагательными в современном немецком языке, раздел под названием «Исконные структуры и интерференция». В нем формулируется общеизвест-

ное положение морфологии о двух типах грамматических моделей формообразования относительных прилагательных в немецком языке: 1) моделях, калькированных из латыни с участием исконно немецких основ и суффиксов, например *spirit + alis* → *atum + lih* (пример Г. Цифонун) и 2) моделях исконно германских (субстантивные конструкции с генитивным и предложным атрибутом, композиты). Эксплицитная отсылка к общеизвестным фоновым знаниям осуществляется здесь с помощью модально-эпистемического компонента *bekanntlich*.

Косвенно-эксплицитной формой апелляции автора-исследователя к прецедентному лингвистическому знанию являются обозначения всем известных лингвистических теорий и подходов, имена языковедов и названия их работ. Хотя в языковой структуре лингвистических текстов такие сигналы прецедентности выступают в видимой, материализованной форме, они представляют собой опосредованный способ выражения прецедентности, так как требуют от адресата дополнительного мыслительного шага в процессе интерпретации и отождествления сообщаемого с общеизвестным знанием. По сути, здесь имеет место косвенная номинация прецедентного знания на основе метафоро-метонимического замещения обозначаемого через имя собственное лица и/или наименование продукта его интеллектуальной деятельности. Например:

- (2) *Ich zähle diese Formen (die verfasserreferentiellen Formen. — С. Н.) zur „Alltäglichen Wissenschaftssprache“ (AWS). Dieser Begriff stammt von Konrad Ehlich (z. B. 1993). Zur AWS rechnet Ehlich (ebd., 33) „die fundamentalen sprachlichen Mittel <...>, derer sich die meisten Wissenschaften gleich oder ähnlich bedienen“. Damit lenkt er die Aufmerksamkeit auf die in der Fachsprachen- und Wissenschaftslinguistik bis dato vernachlässigten <...> Ausdrucks- und Konstruktionsmuster der Wissenschaftssprache (Steinhoff, S. 6). — «Эти формы (формы авторизации. — С. Н.) я причисляю к „общепринятому языку науки“ (ОЯН). Данное понятие принадлежит Конраду Элиху (см., напр., работу 1993 года). К ОЯН Элих (там же, с. 33) относит „важнейшие языковые средства <...>, которые большинство наук использует одинаково или сходно“. Тем самым он обращает внимание на средства и модели построения этих средств в языке науки, которыми до сих пор пренебрегали в лингвистике профессиональных языков и лингвистике научной речи».*

В данном текстовом фрагменте из статьи Торстена Штайнхоффа актуализируется сегмент прецедентного знания о так называемом «общепринятом языке науки» — операционном понятии, активно используемом современными лингвистами при описании языка науки. Можно сказать, что на настоящий момент данное понятие и его трактовка уже вошли в систему базового фонового знания лингвистики научной коммуникации. Средствами косвенного указания на прецедентность формулируемой научной информации здесь служат общеизвестный в лингвистической дисциплине термин, имя ученого, который ввел этот термин в научный оборот лингвистики научной речи, ссылка на научную работу, в которой впервые вводится термин, а также прямая цитата с трактовкой данного термина.

Представленное выше краткое рассмотрение текстовых извлечений (1) и (2) с прецедентными структурами лингвистического знания вне их связи с целостным процессом научной аргументации, в который они, конечно же, включены, порождает закономерный вопрос: зачем писать о том, что и так всем специалистам известно? Логично предположить, что обращение автора-исследователя к прецедентному знанию обусловлено прагматически и не является случайным. Актуализация в сознании потенциальных адресатов общеизвестных сведений в соответствующей предметной области лингвистики может служить, как это показано в следующем разделе настоящей статьи, весьма разным целям.

4. Стратегии подключения прецедентного знания к аргументации

Частые ссылки на прецедентное знание в лингвистических работах мотивированы как общими дискурсивными нормами научной деятельности, так и текущими стратегическими задачами конкретных исследователей. С одной стороны, прямое включение в авторский текст фрагментов прецедентного лингвистического знания и/или косвенная их актуализация в сознании реципиента соответствуют основополагающим принципам коммуникации в науке — преемственности и поступательности в разработке научных проблем. Поэтому опора на устоявшееся знание, принимаемое большинством специалистов в той или иной предметной области, выглядит вполне закономерным в практике проведения научных

исследований. С другой стороны, научные тексты призваны фиксировать новый результат. Поэтому фрагменты общеизвестного и традиционного для научной дисциплины знания кажутся малоинформативными и избыточными. Действительный вклад таких фрагментов знания в тематический дискурс следует искать, как представляется, не на уровне информационной, а на уровне прагматической структуры текста. Прецедентные эпистемические структуры становятся исходной фоновой базой для интеграции исследователя в текущий тематический дискурс, идентификации с профессиональным лингвистическим сообществом и продвижения на этой платформе собственной теоретической позиции. Как показывает проведенный анализ 15 научно-исследовательских журнальных статей и 4 статей в сборниках научных трудов на немецком языке общим объемом 392 печатных страницы, что составляет около 10 тысяч текстовых предикаций², в обследованных лингвистических текстах выделяются следующие основные типы коммуникативных стратегий апелляции автора-исследователя к прецедентному знанию.

4.1. Стратегия оспаривания валидности прецедентного знания

Прецедентное знание обычно активно используется в соответствующей предметной дисциплине. В целом ряде проанализированных контекстов, однако, исследователи выражают свое несогласие с традиционными, сложившимися в ходе истории изучения того или иного научного объекта представлениями и общеизвестными положениями. Подвергая по ходу аргументации устоявшиеся утверждения критике, исследователи тем самым ставят под сомнение их обоснованность и дальнейшую применимость в лингвистическом анализе. Например:

- (3) *In den bisherigen Studien wird davon ausgegangen, die typische Stellung von 'übrigens' sei am Satzanfang im Vor-Vorfeld oder im Vorfeld...* (Altmann 1981, Thim-Mabrey 1985, s. a. 1984, 1988, Auer 1991, Schanen 1993). <...> *Um diese Frage zu beantworten, unter-*

² Вслед за В. Г. Адмони и Харальдом Вайнрихом под текстовой предикацией понимается двухкомпонентная текстовая структура, воплощающая динамическое развертывание пропозиционального содержания текста и состоящая из предикативно определяемого компонента (субъекта) и предизируемого признака (предиката) [1, с. 14; 21, S. 183].

suchte ich ein Datenkorpus von 25 Stunden Aufnahmen gesprochener Alltagssprache und fand 26 Belege für 'übrigens', davon 24 im Mittelfeld, und zwar alle im Verb-Zweit-Satz vom Typ Aussagesatz. Das obige Datensegment erweist sich somit als prototypisches Beispiel (Egbert, S. 1–2). — «В прежних исследованиях исходят из того, что типичной позицией übrigens является пред-предполье или предполье в самом начале предложения... (Altmann 1981, Thim-Mabrey 1985, s. a. 1984, 1988, Auer 1991, Schanen 1993). <...> Чтобы ответить на этот вопрос, я обследовала корпус данных из записей устной разговорной речи продолжительностью в 25 часов и обнаружила 26 употреблений übrigens, из них 24 в серединной позиции, а именно: все употребления — в повествовательном предложении с личной формой глагола на втором месте. Тем самым названный выше сегмент данных демонстрирует прототипический пример реализации»;

- (4) <...> *In den bisherigen Studien wird angenommen, 'übrigens' zeige einen plötzlichen Themenwechsel, einen Gedankensprung oder eine Abschweifung an* (von Roncador/Bublitz 1979: 285, Altmann 1981: 89, Thim-Mabrey 1985: 92, Helbig 1988: 225, Paul 1992: 928). *Dieses kann für 'übrigens' im Mittelfeld nicht als Muster bestätigt werden. Vielmehr scheinen Sprecher/innen es einzusetzen, um gemeinsames Vorwissen zu aktivieren* (Egbert, S. 2). — «<...> В прежних исследованиях принимается также, что übrigens указывает на неожиданную смену темы, резкий поворот в мыслях или отклонение от темы (von Roncador/Bublitz 1979: 285, Altmann 1981: 89, Thim-Mabrey 1985: 92, Helbig 1988: 225, Paul 1992: 928). Эта функция не подтверждается для übrigens в серединной позиции как типичная. Говорящие, скорее, как кажется, стремятся к тому, чтобы активизировать общие предварительные знания».

Приведенные текстовые фрагменты (3) и (4) являются извлечениями из второго и четвертого абзаца введения (Einleitung) к статье Марии Эгберт, посвященной изучению синтаксического местоположения и функции *übrigens* в немецких предложениях диалогической спонтанной речи. Жирным шрифтом в них выделено формулирование прецедентных сведений о данной языковой единице. На прецедентный статус сообщаемого указывается эксплицитно в предваряющей матричной структуре со смысловым центром, реферирующим к прежним исследованиям (*in den bisherigen Studien*). В обоих случаях прецедентность данных высказываний

обосновывается, кроме того, развернутой ссылкой на работы предшественников, в которых представлена общепринятая теоретическая позиция. При этом в непосредственно следующих за формулировкой прецедентного знания высказываниях последовательно реализуется коммуникативная стратегия несогласия автора-исследователя с общепринятой точкой зрения о типичной синтаксической позиции (фрагмент (3)) и о ведущей функции *überigens* в диалогических высказываниях (фрагмент (4)). Несогласие выражается во фрагменте (3) через контекстуальное противопоставление полученных М. Эгберт новых данных о *überigens* общеизвестным сведениям, а в (4) — благодаря прямому их опровержению в высказывании с включением эксплицитного отрицания.

4.2. Стратегия фокусирования личного вклада на фоне прецедентного знания

В научной аргументации широко представлены ситуации, когда прецедентное знание используется автором-исследователем в качестве теоретического фона для выделения личного вклада в изучаемую проблему. Данная коммуникативная стратегия коррелирует с типичной логической структурой аргументации, включающей три последовательно сменяющих друг друга этапа: формулирование прецедентного знания — его критическую оценку — предложение автором новых решений. С прагматической точки зрения данную модель аргументации можно квалифицировать как одну из наиболее эффективных, так как она позволяет автору-исследователю намеренно создавать и — что особенно важно — контролировать коммуникативное напряжение и ожидания в общении с потенциальным адресатом. При этом этап критики и ревизии устоявшегося знания лежит в основании «интриги» в инсценируемом научном диалоге ученого с коллегами по цеху. Отрицание общеизвестного и общепринятого стимулирует у воспринимающего возникновение ожиданий дальнейшей текстовой информации и одновременно расчищает место для коммуникативно значимой, новой информации.

Так, в самом начале своей статьи о немецких предложениях ирреального сравнения Себастьян Бюкинг обращается к новейшей истории их изучения и суммирует широко принятые в немецкой германистике сведения об этих структурах, ссылаясь на целый ряд работ современных немецких лингвистов:

(4) *Hypothetische Vergleichssätze (= HVs) im Deutschen* (vgl. u. a. Kaufmann (1973), Kasper (1987), Oppenrieder (1991), Bergerová (1997), Hahnemann (1999), Thurmair (2001), Eggs (2006), Fabricius-Hansen (2007), Jäger (2010), Pauly (2013), Demske (2014)) *kommen in vier kanonischen Strukturvarianten vor: 'als' kann mit 'wenn', 'ob' und initialer Verbstellung (= V1) kombiniert werden, vgl. (1), während 'wie' allein mit 'wenn' auftritt, vgl. (2).*

(1) *Hanno fährt Fahrrad, a. als wenn er betrunken wäre. b. als ob er betrunken wäre. c. als wäre er betrunken.*

(2) *Hanno fährt Fahrrad, a. wie wenn er betrunken wäre. b. *wie ob er betrunken wäre. c. *wie wäre er betrunken.*

Typischerweise *modifizieren HVs den jeweiligen Matrixsatz modal...* (Bücking, S. 262).

«Предложения ирреального сравнения (= HVs) в немецком языке (ср., среди прочего, Kaufmann (1973), Kasper (1987), Oppenrieder (1991), Bergerová (1997), Hahnemann (1999), Thurmair (2001), Eggs (2006), Fabricius-Hansen (2007), Jäger (2010), Pauly (2013), Demske (2014)) выступают в четырех канонических структурных вариантах: *als* может комбинироваться с *wenn*, *ob* и вводить придаточные предложения с финитной формой предиката в инициальной позиции, ср. (1), тогда как *wie* используется только вместе с *wenn*, ср. (2) (примеры (1) и (2) см. в переводимом немецком тексте. — С. Н.).

Обычно предложения ирреального сравнения модифицируют соответствующее матричное предложение в модальном отношении...»

Прецедентность информации о немецких предложениях ирреального сравнения маркируется в приведенном выше текстовом извлечении прямо, через модально-эпистемический компонент *typischerweise*, а также косвенным образом, через ссылки на многочисленные работы современных немецких лингвистов по обсуждаемой теме. К формулировке устоявшихся в функциональной грамматике сведений о данных структурах непосредственно примыкает абзац, в котором С. Бюкинг подвергает критике общепринятое мнение. Критика выражается при помощи высказываний с включением эксплицитного и имплицитного отрицания, создающего текстовые смыслы недостаточности, неполноты и отсутствия; ср.:

- (6) *Allerdings sind theoretisch geleitete explizite Analysen... Mangelware. Nicht zufällig fehlt meines Erachtens immer noch eine überzeugende Erklärung für den markanten wie/als-Kontrast. <...> Wie zu zeigen sein wird, greift dabei Jägers (2010) Ansatz... zu kurz. <...> diskutiert Demske keine wie-HVs und klärt damit auch nicht den Kontrast zu 'als' (Bücking, S. 263).* — «Впрочем, теоретически основательный, эксплицитный анализ является дефицитным. Не случайно все еще отсутствует, по моему мнению, убедительное объяснение ярко выраженного различия структур с *wie* и *als* <...>. Как будет показано, подход Егера (2010) недостаточно глубокий. <...> Демске вообще не обсуждает предложения ирреального сравнения с *wie* и не объясняет поэтому их отличия от сопоставимых с *als*».

В заключительном абзаце рассматриваемого раздела статьи вербализован завершающий этап аргументации. Здесь С. Бюкинг формулирует свои собственные предложения по дальнейшему изучению предложений ирреального сравнения с *wie* и *als*, которые позволят, с его точки зрения, восполнить существующие пробелы. По сути, в этой части работы автор-исследователь впервые представляет адресату лично полученный, новый результат на фоне сложившегося в германистике прецедентного знания.

4.3. Стратегия адаптации прецедентного знания

Определенная часть прецедентного знания, как это было отмечено выше, является знанием аксиоматическим и формирует «эпистемическую платформу» для проведения частных исследований в той или иной лингвистической дисциплине. Так, некоторые разработанные в прошлом лингвистические теории, подходы к анализу языковых феноменов, операционные теоретические понятия могут сохранять свою актуальность и объяснительный потенциал на протяжении весьма длительного времени. Как стабилизированное, прецедентное знание они могут использоваться в современных лингвистических работах и даже составлять методологическую основу проводимого лингвистического анализа. Например:

- (7) *In Anlehnung an die Theorie der „construction grammar“ (Fillmore/Kay/O'Connor 1988) kann dieses Muster (das Muster von begriffsbildenden Textprozeduren. — С. Н.) als eine „grammatical construction“ verstanden werden, d. h. als eine (weiter zerlegbare und strukturier-*

bare) syntaktische Konstruktion, die einen konventionalisierten semantisch-pragmatischen Mehrwert aufweist (Steinhoff, S. 18). — «Следуя теории „грамматики конструкций“ (Fillmore/Kay/O’Connor 1988), эту модель построения (модель экспликации процедуры определения понятия. — С. Н.) можно трактовать как „грамматическую конструкцию“, т. е. как далее разложимую и членимую структуру, которая обнаруживает конвенционализированное приращение семантико-прагматического смысла»;

- (7) *Wie bereits an der verwendeten Terminologie erkennbar ist, nutzt diese Studie die Erkenntnisse der syntaktischen Feldertheorie (Drach 1963, Boost 1955, Abraham 1992, Engel 1970, 1972, 1977, Haftka 1981, Reis 1980, sowie v. a. m.). Demnach lässt sich der deutsche Satz als eine Einheit ansehen, welche aus einer Folge von Feldern besteht. Grundlegend dabei ist die Stellung des finiten Verbs... (Egbert, S. 3).* — «Как это уже видно по используемой терминологии, в данном исследовании находят применение достижения синтаксической теории полевых структур (Drach 1963, Boost 1955, Abraham 1992, Engel 1970, 1972, 1977, Haftka 1981, Reis 1980, а также многие другие). В соответствии с этой теорией немецкое предложение можно рассматривать как целостную структуру, которая состоит из последовательности полей. При этом основополагающим является местоположение финитного глагола...»

В текстовых фрагментах (7) и (8) авторы соответствующих лингвистических статей используют стратегию адаптации прецедентных теорий для своих частных исследований. При описании функционального потенциала высказываний с предикатами *bezeichnen als, betrachten als, setzen mit* и подобными в контекстах научной коммуникации Торстен Штайнхофф опирается на «грамматику конструкций» (фрагмент (7)) — особое направление когнитивной семантики, получившее популярность в начале 2000-х годов. Основной теоретический постулат «грамматики конструкций», как известно, сводится к тому, что у большинства грамматических конструкций общее значение не сводится к сумме выделяемых значений составляющих частей, а представляет собой особое, конвенционально закрепленное узусом употребления надстоящее значение. Это положение «грамматики конструкций» Т. Штайнхофф использует, чтобы обосновать общее функциональное назначение рассматриваемых высказываний, выражающих коммуникативно-речевые действия (процедуры) дефиниционного определения понятий.

В статье М. Эгберт (фрагмент (8)) задействована известная всем германистам синтаксическая теория полевых структур в анализе синтаксической позиции слова *übrigens*.

4.4. Стратегия стимулирования научной дискуссии на базе прецедентного знания

Прецедентное знание становится в ряде контекстов профессиональной коммуникации удобной стартовой площадкой для развертывания научной дискуссии. В некотором смысле условия реализации обсуждаемой здесь коммуникативной стратегии сближаются с осуществлением стратегии выделения личного результата на фоне прецедентного знания, рассмотренной в разделе 4.2. Вместе с тем здесь имеются и некоторые отличия. Так, автор-исследователь не подвергает критике и не опровергает обоснованность прецедентного знания. Он, напротив, принимает соответствующие общеизвестные положения, но стремится осмыслить их в новом теоретическом контексте и на новом эмпирическом материале. Тем самым прецедентное знание выступает исходным пунктом для дальнейшего научного анализа объекта в рамках тематического дискурса. Например:

- (9) *Üblicherweise wird angenommen, dass der ersten Person Singular die deiktische Funktion eines Sprecherverweises zukommt* (vgl. DUDEN 1998, 330). *Nach Bühler (1978/1934, 107) ist das 'ich' ein „Grundzeitwort“, das die Funktion einer sprachlichen „Individualmarke“ hat. In der Domäne der Wissenschaftskommunikation wird mit dem 'ich' jedoch — genau betrachtet — nicht auf den Sprecher/Schreiber oder das Individuum an sich verwiesen. <...> Ich möchte... zeigen, dass sich in Wissenschaftstexten verschiedene Ich-Typen nachweisen lassen, denen bestimmte Rollen des Schreibers korrespondieren* (Steinhoff, S. 11–12). — «Принято считать, что первому лицу единственного числа соответствует дейктическая функция указания на говорящего (ср. DUDEN 1998, 330). По Бюлеру (1978/1934, 107), „я“ — это центральное указательное слово, которое имеет функцию „индивидуальной метки“. В сфере научной коммуникации, однако, с помощью „я“ — собственно говоря — не указывается на говорящего/пишущего или индивида как такового. <...> Я хотел бы показать, что в научных текстах можно выявить разные типы „я“, с которыми корреспондируют определенные роли пишущего (создателя текста. — С. Н.)».

В данном фрагменте из статьи Т. Штайнхоффа речь идет о семантико-номинативной функции личного местоимения 1-го лица единственного числа «я». Ни у кого из лингвистов не вызывает возражений общеизвестный факт, что «я» всегда отсылает к автору высказывания — к говорящему или пишущему. Это аксиоматическое положение принимает и Т. Штайнхофф. Вместе с тем в разных контекстах научной аргументации автор устного или письменного текста может принимать на себя различные актуальные роли: автора-исследователя, автора-наблюдателя, автора — создателя текста и так далее. Принимаемое прецедентное знание выступает, таким образом, здесь как стимул для продолжения научной дискуссии и переосмысления устоявшегося знания.

5. Заключение

В результате проведенного лингвистического анализа тематических дискурсов по проблемам коммуникативно-функциональной грамматики и лингвопрагматики выявлены основные типы языковых средств эксплицитного и косвенно-эксплицитного маркирования прецедентных структур знания в немецкоязычных научных статьях. Эксплицитные средства (наречия и синтаксические структуры с семантикой известности, нормативности, типичности и так далее) сигнализируют о теоретической позиции автора-исследователя в соответствующем тематическом дискурсе, его оценку эпистемического статуса сообщаемой информации и квалифицируются как особая подгруппа языковых элементов в категории модально-эпистемических компонентов. Косвенно-эксплицитные средства прецедентности (имена авторитетных лингвистов, названия научных работ, лингвистических направлений и подходов, общеизвестные термины специальных лингвистических дисциплин и другие) трактуются как косвенный способ указания на прецедентность сообщаемой информации, активизирующий в сознании воспринимающего общие фоновые знания в соответствующей предметной области.

В ходе контекстно-семантического и лингво-эпистемического анализа сегментов знания, воплощенных в обследованных научных статьях, установлена роль прецедентного знания в структуре научной аргументации. Смысловые отношения общеизвестного/общепринятого знания с гипотетическим, еще не подтвержден-

ным лингвистическим сообществом знанием, в котором фиксируются новые аспекты, свойства и функции объектов, рассматриваются как их диалогическое взаимодействие. Диалог «известного» с «новым» становится в научной коммуникации автора-исследователя со своими коллегами незаменимым прагматическим инструментом, который позволяет ему эффективно осуществлять текущие задачи в разворачивающемся аргументативном процессе: стимулировать продолжение научной дискуссии, актуализировать свой личный вклад в изучаемую проблему, проводить ревизию или уточнение устоявшихся сведений об объекте в новом теоретическом контексте и в опоре на новые эмпирические факты, демонстрировать актуальность и востребованность прецедентного знания или же, напротив, оспаривать его достоверность. Это всегда заочный и коммуникативно напряженный диалог конкретного исследователя с представителями профессионального сообщества специалистов, с которыми он себя идентифицирует.

Источники иллюстративного материала и сокращения

Bücking — *Bücking*, S. Zur Syntax hypothetischer Vergleichsätze im Deutschen // Zeitschrift für germanistische Linguistik. 2015. Bd. 43, Nr. 2. S. 261–305.

Egbert — *Egbert*, M. Syntaktische Merkmale von *übrigens* in der Hauptposition: im Mittelfeld des Verb-Zweit-Satzes // Zeitschrift für germanistische Linguistik. 2002. Bd. 30. S. 1–22.

Steinhoff — *Steinhoff*, T. Zum ich-Gebrauch in Wissenschaftstexten // Zeitschrift für germanistische Linguistik. 2007. Bd. 35. S. 1–26.

Zifonun — *Zifonun*, G. Relationale Adjektive — ein „klassisches“ Muster im europäischen Vergleich // Deutsche Sprache. 2011. Jg. 9, H. 2. S. 98–112.

Литература

1. Адмони, В. Г. О предикативности // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. Ф-т иностр. языков. 1957. Т. 28, вып. 2. С. 23–44.

2. Баженова, Е. А. Научный текст в аспекте политекстуальности. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2001. 269 с.

3. Ильин, В. В. Критерии научности знания: монография. М.: Высшая школа, 1989. 128 с.

4. Карасик, В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. трудов. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.

5. *Карасик, В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гно-сис, 2004. 390 с.
6. *Котюрова М. П., Баженова Е. А.* Культура научной речи: текст и его редактирование: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Флинта; Наука, 2008. 280 с.
7. *Нефёдов, С. Т.* Коммуникативная модальность и эпистемические модальные компоненты в немецком языке (синхрония и диахрония) / под ред. К. А. Филиппова. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. 201 с.
8. *Нефёдов, С. Т.* Императивы как инструмент диалогизации научного текста // Научное мнение: науч. журнал / С.-Петербур. университетский консорциум. СПб., 2015. № 9-1. С. 9–18.
9. *Нефёдов, С. Т.* Функциональный потенциал вопросительных структур в научных лингвистических текстах // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Серия 2. Языкознание. 2015. № 4 (28). С. 65–74.
10. *Нефёдов, С. Т.* Рестриктивная аргументация: модальные слова сомнения и общезначимости (на материале немецкоязычных лингвистических статей) // Вестник С.-Петербур. ун-та. Язык и литература. 2017. Т. 14, вып. 4. С. 599–610, <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2017.408>.
11. *Чернявская, В. Е.* Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие. М.: Либроком, 2009. 248 с.
12. *Чернявская, В. Е.* Прошлое как текстовая реальность: методологические возможности лингвистического анализа исторического нарратива // Вестник Томск. гос. ун-та. Филология. 2015. № 3 (41). С. 76–86.
13. *Чернявская, В. Е.* Выдвижение нового знания в структуре публикации (на материале научно-исследовательской статьи по лингвистике) // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2017. № 5. С. 99–107.
14. *Чернявская, В. Е.* Научный текст. Выдвижение результата как коммуникативная и языковая проблема. М.: Ленанд, 2017. 144 с.
15. *Busse, D., Teubert, W.* Ist Diskurs ein sprachliches Objekt? Zur Methodenfrage der historischen Semantik // Begriffsgeschichte und Diskursgeschichte. Methodenfragen und Forschungsergebnisse der historischen Semantik / hrsg. von D. Busse, F. Hermanns, W. Teubert. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1994. S. 10–28.
16. *Givón, T.* Context as Other Minds. The Pragmatics of Society, Cognition and Communication. Amsterdam: Benjamins, 2005. 283 p.
17. *Gumperz, J. J.* Sharing Common Ground // Soziale Welten und kommunikative Stile. Festschrift für Werner Kallmeyer zum 60. Geburtstag / hrsg. von I. Keim, W. Schütte. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2002. S. 47–55.
18. *Hyland, K.* Disciplinary Identities. Individuality and Community in Academic Discourse. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 236 p.
19. *Jiang, F., Hyland, K.* Nouns and Academic Interactions. A Neglected Feature of Metadiscourse // Applied Linguistics. 2018. Vol. 39, issue 4. P. 508–531.

20. Spitzmüller, J., Warnke, I. H. Diskurslinguistik. Eine Einführung in Theorien und Methoden der transtextuellen Sprachanalyse. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2011. 236 S.

21. Weinrich, H. Textgrammatik der deutschen Sprache. 4., revidierte Aufl. Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag, 2007. 1111 S.

22. Weize, M.-D., Heckl, W. M. Wissenschaftskommunikation — Schlüsselideen, Akteure, Fallbeispiele. Berlin; Heidelberg: Springer Verlag, 2016. 303 S.

References

1. Admoni, V. G. About Predicativeness. *Uchen. zap. Leningr. ped. in-ta. F-t inostr. iazykov*, 1957, vol. 28, issue 2, pp. 23–44. (In Russian)

2. Bazhenova, E. A. *Scientific Text in the Aspect of Polytextuality*. Perm, Izd-vo Perm. gos. un-ta Publ., 2001, 269 p. (In Russian)

3. Il'in, V. V. *Criteria for the Scientific Knowledge: Monograph*. Moscow, Vysshaia shkola Publ., 1989, 128 p. (In Russian)

4. Karasik, V. I. On Types of Discourse. *Iazykovaia lichnost': institutsional'nyi i personal'nyi diskurs: sb. nauch. trudov*. Volgograd, Peremena Publ., 2000, pp. 5–20. (In Russian)

5. Karasik, V. I. *Language Circle: Personality, Concepts, Discourse*. Moscow, Gnosis Publ., 2004, 390 p. (In Russian)

6. Kotiurova M. P., Bazhenova E. A. *The Culture of Scientific Language: Text and Its Editing: Handbook*. 2nd ed., revis. and add. Moscow, Flinta Publ.; Nauka Publ., 2008, 280 p. (In Russian)

7. Nefedov, S. T. *Communicative Modality and Epistemic Modal Components in German (Synchrony and Diachrony)*, ed. by K. A. Filippov. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta Publ., 2007, 201 p. (In Russian)

8. Nefedov, S. T. Imperatives as a Tool for the Dialogization of Scientific Text. 2015, no. 9–1, pp. 9–18. (In Russian)

9. Nefedov, S. T. On Functional Potential of Interrogative Structures in Academic Linguistic Discourse. *Vestnik Volgograd. gos. un-ta. Seriya 2. Iazykoznanie*, 2015, no. 4 (28), pp. 65–74. (In Russian)

10. Nefedov, S. T. Restrictive Argumentation: Modal Words of Doubt and Shared Knowledge in Academic Linguistic Writings. *Vestnik S.-Peterb. un-ta. Iazyk i literatura*, 2017, vol. 14, issue 4, pp. 599–610. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2017.408>. (In Russian)

11. Cherniavskaia, V. E. *Text Linguistics: Poly-codedness, Intertextuality, Interdiscursivity: Handbook*. Moscow, Librokom Publ., 2009, 248 p. (In Russian)

12. Cherniavskaia, V. E. Historical Past as a Textual Reality: A Linguistic Approach in Historical Narrative and Its Methodological Implementation. *Vestnik Tomsk. gos. un-ta. Filologiya*, 2015, no. 3 (41), pp. 76–86. doi 10.17223/19986645/41/7. (In Russian)

13. Cherniavskaia, V. E. Promoting of New Scientific Knowledge in Research Paper in Linguistics. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*, 2017, no. 5, pp. 99–107. doi 10.20339/PhS.5-17.099. (In Russian)

14. Cherniavskaia, V. E. Scientific Text: The Promoting of the Result as a Communicative and Language Problem. Moscow, Lenand Publ., 2017, 144 p. (In Russian)

15. Busse, D., Teubert, W. Ist Diskurs ein sprachliches Objekt? Zur Method-
enfrage der historischen Semantik. *Begriffsgeschichte und Diskursgeschichte. Meth-
odenfragen und Forschungsergebnisse der historischen Semantik*, ed. by D. Busse,
F. Hermanns, W. Teubert. Opladen, Westdeutscher Verlag, 1994, pp. 10–28.

16. Givón, T. *Context as Other Minds. The Pragmatics of Society, Cognition and
Communication*. Amsterdam, Benjamins, 2005, 283 p.

17. Gumperz, J. J. Sharing Common Ground. *Soziale Welten und kommu-
nikative Stile. Festschrift für Werner Kallmeyer zum 60. Geburtstag*, ed. by I. Keim,
W. Schütte. Tübingen, Gunter Narr Verlag, 2002, pp. 47–55.

18. Hyland, K. *Disciplinary Identities. Individuality and Community in Aca-
demic Discourse*. Cambridge, Cambridge University Press, 2012, 236 p.

19. Jiang, F., Hyland, K. Nouns and Academic Interactions. A Neglected Fea-
ture of Metadiscourse. *Applied Linguistics*, 2018, vol. 39, issue 4, pp. 508–531.

20. Spitzmüller, J., Warnke, I. H. *Diskurslinguistik. Eine Einführung in Theo-
rien und Methoden der transtextuellen Sprachanalyse*. Berlin; Boston, Walter de
Gruyter, 2011, 236 p.

21. Weinrich, H. *Textgrammatik der deutschen Sprache*. 4th ed., revis. Hildes-
heim; Zürich; New York, Georg Olms Verlag, 2007, 1111 p.

22. Weize, M.-D., Heckl, W. M. *Wissenschaftskommunikation — Schlüsselideen,
Akteure, Fallbeispiele*. Berlin; Heidelberg, Springer Verlag, 2016, 303 p.

Нефёдов Сергей Трофимович

профессор кафедры немецкой филологии СПбГУ, доктор филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Sergey T. Nefedov

Professor of German Philology Department,
St. Petersburg State University, Doctor of Philological Sciences
Address: 7–9, University emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: s.nefedov@spbu.ru

SPIN-код: 1464-4148; ResearcherID: J-9445-2015; ID Scopus: 57211543207; ORCID:
0000-0002-0719-7702

КОНТЕКСТ И ИНТЕРТЕКСТ В СОЗДАНИИ И ВОСПРИЯТИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КОНТАМИНАЦИИ (на материале текстов СМИ и рекламы)

Ключевые слова: словообразование, лексикология, контаминация, контекст, интертекст, коммуникативные роли, средства массовой информации.

Статья посвящена различным типам контекста и интертекстуальным связям, влияющим на производство и восприятие лексических единиц, образованных посредством контаминации. Источником материала исследования послужили электронные и печатные издания современной немецкой и австрийской прессы, материалы портала Die Wortwarte и реклама. Во вводной части статьи дается информация о степени изученности явления контаминации в немецком словообразовании. Автор описывает основные структурные и функциональные особенности явления контаминации, которые оказываются важными при создании и восприятии данных лексических единиц. В основной части статьи рассматриваются шесть видов контекстного окружения контаминационных образований как с точки зрения автора высказывания, так и с позиции читателя: прямое разъяснение значения контамината; сопоставление значения контамината и значения одного из его компонентов; употребление в тексте слов, составляющих контаминационное словообразование, или их синонимов; опора на общий смысл текста; привлечение общих и специальных знаний читателя; дополнительное использование невербального контекста. При прямом разъяснении значения и сопоставлении значения контамината со значением его компонента автор преследует цель однозначного понимания контаминации, при использовании других видов контекста автор ориентируется на творческие способности и знания своего читателя. Наибольшую сложность при восприятии контаминации читатель испытывает, если он вынужден ориентироваться на общий смысл текста и привлекать дополнительные знания. Невербальные компоненты контекста способствуют лучшему пониманию контаминатов, прежде всего в рекламе. Интертекстуальные связи представлены в виде обобщенных ссылок на имеющиеся словоупотребления, намеков на известные высказывания и измененных цитат. Интертекст усиливает игровой эффект контаминации и служит дополнительной информацией, способствующей пониманию смысла текста.

L. I. SLININA
St. Petersburg State University

CONTEXT AND INTERTEXT IN PRODUCTION AND PERCEPTION OF UNITS OF WORD-FORMATIVE (Contamination in Mass Media and Advertising)

Keywords: word formation, lexicology, contamination, context, intertext, communicative roles, mass media.

The article deals with different types of context and intertext that influence production and perception of contamination lexical units. The sources of material are German and Austrian print and online media, dates of the website “Die Wortwarte” and advertising. The first part gives the information about research of contamination in German word formation. The first part describes also the main structural and functional features of contamination that are important for production and perception of these lexical units. The second part of the article presents six types of the context: direct explanation of the meaning of contamination, comparison of the meaning of contamination word and the meaning of one of its components, application of the components of contamination as free words in the text, using of the general meaning of the text, involvement of special and general knowledges of the reader, additional using of nonverbal context. By explanation of the meaning of contamination and comparison of the meaning of contamination with one of its components the main goal of the author is unambiguous understanding of contamination. By other types of the context the author depends on creativity and knowledges of the reader. The perception is most difficult if the reader has to proceed from the general context or to use the additional knowledges. Nonverbal components of the context promote better understanding of contamination especially in advertising. Intertext intensifies the playing effect of contamination and serves as additional information for understanding of the text.

1. Введение

Результаты контаминационного словообразования, такие слова, как, например, *Teuro* ‘дорогой евро’, *Denglisch* ‘смесь немецкого с английским’, *Demokratatur* ‘смесь демократии и диктатуры’, *Müllionär* ‘человек, выбрасывающий мусор правильно, заботящийся об окружающей среде’, *Kaputalismus* ‘капитализм в его негативном проявлении’ и другие, неизменно обращают на себя внимание как широкого круга читателей, так и ученых-лингвистов, однако предметом подробного лингвистического исследования это языковое явление стало в последние десятилетия. Еще не так давно контаминация считалась чем-то исключительным: либо индивидуальной особенностью отдельных носителей языка [11, S. 103], либо особым стилистическим приемом [6, S. 52]. В некоторых классических работах по немецкому словообразованию контаминация определяется как один из видов словосложения [11, S. 101; 7, S. 47], но во многих работах последних лет за словообразовательной контаминацией признается статус самостоятельного словообразовательного типа, хотя и не являющегося ведущим в современном немецком языке [14, S. 124; 9, S. 44–45; 3, S. 65–68; 4, S. 670–671; 8, S. 142–149].

В последние годы в немецкой лингвистике появился ряд специальных исследований, посвященных контаминации, что можно

связать с повышением интереса ученых к проблемам речевых образований, не имеющих лексикографической фиксации [10, S. 73]. Контаминационное словообразование изучается с фонологической, морфологической, семантической и функциональной точек зрения [8; 15; 10], выявляются общие свойства и отличительные черты контаминации и других способов словообразования [15; 5], изучаются особые виды контаминации с визуальными и графическими компонентами [12; 13]. Тем не менее некоторым аспектам до сих пор не уделяется должного внимания. Редко учитывается контекст, еще реже обсуждаются когнитивные аспекты создания контаминатов и их восприятия в связи с их структурными особенностями [13, S. 93]. Практически неизученным оказывается фактор интертекстуальных взаимодействий, оказывающийся значимым при употреблении контаминации. В данной статье предпринимается попытка восполнить данный пробел и рассмотреть проблему влияния контекстного окружения на создание и восприятие единиц словообразовательной контаминации, при этом учитывается не только непосредственный контекст, но и межтекстовые связи.

Немецкие исследователи отмечают многообразие терминов, которые применяются для обозначения данного явления [5, S. 114; 13, S. 96]. В данной статье для объекта исследования используется термин *контаминация*, который является распространенным в современной российской научной литературе и имеет соответствие *Kontamination* в немецком языке [8; 5; 10].

Контаминация не является ведущим способом словообразования. Слова, образованные по данному словообразовательному типу, встречаются не так часто. Кроме того, наблюдается жанровая и стилистическая маркированность: несмотря на то что результаты словообразовательной контаминации можно встретить в текстах различных жанров и стилей, частотность их различается от жанра к жанру (подробнее об этом см.: [5, S. 117]). Наблюдаются и функциональные различия: употребление таких слов в текстах художественной литературы (в частности, детской), в СМИ и рекламе связано с их свойством привлекать внимание читателя. В научной литературе это свойство не выступает на первый план.

В текстах СМИ свойство контаминации привлекать внимание адресата накладывается на типичную особенность этого жанра — интертекстуальность [2, S. 103–106]. В текстах печатной прессы и онлайн-изданий можно наблюдать как прямое цитирование кон-

таминации, так и использование контаминационной модели для создания аналогичных образований или косвенное указание на определенные тексты, раскрывающее смысл контаминации. Использование цитат и аллюзий в рекламе, в том числе и с использованием контаминации, также является довольно распространенным явлением.

Необычность и привлекательность контаминатов объясняется их структурно-семантическими особенностями. Исследователи отмечают разнообразие структурных типов [8; 10], в основе которых лежат преимущественно три морфологических процесса, изменяющих основы слов-компонентов: усечение основ (*Denglisch* = *Deutsch* + *Englisch* — усечение первого компонента; *Eurodermitis* = *Euro* + *Neurodermitis* ‘нейродермит от евро, то есть проблемы, связанные с евро’ — усечение второго компонента и пересечение основ; *Demokratatur* = *Demokratie* + *Diktatur* — усечение обоих компонентов с частичным наложением основ), пересечение основ (*Teuro* = *teuer* + *Euro*; *Heterorist* = *hetero* + *Terrorist* ‘гетеросексуалист’) и включение одной основы в другую (*Kaputalismus* = *kaputt* + *Kapitalismus*; *Müllionär* = *Müll* + *Millionär*). Степень усечения основ, вид общего компонента и степень включенности одной основы в другую не имеют видимых закономерностей и сильно отличаются от слова к слову. При этом морфемные границы, как правило, не учитываются.

Эти структурно-морфологические особенности, без сомнения, влияют и на процесс производства таких лексических единиц, и на процесс их восприятия. Их создание требует от говорящего внимательного отношения к слову, ощущения фонологической и морфологической общности потенциальных компонентов, видения сочетаемости смысловой составляющей компонентов — иначе говоря, необходимо применение определенных интеллектуальных усилий и наличие творческого начала. Восприятие таких лексических единиц также представляет собой творческий процесс, так как читателю бывает необходимо узнать их составляющие и разгадать значение нового слова, что бывает возможным, как правило, только при наличии соответствующего контекста.

Далее в статье излагаются результаты исследования, в котором рассматриваются различные типы контекстного окружения лексем, образованных посредством контаминации. Они описываются с точки зрения как говорящего, который создает контаминаты в рамках данного контекста, так и адресата, который благодаря кон-

тексту может однозначно понять смысл контаминационного образования. В исследовании учитываются такие важные дополнительные факторы при производстве и восприятии контаминационных образований, как интертекстуальность и невербальные средства. (Работа над темой ведется с 2016 года, некоторые результаты, касающиеся данной темы, опубликованы в работе, посвященной функциональному аспекту словообразовательной контаминации [16].) Исследование проводилось на базе собственного корпуса примеров, составляющего около 200 единиц. Источниками материала послужили электронные и печатные издания современной немецкой прессы (например, Der Spiegel, Die Zeit, Süddeutsche Zeitung и другие), австрийской прессы (например, Der Standard), портал Die Wortwarte, посвященный неологизмам в современном немецком языке, а также уличная реклама.

2. Виды контекстного окружения и интертекстуальные связи

Благодаря контексту значение лексической единицы может быть раскрыто читателю в полной мере. При этом контекст может активизировать различные виды нашего знания: знание о структуре слова, знание значения непосредственных составляющих, знание значения аналогичных образований, знание темы высказывания или темы текста, знание об окружающем нас мире. В основу следующей классификации контекстного окружения контаминационных образований положен принцип активации различных видов нашего знания о языке и неязыковой действительности.

2.1. Непосредственное разъяснение структуры слова и значений его составляющих

Если автор вводит в свой текст новое понятие, которое он обозначает словом, образованным путем контаминации, ему необходимо быть уверенным, что его адресат быстро и однозначно его понял и не имел трудностей при общем понимании текста. С этой целью он разъясняет значение нового слова, называя его компоненты и определяя отношения между ними.

Автор текста может специально фокусировать внимание на данном слове и давать его последующее разъяснение. Так, в при-

мере (1) автор останавливает внимание на слове *Chinglish* и далее дает определение названному этим словом понятию. Определение может иметь менее заметный вид и встраиваться в текст в виде краткого комментария (пример (2)).

- (1) Was **Chinglish** ist, ist ja wohl inzwischen durch zahlreiche Blogs... bekannt. Für den, der es trotzdem nicht weiß: **Chinglish** ist meistens eine wortwörtliche Übersetzung aus dem Chinesischen in ein ausgedachtes Englisch (IV). — «Что значит „чинглиш“, уже всем известно из многочисленных блогов... Для того, кто до сих пор не знает: „чинглиш“ — это обычно дословный перевод с китайского на придуманный английский» (перевод здесь и далее мой. — Л. С.).
- (2) Oft geht sowohl Anrufern als auch Moderator das Vokabular aus. Die Konversation gleitet dann ins „**Fringlish**“ über, einer geselligen Melange aus breitem Südstaatenlingo und französischen Spurenelementen (X). — «Часто как звонящим, так и ведущему не хватает словарного запаса. Тогда разговор переходит на „фринглиш“, неформальную смесь сленга южных штатов и французских элементов».

Автор может построить свой текст так, что он вместе с читателем приходит к новому понятию, называя отдельные составляющие и обозначая связь между ними, а затем называя новое слово-контаминат. Так, в примере (3) сначала за счет ряда однородных структур подчеркивается противопоставление составляющих компонентов, а затем происходит их объединение.

- (3) ...immer stellt sich mir die Kantsche Grundsatzfrage: „Was soll ich tun?“ Führen oder verführen? Einpeitschen oder einflüstern? Diktatur oder Demokratie? Die salomonische Antwort: „Beides!“ Also: „Diktokratie“ — ein Unwort, aber mit Zukunft (XV). — «...передо мной постоянно встает кантовский вопрос: „Что я должен делать?“ Вести или соблазнять? Кнут или пряник? Диктатура или демократия? Соломоново решение: „И то, и другое!“ То есть „**диктокрания**“ — это анти-слово, но оно имеет будущее».

Иногда автор не только разъясняет значение контаминационного образования, но и дает ему оценку, в том числе и с точки зрения его типичности и употребительности в речи. Так, слово *Chinglish* характеризуется как распространенное в текстах определенного типа и довольно хорошо известное (пример (1)), слову *Diktokratie*

автор дает негативную оценку, но в тоже время предсказывает ему в будущем широкое употребление (пример (3)). Такой тип характеристики можно определить как проявление интертекстуальности, так как автор в примере (1) в общем виде ссылается на некое распроstrаненное словоупотребление, в примере (3) осуществляется отсылка к потенциально возможному широкому словоупотреблению. Для автора обобщенная отсылка к другим текстам, вероятно, дает бóльшую уверенность при употреблении такого не совсем обычного слова, для читателя — это дополнительная информация, заставляющая обратить внимание на новое слово.

2.2. Сопоставление слова-контамината с одним из его составляющих

В тексте непосредственно до или после контаминационного образования может употребляться слово, являющееся его составляющей. Как правило, это слово является «морфологическим образцом», задающим «акцентно-слоговую структуру» контаминции [1, с. 77]. В последующих примерах происходит непосредственное сопоставление двух лексем, так что читателю сразу становится ясно, что, например, в основе слова *Schockumentation* лежит слово *Dokumentation*, в основе слова *Heuligans* — слово *Hooligans*, но отношения между компонентами *Schock/Dokumentation*, *heulen/Hooligans* не показываются эксплицитно, а определяются только содержанием текста: соответственно ‘шокирующий зрителя документальный фильм’ и ‘плачущие фанаты’.

- (4) *Gores Warnung, der Golfstrom, der den Atlantik wärmt, werde abbrechen, widerspreche sogar den Aussagen des IPCC — eben jenes Unoklimarats, mit dem er gemeinsam am Freitag ausgezeichnet wurde. Es sei klar, so der Londoner Richter, dass Gore keinen wissenschaftlichen, sondern einen politischen Film gemacht habe. „Schockumentation“ statt Dokumentation sozusagen (XVII).* — «Предупреждение Гора о том, что Гольфстрим, согревающий Атлантический океан, перестанет существовать, противоречит даже высказываниям МГЭИК — совета по климату ООН, вместе с которым он в пятницу получил премию. Понятно, говорит лондонский судья, что Гор снял не научный, а политический фильм. Так сказать „шокументальный“, а не документальный».
- (5) *Im Fußball ist alles „drin“...: Suff, Schlägerei, Verfolgung, Niederschlagen und Messerstecherei als Kampf gegen unbekannte Menschen aus ir-*

*gendwelchen anderen Städten — und eine vornehmlich weißstüchende Inszenierung, die eher ein schlechtes Gewissen spiegelt, als die Kennzeichnung von sportimmanenten Star- und Stör-Momenten. — Heute **Heuligans** statt Hooligans (XI).* — В футболе есть все...: пьянство, драки, преследование, избиение и поножовщина, применяемые против неизвестных людей из каких-то других городов — и хорошо подготовленная инсценировка, скорее отражающая угрызения совести, чем обозначение спортивных подъемов и неудач. — Сегодня **плаксы** вместо хулиганов».

При таком сопоставлении, с одной стороны, демонстрируется взаимосвязь обозначаемых данными лексемами понятий, с другой стороны, подчеркиваются отличия и противоречия: шокирующий документальный фильм, разные стороны болельщического движения.

В примере (6) также раскрывается способ образования контаминации, но здесь происходит не сопоставление целого слова и его компонента, а слово-контаминат сопоставляется с аналогичными контаминационными образованиями:

- (6) *Nach all den Grexits, Brexits, Dexits, die uns schon um die Ohren geworfen wurde, ist jetzt die Zeit reif für den **Schäublexit** (IX).* — «После всех этих „грэкситов“, „брэкситов“, „дэкситов“, которые у всех нас на слуху, пришло время „Шойблэксит“».

Разница состоит, однако, в том, что если первые компоненты контаминаций *Brexit, Grexit, Dexit* — это названия стран, то в слове *Schäublexit* первый компонент — это фамилия министра Вольфганга Шойбле, что усиливает комический эффект. Здесь также наблюдается проявление интертекстуальности — создание нового слова по аналогии с недавно появившимися и часто встречающимися в актуальных текстах медиа словами.

2.3. Описание ситуации с применением лексем, соответствующих значению компонентов контамината

Новое понятие, выраженное с помощью контаминационного образования, вводится в текст до или после общего описания ситуации, из которого становится понятным значение контамината. Так в рецензии на книгу Марко Каими «Mann, Macht, Mannzipation» («Мужчина, власть, мужская эмансипация») раскрывается значение использованной в названии контаминации, при этом

употреблены составляющие компоненты контаминационного образования *Mann* и *Emanzipation*:

- (7) *Mehr als vierzig Jahre Emanzipation haben die Männer passiv über sich ergehen lassen. Nun finden sie sich wieder, aufgeweckt durch die Frauen, in Überforderung, Orientierungslosigkeit und trotzdem unverändertem Rollenverständnis* (III). — «Более сорока лет эмансипации мужчины провели пассивно. Теперь они, разбуженные женщинами, пытаются обрести себя, испытывая завышенные требования к себе, потеряв ориентацию и по-прежнему находясь под влиянием традиционного понимания своей роли».

Но в подобных описаниях ситуации далеко не всегда употребляются непосредственные составляющие контамината. Часто можно наблюдать их синонимы или синонимичные словосочетания. Так, в примере (8) обозначение жанра, имеющего черты комедии и документальной прозы, предваряется определениями *lustig* 'веселый' и *fachlich-authentisch* 'профессионально-аутентичный', что соответственно характерно для этих жанров. Кроме того, восприятие данного названия может облегчить знание аналогичных названий в форме контаминации: *Tragikomödie*, *Moralodram*, *Melothriller*, *Dramödie*. В примере (9) в предложении, предшествующем предложению со словом *Mülliardär*, называются небольшое мусороперерабатывающее предприятие (*kleiner Abfallentsorger*) и крупный европейский концерн (*europäischer Großkonzern*), принесший хозяину миллиарды, что соответствует компонентам *Müll* и *Milliardär*. Читатель оказывается предварительно сориентированным и подготовленным к восприятию нового слова.

- (8) *Eigentlich unglaublich, dass sich zwei so bekannte Zeitgenossen wie Richard Wagner und Giuseppe Verdi nie getroffen haben sollen, dass sich ihre Wege nie kreuzten. So schien es bis vor kurzem. In der Tat kreuzten sich ihre Wege — zumindest ein Mal! Und dieses Zusammentreffen können Sie in dieser lustigen und doch fachlich-authentischen **Dokumödie** miterleben* (XII). — «Трудно поверить, что такие два великих современника, как Рихард Вагнер и Джузеппе Верди, никогда не встречались, что их пути никогда не пересекались. Так казалось до недавнего времени. На самом деле их пути пересекались — как минимум один раз. И вы можете стать свидетелями этой встречи в веселой и профессионально сделанной аутентичной „докумедии“».

- (9) *Der Schlosser Norbert Rethmann hat aus einem kleinen Abfallentsorger einen europäischen Großkonzern geformt. Der **Milliardär** aus Münsterland* (VIII). — «Слесарь Норберт Ретман преобразовал маленькое мусороперерабатывающее предприятие в европейский концерн. **Мусорный миллиардер** из Мюнстерланда».

2.4. Понимание значения контамината по общему смыслу текста

Значение слова на основе контаминации может следовать из общего смысла текста. Образование контамината и его употребление, естественным образом, следуют из тем, рассматриваемых в тексте. Здесь автор не дает «подсказок» читателю, но читатель и не испытывает трудностей в понимании и участвует в творческом процессе разгадки контаминационного словообразования. Так, в тексте, из которого взят пример (10), речь идет о молодежных романтических комедиях, действие которых происходит в учебных заведениях, так что значение слова *Sexamen* становится очевидным. В статье, рассказывающей о молодом человеке, который принял решение молчать в течение целого года, в одном из подзаголовков автор использует слово *Stummunikation*, значение которого становится понятным из общей темы текста (пример (11)).

- (10) *Sie sind frühe Vorfahren der Jungs in „American Pie 2“ (2001), die es nicht abwarten können, ihr **Sexamen** zu bestehen* (II). — «Это ранние предшественники парней из „Американского пирога — 2“ (2001), которые ждут не дождутся, когда они смогут сдать свой первый **экзамен по сексу**».
- (11) *Stummunikation gegen Geschwätzigkeit. ...Ihr Sohn erklärt ihr, dass er ein schlechter Zuhörer ist, so wie die meisten Menschen schlechte Zuhörer sind. Und dass er sich ändern will. Dass es ihm Ernst ist und er demnächst mit dem Schweigen anfangen wird* (XIII). — «**Немая коммуникация** вместо болтливости... Ее сын объясняет ей, что он не умеет слушать собеседника, как и большинство людей. И что он хочет это изменить. Что он на полном серьезе решил замолчать».

2.5. Ориентация на общую тему текста и привлечение дополнительных знаний читателя

Употребляя контаминационное словообразование в тексте определенной тематической направленности, автор может рассчитывать на то, что его читатель обладает соответствующей информацией и легко поймет значение контамината. Например, читая в 2006 году статью о футболе, адресат должен знать, что тренером национальной команды является Юрген Клинсман (пример (12)), а читая статью о жизни телевизионных звезд, знать их имена и характеры (пример (13)).

- (12) *Lothar Matthäus verdankt die Welt den herrlichen Satz: „I hope we have a little bit lucky“ — ein prima WM-Motto für die **Klinsmannschaft**. Oder was trauen Sie „uns“ zu? (VI).* — «Лотару Матеусу мир обязан прекрасным высказыванием: „I hope we have a little bit lucky“ — отличный девиз чемпионата мира для **команды Клинсмана**. Или чего Вы от „нас“ ожидаете?»
- (13) *Helena Fürst, manchen besser bekannt als „**Höllena**“, besucht ebenso wie die französische Filmlegende Alain Delon (80) auf Einladung der Society-Familie Wess das Fest (VII).* — «Хелена Фюрст, известная многим как **„адская Хелена“**, тоже, как и французская кинолегенда Ален Делон (80), по приглашению семьи Весс собирается посетить праздник».

Контаминационные образования довольно часто используются в заголовках текстов. В пользу такого решения автора, несомненно, говорит их привлекательность для читателя. Но, появившись в заголовке, контаминат выполняет не только эмоционально-стимулирующую, но и смысловую функцию, задает тему текста. И даже если читатель не сразу сможет расшифровать и понять значение контаминации, он сделает это, прочитав текст. Тем не менее нередко читателю необходима не только информация, полученная из текста, но и дополнительные знания — например, значение слова *Eloquenz* и знание того, что *Bello* — типичная кличка собаки:

- (14) *Die Kunst der **Belloquenz**. Hunde sind die besten Zuhörer der Welt: Sie legen den Kopf schief und signalisieren verständnisvolle Zustimmung. Doch manche antworten sogar — sprechende Hunde in der Clip-Kritik (XIV).* — «Искусство **собачьей элоквенции**. Собаки лучше всех умеют слушать. Они наклоняют голову и сигнализируют

понимание и согласие. А некоторые даже отвечают — говорящие собаки в рецензии на видеоклипы».

В сатирическом тексте под названием *Chronische Eurodermitis* (I) («Хронический евродермит») речь идет о кризисе европейской валюты в 2011 году, что можно понять из содержания текста, хотя при этом все же неясной остается связь евро с кожным заболеванием. Более удовлетворительным понимание заголовка делает знание интертекста. Слово *Eurodermitis* появилось сразу после введения евро в оборот и использовалось в различных шутках. Вероятно, самой известной является:

- (15) *Immer wenn ich daran denke, was aus unserer alten guten D-Mark geworden ist, krieg ich Ausschlag. — Eurodermitis! (XVIII).* — «Когда я вспоминаю о том, что случилось с нашей старой доброй маркой, у меня появляется сыпь. — Евродермит!»

Затем вне данного контекста слово *Eurodermitis* стало обозначать проблемы с европейской валютой вообще.

2.6. Использование невербального контекста

Результаты контаминационного словообразования нередко можно встретить в подписях к иллюстрациям, в рекламных слоганах, в названиях фирм и продуктов, что, без сомнения, объясняется тем, что контаминация неизменно привлекает внимание адресата.

Тексты этих типов, как правило, кратки по форме и имеют смысловую связь с информацией невербального характера, прежде всего визуальной. При создании таких текстов авторы часто опираются на визуальную информацию, так что она становится их неотъемлемой частью и служит ключом для понимания, в том числе и составляющих текст отдельных лексем.

В статье о несостоявшейся хакерской атаке в качестве иллюстрации, которая, правда, носит вполне самостоятельный характер, приводится изображение искаженного хакерами интернет-сайта правительства Великобритании, снабженное подписью:

- (16) *Für Hacktivisten ist das Defacing eine ernst zu nehmende politische Protestform — für die anderen ist es Sport (XVI).* — «Для **хактивистов** дефейс — это серьезная политическая форма протеста, для других — это спорт».

В данном тексте «хактивисты» противопоставляются обычным хакерам (не названным прямо), при этом фотоизображение демонстрирует результат их деятельности, имеющей политический смысл, так что читатель может однозначно понять значение, возможно, нового для него слова (в основном тексте статьи оно не встречается).

На вывесках и рекламных плакатах, демонстрирующих названия фирм, нередко встречаются визуальные элементы — графические, типографические или пиктографические, которые помогают раскрыть смысл названий (подробнее об этом см.: [12]). Так, в логотипе парикмахерской Krehaartiv (рис. 1) можно наблюдать следующие визуальные элементы: типографические — разрыв строки (*kre-Haartiv*), различные размеры и формы шрифта в трех частях слова (*kre-Haar-Tiv*), использование заглавных букв внутри слова (*kre-HaarTiv*) и пиктографические — изображение ножниц, режущих слово, и условное изображение волос. Эти графические и пиктографические средства помогают выделить части слова и подчеркнуть смысл названия — креативный подход к прическе.

Рис. 1. Логотип парикмахерской Krehaartiv в Нойштадте на Вайнштрассе.

Источник: <https://krehaartiv-hambach.de/kontakt> (дата обращения: 13.01.2019)

Однозначному пониманию контаминационных образований могут способствовать не только типографические и пиктографические элементы, но и, например, место размещения рекламы и общая ситуация, в которой находится адресат. Так, значение слов *Mistverständnis* ‘сознательное отношение к отходам’ и *Müllionär* ‘человек, правильно выбрасывающий мусор’ становится ясным, так как рекламные слоганы с этими словами размещены на городских урнах (рис. 2 и 3), и адресат их замечает, когда собирается выбросить мусор. Дополнительной информацией оказывается пиктограмма на плакате. Кроме того, привлекающим и усиливающим

комический эффект рекламы фактором оказывается узнавание интертекстуальной связи слогана (рис. 3) — намек на известный текст песни, исполняемой поп-группой «Принцы» (Prinzen):

- (17) *Ich wär so gern Millionär / Dann wär mein Konto niemals leer...*
(V). — «Вот бы мне стать миллионером, / Тогда бы у меня никогда не переводились деньги...»

Рис. 2. Слоган «Mistverständnis». Уличная социальная реклама в Иннсбруке. Автор фото Л. Я. Слинина. 2019

Рис. 3. Слоган «Ich wär so gerne Millionär». Уличная социальная реклама в Иннсбруке. Автор фото Л. Я. Слинина. 2019

3. Выводы

В ходе исследования было выделено шесть типов контекстно-го окружения контаминационных образований в зависимости от характера и полноты лингвистической и нелингвистической информации, которая дает возможность адресату понять смысл сложного для восприятия, как правило, нового слова-контамината. Если автор, используя контаминационное образование, неизменно совершает акт творчества (или, возможно, воспроизводит его), то активная творческая роль читателя во многом зависит от контекстного окружения.

При прямом разъяснении структуры и значения контаминации и при смысловом сопоставлении контамината и слова, являющегося его составляющей, автор текста ставит перед собой цель добиться быстрого и точного понимания контаминации. Читателю предоставляется быть свидетелем творческого процесса автора.

Употребление в тексте слов, составляющих контаминационное образование, или их синонимов, или синонимичных конструкций

и опора на общий смысл текста, как правило, не являются осознанным намерением автора, в то же время это дает ему достаточную уверенность в успешном понимании контаминации адресатом. Читатель, используя данный контекст, участвует в творческом процессе выявления структуры и значения контамината.

Если для понимания контаминации у читателя возникает необходимость привлечения дополнительных знаний специального или общего характера, то в этом случае он применяет наибольшее количество интеллектуальных и творческих усилий, при этом успех полного понимания не гарантирован. Автор в этой ситуации опирается на знания своего читателя; кроме того, свойство контаминатов привлекать внимание может быть для автора в данной ситуации важнее, чем однозначное понимание.

В текстах с использованием словообразовательной контаминации отмечаются различные проявления интертекстуальности: обобщенная отсылка к другим текстам, в которых употребляется данный контаминат, сопоставление контамината с аналогичными контаминационными образованиями, намек на известные высказывания, измененные цитаты. Использование интертекста служит автору смысловой и эмоциональной опорой при употреблении контаминации, а также усиливает игровой и комический эффект. Для читателя интертекстуальные связи служат дополнительной информацией, улучшающей понимание контамината и текста в целом.

Невербальный контекст, используемый, как правило, в рекламе, является дополнением к вербальному и способствует лучшему пониманию контаминационных образований. Графические средства помогают выделить особенности морфологической структуры, пиктографические выделяют смысловые составляющие. Значимым контекстным фактором может оказаться общая ситуация, в которой предъясняется текст.

Источники иллюстративного материала

I. *Asül, D.* Chronische Eurodermitis // Stern. 13.05.2011. <http://www.stern.de/politik/deutschland/und-jetzt---django-asuel-chronische-eurodermitis-3579772.html> (дата обращения: 12.01.2019).

II. *Beier, L.-O.* Harte Schnitte // Spiegel Online. 03.02.2003. <http://www.spiegel.de/spiegel/unispiegel/d-26250240.html> (дата обращения: 12.01.2019).

III. Beschreibung: Marco Caimi. Mann, Macht, Mannzipation // Exlibris. <https://www.exlibris.ch/de/buecher-buch/deutschsprachige-buecher/marco-caimi/mann-macht-mannzipation/id/9783863867881> (дата обращения: 12.01.2019).

IV. Deutsches Referenzkorpus (DeReKo) // Die Tageszeitung. 03.09.2009. <http://www.ids-mannheim.de/cosmas2/> (дата обращения: 10.01.2016).

V. *Die Prinzen*. Millionär (Official video) // You Tube. <https://www.youtube.com/watch?v=ezQs0sB8Q0s> (дата обращения: 13.01.2019).

VI. [Droste, W.] „Diktatur des Gebrülls“: WM-Interview mit Wiglaf Droste // Spiegel Online. 04.06.2006. <http://www.spiegel.de/sport/fussball/wm-interview-mit-wiglaf-droste-diktatur-des-gebruells-a-419085.html> (дата обращения: 12.01.2019).

VII. Dschungelcamp: TV-Anwältin Helene Fürst beim Wiener Opernball // GMX. 02.02.2016. <https://www.gmx.net/magazine/unterhaltung/tv-film/dschungelcamp/dschungelcamp-tv-anwaeltin-helena-fuerst-wiener-opernball-31323590> (дата обращения: 12.01.2019).

VIII. *Eickeler, R.* Mülliardär aus Münsterland // Handelsblatt. 24.09.2004. <https://www.handelsblatt.com/unternehmen/management/der-schlosser-norbert-rethmann-hat-aus-einem-kleinen-abfallentsorger-einen-europaeischen-grosskonzern-geformt-der-muelliardaer-aus-dem-muensterland/2405872.html> (дата обращения: 11.01.2019).

IX. *Guertler, D.* Schäublexit // Wortistik. 19.02.2015. <http://blogs.taz.de/wortistik/2015/02/19/schaublexit/> (дата обращения: 12.01.2019).

X. *Helmhausen, O.* Cajun Country Louisiana: Zwischen Gumbo und Burger // Spiegel Online. 17.01.2003. <http://www.spiegel.de/reise/fernweh/0,1518,230604,00.html> (дата обращения: 10.01.2019).

XI. Heuligan: [Stichwort] // Die Wortwarte. 04.11.2010. <http://www.wortwarte.de/Archiv/Datum/d101104.html#w5> (дата обращения: 11.01.2019).

XII. Inhaltsangabe zu „Zwei Männer, ein Zimmer. Das Treffen zwischen Wagner und Verdi — eine Dokumödie“ // Lovelyboks. <https://www.lovelybooks.de/autor/Arthur-Micke/Zwei-M%C3%A4nner-ein-Zimmer-Das-Treffen-zwischen-Wagner-und-Verdi-eine-Dokum%C3%B6die-1901248670-w/> (дата обращения: 11.01.2019)

XIII. *Kneip, A.* Nach einem Jahr Schweigen: Alle mal zuhören // Spiegel Online. 22.10.2001. <http://www.spiegel.de/lebenundlernen/uni/nach-einem-jahr-schweigen-alle-mal-zuhoeren-a-163759.html> (дата обращения: 12.01.2019).

XIV. *Kortmann, C.* Die Kunst der Belloquenz // Süddeutsche Zeitung. 17.05.2010. <http://www.sueddeutsche.de/kultur/das-internetvideo-der-woche-die-kunst-der-belloquenz-1.831034> (дата обращения: 12.01.2019).

XV. *Mei-Pochtler, A.* Es lebe Diktokratie // Der Standard. 22.09.2003. <http://derstandard.at/1418423/Es-lebe-die-Diktokratie> (дата обращения: 10.01.2019).

XVI. *Patalong, F.* Wann kommt der nächste Kaiman? // Spiegel Online. 07.07.2003. <http://www.spiegel.de/netzwelt/netzkultur/0,1518,256128,00.html> (дата обращения: 12.01.2019).

XVII. Schockumentation: [Stichwort] // Die Wortwarte. 15.10.2007. <http://www.wortwarte.de/Archiv/Datum/d071015.htmlw33> (дата обращения: 11.01.2019).

XVIII. *Stein, U.* Cartoon // Catprint Media. <https://www.catprint.de/index.php/cartoon-details/items/8365.html> (дата обращения: 11.01.2019).

Литература

1. *Лаврова, Н. А.* Контаминация и другие способы словообразования // Вестник Челябин. гос. ун-та. 2008. № 26. С. 75–78.

2. *Burger, H., Luginbühl, M.* Mediensprache. Eine Einführung in Sprache und Kommunikationsformen der Massenmedien. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2014. 532 S.

3. *Donalies, E.* Die Wortbildung des Deutschen. Ein Einblick. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2007. 192 S.

4. Duden. Die Grammatik. Bd. 4. 8. Aufl. Mannheim; Zürich: Dudenverlag, 2009. 1343 S.

5. *Elsen, H.* Kontaminationen im Randbereich der deutschen Grammatik // Deutsche Sprache. Zeitschrift für Theorie, Praxis, Dokumentation. 2008. Jg. 36. S. 114–126.

6. *Erben, J.* Einführung in die deutsche Wortbildungslehre. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 1993. 182 S.

7. *Fleischer, W., Barz, I.* Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen: Niemeyer Verlag, 2007. 382 S.

8. *Friedrich, C.* Kontamination. Zur Form und Funktion eines Wortbildungstyps im Deutschen: Inaugural-Dissertation in der Philosophischen Fakultät und Fachbereich Theologie der Friedrich-Alexander-Universität Erlangen-Nürnberg. Nürnberg: s. p., 2008. 549 S. <https://d-nb.info/991329481/34> (дата обращения: 27.09.2019).

9. *Lohde, M.* Wortbildung des modernen Deutschen. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2006. 330 S.

10. *Müller, P. O., Friedrich, C.* Kontamination // Wortbildung im Deutschen. Zwischen Sprachsystem und Sprachgebrauch. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2011. S. 73–109.

11. *Ortner, H., Ortner, L.* Zur Theorie und Praxis der Kompositaforschung. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1984. 406 S.

12. *Ortner, L.* Visuell markierte Wortbildungen: Plädoyer für eine visiolinguistische Nominationsforschung // „Wenn die Ränder ins Zentrum drängen...“ Außenseiter in der Wortbildungsforschung / hrsg. von J. Born, W. Pökl. Berlin: Frank Timme Verlag, 2013. S. 43–85.

13. *Ortner, L.* 'Blends' und Mehrfachpräsentation. Die Rolle von (typo)graphischen und piktoralen Komponenten in Wortbildungen // Wortbildungssemantik zwischen Langue und Parole. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2014. S. 93–125.

14. Ortner, L., Müller-Bollhagen, E., Ortner, H., Wellmann, H., Pümpel-Mader, M., Gärtner, H. Deutsche Wortbildung. Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache. Hauptteil 4. Substantivkomposita (Komposita und kompositionsähnliche Strukturen 1). Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1991. 864 S.

15. Reischer, J. Die Wortkreuzung und verwandte Verfahren der Wortbildung. Eine korpusbasierte Analyse des Phänomens „Blending“ am Beispiel des Deutschen und Englischen. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2008. 268 S.

16. Slinina, L. Wortbildungskontamination und ihre Rolle in heutigen deutschen Medientexten // Sprachen verbinden. Beiträge der 24. Linguistik- und Literaturtage, Brno/Tschechien, 2016 / hrsg. von V. Janiková, A. Brychová, J. Veličková, R. Wagner. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2018. S. 85–92.

References

1. Lavrova, N. A. Contamination and Other Types of Word Formation. *Vestnik Cheliab. gos. un-ta*, 2008, no. 26, pp. 75–78. (In Russian)

2. Burger, H., Luginbühl, M. *Mediensprache. Eine Einführung in Sprache und Kommunikationsformen der Massenmedien*. Berlin; Boston, Walter de Gruyter, 2014, 532 p.

3. Donalies, E. *Die Wortbildung des Deutschen. Ein Einblick*. Tübingen, Gunter Narr Verlag, 2007, 192 p.

4. *Duden. Die Grammatik*, vol. 4, 8th ed. Mannheim; Zürich, Dudenverlag, 2009, 1343 p.

5. Elsen, H. Kontaminationen im Randbereich der deutschen Grammatik. *Deutsche Sprache. Zeitschrift für Theorie, Praxis, Dokumentation*, 2008, year of publ. 36, pp. 114–126.

6. Erben, J. *Einführung in die deutsche Wortbildungslehre*. Berlin, Erich Schmidt Verlag, 1993, 182 p.

7. Fleischer, W., Barz, I. *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. Tübingen, Niemeyer Verlag, 2007, 382 p.

8. Friedrich, C. Kontamination. Zur Form und Funktion eines Wortbildungstyps im Deutschen: Inaugural-Dissertation in der Philosophischen Fakultät und Fachbereich Theologie der Friedrich-Alexander-Universität Erlangen-Nürnberg. Nürnberg, s. p., 2008, 549 p. <https://d-nb.info/991329481/34> (accessed date: 27.09.2019).

9. Lohde, M. *Wortbildung des modernen Deutschen*. Tübingen, Gunter Narr Verlag, 2006, 330 p.

10. Müller, P. O., Friedrich, C. Kontamination. *Wortbildung im Deutschen. Zwischen Sprachsystem und Sprachgebrauch*. Stuttgart, ibidem-Verlag, 2011, pp. 73–109.

11. Ortner, H., Ortner, L. *Zur Theorie und Praxis der Kompositaforschung*. Tübingen, Gunter Narr Verlag, 1984, 406 p.

12. Ortner, L. Visuell markierte Wortbildungen: Plädoyer für eine visiolinguistische Nominationsforschung. „Wenn die Ränder ins Zentrum drängen...“ *Außen-seiter in der Wortbildungsforschung*, ed. by J. Born, W. Pökl. Berlin, Frank Timme Verlag, 2013, pp. 43–85.

13. Ortner, L. ‘Blends’ und Mehrfachpräsentation. Die Rolle von (typo)graphischen und piktoralen Komponenten in Wortbildungen. *Wortbildungssemantik zwischen Langue und Parole*. Stuttgart, ibidem-Verlag, 2014, pp. 93–125.

14. Ortner, L., Müller-Bollhagen, E., Ortner, H., Wellmann, H., Pümpel-Mader, M., Gärtner, H. *Deutsche Wortbildung. Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache*, part 4, Substantivkomposita (Komposita und kompositionsähnliche Strukturen 1). Berlin; New York, Walter de Gruyter, 1991, 864 p.

15. Reischer, J. *Die Wortkreuzung und verwandte Verfahren der Wortbildung. Eine korpusbasierte Analyse des Phänomens „Blending“ am Beispiel des Deutschen und Englischen*. Hamburg, Verlag Dr. Kovač, 2008, 268 p.

16. Slinina, L. Wortbildungskontamination und ihre Rolle in heutigen deutschen Medientexten. *Sprachen verbinden. Beiträge der 24. Linguistik- und Literaturtage, Brno/Tschechien, 2016*, ed. by V. Janiková, A. Brychová, J. Veličková, R. Wagner. Hamburg, Verlag Dr. Kovač, 2018, pp. 85–92.

Слинина Людмила Ярославна

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ, кандидат филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Liudmila Ia. Slinina

Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,
Candidate of Philological Sciences
Address: 7–9, University emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: l.slinina@spbu.ru, +7(921)643-20-04
SPIN-код: 6168-2894; ResearcherID: C-2699-2016

II. ДИАЛОГИЗМ ТЕКСТОВ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 811.112

Г. А. БАЕВА

Санкт-Петербургский государственный университет

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В ПЕРВЫХ ДВУАЗЫЧНЫХ РАЗГОВОРНИКАХ

Ключевые слова: разговорник, деловая коммуникация, коммуникативная практика, межкультурная коммуникация, формульность, императив, тематическая группа.

Коммуникативные практики рассматриваются как коммуникативные действия, связанные с получением и передачей информации и воспроизводством коммуникации. В статье дается сравнительно-типологический анализ коммуникативных деловых и бытовых ситуаций, описанных средствами как родного, так и иностранного языков и отражающих определенную языковую картину мира и элементы межкультурной коммуникации отдаленной от нас эпохи. Для анализа используются немецко-итальянский (венетийский) (1424) и нижненемецко-русский (1607) разговорники как письменные памятники деловой межкультурной коммуникации отдаленной эпохи, отражающие межкультурные отношения и особенности разговорной речи.

G. A. BAEVA

St. Petersburg State University

COMMUNICATIVE PRACTICES AND THEIR REALIZATION IN THE FIRST BILINGUAL PHRASEBOOKS

Keywords: phrase book, business communication, communicative practice, intercultural communication, formality, imperative, thematic group.

Communicative practices are considered as communicative actions related to receiving and transmitting information and reproducing communication. The article provides a comparative-typological analysis of communicative business and everyday situations described by means of both native and foreign languages and reflecting a certain linguistic picture of the world and elements of intercultural communication of an era distant from us. German-Italian (Venetian) (1424) and Low German-Russian (1607) phrasebooks are used for analysis as written monuments of business intercultural communication of a distant era, reflecting intercultural relations and peculiarities of colloquial speech.

1. Вводные замечания

Разговорник (в немецком языке: Sprachbuch, Gesprächsbuch, Konversationsbuch) обычно рассматривается как разновидность идеографического переводного словаря, справочника для общения с иностранцами. Такая трактовка характерна как для отечественных, так и для зарубежных исследователей [5, с. 4; 4, с. 4]. Основной единицей описания разговорника служит, как правило, не только слово, но и синтаксически самостоятельная единица разговорной речи — фраза (в немецкой традиции — *Satzmuster*), зафиксированная в соответствующем тематическом разделе.

Появление двуязычных словарей-разговорников напрямую связано с развитием торговли и деловой коммуникации между странами. Предшественники современных туристических разговорников, предназначавшиеся для изучения иностранных языков и облегчения коммуникации с партнером-иностранцем, были известны уже в поздней античности и в раннем Средневековье. Началом III века датируется, например, двуязычный греческо-латинский учебник *Hermeneumata Pseudodositheana*, служивший для изучения как греческого, так и латинского языков. Германистам широко известен фрагмент латинско-древневерхненемецкого разговорника X века, получивший название по месту хранения *Pariser Gesprächsbuch*.

В феодальной Германии потребность в двуязычных (латинско-немецких) справочниках фиксируется начиная с XIII века, когда немецкий язык постепенно стал вытеснять латынь из деловой, а затем и научной сферы письменности. Число лиц, которые должны были, наряду с родным немецким языком, владеть латынью, постоянно росло. Для этой цели были разработаны рукописные учебные материалы для обучения латыни. Так, по сохранившимся источникам в научный обиход введены около 60 различных латинско-нижненемецких и нижненемецко-латинских рукописных вокабуляриев с грамматическими справочниками, а также 12 специальных тематических собраний лексики по медицине, фармацевтике, ботанике и тому подобному [9]. Долгие десятилетия, уже и с появлением книгопечатания, лексикографы-гуманисты сохраняли тематический принцип организации словарей с исходной латинской леммой. Наряду с созданием вокабуляриев появляются еще два типа текстов, близких описанным выше. Первый из них — собрание так называемых школьных разговоров (*Schulgespräche*), которые обыч-

но состояли из лексической части, пословиц и образцов школьных диалогов и служили обучению классической латыни. Значимость и распространенность этих учебников подчеркивает тот факт, что, например, в г. Грейфсвальд они использовались в качестве учебников вплоть до 1726 года [10, S. 41]. Цель указанных пособий состояла в развитии красноречия и исключительного владения цicerоновской латынью. Немецкий язык использовался только как вспомогательное средство для достижения этой цели.

Второй тип учебника преследовал иные цели. Уже в 1477 году в Кёльне был напечатан двуязычный словарь *Theutonista* Герта ван Шюрера (Gert van der Schüren), императорского нотариуса и секретаря Клевского герцогства. Он был рассчитан не на школьное обучение, а для «писцов и секретарей, которые письменно и устно владеют народным языком, их нормальный деловой язык — немецкий, а знания латыни оставляют желать лучшего»¹. В этом словаре лексика была расположена в алфавитном порядке и в латинской части, и в немецкой, чего раньше не было. То есть новая цель способствовала и изменению концепции. Это учебное пособие имело распространение на востоке нижненемецкой области и в XVI веке обогатилось еще одним практическим указанием: помимо совершенствования знаний латыни необходимо знать языки соседей, прежде всего поляков. Возник своеобразный разговорник на трех языках, на основе которого позже появились и первые польско-немецкие разговорники. Так, в 1523 (или 1524) году в Виттенберге было напечатано наставление *Kurtze vnd gruntliche Vnderweisung beyder sprachen zu reden vnd zu lesen Polnisch vnd Deutsch*, предназначенное для самообразования. Учебник-наставление состоял из 287 коротких реплик-предложений (приветствия, вопросы о том, как пройти, размещение на постоялом дворе, знакомство и тому подобное). Считается, что кроме самообразования это пособие предназначалось и для немецких купцов, связанных торговлей с Польшей [15, S. 28]. Можно предположить, что именно начиная с этого времени целью двуязычных словарей-разговорников становится помощь в установлении деловых отношений между партнерами. Такие пособия, ориентированные на практическое использование, были распространены вплоть до XVII века. Конкрет-

¹ «...für Schreiber und Sekretäre, die in Wort und Schrift die Volkssprache völlig beherrschen — ihre normale Geschäftssprache ist deutsch-, deren Lateinkenntnisse aber zu wünschen übriglassen» [13, S. 3]. Перевод здесь и далее мой. — Г. Б.

ная коммуникативная цель определяла структуру и содержание словаря-разговорника.

2. Материал исследования

Самым старым из известных в научном обиходе и дошедших до нас немецкоязычным разговорником считается немецко-итальянский разговорник Мастера Георга (Йорга) из Нюрнберга *Das älteste italienisch-deutsche Sprachbuch aus dem Jahr 1424*, ставший широко известным после его издания в 1972 году австрийцем Оскаром Паушем. Разговорник возник для поддержания и развития торговых отношений между южно(верхне)немецкими городами и Италией, прежде всего Венецией, которая в Средние века являлась главным центром немецкой торговли с Востоком и странами Средиземного моря. Для развития торговли Венеция давала иностранцам определенные рестрикции. Так, например, в разговорнике неоднократно упоминается так называемый «Немецкий дом» (*Fondaco dei Tedeschi*), где можно было разместить свои товары, растаможить их, а также встретиться с венецианскими маклерами, которые выступали посредниками и регулировали куплю-продажу, принимали налоги и пошлины, а также выступали переводчиками при осуществлении сделок. В обоюдных интересах купцов было желание проводить сделки без посредников. Известно, что уже с XIV века немцев из южнонемецких городов посылали для изучения языка в Венецию. Венецианские же купцы посылали своих сыновей в языковые школы, открытые немцами в Италии. Доказательства наличия таких коммуникативных практик представлены в вопросно-ответных фразах, включенных в текст разговорника:

wo hastu deucz gelernt / In dieser stat / wie lang pistu zur schull gegangen / Ez ist noch nicht ein iar / <...> / Sein wer genügt ob du zwainczik monet in deuczen landen berst gebesen / Wo siczt dein maister / auff sandtt bartholmts placz / Nahent pey dem deuczen hauzz / wie haisst dein Maister / Er haisst maister Jorg / von wan ist er daz dir / got helfff / Er ist von nurmberck (Georg, F. 99v).

Автор пособия видел задачу своего разговорника шире, чем только налаживание контактов между купцами, и обращался к широкому кругу заинтересованных лиц из городской народной среды и мелких торговцев [12, S. 57]. Анализируя разговорник, А. Кар-

неин пишет о том, что «учебник такого типа, который связывают с именем Йорга (Георга), появился уже в XIV в. и поэтому Мастер Йорг не столько создал традицию, сколько способствовал ее широкому развитию»². В основу этого разговорника положен латинский тематический глоссарий и школьные разговоры, используемые на занятиях латинским языком, то есть речь идет о переносе метода обучения классическим языкам на народные.

Итак, если в начале XV века для южнонемецко-итальянской торговой коммуникации уже есть письменный инструмент и руководство для взаимовыгодного общения, то должно пройти еще более столетия, прежде чем похожее руководство будет создано для немецких ганзейских городов и их конкурентов — голландцев для ведения торговли с русскими купцами.

Русская торговля с ганзейскими городами начинается в XII веке на территории Новгорода и осуществляется с помощью переводчиков — толмачей. Спрос на переводчиков был значителен, и, чтобы расширить их круг, торговцы посылали молодых людей до 20 лет в Россию для изучения русского языка у учителей (Sprakelerer). Обучение строилось на прямом методе с помощью бояр, у которых жили будущие толмачи

Такая практика имела прежде всего торгово-политическую цель: создать монополию на торговлю с Россией и исключить нидерландскую и английскую конкуренцию. В документах ганзейских городов сохранились запреты на обучение иностранным языкам, прежде всего русскому, представителей других конкурирующих стран. Этим обстоятельством можно объяснить и долгое отсутствие письменных материалов для изучения русского языка, каковые уже давно существовали, например, между итальянцами и немцами.

Немецко-русские разговорники начинают появляться лишь в XVI веке в связи с развитием торговли между немецкими и русскими ганзейскими городами [1–3; 8]. Самым полным таким разговорником является нижненемецко-русский разговорник 1607 года ганзейского купца Тонниса (Томаса) Фенне (Das niederdeutsch-russische Sprachbuch von Tönnie Fenne), изданный в 1970 году при содействии Романа Якобсона в Дании и известный сейчас как Tönnies

² «...daß der Lehrbuchtyp, wie er sich mit dem Namen Meister Jörg (Georg) verbindet, schon im 14. Jahrhundert ausgeprägt war und damit Meister Jörg nicht so sehr eine Tradition schuf, als vielmehr zu voller Entfaltung brachte» [1, S. 10].

Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Цель своего разговорника Фенне пафосно определяет следующим образом:

Hyr wyll ich der hulpe gotts anfangen tho schriuen de rusche sprake also de dutzchen myt den rußen behouen rusch tho spreken van den hußlichen vnd daglichen doende, vnd van allerley werke tho sprekende (Fenne, p. 188).

Оба разговорника интересны для исследователей различных дисциплин, прежде всего для историков и лингвистов. Для лингвистов-романистов, изучающих историю итальянского (венцианского) языка, несомненный интерес представляет разговорник Георга, а разговорник Фенне — для историков русского языка. Что касается германистов, то здесь открывается широкое поле для сравнительно-типологических исследований: немецко-итальянский разговорник написан на верхненемецком языке, а немецко-русский — на нижненемецком.

Несмотря на то что объем двух исследованных разговорников различен (в соответствующих опубликованных изданиях примерно 200 страниц у Фенне и 500 у Георга), в их структуре и передаче коммуникативных практик того времени много общего. Сравним структуру анализируемых разговорников.

Венецианско-немецкий разговорник содержит данные об авторе, Мастере Георге из Нюрнберга, затем следуют:

1. Лексическая часть — список слов по определенным темам с вкраплением отдельных предложений и выражений (л. 1r–50v) и образцами грамматического материала.

1.1. Общая лексика (л. 1r–14r).

1.2. Числительные: порядковые, дроби (л. 14r, 8–16r).

1.3. Общая лексика (л. 16v–46r).

1.4. Местоимения в прямом падеже (л. 46r, 9–46v).

1.5. Общая лексика (л. 46v, 5–50r).

1.6. Местоимения с предлогами (л. 50r, 3–50r).

1.7. Общая лексика (л. 50r, 34–50v).

2. Морфология (л. 51r–85v).

2.1. Глаголы в повелительном наклонении единственного числа, инфинитив и причастие II (л. 51r, 100v).

2.2. Парадигмы спряжения некоторых глаголов (л. 64r–85v).

3. Разговорная часть (л. 86r–100v).

3.1. Диалог 1 (л. 86r–93v): Диалог между немецким и венецианским торговцем сукном с привлечением маклера.

3.2. Диалог 2 (с. 94r–96r): Немецкий и венецианский торговцы сукном обсуждают предстоящие сделки. Венецианец считает, что предложенные немцем товары не соответствуют по своей стоимости его представлениям. В связи с этим немец требует составить долговое обязательство. Возникший спор и разбирательства завершаются в конце концов совместной выпивкой.

Структура русско-(нижне)немецкого разговорника:

1. Титульный лист и введение (л. 1–24).
2. Лексическая часть (организована по тематическому принципу).
 - 2.1. Общая лексика (л. 31–107).
 - 2.2. Специальная лексика: Торговля (л. 108–130).
3. Грамматическая часть с образцами склонения и спряжения (л. 131–184).
4. Разговорная часть.
 - 4.1. Разговоры на различные темы.
 - 4.2. Свободные и взаимосвязанные диалоги и выражения разнообразной тематики (л. 96v–100v).
 - 4.2.1. Письменная часть (Schreiberspruch) (с. 100v) на латинском языке, выделенная красными чернилами и написанная другой рукой хвала писцу — на нижненемецком языке.
 - 4.3. Ведение в разговорную часть (л. 187–188).
 - 4.3.1. Повседневные разговоры (л. 189–263).
 - 4.3.2. Общие фразы и образцы письменной деловой коммуникации (л. 264–269) на русском и нижненемецком языках.
 - 4.4. Торговые разговоры о купле-продаже (л. 273–445).
 - 4.4.1. Торговля текстилем (л. 451–460).
 - 4.4.2. Торговля мехами (л. 462–464).
5. Пословицы, поговорки (л. 469–494).
6. Религиозные тексты (л. 497–530, частично только на русском языке, со с. 527 — на немецком и польском языках).
7. Письмовники (л. 531–566).
8. Цифры и алфавит (л. 545–566 — только на русском языке).

Даже беглое сравнение структуры и содержания разговорников указывает на значительное сходство между ними. Разница во времени появления, как будет показано выше, существенно не отра-

зилась на структурно-композиционных и содержательных особенностях разговорников. В лингводидактическом аспекте с позиций современного обучения иностранным языкам в исследуемых разговорниках можно увидеть много методических недочетов, связанных прежде всего с довольно хаотичной и бессистемной подачей материала, особенно грамматического. Грамматический справочный материал, содержание и объем которого определен самими составителями, никак не привязан к тематическим группам, последовательность включения грамматических правил и иллюстраций к ним не отвечает требованию постепенного нарастания трудности и не дает представления о системе языка в целом. Что касается выделяемых тематических групп и списка слов, то можно констатировать, что в обоих разговорниках много общего в выборе тематических групп и коммуникативных ситуаций, например подробно описаны такие важные коммуникативные ситуации, как прибытие и отъезд, приветствие, установление контакта, приглашения к совместной трапезе, благодарность, переговоры и уговоры, совместное проведение досуга и тому подобное. В обоих разговорниках списки тематически организованной лексики составляют примерно треть от всего объема.

Лексическая часть строится не по алфавитному, а по предметно-тематическому принципу с особым упором на торговую лексику (перечень товаров, транспортные средства, географические названия, условия поставки, оплата и тому подобное), сюда же добавляются полные и неполные реплики, с помощью которых купцы могли обращаться к своим партнерам, и бытовые коммуникативные ситуации. В основном это достаточно конкретные вопросы, ответы на которые, как правило, не приводятся, то есть языковой материал нельзя назвать диалогами, как те школьные диалоги, которые строились на основе Цицероновской латыни и были отдалены от жизни. Диалоги в рассматриваемых разговорниках, скорее всего, в большей степени отражали коммуникативные практики своего времени и устную речь. Исключение составляют образцы письменной коммуникации — письмовники и религиозные этикетные формульные высказывания.

Как уже упоминалось, традиционно, начиная с Тевтоники, первым ставили целевой (иностранной) язык (то есть латынь), за ним следовал родной язык. Такой принцип не всегда полезен и благоприятен для изучения иностранного языка, поэтому в разговорни-

ках Нового времени обычно вначале идут слова или фразы на иностранном языке, затем на родном. Авторы наших разговорников во главу угла ставят иностранный язык. Следуя гуманистическим образцам, Мастер Георг вначале дает слова и фразы на итальянском, затем на немецком. (Позже эту гуманистическую традицию перенимают и другие, например Хеерер (Heerer) в нидерландско-русском и Невенбургк (Newenburgk) в верхненемецко-русском разговорнике.) Текст венецианско-немецкого разговорника разделен на две колонки: в первой приведены слова или фразы на итальянском языке, во второй — их соответствия на немецком. Русско-(нижне) немецкий разговорник в тематической части — перечне слов разделен по такому же принципу на две колонки, но во многих случаях добавлена третья колонка, в которой русские слова передаются буквами латинского алфавита. Во фразовой части русское предложение следует непосредственно за немецким.

Оба разговорника создавались не в центрах образования того времени, а на чужбине, в иноязычной среде, поэтому можно предположить отсутствие корректора и распространение только рукописных вариантов, что также подтверждает, с одной стороны, долгое сосуществование рукописной и печатной традиций, а с другой стороны, подчеркивает специфику разговорников и тот факт, что они имели относительно узкий круг пользователей.

3. Образцы речевого взаимодействия

Несколько слов о тематическом наполнении разговорников. Венецианско-немецкий разговорник открывается разделом «Бог и его творения», далее следует раздел, который условно можно назвать «Время»: здесь дается широкий пласт лексики от описания дня и ночи до перечисления церковных праздников. Последующие разделы посвящены строению человеческого тела, различным типам одежды и предметам гигиены. Потом следуют перечни слов тематических групп «Дом», «Домашняя утварь», «Продукты», «Металлы», «Благородные металлы» и так далее. С листа 22r начинается описание города, за ним следует перечень профессий и далее перечислены юридические и музыкальные термины (л. 24v). Тут же представлены степени сравнения прилагательных. Затем следуют списки слов — обозначения животных и растений (л. 29 f.), степени родства (л. 35v), иерархия духовных и светских титулов

(л. 36v). Далее расположен раздел, посвященный грехам, хорошим и плохим качествам (л. 41r). Как в одном, так и в другом разговорнике тематическая часть представляет собой попытку объединить значительное число тематически организованной лексики, с помощью которой во многом передается атмосфера жизни города и как мозаика складывается языковая картина определенной части мира [6–8].

Различия можно увидеть в степени полноты охвата лексики, а также в выборе тематических групп. Например, в итальянско-немецком разговорнике Мастера Георга есть тематические группы «Воспитание», «Школа» «Посещение врача» и некоторые другие, которых нет в русско-немецком разговорнике Фенне.

Особенностью обоих разговорников, как уже указывалось, является довольно хаотичное представление грамматики. Например, отдельные тематические разделы в итальянско-немецком разговорнике заканчиваются грамматическим материалом: дается список личных местоимений (л. 46i) и предлогов (л. 50r), а затем неожиданно спряжение и формообразование глагола *neigen* во всех возможных временных и залоговых формах. В многих случаях наряду со словариком даются и отдельные фразы, например в разделе «Время» читаем:

Es ist zeit zu essen gen. Es ist zeit zu tisch geen (Georg, F. 104);

Es ist chalt. Mich freust an die füß und an die hand. Das Wetter ist heut chuller ben gestern (Georg, F. 192).

У Фенне в рубрике «О четырех элементах» (*Von den veer elementen*) описаны фазы солнечной активности от восхода до заката, необходимые, по-видимому, для определения времени:

de sunne is vpgegahn, de sunne schinedt, de sunne is achter de swerke (Fenne, F. 32).

Наибольший интерес представляет вторая часть разговорников, в которой дано значительное количество достаточно живых, непосредственных диалогов, отражающих коммуникативные практики того времени и особенности разговорного языка. В итальянско-немецком разговорнике подробно описывается приезд в Венецию немецкого купца. После долгого пути и знакомства с достопримечательностями Венеции Петер (Peter), так его зовут, наконец, добирается до суконной лавки своего итальянского торгового партнера.

Там его встречает не сам владелец лавки, а его сын Бартоламио (Bartolamio). Между юношами возникает диалог, переданный подробно и живо. Из первых же фраз становится ясно, что они знакомы и немец уже бывал в Венеции. Вначале следуют взаимные приветствия и выяснение причин долгого отсутствия:

D: Dio te Salue Bortolamio // got grüß dich bortholme

B: Omisicr vuj sil ben uegnudo // O herr ir seit got wilchum

Eie asay chio no(n) ue ho uezudo // Ez ist lang daz ich euch nicht han gesehen

Oue sy uui sta tanto chio no ue ho uezudo // Wo seit 'ir alz lang ge wesen daz ich euch niht han gesehen Hin und her an viel enten (Georg, F. 86).

Позже из диалога выясняется, что сам хозяин уже долгое время (15 дней) отсутствует, но скоро будет³:

Ez Wirt piß Montag funffczehen tag sein Er scholl schier chumen Ich gelaub er sey nun talung auff dem wege Rait er vber lant oder für er auff dem wasser (Georg, F. 86).

Постепенно немец сообщает о цели своего визита: ему необходимо купить 25 кусков материи. Разговор переключается на обсуждение цены. Услышав предложенную цену, немец с досадой констатирует, что она слишком высока и приведет его к убыткам в его стране:

Noch hor ich nichts waz ir mir wolt darumb geben / piet mier darumb waz ir wöllt

Waz ich dir mer geb de(n) fier ducaten vmb ein stuck parchancz daz verlür ich daran in deuczen landen (Georg, F. 87).

Начинается долгий спор, затем, по-видимому стремясь к примирению, немец сообщает о желании идти позавтракать. Расторопный венецианец тут же предлагает ему выпить. Немец возражает, ссылаясь на то, что по немецким обычаям для выпивки еще слишком рано, но устоять против разрекламированного напитка и закуски тем не менее не может:

D: Nu dar ich will geen essen / Vnd nach tisch so chum ich her mit meim vnterchauffel

B: daz tuet vnd tuet wie euch lieb ist / peit geet gemaleich / wolt ir nicht ein trunck tun

³ В задачу статьи не входит сравнение языков, поэтому здесь и далее в целях экономии большая часть примеров дана только на одном языке — немецком.

D: Ich Waizz sein nicht ez ist ze frue / Ez ist nich mein gewanheit alz frue ze trincken

B: daz ist wol ein bunder daru(m)b ez ist der deuczen gebonhait nicht <....>

D: waz hastu ze trincken hastu ichcz guecz

B: Ich han eins gueten alten romanirs und dez rainfoln / Ich wir haissen anczapfen ain und den andern / Vnd ir wert trincken belichz ir wolt vnd beicher euch aller paz gefelt/ Er ist allersampt in ewerm dienst

D: Vergelcz got daz waiz ich wöl

B: ich will euch nicht dez rainualn geben ich han in ab gelassen er ist noch trub

D: Wring her ein brot auf feim talier

B: Ich han nicht anders confett

D: Ez ist guet ezist daz pest chonfett daz in der werlt ist (Georg, F.89–88).

В немецко-русском разговорнике Тонниса Фенне также доминирует описание коммерческой коммуникации, ей отводится примерно 700 фраз из 991. Речевое поведение коммуникантов в обоих разговорниках очень схоже, несмотря на то что действие происходит в другое время и в другой стране, да и предметы купли-продажи разные.

Описываемые в русско-(нижне)немецком разговорнике коммуникативные ситуации переданы также достаточно подробно и увлекательно, но отличие состоит в том, что они состоят из монологических и (реже!) диалогических высказываний. Прогулявшись по Пскову, немец подходит к одному из каменных домов (*stenhuse*), стучит и просит впустить его. Слуга отодвигает засов и пропускает гостя в сени (*forhus*), замечая попутно, что его хозяин уже спит и он не имеет права его будить. На шум выходит сам хозяин и приветствует гостя, которого, как в первом разговорнике, оказывается, он хорошо знает. Выясняется, что в этот раз гость хочет остановиться у него на целый год. Возникает спор о цене съемного жилья. После согласования цены гость проходит в свою горницу (*kammer*) и прежде чем устроиться на новом месте, отдает целый ряд распоряжений, направленных на создание комфорта в комнате. Свои приказные императивы постоялец дополняет типично немецкими напоминаниями о порядке и чистоте, а также мерами предосторожности:

Hale mÿ eine dwele ich will de hande drogen (Fenne, p. 192);

Nim einen beßen vnd feg de stuen vtn (Fenne, p. 192);

*Принеси суха дрова да положи в неуць. <...> // Hahle droch holdtt vnd legge in den auen vnd make ein guedtt fuer, idt is sehr koldtt (Fenne, p. 192);
Lunge stoppe datt rock uenster tho so werdt idt hir warm (Fenne, p. 192).*

Затем следует ужин. Интересно, что в первый день пребывания во время вечерней трапезы немецкий гость не изменяет обычаям своей страны и пьет пиво, распорядясь:

Выполощи кружка циста да принеси пива <...> // Spöle de kannen reuß vndtt hale beer (Fenne, p. 195).

Среди императивов — указаний слуге опять звучит напоминание о порядке, бережливости и чистоте:

Tappe beer vnd tappe nicht vp de erden. Wrink den hanken vaste tho datt datt beer nichtt vthen lrcke (Fenne, p. 195).

Последние распоряжения в день приезда касаются мер предосторожности:

Загоси свецка. Заложу дверь. Замкни замок // Doe datt licht vtn. Heng de dore in. Sludtt datt slott tho (Fenne, p. 193–194).

Следующий день посвящен деловому общению и детальному описанию торговой коммуникации. Благодаря разговорнику можно достаточно подробно восстановить картину купли-продажи от неспешного осмотра товаров до длительного спора о цене и долговых обязательствах. Эти страницы разговорника изобилуют директивами, свидетельствующими о доминирующем положении заморского гостя. Они по большей части монологичны по форме, но диалогичны по смыслу; лишь в редких случаях встречаются, не всегда логически объяснимые с точки зрения их появления в контексте описываемых событий, диалоги с вопросно-ответными репликами:

Worumb bistu hirgekamen? Mytt wahre byn ich hyrgekamen. Bistu mytt wahre hyrgekamen? (Fenne, p. 275)

Wo hestu ? Ich hehte Hans (Fenne, p. 259).

Помимо чисто деловых отношений, в разговорниках значительное внимание уделяется человеческим контактам и бытовым разговорам, будь то в пивной, в бане, на базаре или во время совместной трапезы. Немецкий гость живо интересуется семьей своего торго-

вого партнера, его дочерьми и размером их приданого. О жене он может спросить:

Венчальная ль в те жона? (Fenne, p. 243).

Или оценить ее внешность:

У той жёнки лицо как снег бело // Der fruwen antlatt is so wytt also snee (Fenne, p. 243).

В обоих разговорниках довольно много фраз, направленных на регламентацию коммуникации. Наиболее частотными являются вежливые просьбы, начинающие с *Ich bidde... / Ich bitte...* Другой частотной фразой является бессоюзное условное придаточное с модальным глаголом *wollen*: *Wultu...* В итальянско-южнонемецком разговорнике широко представлены условные придаточные с союзом *ob*.

Рефреном коммуникативных практик и направленности на корпоративное сотрудничество партнеров, описанных в обоих разговорниках, могут служить следующие слова:

И мы во всякой времени добро суседство держали и хотим тово и вперед держати. // Wyr haben zu allen zeiten gude nachtbahrschafft gehalten vnd wollen das auch hinfurder halten (Fenne, p. 268)

Kopslage mit my van hantzem harten vnd nicht listlichen vnd bedruch my nicht mit diner wahre (Fenne, p. 337).

Среди представленных в разговорниках коммуникативных практик достаточно много указаний, рассчитанных на поддержание разговора, например указания не перебивать, дать высказаться, говорить правду:

Бог твоей речи не переймет, затим и ты не перейми моей речи да дай мне до конца говорить // Godtt benimpt dy dyne rede nicht my vndtt latt my thom ende reden (Fenne, p. 251);

Перестань / нишкни, сором тебе такова слова молвить // Hor vr swych idt is dy schande dattu sodane worde redest (Fenne, p. 252);

Скромского слово ты говоришь, у нас люди скромятся так молвить // Du redest schendliche wordtt mytt vns schemen sich de lude sodane wordtt th seggen (Fenne, p. 252);

Segge de wahrheit van reynem herten (Fenne, p. 383);

Ich segge dy all recht (Fenne, p. 385);

Geloue du my ich lege dy nicht vor (Fenne, p. 432);

du sagst redleich alz ein pider man (Fenne, p. 8);
daz ist euch wol geredt (Georg, F. 99r).

Как желание поддержать коммуникацию и одновременно выказать свое доверие собеседнику звучат фразы-советы:

Ich lazz mich an dich daz du mir dez selben gebst den du für dich nempst
(Georg, F. 24);

Ich will euch raten alz mir selb (Georg, F. 8).

В случае нарушения основных максим коммуникации и угрозы ее прерывания могут возникнуть фразы с готовностью услужить:

Ich mag euch wol dienen... (Georg, F. 86v);

Ich wird in euch allsampt zaigen vnd ie wert nehmen den der euch aller post geuelt (Georg, F. 86v).

Как некое сочувствие и подбадривание с одновременным подчеркиванием своего превосходства звучат фразы:

Dat iß mey leydt (Fenne, p. 385);

He na всякий день тебе удача // Idt geluckett dy alle dage nichtt
(Fenne, p. 251);

C кум ты тягался. // Mytt weme heffstu tho rechte gehahen (Fenne, p. 251);

han ichs euch nicht gesagt ich han den aller pesten der in dieser stat ist
(Georg, p. 86v).

Редко встречаются признания собственной ошибки и вины, а также просьбы о прощении:

Я промахнулся, прости меня, я виноват // Ich hebbe tu vorsehen vorgeff idt my ich byn schuldigh (Fenne, p. 257).

В разговорниках единичны случаи передачи агрессии по отношению к партнерам:

Пойдем в лес, одерем лык. Совьем веревку повесим русинов // Gahe wy in den busch vndt spliten bast vndt dreyen eyn tow vndt hangen den rußen (Fenne, p. 486);

Привеси русина за бороду в вислицу да друга возле столба // Heng den rußen bym barde in den galgen vnd den andern an den kaek (Fenne, p. 487).

Не подлежит сомнению тот факт, что в намерения авторов-составителей разговорников входила не только передача основных фраз для ведения деловых переговоров и создания комфортного пребывания в чужой стране, но и знакомство с бытовыми традициями и ментальностью русского народа. Подтверждением этому служит наличие в разговорниках, помимо пословиц и поговорок, жаргонизмов и ненормативной лексики, столь типичных для бытовой речи обыкновенных людей [4, с. 47] (Fenne, p. 508).

Несмотря на в целом доброжелательный тон разговорников и доминирование положительных коммуникативных образцов, противопоставление «свой — чужой» и «свое — чужое» проходит через оба разговорника, но в большей степени представлено в русско-немецком [14, S.507]. Это касается, например, стереотипного мотива культуры еды и питья. У Фенне читаем:

В немецкой земля всякого овоца полно // In Dutzlandtt is alles auedes genoch (Fenne, p. 241).

И чуть позже по тексту дается сентенция о преимуществах жизни людей в Германии по сравнению с Россией, построенная на параллельной антитезе:

heren-btste vnd wyntunde, fersch flesch vund fersche fische-poggen stöle, wyn vnd beer-wahter vnd qwaß:

Vnse dutsche lude leuen also heren, ehten fersch flesch vund fersche fische vnd drincken wyn vnd beer, vnd iuwe Volk leuett also beste vnd wyntunde ehten poggen stöle vnd drinken wahter vnd qwaß (Fenne, p. 258).

В обоих разговорниках присутствует также мотив недоверия к своим торговым партнерам и даже страха. Мотив страха передан сочетаниями *angst haben, machen, nehmen* [14, S. 505] и, например, следующей фразой:

Mÿ gruwedtt ich will dar nicht alleÿne hengahen mir graut es (Fenne, p. 260).

Недоверие заключается и в том, что партнеры верят документам только с подписью:

Так не возму, подпиши, что тебе моих долг дошли // So nehme ich sie nicht vnter schreib das dir meyne schuldt geworden ist handschrift (Fenne, p. 263).

Несмотря на в целом несомненные удачи в торговле и получении прибыли, как явствует из высказываний участвующих в диалогах лиц, немцы скучают по родине и хотят домой:

My vorlangedtt nach Dutzlandtt (Fenne, p. 257).

Интересно, что последняя фраза на русском языке у Фенне звучит как «За морем мне тоскливо».

Как уже указывалось, в деловые и бытовые разговоры обильно вставляются различные поговорки и пословицы, ориентированные на описываемые коммуникативные ситуации:

Держи свои слова как стена // Holtt dynn wordtt else eyne mure (Fenne, p. 257);

У матери глаза завистливы, руки грабущи // Ein deff hefft affgunstige ogen. Vnd grep haffige hande // Vtati glasi sauistliui, ruki grabuszi (Fenne, p. 240);

Богатство у человека гость: сегодня у тово, завтра у другого // Rikedoem iß by eynem menschen eyn gast, huden by deme morgen by eynem andern (Fenne, p. 423);

Ворон ворону глаз не выклюет // De eyne raue hickedt dem anderen keyn oge vtn (Fenne, p. 470);

Цыплят хоче курица учить // Datt kuken wyl datt hoen lehren (Fenne, p. 472);

Только люди, только умов // Souehle lude, so vehle sinne (Fenne, p. 476).

По понятным причинам в обоих разговорниках основные формульные фразы, описывающие просьбы, помощь, благословение и тому подобное связаны с апелляцией к Богу, типа:

Как бог даст // Else gott wýll so giff he idtt (Fenne, p. 189).

Помимо таких фраз, в обоих разговорниках присутствуют религиозные тексты; так, например, в русско-немецком разговорнике даны 17 псалмов на церковно-славянском языке. По мнению С. К. Милославской, «наличие в учебнике заведомо известного текста, оформленного средствами иностранного языка, могло облегчать процесс понимания закономерностей этого языка. Более того, оно могло служить для потенциальных немецких читателей указанием на высшее, духовно-религиозное единение немцев и русских в Христианстве» [7, с. 81].

Важным призывом к регламентация общения в начале XVII века, сохранившим свою актуальность и сегодня, звучат слова:

mensken haben alle einen godtt, nur nicht den selben gelouben (Fenne, р.248).

4. Итоги и перспективы исследования

Подводя итог, следует отметить, что в лингвистическом плане составители рассмотренных разговорников руководствовались прежде всего своим собственным коммуникативным опытом, своими собственными знаниями и представлениями не только о словарном минимуме и об описываемых ими коммуникативных деловых и бытовых ситуациях, но и о языковой системе, причем как родного, так и иностранного языка. Слова и фразы, скорее всего, записывались ими на слух с использованием графических средств родного языка (диалекта), и при этом они не были ограничены нормами и рамками какого-либо правописания или толкования. Результатом такого подхода является тот факт, что в рукописных разговорниках сталкиваются самые разнообразные слои лексики, от высокопарной до сниженной, в них много диалектизмов, характерных как для русской, так и для немецкой речи. Не осознавая до конца значимость проделанной ими работы, авторы-составители первых итальянско-немецкого и русско-немецкого разговорников создали уникальные для своего времени пособия по изучению и сопоставлению языков, истории деловой коммуникации и исторической прагматики, в которых отражена языковая картина мира и элементы межкультурной коммуникации отдаленной от нас эпохи.

Источники иллюстративного материала и сокращения

Georg — Das älteste italienisch-deutsche Sprachbuch. Eine Überlieferung aus dem Jahre 1424 nach Georg von Nürnberg. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1972. 315 S. (Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Denkschriften 111. Veröffentlichungen der historischen Kommission 1)

Fenne — Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov 1607. Bd. 2. Transliteration and Translation / eds. L. L. Hammerich, R. Jakobson. Kopenhagen: Munksgaard, 1970. 566 p.

Литература

1. *Алексеев, М. П.* «Книга русского языка» Т. Шrove 1546 г. и ее автор // Памяти академика Льва Владимировича Щербы: сб. статей. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1951. С. 103–112.
2. *Алексеев, М. П.* Русский язык в мировом культурном обиходе // Вопросы языкознания. 1984. № 2. С. 3–14.
3. *Баева, Г. А.* Языковая картина мира в русско-немецких разговорниках XVII в. // Новое в лингводидактике и методике преподавания иностранных и русского языков: сб. науч. статей / под ред. М. В. Пименовой. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. экон. ун-та, 2018. С. 11–17.
4. *Ершова, Е. О.* Рукописные русско-немецкие разговорники на рубеже XVI–XVII вв. как свидетельство интереса к русскому языку // Языкознание — 2010. Язык. Культура. Современность: материалы Междунар. заочн. лингвист. конф.: сб. науч. статей. Вып. 3. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2010. С. 41–52.
5. *Левченко, Г. А.* Словарь-разговорник в России: к вопросу об истории жанра // Вестник Моск. ун-та. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 3. С. 145–156.
6. *Мжельская, О. С.* Лексика обиходно-разговорного языка Московской Руси XVI–XVII вв. (по данным иностранных руководств для изучения русского языка). СПб.: Изд. дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2003. 218 с.
7. *Милославская, С. К.* Образ России и русских в учебниках русского языка как иностранного (XVII–XVIII вв.) // Вестник МАПРЯЛ. М., 2001. № 32. С. 77–83.
8. *Милославская, С. К.* Псков и псковичи в рукописном учебнике русского языка Тонни Фенне (1607) // Вестник МАПРЯЛ. М., 2010. № 63–64. С. 23–29.
9. *Borchling, C.* Mittelniederdeutsche Handschriften. Reiseberichte 1–4. Göttingen: Commissionsverlag der Dieterich'schen Universitätsbuchhandlung Lüder Horstmann, 1898–1913. (Nachrichten der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen).
10. *Gernentz, H. J., Korol, T., Rösler, I.* Das Gesprächsbuch des Tönnies Fenne in seinem sprach- und gesellschaftlichen Umfeld // Untersuchungen zum Russisch-niederdeutschen Gesprächsbuch des Tönnies Fenne, Pskov 1607. Ein Beitrag zur deutschen Sprachgeschichte / Autorenkollektiv unter Leitung von H. J. Gernentz. Berlin: Akademie-Verlag, 1988. S. 13–86.
11. *Karnein, A.* Deutsch als Fremdsprache im 15. Jahrhundert. Das Sprachbuch Meister Jörgs // Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache. 2. Jahrbuch des Goethe-Instituts. München: s. p., 1976. S. 1–13.
12. *Pausch, O.* Das älteste italienisch-deutsche Sprachbuch. Eine Überlieferung aus dem Jahre 1424 nach Georg von Nürnberg. Wien: Österreichische Akademie

der Wissenschaften, 1972. 315 S. (Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Denkschriften 111. Veröffentlichungen der historischen Kommission 1).

13. *Peters, R.* Gert van der Schüren // Die deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon. Bd. 3. 2. Aufl. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1981. 1279 Sp.

14. *Pickhan, G.* „Wann ich frolich sy so hebbe ih dy gerne“. Grundmuster der interkulturellen Alltagskommunikation zwischen Deutschen und Russen im Gesprächsbuch des Tönnies Fonne (1607) // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 2001. Bd. 49, H. 4. S. 500–509.

15. *Pirozynski, J.* Ein unbekanntes polnisch-deutsches Gesprächsbüchlein aus der 1. Hälfte des 16. Jahrhunderts in der Sammlung der Herzog-August-Bibliothek Wolfenbüttel // Wolfenbütteler Beiträge. Frankfurt a/M., 1981. Bd. 4. S. 9–58.

References

1. Alekseev, M. P. “Book of Russian” T. Schrowe 1546 and Her Author. *Pamiati academika Lva Vladimirovicha Shcherby: sb. statei*. Leningrad, Izd-vo Leningr. gos. un-ta Publ., 1951, pp. 103–112. (In Russian)

2. Alekseev, M. P. Russian in World Cultural Use. *Voprosy iazykoznanii*, 1984, no. 2, pp. 3–14. (In Russian)

3. Baeva, G. A. The Language Picture of the World in Russian-German Phrase Books of the 17th Century. *Novoie v lingvodidaktike i metodike prepodavaniia inostrannykh i russkogo iazykov: sb. nauch. statei*, ed. by M. V. Pimenova. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. gos. ekon. un-ta Publ., 2018, pp. 11–17.

4. Iershova, E. O. Hand-written Russian-German Phrasebooks at a Boundary of the 16th–17th Centuries as the Testimony of Interest in Russian. *Iazykoznanie — 2010. Iazyk. Kul'tura. Sovremennost': materialy Mezhdunar. zaochn. lingvist. konf.: sb. nauch. statei*, issue 3. Chelyabinsk, Iuzh.-Ural. kn. izd-vo Publ., 2010, pp. 41–52. (In Russian)

5. Levchenko, G. A. The Dictionary — a Phrasebook in Russia: On the Question of the History of the Genre. *Vestnik Mosk. un-ta. Serii 19: Lingvistika i mezhdunarodnaia kommunikatsiia*, 2006, no. 3, pp. 145–156. (In Russian)

6. Mzheľ'skia, O. S. *Vocabulary of Everyday Spoken Language of Muscovy 16th–17th Centuries (According to Foreign Guides for Learning Russian)*. St. Petersburg, Izd. dom S.-Peterb. gos. un-ta Publ., 2003, 218 p. (In Russian)

7. Miloslavskaja, S. K. The Image of Russia and Russian in the Textbooks of Russian as a Foreign Language (XVII–XVIII Centuries). *Vestnik MAPRYAL*, Moscow, 2001, no. 32, pp. 77–83. (In Russian)

8. Miloslavskaja, S. K. Pskov and Residents of Pskov in the Handwritten Textbook of the Russian Language of Tonni Fenne (1607). *Vestnik MAPRYAL*, Moscow, 2010, no. 63–64, pp. 23–29. (In Russian)

9. Borchling, C. *Mittelniederdeutsche Handschriften*. Reiseberichte 1–4. Göttingen, Commissionsverlag der Dieterich'schen Universitätsbuchhandlung Lüder Horstmann, 1898–1913. (Nachrichten der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen).

10. Gernentz, H. J., Korol, T., Rösler, I. Das Gesprächsbuch des Tönnies Fenne in seinem sprach- und gesellschaftlichen Umfeld. *Untersuchungen zum Russisch-niederdeutschen Gesprächsbuch des Tönnies Fenne, Pskov 1607. Ein Beitrag zur deutschen Sprachgeschichte*, author group led by H. J. Gernentz. Berlin, Akademie-Verlag, 1988, pp. 13–86.

11. Karnein, A. Deutsch als Fremdsprache im 15. Jahrhundert. Das Sprachbuch Meister Jörgs. *Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache. 2. Jahrbuch des Goethe-Instituts*. München, s. p., 1976, pp. 1–13.

12. Pausch, O. *Das älteste italienisch-deutsche Sprachbuch. Eine Überlieferung aus dem Jahre 1424 nach Georg von Nürnberg*. Wien, Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1972, 315 p. (Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse, Denkschriften 111. Veröffentlichungen der historischen Kommission 1).

13. Peters, R. Gert van der Schüren. *Die deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon*, vol. 3, 2nd ed. Berlin; New York, Walter de Gruyter, 1981, 1279 col.

14. Pickhan, G. „Wann ich frolich sy so hebbe ih dy gerne“. Grundmuster der interkulturellen Alltagskommunikation zwischen Deutschen und Russen im Gesprächsbuch des Tönnies Fenne (1607). *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge*, 2001, vol. 49, book 4, pp. 500–509.

15. Pirozynski, J. Ein unbekanntes polnisch-deutsches Gesprächsbüchlein aus der 1. Hälfte des 16. Jahrhunderts in der Sammlung der Herzog-August-Bibliothek Wolfenbüttel. *Wolfenbütteler Beiträge*, Frankfurt a/M., 1981, vol. 4, pp. 9–58.

Баева Галина Андреевна

профессор кафедры немецкой филологии СПбГУ, доктор филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Galina A. Baeva

Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,
Doctor of Philological Sciences
Address: 7–9, University emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: g.baeva@spbu.ru

SPIN-код: 4317-3868; AuthorID: 266584

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ТЕКСТЕ: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Ключевые слова: интертекстуальные элементы, эпистолярные тексты, переписка немецких музыкантов, Леопольд Моцарт, Вольфганг Амадей Моцарт, проблемы перевода.

В статье рассматриваются проблемы перевода интертекстуальных элементов в эпистолярном тексте на материале переписки немецких музыкантов XVIII века. Автор подробно рассматривает специфику интертекстуальных элементов, их типы и возможности перевода, указывая на общую стратегию и конкретные решения в переводах писем Леопольда и Вольфганга Амадея Моцартов. Несмотря на высокую степень переводимости эпистолярных текстов, именно интертекстуальные элементы в письмах составляют основные трудности при переводе, так как интертекстемы (прецедентные тексты и имена, цитаты, пересказы бесед и другие элементы) часто вводятся в переписке имплицитно, а в текстах XVIII века, как правило, на иностранных языках, фрагментарно или как элемент языковой игры. Количество и набор интертекстуальных элементов в эпистолярных текстах меняется и зависит от времени создания текста. В письмах немецких музыкантов XVIII века интертекстуальные элементы занимают важное, но небольшое место — набор их достаточно скромнен: иноязычные вкрапления, цитаты, автоцитаты, интертекстемы библейского происхождения и дружеского (семейного) общения, отдельные компоненты игры слов. Иноязычные элементы сохраняются в текстах перевода на языке оригинала, интертекстемы библейского происхождения переводятся соответствиями, интертекстемы дружеского (семейного) общения и компоненты игры слов из-за своего слабого ассоциативного воздействия требуют комментариев. Интертекстуальные элементы в старинных эпистолярных текстах в большинстве случаев теряют свою актуальность, они практически не распознаются и не функционируют в тексте как интертекстемы, и переводчик не может восстановить их, только компенсировать за счет комментариев, которые сохраняют, хотя и не в полном объеме, саму идею интертекстуальности.

A. V. BOYARKINA

St. Petersburg State University

INTERTEXTUAL ELEMENTS IN THE EPISTOLARY TEXT: PROBLEMS OF TRANSLATION

Keywords: intertextual elements, epistolary texts, correspondence of German musicians, Leopold Mozart, Wolfgang Amadeus Mozart, translation problems.

The article deals with the problems of the translation of intertextual elements in epistolary texts on material of the correspondence of German musicians of the 18th century. The author examines in detail the specifics of intertextual elements, their

types and translation possibilities, pointing out a general strategy and specific solutions in translations of the letters of Leopold and Wolfgang Amadeus Mozart. Despite the fact that epistolary texts have a high degree of translatability, it is intertextual elements that constitute the main difficulties in translation, since intertextemes (precedent texts and names, quotations, retelling of conversations and other elements) are often introduced implicitly, and in texts of the 18th century, as a rule, in foreign languages, fragmentary or as an element of word-play. The number and set of intertextual elements in epistolary texts varies and depends on the time the text was created. Intertextual elements occupy an important but small place in the texts of the letters of German musicians of the 18th century: their number is quite small: foreign inclusions, quotes, self-quotes, intertextemes of biblical origin and friendly (family) communication, individual components of word-plays. Foreign elements are preserved in translation texts in their original language, intertextemes of biblical origin are translated by correspondences, the intertextemes of friendly (family) communication and the components of word-plays due to their weak associative effect require comments. Intertextual elements in ancient epistolary texts in most cases have lost their relevance, they are practically not recognized and do not function in the text as intertextemes, and the translator cannot restore them, only compensate at the expense of comments that preserve, although not in full, the very idea of intertextuality.

Перевод эпистолярных текстов, несмотря на высокую степень переводимости, считается довольно сложным. Переводчику необходимо владеть фоновой информацией, уточнять реалии быта и общественной жизни, реагировать на отклонение от литературной нормы (в сторону завышения или занижения), передавать авторский стиль. Однако особенно трудны при переводе эпистолярного текста интертекстуальные элементы, которые в частной переписке не всегда касаются прецедентных текстов и имен, нередко вводятся имплицитно, на иностранных языках, фрагментарно или как элемент языковой игры. Количество и набор интертекстуальных элементов в эпистолярных текстах находится в тесной зависимости не только от авторских предпочтений, но и от времени создания текста: в относительно современных письмах их больше, в старинной переписке их значительно меньше и они представлены в другом составе. Показательны в этом смысле немецкие эпистолярные тексты XVIII века, в частности переписка немецких музыкантов, в текстах которых интертекстуальные элементы встречаются в шутовском контексте в начальных или заключительных формулах вежливости и, как правило, на иностранных языках.

Но что сегодня означают для читателя эпистолярных текстов эти включения? Высок ли их ассоциативный потенциал, могут ли

они отразить многослойность и многозначность исходного текста, или их значение обесценивается и переводчик может их игнорировать? Действительно ли важно сейчас распознавать в старинных эпистолярных текстах интертекстуальные элементы и передавать их при переводе?

Как известно, эпистолярные тексты обладают рядом специфических особенностей, создающих сложное целое. Из-за «промежуточного» положения между письменной и устной коммуникацией [19; 20; 12; 14; 23; 21; 27, S. 12, 35, 103, 264] в тексте письма часто проявляются неполноструктурность и присоединительный характер синтаксической организации (различного рода «перебои», корректирующие конструкции [9, с. 21; 22, с. 87]); эпистолярный текст ориентирован на обиходно-разговорную речь, что актуализируется в повышенной эмоционально-экспрессивной окраске лексики, появлении диалектных черт [23, S. 173–174; 8, с. 85, 95; 1, с. 223], а также «стилевой гетерогенности» [13, с. 3]. Хотя эпистолярные тексты имеют некоторое сходство с документальной литературой, например с дневниковыми записями и мемуарами, различия между данными текстотипами довольно существенны — дневники и мемуары не имеют конкретной адресованности и специфической структурной модели (эпистолярной этикетности).

Для письма как типа текста структурно релевантными и функционально значимыми оказываются несколько текстообразующих категориальных признаков — адресованность, целостность, связность, темпоральность, модальность и информативность. При этом категория адресованности оказывается одной из самых важных [13] — статус адресата определяет эпистолярный речевой этикет (этикетную рамку, эпистолярные клише), тему (набор тем), словарь, синтаксис, то есть структурно-семантические характеристики частного письма и реализацию всех основных текстовых категорий, что позволяет различать подтипы писем не только тематически (например, дружеское письмо, письмо-наставление, интимное письмо, различные виды этикетных писем). Другими важными текстообразующими категориями в письме являются категории целостности и связности, последняя нередко может восстанавливаться за счет опоры адресата на другие категории — пространственно-временную соотношенность, субъективную модальность. Характерной чертой реализации категории связности являются также интертекстуальные элементы.

При упоминании интертекстуальных элементов в художественном тексте речь идет, как правило, о включениях больших фрагментов «чужого» (прецедентного) текста, либо о цитатах, текстовых аппликациях, аллюзиях и реминисценциях, а также небольших элементах — включениях крылатых слов, фразеологизмов и даже отдельных лексем [3; 4], призванных усложнить текст, наполнить его новыми смыслами, ассоциациями. И. В. Арнольд, например, вслед за М. М. Бахтиным относит к интертекстуализмам также кодовые включения, которыми может быть не только иноязычная лексика, но и иноязычная [3, с. 369].

Эпистолярный текст, безусловно, отличается от художественного, даже если автор писем — известный писатель: в эпистолярных текстах не встречаются некоторые «традиционные» для художественного текста интертекстуальные средства — названия (всего текста и его разделов) и эпиграфы, которые бы стояли в начале текста и повышали, таким образом, «импликационный и модальный потенциал» текста [3, с. 360]. К тому же частотность использования и разнообразие интертекстуальных средств в эпистолярных текстах меньше, даже несмотря на то, что возможны включения в текст писем прецедентных текстов, цитат, крылатых выражений, интертекстом библейского происхождения, иноязычных слов и выражений [4]. Важным связующим звеном в письмах являются элементы, обеспечивающие диалог адресанта и адресата, — на протяжении всей переписки постепенно набираются и аккумулируются языковые средства, которые могут быть использованы как интертекстуальные (автоцитация, повтор иноязычных элементов, фразеологизмов, отдельной лексики и так далее), составляя, таким образом, определенный «ассоциативный тезаурус» [3, с. 354] семейного или дружеского общения, и именно эти элементы оказываются для переводчика особенно «опасными».

В немецкой частной корреспонденции на протяжении всего XVIII века можно наблюдать любопытные явления — к середине века, по мнению исследователей [15; 16; 7; 17; 28; 26; 24], немецкое письмо преодолело все этапы развития эпистолярного текста (от копирования латинских эпистолярных форм до свободного их применения) и имело уже свои специфические черты: во-первых, эпистолярный речевой этикет — устоявшиеся этикетные формулы на немецком языке, эпистолярную фразеологию и словарь (хотя строгое соблюдение эпистолярных форм, некоторая «галантность»

сохранялась только в официальных частных письмах или в письмах к незнакомому адресату); во-вторых, явную установку на разговорный стиль (Г.Э.Лессинг: «Пиши, как говоришь, и это будет прекрасно»¹); и, в третьих, сосуществование разнообразных орфографических вариантов в текстах писем (процесс становления письменного варианта литературной нормы немецкого языка находился в завершающей стадии практически до конца XVIII века).

Эпистолярная структура на протяжении всего XVIII столетия упрощалась (см., например, письма Г.Э.Лессинга, М.Клаудиуса, И.К.Лафатера, Ф.Шиллера, И.В.Гёте, а также письма Шарлотты Шиллер), как и эпистолярные формулы — если в начале XVIII века обращение выглядело по-барочному пышно (*HochEdler, Vest- und Hochgelahrter Hochgeehrtester Herr* — в письме Иоганна Себастьяна Баха к Августу Беккеру от 19 марта 1714 года; *Hoch-Edler. Insonders hochgeehrtester Herr und (so es noch erlaubt seyn dürffte) Werthester Herr Bruder* — в письме Баха к другу детства Георгу Эрдману от 28 июля 1726 года; *HochEdelgebohrner Vest und Hochgelahrter. Besonders Hochgeehrtester Herr Senior Hochgeschätzter Gönner etc.* — в письме Баха к Тобиасу Ротширу от 2 мая 1735 года (Bach-Dokumente, S. 21–123)), то в середине XVIII века инициальные обращения стали немногословными (*Mein lieber N. N.; Lieber Freund; Teuere Mutter; Mein Herr*). Та же тенденция наблюдалась и в заключительных формулах вежливости. Например, в письме Баха к Иоганну Фридриху Клемму от 30 октября 1736 года заключение весьма многословно и содержит многочисленные формулы вежливости, в то время как в письмах более позднего периода (к концу XVIII века) комплименты и формы прощания сводились к минимуму (*Leben Sie wohl*) или заменялись французским *Adieu*:

Wollen Ew. HochEdlen demnach eines alten auffrichtigen Dieners, ehemahligen SchulCammeraden und Reisegafährten sich hochgeneigt belieben zu erinnern und deßsen gehorsamstes bitten sich ganz zu eigen verbinden

*Ew: HochEdlen unterthänigsten und gantz gehorsamsten Diener
Joh: Sebast: Bach (Bach-Dokumente, S. 92).*

Несмотря на упрощение этикетных форм, сам текст немецких писем этого периода заметно усложнялся — синтаксис становил-

¹ «Schreibe, wie Du redest, so schreibest Du schön» [25, S. 2]. Перевод здесь и далее мой, если не указано иное. — А. Б.

ся все более разговорным, все чаще использовались иноязычные вкрапления. Важно заметить, что в течение всего XVIII века немецкое частное письмо испытывало огромное влияние французского языка, нередко корреспонденция велась исключительно на французском (например, письма Фридриха Великого, Марии Терезии, письма М. С. фон Лярош к К. М. Виланду, И. Г. Гердера к сыну Августу), в текстах писем встречалось много галлицизмов, и на протяжении всего XVIII века еще долго после перехода писем на немецкий язык адреса, а также обращения и формулы прощания писали по-французски.

Любопытно, что в немецких письмах именно этого периода иноязычные вкрапления, эпистолярные формулы, фразы и цитаты на французском, итальянском языках и латыни не воспринимались адресантами как нечто «чужое»; напротив, наличие данных вставок связывало текстовый массив в единое целое. Так, например, в письмах И. С. Баха, Ф. Генделя, К. В. Глюка, Л. и В. А. Моцартов постоянно встречаются иноязычные вкрапления и тексты на итальянском, французском и английском языках, что реже наблюдается в письмах музыкантов более позднего периода.

В частных письмах музыкантов практически не бывает включений прецедентных текстов, тем более больших объемов, возможны цитаты из писем других корреспондентов, самоцитация. Так, например, в письмах Вольфганга Амадея Моцарта можно встретить не только цитирование фрагментов своих и чужих писем, но и записи разговоров с важными персонами, причем включение «чужого» текста может быть как эксплицитным, так и имплицитным. Так, в письме от 11 октября 1777 года Моцарт описывает отцу встречу с давним другом семьи, чешским композитором Йозефом Мысливечекком, который к тому времени был уже серьезно болен. В диалоге чужие слова Моцарт помечает подчеркиванием, не всегда последовательно (кроме первой фразы), свои слова передает без подчеркивания:

Mein lieber freünd! er merckte es, daß ich gerührt war, und fieng so gleich ganz munter an. aber sagen sie mir, was machen sie denn; man hat mir gesagt, sie seÿen hier; ich glaubte es kaum. wie ist es denn möglich daß der Mozart hier ist, und mich nicht längst besucht hat. ich bitte sie recht um verzeÿhung, ich habe so vielle gänge gehabt, ich habe so vielle gute freünde hier. ich bin versichert daß sie recht gute freünde hier haben, aber einen so guten freünd, wie ich, haben sie gewis nicht (Mozart, Bd. 2, S. 44). — Мой

дорогой друг! он заметил, что я так расстроган, и начал сразу совсем бодро. скажите-ка, чем вы занимаетесь; мне говорили, что вы здесь; я не мог поверить. как же это возможно, чтобы Моцарт был здесь и до сих пор еще не навестил меня. я искренно прошу вас о прощении, у меня было столько визитов, здесь столько добрых друзей у меня. уверяю, у вас здесь поистине добрые друзья, но такого доброго друга, как я, у вас вправду нет (Моцарт, с. 60).

В письме от 26 сентября 1777 года при цитировании диалога с одной актрисой Моцарт смешивает косвенную речь и прямую, никак не выделяя это в тексте:

Mad: Niesser die Comcediantin gieng just heraus, und fragte mich, sie wollen gewis zum grafen? ja. er ist noch in seinen garten gott weis wen er kömt. ich fragte sie wo sein garten seÿ, ja, sagte sie, ich habe auch mit ihm zu sprechen, wir wollen mitsamen gehen (Mozart, Bd. 2, S. 12). — Ниссер, комедиантка, как раз выходит и спрашивает меня, вы наверняка к графу? да. он еще в саду и Бог знает, когда вернется. Я спросил ее, а где его сад, она отвечает, мне ведь тоже нужно с ним поговорить, пойдемте вместе (Моцарт, с. 52).

Включения в эпистолярный текст диалогов характерны для переписки немецких музыкантов — так, практически всегда В. А. Моцарт в подробностях передает матери, отцу, а затем жене разговоры с важными особами, друзьями, музыкантами, при этом включает эти беседы в текст писем, как правило, имплицитно. Помимо диалогов, Моцарт может цитировать фрагменты писем, записки, нередко на французском и итальянском языках. Например, в письме от 11 октября 1777 года к отцу Моцарт, описывая свои колебания, связанные со встречей с Мысливечекком, цитирует свою записку, вводя текст в кавычках, но при этом передает цитату косвенной речью. Ответ цитирует на итальянском языке:

ich schrieb aber folgenden tags einen italienischen brief an ihn, ganz natürlich: „ich könnte ohnmöglich zu ihm komen; ich habe schier nichts essen, und nur 3 stund schlaffen können. ich war den tag wie ein mensch der seine vernunft verlohren hat. er seÿe mir imer vor augen Ecet:“ lauter sachen die so wahr sind als die sonne klar ist. er gab mir folgende antwort: lei é troppo sensibile al mio male...

er schickte mir den aufsaz zum brief an santoro. La brama chèbbi già da tanto tempo di servir V: S: Ill: e cotesto rispettabilissimo Publico di Napoli

colle mie debolezze di produrmi in cotesto Real Teatro, é il mottivo ch'io...
(Mozart, Bd. 2, S. 45).

но на следующий день написал ему итальянское письмо совершенно откровенно: „я никак не могу к нему прийти; я почти что ничего не ел и смог спать всего 3 часа. весь день был, словно помешанный. он то и дело стоял перед глазами и т. д.“: „вещи сплошь настолько правдивые, это было ясно как божий день. он ответил так: *lei é troppo sensibile al mio male...*

он отослал мне текст для письма к санторо. *La brama ch'èbbi già da tanto temp di servir V: S: Ill: e cotesto rispettabilissimo Publico di Napoli colle mie debolezze di produrmi in cotesto Real Teatro, é il motivo ch'io...*
(Моцарт, с. 61).

В текстах отца и сына Моцартов иноязычными интертекстуальными элементами могут быть не только большие по объему цитаты из писем, но и эпистолярные фразы, отдельные выражения. Чаще эти элементы встречаются в конце писем в заключительных формулах вежливости, например в приписке Моцарта к письму отца от 17 февраля 1770 года: *per far il fine* (в заключение (ит.). — А. Б.) *оставься твоей...* (Бояркина, с. 67; см. также: Mozart, Bd. 1, S. 316) или в письме Моцарта от 26 января 1770 года: и *поцелуй мама руки in vece mia* [вместо меня (ит.)]² (Моцарт, с. 31; см. также: Mozart, Bd. 1, S. 311).

Иноязычные интертекстуальные элементы используются авторами и в основном тексте письма. Например, в письме от 26 января 1770 года Леопольд Моцарт объясняет жене, что поездки обходятся семейству довольно дорого, особенно питание, используя при этом выражение на итальянском языке:

Es werden aber auch schon |: da dieses schreibe |: 6 Wochen vorbej seyn, daß wir Salzb: verlassen haben, und wen man gleich à pasto Lebet, und über dieses vielmahls, ja meistens nicht zu Hause speiset, so ist doch das Nachtessen, zimmer, Holz etc: alles so theuer, daß man unter 6 duc-catten aus keinem WirthsHause komt, wo man 9 bis 11 täge sich aufhält (Mozart, Bd. 1, S. 307). — Прошло вот уже 6 недель, как мы покинули Зальцб. |: на сегодня, когда я пишу это |: и если Жить почти **à pasto** [не тратясь на питание, букв. «помимо еды» (ит.)], часто, даже в основном, обедая в гостях, то ужины, комнаты, дрова и проч: все равно столь дорого, что обходятся не менее 6 дукатов в каждой

² В квадратных скобках приводим примечания переводчика. — А. Б.

из гостиниц, в которых мы останавливаемся от 9 до 11 дней (Бояркина, с. 62).

А в письме от 17 октября 1777 года Моцарт использует выражение на французском языке:

*ich merckte schon aus seinen discoursen so, daß er glaubte ich würde nicht viell auf seiner orgl machen; ich würde **par Exemple** völlig Clavier mässig spielen* (Mozart, Bd. 2, S. 70). — Я уже понял из его высказываний, что я, по его мнению, мало что смогу сыграть на его органе; что я буду **par Exemple** [например (фр.)] пытаться играть в точности как на клавире (Моцарт, с. 71).

Иногда в текстах писем цитируются фрагменты либретто. Например, в письме от 26 января 1770 года Моцарт цитирует на итальянском языке текст П. Метастазियो из оперы немецкого композитора «Деметрия» Иоганна Адольфа Хасце (1699–1783), 1-й акт, 4-я сцена (на этот текст Моцарт пишет свою арию «Ты не несчастен» (KV, Anh. 2, утеряна)³).

Кроме иноязычных включений, в переписке музыкантов встречаются довольно крупные нотные вставки, стихи собственные или других авторов (например, письмо К. М. фон Вебера от 15 июля 1811 года, Zu Bärmanns Namenstag (Musiker-Briefe, S. 202)). Однако данные включения, цитаты из писем и записанные ненормативным образом диалоги хотя и являются формально интертекстуальными элементами, практически не несут в себе ассоциативного потенциала и не функционируют в тексте как интертекстемы. В свое время они воспринимались авторами и реципиентами текстов, вероятно, как естественное явление, однако современному читателю эти включения все же неясны, они затрудняют понимание фразы и требуют пояснений.

Тем не менее в эпистолярных текстах музыкантов встречаются и «настоящие» интертекстуальные элементы. Речь идет, например, о прецедентных именах, хотя их и мало, и интертекстемах библейского происхождения, которые в текстах распознаются и переводятся с помощью соответствий достаточно легко. Возможны цитаты, однако почти не встречаются аллюзии и реминисценции, чаще в шутивном контексте (обыгрывание имен собственных, акро-

³ Произведения приводятся по хронологическо-тематическому указателю сочинений В. А. Моцарта, составленному Людвигом фон Кёхелем (1800–1877) (KV).

нимические шифры), имеются также интертекстемы дружеского (семейного) общения и интертекстуальные элементы, включенные в игру слов. Передаются ли они в переводах писем музыкантов XVIII века, если да, то каким образом?

Возможности перевода интертекстуальных элементов активно обсуждаются исследователями-переводоведами. Опираясь на классические работы по интертекстуальности (М. М. Бахтина, Ю. Кристевой, И. В. Арнольд и других), ученые затрагивают вопросы от интертекстуальности как барьера в переводе [2] до стратегий перевода интертекстуальных элементов [5; 11; 18]. На материале художественных текстов многими исследователями затрагиваются проблемы, связанные с передачей культурной специфики интертекстуальных элементов (в основном реалий и аллюзий) и предлагаются либо адаптация и трансформация интертекстов при переводе, либо констатируется неизбежность потери интертекстуальности [18]. Подобная стратегия отчасти может быть использована и для перевода переписки.

Из эпистолярного наследия немецких музыкантов XVIII века переведено немного, в частности материалы И. С. Баха (куда входит и переписка) и полное собрание писем В. А. Моцарта, причем переводы, выполнявшиеся в разное время, демонстрируют иногда прямо противоположные подходы. Так, например, в современных переводах **иноязычные вкрапления** или **цитаты** в тексте перевода сохраняются на языке оригинала, однако, например, в книге «Документы жизни и деятельности И. С. Баха» (1980) переводчик Валерий Ерохин предложил другой подход — большинство иноязычных включений были переведены на русский язык без оговорок. Во вступлении от переводчика прозвучала аргументация: «...латинизмы и галлицизмы Баха и его современников были для немецкой письменной речи того времени нормальным явлением и, в сущности, не воспринимались как нечто инородное» (Документы, с. 9). Трудно не согласиться с позицией переводчика, однако тотальный перевод иноязычных вкраплений и текстов несколько искажает впечатление от оригинала — если не знать о намерениях переводчика и знакомиться с переводами документов Баха «напрямую», то невозможно было бы догадаться, например, что Бах и многие его современники были полиглотами.

Что касается **диалогов**, в некоторых ранних переводах писем Моцарта (например, в книге В. Д. Корганова [10]) диалоги распре-

делялись по репликам и менялся синтаксис, в современных переводах сохраняется авторское оформление текста.

Прецедентные имена встречаются в эпистолярных текстах немецких музыкантов в небольшом количестве и требуют пояснений, так как относятся, как правило, к авто- и социумно-прецедентным феноменам [6, с. 104], имеющим определенные ограничения ассоциативного воздействия (круг друзей, семьи). Например, в письме к Марии Анне Текле Моцарт от 13 ноября 1777 года Вольфганг Амадей шуточно намекает на главного героя практически неизвестной теперь пьесы Ф. фон Кронекера (1731–1759) «Кодрус, или Образец любви к отечеству», и только по контексту можно догадаться (и то не в полной мере) о значении этого включения. В переводе данное имя требует комментария, так как интертекстуальное значение компонента полностью утеряно:

*haben sie mich noch imer so lieb, wie ich sie, so werden wir niemahlen aufhören uns zu lieben, wen auch der löwe ringsherum in Mauern schwebt, wen schon des zweifels harter Sieg nicht wohl bedacht gewesen, und die tirranney der wütterer in abweg ist geschliechen, so frist doch **Codrux** der weis **Philosophus** oft roz für haber Muß, und die Römer, die stützen meines arsches, sind imer, sind stehts gewesen, und werden imer bleiben — kastenfrej (Mozart, Bd. 2, S. 122). — Если вы меня любите так же, как я вас, то мы никогда не перестанем любить друг друга, пусть даже лев в стенах кругом таится, когда сомнений тяжкая победа еще не мнилась вовсе, и тирания дерзостных трусливо отступила, но **Кодрус**, сей **философ** мудрый, вместо овсянки часто пожирает мерзость, а римляне — то задницы моей опора, они — всегда, они всегда и были, и пребудут вечно — притом бесплатно (Моцарт, с. 87).*

Также достаточно редко в письмах встречаются **интертекстемы библейского происхождения**, которые распознаются в тексте довольно легко и имеют соответствие в языке перевода. См., например, письмо от 2 октября 1777 года, в котором Моцарт использует готовое клише в заключительной формуле вежливости:

*und bin von nun an **bis in Ewikeit amen**
gehorsamster dero
wolfgang amadé Mozart sohn (Mozart, Bd. 2, S. 33).*

*ваш **ныне и присно и веки веков аминь**
с нижайшей покорностью к вашей милости
Вольфганг Амадей Моцарт сын (Моцарт, с. 57).*

В эпистолярных текстах музыкантов возможны цитаты, но крайне редко встречаются **аллюзии** и **реминисценции**, чаще в шутовском контексте (обыгрывание имен собственных, акронимические шифры) — так, например, в заключительных формулах вежливости письма от 23 сентября 1777 года Моцарт шутовски намекает на зальцбургского архиепископа Иеронима Коллоредо, называя его высшим мусульманским духовным лицом; в переводе данная аллюзия комментируется, так как эта интертекстема семейного общения не обладает высокой ассоциативной направленностью и не распознается читателем сразу:

*wir bitten alle zwey, der Papa möchte achtung geben auf seine gesundheit; nicht zu früh ausgehen; sich nicht selbst verdruß machen. braf lachen und lustig seyn, und allzeit mit freuden, wie wir, gedencken, das der **Mufti H: C**: ein schwanz, gott aber mittleidig, barmherzig und liebreich seye* (Mozart, Bd. 2, S.7). — *мы вместе с нею обращаемся с просьбой к папа, чтобы он берег свое здоровье; не выходил бы на улицу в ранние утренние часы; и не огорчался бы по пустякам, хохотал во все горло и был бы весел, и всякий час с радостью вспоминал, как и мы, что **Муфти И. К.** ослиный хвост, что Бог сострадания, милосердия и любвеобилия преисполнен* (Моцарт, с. 50).

Чаще всего в текстах писем интертекстуальные элементы используются для шутовских повторов, игры слов, при этом за основу берется фразеологизм или пословица и обыгрывается либо ее форма, либо ее отдельные элементы. Так, например, в письме от 26 января 1770 года Моцарт, используя выражение, принятое в итальянском театральном жаргоне, *il cantane è un cane* ('поет как собака'), сохраняет только один элемент (*hund*) и несколько раз повторяет его на протяжении основного текста письма. Этот интертекстуальный элемент также необходимо комментировать, так как данное выражение не имеет аналогов в русском языке и один его компонент, даже при многократном повторе, не вызывает необходимых ассоциаций и комического эффекта:

*...prima Ballerina: gut, und man sagt, sie seye gar kein **hund** nicht...;*
*...prima Dona, nicht übel, schon alt glaub ich, wie ein **hund**, singt nicht so gut, als sie **agiert**, und ist die frau eines violinisten, der bey der **opera** mit geigt, und sie nent sich **Masi**...*
*...seconda Dona, auf den Theater kein **hund**, jung, aber nichts rars...*
*...Ballerina prima. gut, und ein sehr grosser **hund**. eine Tänzerin ist*

dort gewesen, die nicht übel geTanz hat, und was das nicht für ein Capod' opera ist, ausser dem Theater, und in dem Theater kein hund ist. die übrigen wie alle (Mozart, Bd. 1, S. 310).

...прима-балерина: хороша, и говорят, что **на собаку** она не похожа...

...Примадонна неплохая, думаю, она уже старая, **как собака**, поет не столь хорошо, как играет, она жена одного скрипача, который играет в опере, и зовут ее Мазы...

...Секонда донна, в этом театре **не собака**, молодая, но ничего особенного...

...прима-балерина хороша, и **собака, каких мало**. Там была еще танцовщица, которая неплохо танцевала, хотя это не для *Capodopera* [шедевр (ит.)], а для театра, а в театр там ни одна **собака** не ходит (Моцарт, с. 30).

Также, например, в приписке к письму отца от 10 февраля 1770 года с помощью замены одного из компонентов Моцарт обыгрывает баварско-австрийскую поговорку *Wenn man die Sonne nennt, sendet sie ihre Strahlen* (дословно с нем. «Если вспоминают о солнце, оно греет своими лучами»), в переводе сохраняется тот же прием:

wen man die Sau nent so komt sie gerent (Mozart, Bd. 1, S. 314). — *Вспомнишь свинью — она и появится* (Бояркина, с. 65).

В текстах писем немецких музыкантов XVIII века интертекстуальные элементы занимают важное, но небольшое место — набор их достаточно скромнен: иноязычные вкрапления, цитаты, автоцитаты, интертекстемы библейского происхождения и дружеского (семейного) общения, отдельные компоненты игры слов. Иноязычные элементы сохраняются в текстах перевода на языке оригинала, интертекстемы библейского происхождения переводятся соответствиями, интертекстемы дружеского (семейного) общения и компоненты игры слов из-за своего слабого ассоциативного воздействия требуют комментариев. Имеющиеся полные собрания эпистолярных текстов немецких музыкантов XVIII века готовят, как правило, не только филологи, но и, в основном, музыковеды-историки, поэтому данные тексты снабжены серьезным научным комментарием, который переводчики могут использовать при переводе.

В целом необходимо заметить, что интертекстуальные элементы в эпистолярных текстах немецких музыкантов XVIII века в большинстве случаев потеряли свою актуальность, практически не распознаются и не функционируют в тексте как интертекстемы, поэтому их ввод в текст перевода требует, как правило, отдельных комментариев, что часто нарушает целостность восприятия текста. Необходимо подчеркнуть, что интертекстуальные элементы функционируют в тексте в том случае, если их ассоциативный потенциал могут воспринять переводчик (как первый реципиент) и читатель, поэтому перевод старинных эпистолярных текстов требует от переводчика настоящего научного подхода, так как в этих текстах интертекстуальные связи ослаблены, почти неузнаваемы и переводчик их не может восстановить, только компенсировать за счет комментариев, которые сохраняют, хотя и не в полном объеме, саму идею интертекстуальности.

Источники иллюстративного материала

Бояркина — *Бояркина, А. В.* Отец гения: письма Леопольда Моцарта из первого путешествия в Италию // Научный вестник Московской консерватории. 2019. № 1 (36). С. 47–73.

Документы — *Документы жизни и деятельности И. С. Баха.* М.: Музыка, 1980. 271 с.

Моцарт — *Моцарт, В. А.* Полн. собр. писем. М.: Международные отношения, 2006. 538 с.

Bach-Dokumente — *Bach-Dokumente / hrsg. vom Bach-Archiv Leipzig.* Bd. 1. Schriftstücke von der Hand Johann Sebastian Bachs / vorgelegt und erläutert von W. Neumann, H.-J. Schulze. Kassel; Basel et al.: Bärenreiter; VEB Deutscher Verlag für Musik, 1963. 288 S.

KV — *Köchel, L. von.* Chronologisch-thematisches Verzeichnis sämtlicher Tonwerke W. A. Mozarts. Wiesbaden: Breitkopf & Härtel, 1965. 1025 S.

Mozart — *Mozart, W. A.* Briefe und Aufzeichnungen. Gesamtausgabe: in 8 Bdn / hrsg. von der Internationalen Stiftung Mozarteum Salzburg; gesammelt von W. A. Bauer, O. E. Deutsch; auf Grund deren Vorarbeiten erläutert von J. H. Eibl. München; Kassel: DTV Deutscher Taschenbuch Verlag; Bärenreiter, 2005.

Musiker-Briefe — *Musiker-Briefe.* Eine Sammlung Briefe von C. W. von Gluck, Ph. E. Bach, Jos. Haydn, C. M. von Weber und F. Mendelsohn-Bartholdy / veröff. von L. Nohl. Leipzig: Drucker und Humboldt, 1867. 354 S.

Литература

1. Адмони, В. Г. Исторический синтаксис немецкого языка. М.: Высшая школа, 1965. 336 с.
2. Алексеева, И. С. Апофеоз интертекстуальности (о переводе поэмы Тимура Кибирова «Когда Ленин был маленьким» на немецкий язык и об интертекстуальном барьере в переводе) // Университетское переводоведение. Вып. 3. Материалы III Междунар. науч. конф. по переводоведению «Федоровские чтения», 26–28 октября 2001 г. СПб.: Филол. ф-т С.-Петерб. гос. ун-та, 2002. С. 13–19.
3. Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / науч. ред. П. Е. Бухаркин. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 443 с.
4. Белунова, Н. И. Интертекстуальные средства и особенности их функционирования в дружеском письме (на материале писем творческой интеллигенции конца XIX — первой четверти XX века) // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии: науч.-практ. журнал. 2013. № 4 (18). С. 69–75.
5. Бойко, Л. Б. К вопросу о переводе интертекста // Вестник Рос. гос. ун-та им. И. Канта. Серия: Филологические науки. 2006. № 2. С. 52–59.
6. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.
7. Гухман, М. М., Семенюк, Н. Н., Бабенко, Н. С. История немецкого литературного языка XVI–XVIII вв. М.: Наука, 1984. 248 с.
8. Жирмунский, В. М. История немецкого языка. 4-е изд. М.: Изд-во литературы на иностр. языках, 1948. 299 с.
9. Зиндер, Л. Р., Строева, Т. В. Современный немецкий язык. Теоретический курс. 3-е изд. М.: Изд-во литературы на иностр. языках, 1957. 420 с.
10. Корганов, В. Д. Моцарт: биографический очерк. М.; СПб.: Т-во М. О. Вольф, 1900. 447 с.
11. Кузьмина, Н. А. Феномен художественного перевода в свете теории интертекста // Текст. Интертекст. Культура: сб. докладов междунар. науч. конф. (Москва, 4–7 апреля 2001 г.) / РАН. Ин-т рус. языка им. В. В. Виноградова; ред.-сост. В. П. Григорьев, Н. А. Фатеева. М.: Азбуковник, 2001. С. 97–111.
12. Лазарчук, Р. М. Проза Радищева и традиция эпистолярного жанра // XVIII век. Сб. 12. А. Н. Радищев и литература его времени. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1977. С. 72–82.
13. Нижникова, Л. В. Письмо как тип текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1991. 17 с.
14. Письма русских писателей XVIII века / вступ. ст. Г. П. Макогоненко. Л.: Наука, 1980. 472 с.
15. Семенюк, Н. Н. Проблема формирования норм немецкого литературного языка XVIII столетия. М.: Наука, 1967. 299 с.

16. Семенюк, Н. Н. Из истории функционально-стилистических дифференциаций немецкого литературного языка. М.: Наука, 1972. 215 с.
17. Семенюк, Н. Н. Очерки по исторической стилистике немецкого языка. М.: Высшая школа, 2000. 183 с.
18. Солянова, Н. А. Способы достижения адекватности перевода интертекстуальных включений (на примере переводов произведений Б. Акунина // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Серия: Лингвистика. 2012. № 4. С. 99–105.
19. Степанов, Н. А. Поэты и прозаики. М.: Художественная литература, 1966. 360 с.
20. Степанов, Н. Л. Дружеское письмо начала XIX в. // Русская проза: сб. / под ред. Б. Н. Эйхенбаума, Ю. Н. Тынянова. Л.: Academia, 1926. С. 74–101.
21. Todd III, U.M. Дружеское письмо как литературный жанр в пушкинскую эпоху. СПб.: Академический проект, 1994. 207 с.
22. Филиппов, К. А. Лингвистика текста. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. 336 с.
23. Brandes, M. P. Stilistik der deutschen Sprache. М.: Высшая школа, 1990. 240 с.
24. Ermert, K. Briefsorten. Untersuchungen zur Theorie und Empirie der Textklassifikation. Tübingen: Walter de Gruyter, 1979. 234 p.
25. Lessing, G. E. Sämtliche Schriften: in 16 Bdn. Bd. 12. Berlin: Voß, 1840. 422 S.
26. Nickisch, R. M. G. Die Stilprinzipien in den deutschen Briefstellern des 17. und 18. Jahrhunderts. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1969. 308 S.
27. Riesel, E. G., Schendels, E. I. Deutsche Stilistik. М.: Высшая школа, 1975. 144 с.
28. Steinhausen, G. Geschichte des deutschen Briefes. Zur Kulturgeschichte des deutschen Volkes: in 2 Bdn. Berlin: R. Gaertner, 1889–1891.

References

1. Admoni, V. G. *Historical Syntax of the German Language*. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1965, 336 p. (In Russian)
2. Alekseeva, I. S. Apotheosis of Intertextuality (On the Translation of the Poem by Timur Kibirov “When Lenin Was Small” into German and of the Intertextual Barrier in Translation). *Universitetskoe perevodovedenie*, issue 3, Materialy III Mezhdunar. nauch. konf. po perevodovedeniiu “Fedorovskie chteniia”, 26–28 oktiabria 2001 g. St. Petersburg, Filol. f-t S.-Peterb. gos. un-ta Publ., 2002, pp. 13–19. (In Russian)
3. Arnold, I. V. *Semantics. Stylistics. Intertextuality*, sc. ed. by P. E. Bukharkin. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta Publ., 1999, 443 p. (In Russian)
4. Belunova, N. I. Intertextual Means and Features of Their Functioning in a Friendly Letter (on the Material of Letters from the Creative Intelligentsia of the

End of the 19th — First Quarter of the 20st Century). *Teoriia i praktika servisa: ekonomika, social'naia sfera, tekhnologii: nauch.-prakt. zhurnal*, 2013, vol. 4 (18), pp. 69–75. (In Russian)

5. Boiko, L. B. To the Question of the Intertext Translation. *Vestnik Ros. gos. un-ta im. I. Kanta. Serii: Filologicheskie nauki*, 2006, no. 2, pp. 52–59. (In Russian)

6. Gudkov, D. B. *Theory and Practice of Intercultural Communication*. Moscow, Gnozis Publ., 2003, 288 p. (In Russian)

7. Gukhman, M. M., Semeniuk, N. N., Babenko, N. S. *History of the German Literary Language of the 16th–18th Centuries*. Moscow, Nauka Publ., 1984, 248 p. (In Russian)

8. Zhirmunskii, V. M. *History of the German Language*, 4th ed. Moscow, Izd-vo literatury na inostr. iazykakh Publ., 1948, 299 p. (In Russian)

9. Zinder, L. R., Stroeva, T. V. *Modern German. Theoretical Course*, 3rd ed. Moscow, Izd-vo literatury na inostr. iazykakh Publ., 1957, 420 p. (In Russian)

10. Korganov, V. D. *Mozart: Biographical Sketch*. Moscow; St. Petersburg, T-vo M. O. Vol'f Publ., 1900, 447 p. (In Russian)

11. Kuz'mina, N. A. Phenomenon of Literary Translation in the Light of the Theory of Intertext. *Tekst. Intertekst. Kul'tura: sb. dokladov mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 4–7 aprelia 2001 g.)*, RAN, In-t rus. iazyka im. V. V. Vinogradova, ed.-comp. by V. P. Grigor'ev, N. A. Fateeva. Moscow, Azbukovnik Publ., 2001, pp. 97–111. (In Russian)

12. Lazarchuk, R. M. Prose of Radishchev and the Tradition of the Epistolary Genre. *XVIII vek*, issue 12, A. N. Radishchev i literatura ego vremeni. Leningrad, Nauka. Leningr. otdelenie Publ., 1977, pp. 72–82. (In Russian)

13. Nizhnikova, L. V. *The Letter as a Text Type: Abstract of Ph. D. Thesis*. Odessa, 1991, 17 p. (In Russian)

14. *Letters from Russian Writers of the 18th Century*, introd. by G. P. Makogonenko. Leningrad, Nauka Publ., 1980, 472 p. (In Russian)

15. Semeniuk, N. N. *The Problem of the Formation of the Norms of the German Literary Language of the 18th Century*. Moscow, Nauka Publ., 1967, 299 p. (In Russian)

16. Semeniuk, N. N. *From the History of Functional and Stylistic Differentiations of the German Literary Language*. Moscow, Nauka Publ., 1972, 215 p. (In Russian)

17. Semeniuk, N. N. *Essays on the Historical Stylistics of the German Language*. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 2000, 183 p. (In Russian)

18. Soluianova, H. A. Ways to Achieve the Adequacy of the Translation of Intertextual Inclusions (For Example, Translations of Works by B. Akunin). *Vestnik Mosk. gos. obl. un-ta. Serii: Lingvistika*, 2012, vol. 4, pp. 99–105. (In Russian)

19. Stepanov, N. A. *Poets and Prose Writers*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1966, 360 p. (In Russian)

20. Stepanov, N. L. A Friendly Letter of the Beginning of the 19th Century. *Russkaia proza: sb.*, ed. by B. N. Eikhenbaum, Iu. N. Tynianov. Leningrad, Academia Publ., 1926, pp. 74–101. (In Russian)

21. Todd III, W.M. *Friendly Writing as a Literary Genre in the Pushkin Era*. Rus. ed. St. Peterburg, Akademicheskii proekt Publ., 1994, 207 p. (In Russian)
22. Filippov, K. A. *Linguistics of the Text*. St. Peterburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta Publ., 2007, 336 p. (In Russian)
23. Brandes, M. P. *Stilistik der deutschen Sprache*. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1990, 240 p.
24. Ermert, K. *Briefsorten. Untersuchungen zur Theorie und Empirie der Textklassifikation*. Tübingen, Walter de Gruyter, 1979, 234 p.
25. Lessing, G. E. *Sämtliche Schriften*, in 16 vols., vol. 12. Berlin, Voß, 1840, 422 p.
26. Nickisch, R. M. G. *Die Stilprinzipien in den deutschen Briefstellern des 17. und 18. Jahrhunderts*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1969, 308 p.
27. Riesel, E. G., Schendels E. I. *Deutsche Stilistik*. Moscow, Vyschaia shkola Publ., 1975, 144 p.
28. Steinhausen, G. *Geschichte des deutschen Briefes. Zur Kulturgeschichte des deutschen Volkes*, in 2 vols. Berlin, R. Gaertner, 1889–1891.

Бояркина Альбина Витальевна

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ, кандидат филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Albina V. Boyarkina

Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,
Candidate of Philological Sciences
Address: 7–9, University emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: a.boyarkina@spbu.ru

SPIN-код: 2378-9873; AuthorID: 612455; ResearcherID: C-6413-2016

МАРКЕРЫ ПРОДУКТИВНОСТИ ДИАЛОГА ТЕКСТОВ И МАКРОТЕКСТОВЫЙ АНАЛИЗ

Ключевые слова: людический (лудофильный) текст, макротекстовый анализ, холистический подход, диалог текстов, текстограмматические механизмы вербализации сведений о мире, метафорическая когерентность.

В статье речь идет о способах выявления маркеров диалога текстов в одном из видов межкультурной коммуникации — переводе. Такой аспект анализа выбирается потому, что перевод представляет собой сферу коммуникации, в которой максимально очевидными становятся регулярность, устойчивость и высокая продуктивность содержательного и формального взаимодействия текстов. Содержательное и формальное взаимодействие текстов, трактуемое как диалог текстов, обладает в языковой культуре огромным и чрезвычайно значимым функциональным потенциалом: прежде всего оно обеспечивает сохранение культурной памяти общества, поддержание его культурной идентичности, развитие новых форм и способов решения известных коммуникативных и когнитивных задач. Обсуждаемый феномен требует пристального внимания в силу того, что любой текст является коммуникативным продуктом, средством фиксации результата взаимодействия носителей языка и культуры с помощью разнородных языковых средств и средств иных культурных кодов. Возможность через сопоставление переводных и оригинального текстов изучать разные способы решения одной и той же коммуникативной и когнитивной задачи коммуникантами с разной личностной и разной коллективной идентичностью позволяет определить сферы, в которых маркеры диалога текстов наиболее очевидны для исследователя. Особое внимание уделяется текстограмматическим механизмам вербализации сведений о мире как обеспечивающим порождение текстов в разных коммуникативных условиях и рецепцию текстов в конкретной языковой культуре. Описывается объяснительная сила холистического подхода к анализу изучаемых объектов — макротекстов. Продуктивность этого подхода раскрывается через сопоставление людического (лудофильного) текста, порожденного в немецкой языковой культуре, и разных вариантов перевода этого текста носителями русского языка и культуры.

L. I. GRISHAEVA

Voronezh State University

MARKERS OF PRODUCTIVITY OF DIALOGUE BETWEEN TEXTS AND MACRO-TEXTUAL ANALYSIS

Keywords: ludic (ludophilic) text, macro-textual analysis, holistic approach, dialogue between texts, textual and grammatical mechanisms of verbalization of knowledge about the world, metaphoric coherence.

The paper describes markers of dialogue between texts in one of the types of intercultural communication, namely, in translation. The choice of translation can be

explained by the fact that it is the sphere of communication in which regularity, stability and high productivity of informative and formal interaction of texts are most obvious. Informative and formal interaction of texts is described as a dialogue between texts. This interaction has a significant functional potential in every culture. Firstly, it ensures preservation of cultural memory of a society and sustains its cultural identity. Secondly, it develops new forms and ways of solving certain communicative and cognitive tasks. The phenomenon under discussion requires a detailed description since any text is a product of communication and a means of fixation of the interaction of language speakers with the help of various verbal means and means of other culture codes. Comparison of the original text and its translations gives a chance to study various ways of solving of one and the same communicative and cognitive task by people with different personal and group identity. This also allows for defining spheres in which the markers of the dialogue between texts are most obvious to the researcher. Special attention is paid to the textual and grammatical mechanisms of verbalization of the knowledge about the world as the basis for generation of texts in various communicative contexts and the reception of text in a specific culture. The paper also reveals the explanatory force of the holistic approach to the object of study — macro-texts. The productivity of this approach is demonstrated through the comparison of the German ludic (ludophilic) text and its various translations by Russian language speakers.

1. Постановка проблемы

Словосочетание «диалог текстов» любому носителю языка сразу бросается в глаза и представляется интуитивно понятным, кажется естественным, нормальным и точно схватывающим обозначаемое им явление. Однако попытка объяснить «на пальцах», что такое диалог текстов, оказывается весьма сложной задачей, требующей значительных усилий и обширных теоретических знаний в разных научных областях.

О диалоге текстов вспоминается, пожалуй, прежде всего тогда, когда имеет место сознательное и/или нецеленаправленное сопоставление оригинального и переводного текстов, поскольку любая текстовая ткань чрезвычайно чувствительна к многочисленным внешним и внутренним факторам, обуславливающим содержательную, структурную, тематическую, функциональную организацию текста; ср. только два примера, явно, ярко и убедительно свидетельствующих о диалоге текстов.

Пример (1) (выдержка из текста инструкции, прилагающейся к утюгу) демонстрирует влияние культурной идентичности адресанта, порождающего текст, на выбор средств и способов организации текста как коммуникативного продукта при порождении тек-

стов определенного типа (инструкция по эксплуатации бытового прибора) средствами неродного для адресанта языка:

(1) **ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ УТЮГ С ОТПАРИВАТЕЛЕМ**

— Инструкция по безопасному использованию <...>

— Всегда отключайте утюг от сети если Вы:

наливаете воду в резервуар или сливаете ее;

оставляете утюг без присмотра даже на короткое время;

чистите или разбираете утюг;

немедленно после пользования. <...>

— Не тяните за шнур, для того, чтобы отключить его от розетки. <...>

— Не погружайте утюг в воду <...>

— Не пользуйтесь утюгом, если:

шнур неисправен;

его уронили или на нем имеются видимые повреждения;

он имеет вытекание воды; <...>

— Доверяйте заменять неисправный шнур и разбирать утюг только квалифицированному специалисту, так как это опасно для жизни <...>

Пример (2) (выдержка из текста, опубликованного в «Литературной газете» на 16-й странице после презентации экранизации «Тихого Дона» с англоязычными актерами в начале «нулевых») иллюстрирует влияние культурно специфической конфигурации сведений о мире в картине мира коллективного субъекта как носителя языка и культуры на содержательную структуру порождаемого текста и на рецепцию этого текста носителями того языка и той же культуры, что и адресант. Пример (2) интересен также и как диалог первичных и вторичных текстов в разных культурных пространствах (роман и его экранизации, экранизация¹ — экранизация², экранизация — рецензия, экранизация — впечатление от нее и другие):

- (2) *Тихая Миссури... (Съемки проводятся именно там.) Наскоро стряпанный хутор. Среди куреней по ошибке затесалось бунгало. <...> Появляется отец. На чекмене — орден Дружбы народов. Он возмущается, грозит позвать шерифа, лишит Грегори доли в бизнесе, если он не женится на добродетельной Натали Кондор. <...> Война. Большевик Майкл Кош с колоссальной бородой и томом Маркса под мышкой въезжает в хутор на мотоцикле «Харлей Дэвидсон». Он коварно убивает Пита, поджигает*

ет дома хуторян, из «калаша» расстреливает деда Гришаку... <...> Вопреки первоисточнику — хэппи-энд. Грегори становится мормоном, женится на Экси и Натали и на теплоходе союзников отплывает из Новороссийска в Америку. На горизонте показывается статуя Свободы. Свобода растет, растет и становится беспредельной... (Попов).

Оба примера более чем убедительно иллюстрируют, что для порождения и рецепции текстов текстограмматические закономерности имеют первостепенное значение по сравнению с закономерностями морфологическими, синтаксическими, не говоря уже о лексико-семантических, словообразовательных, формально-структурных и других, то есть иерархически более низких уровней, чем текст. Важно обратить внимание также на то, что оба примера по-разному показывают, насколько сложным и неоднозначным является процесс порождения текста, в особенности порождение текстов в тех или иных условиях межкультурной коммуникации. Уточняя, следует подчеркнуть: пример (1) доказывает культурную специфику текстограмматических механизмов, не отрицая, естественно, наличия универсальных закономерностей в организации текста. Пример (2) убедительно показывает, сколь различны комплексы сведений, обозначаемые словосочетанием «картина мира», насколько разными в различных языковых культурах являются конфигурации одних и тех же сведений о мире, что предопределяет в том числе и различия в рецепции, в концептуализации и категоризации воспринимаемых сведений о мире.

Приведенные и многие иные примеры, могущие служить наглядной иллюстрацией столь сложного и гетерогенного явления, как диалог текстов, убеждают в необходимости объяснения этого феномена, определении степени закономерности формулируемых обобщений. Сказанного можно достигнуть только через накопление сведений об особенностях проявления свойств диалога текстов в разных условиях, то есть в конечном итоге знаний о соответствующих маркерах, по которым можно распознавать диалог текстов.

В теоретическом отношении диалог текстов — явление гетерогенное, хотя он, как показывают разнородные примеры использования языка в устной, письменной, компьютерно-опосредованной коммуникации, явление типичное для взаимодействия коммуникантов в разных коммуникативных средах, в том числе и между но-

сителями разных культур. И хотя диалог текстов как феномен изучен еще не достаточно, и многие теоретически значимые проблемы даже еще не тематизированы, не осмыслены с помощью научного инструментария, не обозначены подходы к описанию этого явления и не раскрыта объяснительная сила каждого из потенциально возможных подходов, не намечены приемы для описания проявлений, это не отменяет необходимости накапливать эмпирический материал и результаты его многоаспектного анализа, чтобы, наконец, получить существенные и значимые обобщения.

Поэтому цель данной статьи можно сформулировать как выявление маркеров (содержательного и/или формального) диалога текстов на примере текстов определенного типа, поскольку это позволяет сконцентрировать внимание на однопорядковых, хотя и многоаспектных, проявлениях диалога текстов.

2. Людический текст в контексте диалога текстов

В обозначенном контексте хотелось бы остановиться на диалоге текстов, априори сложных для анализа, — юмористических (людических). Сложность заключается в том, что, с одной стороны, эти тексты в содержательном и формальном отношении подчиняются диалектике универсального и культурно специфического, влиянию личностной и коллективной идентичности носителей языка и культуры как при порождении текстов, так и при их рецепции. С другой стороны, эти тексты обнаруживают ярко выраженную субъективность при порождении и рецепции соответствующего текста как результата дискурсивной деятельности коммуникантов, как способа решения определенной коммуникативной и когнитивной задачи с помощью разнородных языковых средств.

Сложность содержания и формы, порождения и рецепции текстов названного типа обусловлены, думается, прежде всего сущностью этих текстов — юмором, образующим их содержательный и формальный стержень. А юмор в «Философском словаре» определяется следующим образом: «...согласно античному учению, правильная мера влажности, то есть „здоровые соки“ в человеке, достаточно обоснованное хорошее настроение. Юмор видит в серьезном и великом незначительное и мелкое, не порицая, однако, первого разрушительной критикой. И наоборот, в противоречащем разуму юмор усматривает разумное. В противоположность сатире

он лишен остроты и опирается на серьезность, любовь и большую свободу духа. Юмор по своей сути имеет глубокую связь с философской позицией» [10, с. 550]. Другими словами, содержательная «диалогичность» заложена в юмористические (людческие, или лудофильные) тексты изначально и является их неотъемлемым качеством с когнитивной точки зрения.

Чувство юмора как «способность человека подмечать в явлениях их комические стороны, эмоционально на них откликаясь» «неразрывно связано с умением субъекта обнаруживать противоречия в окружающей действительности» [6, с. 394]. Оно признается одним из самых человеческих качеств, которым не обладает ни одно другое живое существо (см. подробнее: [1–3; 7–9]). А. Бергсон, рассуждая о социальной функции смеха и комического, объяснял проявления смеха реакцией на наблюдаемые негибкость в поведении, на отсутствие приспособляемости к общепризнанным нормам, на эксцентричность со стороны какого-либо члена данного социума [1, с. 20]. Иначе говоря, диалогичность текстов анализируемого типа проявляется и с социально-психологической точки зрения.

Юмористические тексты — яркий образец диалога текстов, поскольку «[ю]мор, с одной стороны, представляет собой вид нестереотипной когнитивной обработки восприятия несообразного и нелепого в окружающей действительности. Это попытка креативного мышления нарушить догматизм шаблонного способа отражения окружающего миропорядка, подчеркивающая в нем несообразное и нелепое. С другой стороны, юмор есть вербальная репрезентация жизненной несообразности, акцентированной нестереотипным мышлением» [8, с. 3]. Выражаясь иначе, тексты анализируемого типа диалогичны и в том смысле, что они порождаются в диалоге реального и нормативного, допустимого и порицаемого, социально приемлемого и табуированного, традиционного и новаторского в конкретной языковой культуре.

Кроме того, проявление диалога текстов в юмористических текстах можно обнаруживать и в том, что в своем большинстве они обладают весьма примечательной характеристикой — в них целесообразно различать два адресанта и два адресата, поскольку подавляющее большинство этих текстов эксплицитно диалогичны, а многие из оставшихся — имплицитно диалогичны (см. подробнее об этом: [2, с. 120; 3, с. 170]).

В свое время Х. Изенберг предложил для описания текстов разных классов и типов матрицу, в которой он называет шесть классов текстов: гносогенные (gnosogene), межличностные (kopersonale), эрготропные (ergotrope), эстетические (kalogene), религотропные (religiotrope), лудофильные (ludophile). Эти классы описываются по таким параметрам, составляющим матрицу, как общая характеристика (globales Bewertungskriterium), основная цель интеракции (fundamentales Interaktionsziel), частные коммуникативные задачи (partikulare Interaktionsziele) [15, S. 267–268]. Ясно, что тем самым любой текст помещается в сеть разнородных и важных связей, благодаря чему он получает многоаспектную и гетерогенную характеристику.

Опираясь на параметры матрицы Х. Изенберга, можно охарактеризовать тексты анализируемого типа следующим образом: тип текста — лудофильный (людический), общая характеристика — развлечение здесь и сейчас, основная цель интеракции — совместное веселье коммуникантов, частные коммуникативные задачи — презентация информации, анализ информации, переструктурирование сведений, пополнение сведений. Примерами людических текстов (или лудофильных, согласно Х. Изенбергу) являются, например, загадки, разные виды языковых игр (Ratespiel, Konversationsspiel, Rätselraten, Orakelspiel, Sprechspiel).

Поэтому очевидно, что людические (лудофильные) тексты представляют собой адекватный материал для изучения диалога текстов. Чтобы получить новые исследовательские данные, задачу можно усложнить — например, сопоставить оригинальный и соответствующие переводные тексты, поскольку при создании последних переводчики, имеющие дело с одним и тем же текстом, вне всяких сомнений, решают одни и те же коммуникативные и когнитивные задачи, чего в других случаях добиться трудно, практически невозможно, но обязательно для чистоты и корректности исследования. (Ср. в этой связи основное требование к переводному тексту — адаптировать использование языковых средств к особенностям коммуникативной ситуации в культуре-реципиенте («den Sprachverwendungsmustern der zielsprachigen Situation anzupassen» [24, S. 86]).)

3. Диалог оригинального и переводного текстов

Убедиться в том, насколько сложен содержательный и формальный диалог текстов, оказалось возможным, когда на занятиях по практике немецкого языка студенты не смогли адекватно сразу и без комментариев преподавателя осмыслить предложенный им в качестве релаксации («для совместного веселья» — см. выше одну из характеристик людического текста) текст (см. пример (3))¹. Оценив после некоторого комментария преподавателя стилистическое своеобразие текста, студенты выразили желание перевести этот текст на русский язык, чтобы ознакомить с ним и своих друзей, не владеющих немецким языком. Результат показал, что перевод людического текста — не столь простая задача, как это первоначально полагали обучающиеся. И они решили, что, во-первых, такие тексты непереводимы (см. анализ: [4]), и, во-вторых, будучи носителями одной языковой культуры, люди не могут адекватно воспринимать описанные выше особенности людического текста, порожденного в другой языковой культуре.

В обсуждаемом контексте — диалог текстов — анализируемый текст следует признать весьма показательным, поскольку он обнаруживает ярко выраженные культурно специфические черты в содержательном и формальном отношении, демонстрирует, как в кон-

¹ Конечно же, объяснить сказанное можно и общей лингводидактической закономерностью — необходимостью предварительной многоаспектной работы для эффективной рецепции необычных для обучающихся текстов на занятиях по иностранному языку, поскольку и в «своей» для носителей языка культуре ряд текстов могут представлять для реципиента разнообразные сложности (ср. рассуждения Г. Хельмига: «Для этого (т. е. для обучения обмену мнениями. — Л. Г.) необходимы и в общении на родном языке наряду с умственной обработкой и нередко также предварительная языковая подготовка или способность к аргументированию, развитая до определенной степени. Тем самым для развития способности осуществлять взаимодействие на неродном языке в связи с подобными сложными текстами, предназначенными для публичной коммуникации, требуется интенсивная предварительная работа над языковым материалом» («Hierzu bedarf es bereits in der muttersprachigen Kommunikation neben der geistigen Verarbeitung oft auch der sprachlichen Vorbereitung bzw. eines in einem bestimmten Umfang entwickelten Argumentationsvermögens. Somit ist für die Entwicklung des fremdsprachigen Kommunikationsvermögens in Verbindung mit solchen anspruchsvollen Texten in der für die Öffentlichkeit bestimmten Kommunikation eine intensive sprachliche Vorarbeit notwendig» [14, S. 57]; перевод здесь и далее мой, если не указано иное. — Л. Г.).

кретном случае овнешняются и со-активизируются знания о мире, интеракционные знания, языковые знания, знания об организации текстов, которые необходимы для продуктивного взаимодействия коммуникантов в определенных коммуникативных условиях с помощью языковых средств.

(3) **Fische**

Es gibt viele Arten von Fischen — aber nur wenige Unarten, die sie nicht haben.

Teils bewegen sie sich an der Oberfläche — teils gehen sie in die Tiefe. Man hat sie zum Fressen gern — besonders die Backfische.

Manch toller Hecht — eben sang er noch aus voller Kieme — zappelt plötzlich an der Angel. Zu spät fallen ihm die Schuppen von den Augen.

Fische sind sehr sensibel. Werden sie beleidigt, so strecken sie die Seezunge raus und denken sich den Götz. Sie sind eben manchmal etwas barsch... Aber bald reichen sie ihrem Kontrahenten die Flosse — und alles ist wieder gut.

Manche Fische sind aalglatt — und es ist ihre Masche, durch eine Masche des Netzes, mit dem man sie fangen wollte, zu schöpfen.

Einige nehmen das Maul etwas voll. Das ist nicht schlimm. Es ist nur Wasser.

Fische werden vom 20. Februar bis zum 20. März geboren — also im Mai gezeugt.

Ist es da ein Wunder, dass sie besonders liebevoll geraten sind...? (Erhardt, S. 45).

После первой откровенной неудачи (ведь продукт переводческой деятельности не был в состоянии выполнять свое предназначение в коммуникации) далее, в период 2012–2016 годов, проводилась лингводидактическая работа по снятию разнообразных трудностей в различной студенческой аудитории. При этом в лингводидактическом фокусе находились приемы, объективирующие средства и способы достижения когерентности на микро-, мезо- и макроуровне, поскольку, с одной стороны, сначала все переводные тексты представляли собой набор некогерентных высказываний, каждое из которых как изолированное коммуникативное образование было грамматичным (!), но с другой — между микро-текстами (сверхфразовыми единствами) когерентности не было. Чтобы в конечном итоге возник настоящий текст, когерентный на микро-, мезо- и макроуровне, осуществлялись разнообразные

лингводидактические шаги в разных учебных формах / видах занятий через различные упражнения:

- общий комментарий о принципах организации текста, не относящийся к содержательным и формальным особенностям конкретного текста;
- акцент на лексико-семантических особенностях, в том числе и на словообразовательных закономерностях;
- акцент на грамматических (то есть на морфологических и синтаксических) трудностях, а также на семантических и формально-структурных особенностях отдельных использованных языковых средств;
- акцент на текстотипологических особенностях: комментарий к содержательной, формальной, функциональной организации текста как целостности, в первую очередь относительно текстовых структур, «прошивающих» текст в целом: структура номинативных, коннотативных, акциональных цепочек, особенности тема-рематической прогрессии, вклад стилистических фигур в когерентность макро- и микротекстов, различие между текстемой и отдельным (автономным от текста) предложением и так далее;
- акцент на диалектике универсального и специфического в организации текста: анализ параллельных текстов одного типа в немецкой и русской языковых культурах;
- акцент на функциональном потенциале анализируемого типа текста (людические тексты и их типология) в языковой культуре: комментарий относительно внешних и внутренних по отношению к тексту связей разной этиологии;
- сущность и структура когнитивной метафоры: универсальное и культурно специфическое в дискурсах разного типа;
- акцент на культурной специфике разных форматов общения: культурный контекст, ситуативный анализ, сфера функционирования людических текстов.

4. Маркеры диалога текстов

Выбор названных выше теоретически значимых акцентов для дидактической работы обусловлен двумя обстоятельствами.

Во-первых, первоначально результат — переводной текст — представлял собой когерентную последовательность высказываний только в лучшем случае на текстовом микроуровне (предложение-текстема и/или сверхфразовое единство) и не зависел ни от уровня языковой подготовки «переводчиков» (обучающиеся начальной и продвинутой ступени, немецкий язык как первый иностранный и как второй иностранный), ни от профиля подготовки (переводчики и методисты), ни от культурной идентичности (носители русской языковой культуры и билингвы).

Во-вторых, значимость достижения когерентности на всех текстовых уровнях, между всеми элементами текста независимо от их структурной сложности и характера вклада в когерентность не воспринималась обучающимися как первостепенная задача. С должной серьезностью не принималась во внимание также диалектика универсального и культурно специфического во всей ее полноте и когнитивной сложности. (Ср. сопоставимые рассуждения относительно поставленных проблем, изучаемых с разных точек зрения, например, в работах: [16–18; 21–23; 25; 26] и многих других.)

Теоретический комментарий фокусировался на таких аспектах, как контрастивный анализ немецких и русских фразеологизмов, проблема и анализ этих средств в конкретной тематической сфере, структура синонимических и антонимических рядов, принципы организации тематических/семантических полей и других. Дополнительно осуществлялись мини-исследования по общекультурологической и культурно-исторической проблематике, в том числе биографические справки о жизни и творчестве выдающихся немецких кабареистов, а также разнообразные мини-исследования в области типологии текста.

Выбор проблематики для обсуждения обусловлен тем, что, как показала практика, особую сложность на этапе предпереводческого анализа текста представляло определение типа текста, поскольку на поверхностном уровне присутствуют маркеры разных типов текстов, из-за чего в равной степени возможны оказываются разные стратегии перевода. Так, начало текста активизирует знания о принципах организации научного текста: *Fische. Es gibt viele Arten von Fischen*, однако конец текста — о гороскопе: *Fische werden vom 20. Februar bis zum 20. März geboren*, в то время как середина — о текстах деловой коммуникации: *Aber bald reichen sie ihrem Kontrahenten <...>* Сложности возникают, очевидно, потому, что знание о раз-

ных типах текста и соответствующих принципиальных различиях в содержательном и формальном отношении у обучающихся либо еще не сложились, либо не были достаточно дифференцированы; см. небольшое сравнение с гороскопом:

(4) **Horoskop Fische (20. Februar bis 20. März):**

Der Winter klingt aus, wenn die Sonne das Tierkreiszeichen Fische durchläuft. Zwar blasen noch rauhe Winde, aber die ersten Blumen lassen den kommenden Frühling schon ahnen. Die Menschen, die in dieser Zeit geboren wurden, haben starke Innenkräfte, die sie aber ihren Mitmenschen gegenüber gern verbergen. Sie sind schüchtern, obwohl sie diese Schüchternheit manchmal mit aufgesetzter Forschheit zu kaschieren suchen. <...> (Haddenbach, S. 119).

Эта сложность была снята только после знакомства с типом текста «скетч», а также с культурным феноменом «кабаре и варьете», то есть с принципами организации текста, его функциональным потенциалом и его функциональной сферой (ср. в этой связи рассуждения, например, К. Норд о связи между переводческими приемами и знаниями в типологии текста: [23, особенно S. 298–300, 300–304, 306–307]).

Весьма полезной и продуктивной оказалась работа по «препарированию» текстовой ткани, то есть многоаспектный детальный анализ внутритекстовых связей, основывающихся на разных принципах, например (см. оригинальный текст выше):

- рыбы (⇒ ассоциативные связи): *Fische — Arten von Fischen: Backfisch — Hecht — Seeszunge — Barsch — Aal;*
- части тела рыбы (⇒ ассоциативные связи): *Kieme — Schuppen — Augen — (See)zunge — Flosse — Maul;*
- образ жизни рыб (⇒ ассоциативные связи): *in die Tiefe gehen — sich an der Oberfläche bewegen — (aus voller Kieme singen) — (an der Angel zappeln) — (sensibel sein) — (barsch sein) — (aalglatt sein) — (die (See)zunge raustrecken) — (beleidigt werden) — (dem Kontrahenten die Flosse reichen) — (durch eine Masche schöpfen) — (das Maul voll nehmen) — (sich den Götz denken);*
- инструменты (при ловле рыб) (⇒ ассоциативные связи): *Masche (eines Netzes) — Angel — Netz.*

Анализ убеждает русского реципиента, не имеющего пока тонко дифференцированных знаний о немецкой языковой культуре,

в том, что в тексте одновременно со-активируются знания из различных понятийных сфер. В конкретном случае это позволяет реципиенту думать о, по крайней мере, трех содержательных интерпретациях — в тексте речь идет:

- 1) о рыбах как представителях фауны;
- 2) о людях и их характерологических особенностях;
- 3) об одном из 12 знаков зодиака с соответствующим профилем.

В зависимости от того, какая когнитивная стратегия возобладает при рецепции, профилируются сведения о мире, вербализованные в конкретном тексте средствами, использованными автором текста.

Потенциально возможные трактовки содержания распознаются по однозначным признакам, а именно по особенностям языковых средств. Следует упомянуть, например, словообразование: *Art* — *Unart*, *Barsch* — *barsch*, *Aal* — *aalglatt*; лексико-семантические закономерности, а именно омонимию (*Barsch* — *barsch*); полисемию (*Backfisch* — *Masche* — *Maul*); переосмысление в контексте (переносное значение) (*Flosse* ⇒ *Hand* — *Masche* ⇒ *Trick*). Необходимо подчеркнуть, что в тексте одновременно активируются по крайней мере две потенциально вероятные интерпретации: *Arten* (виды рыб, информация о которых далее в тексте уточняется и детализируется) — *Unarten* (манера поведения, свойственная только людям); *Backfisch* (блюдо) — *Backfisch* (юная, неопытная, наивная девушка); *Barsch* (вид рыбы) — *barsch* (манера поведения); *Kieme*, *Flosse* (части тела рыбы) — *aus voller Kieme (aus vollem Halse) singen/j-m seine Hand (Flosse) reichen* (манера поведения людей), и так далее. Таким образом, когнитивный фокус и когнитивная фигура регулярно и последовательно сменяют друг друга, и от этого зависит результат концептуализации и категоризации воспринимаемых сведений о мире. Поэтому знания о жизнедеятельности рыб со-активируют знания об образе жизни отдельных категорий людей.

Другими словами, обсуждаемый текст содержит когнитивные метафоры «что человек, что рыба» (см. подробнее: [20]), которые, однако, реципиент может и не распознать, если он не располагает знанием и/или опытом различать контексты, в которых потенциально используются те или иные языковые средства, то есть если у него отсутствуют соответствующее языковое знание и знание

об организации текстов разного типа. В таких случаях реципиент сталкивается с проблемами по определению типа текста и тем самым с проблемами по рецепции текста. Характер и степень проявления этих проблем, а также их последствия зависят от многочисленных и разнородных факторов, обусловленных особенностями конкретного реципиента.

Обозначенные выше иерархические связи между разными когнитивными структурами можно, тем не менее, научиться распознавать по содержательным и формальным маркерам. Этот навык необходим потому, что отдельная когнитивная метафора независимо от ее характера и от способа объективации с помощью языковых средств включается в тонкую сеть разнообразных связей; причем даже малейший разрыв таких связей неизбежно негативно сказывается на когерентности текста в целом.

Это очевидно, если проанализировать функционирование разных фразеологизмов, которые в анализируемом тексте объективируют когнитивную метафору «человек — рыба», например: *etwas zum Fressen gern haben — toller Hecht — aus vollem Halse schreien — J-m fallen die Schuppen von den Augen — die Zunge rausstrecken — sich den Götz denken — Etwas ist j-s Masche — (den Mund voll nehmen) — (die Nase voll haben) ⇒ das Maul voll haben* [11–13]. Трудность для инокультурного реципиента заключается в том, что в обсуждаемом тексте стилистически нейтральные варианты фразеологизмов переводятся в иной (сниженный) стилистический регистр, а значимые для культуры прецедентные феномены активизируются неконвенциональными для немецкой культуры средствами. По понятным причинам соответствующими средствами переводчики не могут овладеть сразу же. Необходимые для этого навыки (распознавание стилистически сниженных средств, знание прецедентных феноменов, знание о разных способах активизации одного и того же комплекса культурно специфических сведений) формируются только со временем, а компетенция совершенствуется с усложняющимся коммуникативным опытом и его дифференциацией по разным основаниям. Поэтому и деятельность переводчика, должно активизировать средствами иного языка для инокультурного реципиента аналогичные (изофункциональные) образы, становится особо сложной из-за культурной специфики и фразеологизмов, и прецедентных феноменов, и содержания образов, а также содержания и функ-

ции когнитивной метафоры, лежащей в основе текста, и когнитивных метафор, значимых для микро- и мезоуровня; ср. прежде всего следующие единицы: *toller Hecht — sich den Götze denken — Etwas ist j-s Masche*.

Эффективным средством противодействия описанным выше обстоятельствам является, как свидетельствует практика, демонстрация техник текстопорождения. Средством со-активации разных комплексов сведений о мире и тем самым средством объективации когнитивной метафоры является контраст в узком и широком смысле, распознаваемый по разнообразным маркерам.

Можно упомянуть следующие средства и способы, которые позволительно интерпретировать также как маркеры диалога текстов: знаки препинания и прежде всего тире (см. пример (3)), союзы соответствующей семантики (*aber, teils — teils*), средства выражения отношения «часть \Leftrightarrow целое» (*viele — wenige, einige — manche*), обозначения разнообразных локальных (*Oberfläche — Tiefe*) или темпоральных связей: фазы одного процесса «начало \Leftrightarrow конец» (*gebären — zeugen*) или отношение «стимул \Leftrightarrow реакция» (*beleidigen — barsch werden*), обозначение разных состояний и/или их фаз (*sprechen — schweigen, streiten — dem Kontrahenten die Hand reichen*), противопоставление разных категорий людей (*Backfisch — toller Hecht*), а также словообразовательные средства (*Art — Unart*). Такое разнообразие гетерогенных изофункциональных средств в небольшом по объему тексте существенно обогащает содержательную интерпретацию текста, но из-за этого чрезвычайно усложняет реализацию диалога текстов как при порождении (переводе), так и при рецепции оригинального и переводного текстов (см. об этом ниже, примеры (6–9)).

И хотя причинно-следственные отношения не сразу и не всегда корректно распознаются всеми реципиентами, этот тип логических связей, весьма значимый для конкретного текста, на поверхностном уровне часто нарушается. Однако именно поэтому со-активируются глубинные связи между знанием о мире людей и знания о фауне (см. подробнее: [4]). Благодаря этому активизируются разные когнитивные метафоры, образующие в тексте сложно организованную иерархическую систему когнитивных метафор и образующие, по сути, каркас для когерентности текста на микро-, мезо- и макроуровне:

- рыба ⇒ человек как вид;
- виды (рыб) ⇒ личность / определенная категория людей;
- рыба (*Backfisch* ≈ блюдо из рыбы, юная девушка) ⇒ пища/блюдо ⇒ наслаждение ⇒ личность ⇒ юная девушка;
- щука ⇒ образ жизни ⇒ привычки человека;
- угорь ⇒ физические характеристики ⇒ черты характера человека;
- окунь ⇒ физические характеристики ⇒ черты характера человека;
- оценка ⇐ привычка ⇔ грубость (*barsch*) ⇐ Гёц (⇐ историческое событие);
- рыба ⇒ тело ⇒ функции тела ⇒ человек.

Естественно, сравнение человека с животным или рыбой либо с насекомым, растением является универсальным, однако качества и характеристики, которые сравниваются, не могут не быть культурно специфическими. И даже если образы, лежащие в основе фразеологизмов или метафор, можно признать более или менее сопоставимыми в разных культурах, они не тождественны. Ср. степень интенсивности толкотни в русском и немецком фразеологизме: *wie die Sardinen in der Büchse* — как селедка в бочке (*wie (Salz)Heringe im Fass*) / как кильки в банке (*wie Strömlinge in der Büchse*) [12]. А так как анализируемый текст представляет собой в целом и в отдельных своих частях комплекс когнитивных метафор, то важно осознать, какой ментальной структурой обладают соответствующие образования, с помощью которых концептуализируется воспринимаемое содержание. Ср. мнение Дж. Лакоффа и М. Джонсона: «Метафоры, имеющие очевидный онтологический характер, — это, вероятно, то, с помощью чего физический объект осмысливается через человеческий образ. Этими метафорами мы можем осмысливать разнообразный опыт с помощью неспецифических сущностей, в основу осмысления которых мы кладем мотивацию людей, их признаки и действия» [20, S. 44]. В результате этого активируются несколько интерпретаций, о которых шла речь выше, так как соотношение «прямое — метафорическое» базируется на контрасте, а способы переключения (то есть маркеры обсуждаемого диалога текстов) восприятия с одной когнитивной стратегии на другую активизируются средствами объективации логических отношений (контраста).

Это позволяет сделать вывод о том, что степень успешности диалога между оригинальным и переводным текстами можно распознать по качеству когнитивных метафор в обоих текстах, являющихся содержательным (и как следствие — формальным) стержнем текста в целом. Маркерами этого могут стать наличие/отсутствие когерентности между стилистическими фигурами и содержательная иерархия отдельных когнитивных метафор в целостном текстовом пространстве (ср. в этом контексте рассуждения о семантической доминанте при оценке качества переводных текстов: [16]).

5. Макроструктурные связи как маркер диалога текстов

Анализ маркеров диалога текстов свидетельствует в том числе о значимости макротекстовой организации, которая также культурно специфична как на этапе порождения текста, так и на этапе его рецепции (см. соответствующие детальные аргументы: [5]). В примере (5) по-разному маркируются отдельные номинативные цепочки, обладающие явной и ярко выраженной способностью устанавливать между текстовыми компонентами разной степени структурной и содержательной сложности когерентность в тексте на микро-, мезо- и макроуровне.

(5) *Fische*

*Es gibt viele Arten von **Fischen** — aber nur wenige Unarten, die sie nicht haben.*

*Teils bewegen **sie** sich an der Oberfläche — teils gehen **sie** in die Tiefe.*

*Man hat **sie** zum Fressen gern — besonders die Back**fische**.*

Manch toller Hecht — eben sang er noch aus voller Kieme — zappelt plötzlich an der Angel. Zu spät fallen ihm die Schuppen von den Augen.

***Fische** sind sehr sensibel. Werden **sie** beleidigt, so strecken **sie** die Seezunge raus und denken sich den Götz. **Sie** sind eben manchmal etwas barsch... Aber bald reichen **sie** ihrem Kontrahenten die Flosse — und alles ist wieder gut.*

*Manche **Fische** sind aalglatt — und es ist ihre Masche, durch eine Masche des Netzes, mit dem man **sie** fangen wollte, zu schöpfen.*

Einige nehmen das Maul etwas voll. Das ist nicht schlimm. Es ist nur Wasser.

Fische werden vom 20. Februar bis zum 20. März geboren — also im Mai gezeugt.

Ist es da ein Wunder, dass sie besonders liebevoll geraten sind...?

Выделенные по-разному (жирность, способы подчеркивания) средства, между которыми устанавливаются по различным основаниям внутритекстовые связи, наглядно показывают, насколько важным и продуктивным является для адекватной рецепции текста как целостности осознание и экспликация внутритекстовых связей на любом уровне в тексте. Ср.: «Самые элементарные ценности культуры когерентны с метафорической структурой самых элементарных концептов этой культуры. <...> Такой тип восприятия ценностей глубоко укоренен в нашей культуре» [20, S. 31].

Стоит напомнить о том, что в русской культуре есть фразеологизмы с обозначениями разных рыб: *нескарь* (*Gründling*) (умный, мудрый, осторожный), *щука* (*Hecht*) (агрессивная, быстрая, решительная), *карась* (*Karausehe*) (хитрый (умный), застенчивый), *ёрш* (*Kaulbarsch*) (хитрый, маленький, ловкий), *акула* (*Haifisch*) (агрессивная, резкая). Только перечисление ключевых для фразеологизмов слов доказывает, насколько специфичными для носителей немецкой и русской языковых культур являются представления о связях между характером человека и повадками рыб. Например, изворотливыми в русской культуре являются не только рыбы, но и рептилии (*уж*), которые, согласно обыденным представлениям, к тому же и гибкие. Ср. в этом контексте русские фразеологизмы: *Не учи рыбу плавать. — Без костей рыбы не бывает. — Рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше. — Рыба с головы гниет. — Ловить рыбу в мутной воде. — Биться/молчать как рыба об лед. — Чувствовать себя как рыба в воде. — Ни рыба ни мясо. — Не грози щуке морем. — Реветь белугой. — Ершиться. — Скользкий как угорь. — Молчать как рыба. — Рыба велика оттого, что пруд мал. — Не учи плавать щуку, щука знает свою науку. — Всякая рыба хороша, коль на удочку пошла. — Акула (бизнеса). — Взять за жабры.* Это знание играет, естественно, значительную роль в установлении когерентности текста на всех уровнях, поскольку метафорическую когерентность (когерентность через метафоры) следует признать основой для понимания не только конкретного текста, но и культуры в целом, что тесно связано и с креативностью переводческих решений, а также с принципами конструирования культурно специфических зна-

чимых образов, важных для коммуникантов в особенности при порождении фиктивных, медиа- и юридических текстов. Другими словами, в русской и немецкой языковых культурах не совпадают семантика, функциональный потенциал и среда функционирования названных выше единиц и соответствующих представлений, что не может не отразиться на выборе переводческих решений.

В качестве примера различных диалогов текстов можно привести несколько переводов, в которых по-разному эксплицированы средства установления когерентности, особо значимые для микро- (текстема и сверхфразовое единство²), мезо- (сверхфразовое единство и макрокомпонент текста) и макроуровня (цельный текст или несколько макрокомпонентов) текстовой структуры (см. примеры (6–9)³). Обсуждая результат диалога текстов, нельзя не подчеркнуть также и значимость личностной идентичности переводчика, от которой тоже зависит степень успешности переводческих решений.

(6) Настя⁴, 2014 (немецкий как второй иностранный)

Рыбы

*Есть много разновидностей **рыб**, но совсем немногие из **них** безобразничают. То **они** скользят по поверхности, то уходят в глубину.*

***Ими** охотно лакомятся, особенно молоденькими. И вот один из молодых пел песни, и сам попался на крючок. Слишком поздно спала пелена с его глаз.*

***Рыбы** очень чувствительны. Когда **их** оскорбляют, **они** высовывают язык и шлют всех к черту. Порой **они** ершисты. Но скоро **они** протягивают свою пятерню и все снова входит в свое русло.*

*Некоторые из **них** настолько изворотливы, что им удастся поймать в свои сети тех, кто сам пытался насадить **их** на крючок.*

*Некоторые молчаливы, как **рыбы**. Но ничего страшного. Они просто воды в рот набрали.*

² Неотъемлемые части текстовой структуры имеют разную степень сложности. Этим и объясняется перечисление отдельных текстовых компонентов как принадлежащих двум или более уровням текстовой структуры. (Обоснование соответствующей точки зрения см., например: [5].)

³ Сохранены оригинальные орфография и пунктуация.

⁴ Не все обучающиеся согласились с тем, чтобы назывались их фамилии.

Рыбы рождаются с 20.02. по 20.03., т. е. их зачинают в мае.
Разве удивительно, что **они** рождаются такими милыми?

- (6) Валентина Глушкова, 2016 (немецкий как первый иностранный)

Рыбы

Существует много видов **рыб** — но мало кто из них отличается невоспитанностью.

Часть из **них** плавает на поверхности — **другие** на глубине.

От **них** все без ума — особенно от **тех**, что помоложе.

Вот это весельчак — **он** пел во все горло — но внезапно попался на удочку. Слишком поздно упала пелена с его глаз.

Рыбы очень чувствительны. Если **их** обижают, **они** показывают язык и грубят. Иногда **они** слишком резки. Но вот **они** жмут вам руку и снова все хорошо.

Некоторые **рыбы** скользкие, как угорь, — и это **их** хитрость выбираться через ячейку в сетке, которой вы хотите их поймать.

Некоторые из **них** молчаливы, как будто воды в рот набрали. Но это ничего. Ведь это просто вода.

Рыбы рождаются с 20 февраля по 20 марта, итак, **их** зачинают в мае.

Ведь это, наверно, чудо, что **они** оказываются такими ласковыми.

- (7) Екатерина Неплюева, 2016 (немецкий как первый иностранный)

Рыбы

Существует множество видов **рыб**, но лишь некоторые из **них** не имеют вредных привычек.

Одни предпочитают быть в центре внимания, а другим привычнее оставаться в тени.

Окружающие просто души не чают в **рыбах**. Особенно замечательны девочки-подростки.

Рыбы по своей натуре весельчаки. Так сказать, поют во все горло до тех пор, пока жареный петух не клюнет. Только тогда на них находит озарение.

Рыбы очень чувствительны. Обиженные **рыбы** могут высунуть язык, и это лишь самая малость. Иногда **они** бывают резкими в своих действиях... Но вскоре **они** протягивают руку помощи своему противнику, и все снова становится замечательно.

Некоторые **рыбы** бывают очень изворотливыми. Они ловко ускользают от проблем — и это им искусно удастся.

Среди **рыб** часто встречаются болтуны. Но в этом нет ничего дурного. Это просто слова.

Рыбы рождаются с 20 февраля по 20 марта, значит, **они** зачаты в мае. Разве это не чудо, что существуют столь преисполненные любви **создания**?

- (8) Катарина Попова, 2016 (немецкий как первый иностранный)

Рыбы

Существует много видов **рыб** — но мало кто из **них** не имеет дурных привычек.

Иногда **они** просто проплывают мимо, а иногда цепляются на кого-то своими плавниками.

Их обожают — особенно **тех, кто** помоложе.

Вот уж сорви-голова — **он** пел во все горло — но попался на удочку. Слишком поздно спала пелена с его глаз.

Вообще-то, **рыбы** очень чувствительны. Обидите **их**, **они** покажут вам язык, да еще и нагрубят. Просто **они** грубоваты... но вскоре протягивают пятерню, и все снова отлично.

А вот некоторые из **них** скользкие, как угорь, и это **их** искусный прием: найти лазейки в сети, которой вы хотите **их** поймать.

Другие молчат, будто воды в рот набрали. Но это не страшно. Это всего лишь вода.

Рыбы рождаются в промежутке между 20 февраля и 20 марта, то есть **их** зачинают в мае.

Не чудо ли, что **они** рождаются такими милыми?

Отобранные примеры иллюстрируют, с одной стороны, возможность индивидуальных переводческих решений, причем по-разному раскрывают вклад когерентности метафор в текстовое целое. С другой стороны, в глаза бросается общность переводческих решений: в оригинале активизируются сведения о разных видах рыб и способах их «бытования» в культуре (*Hecht, Aal, Barsch — Backfisch*), а в переводных текстах — о рыбах вообще. Характерно, что разные переводные тексты не лишены и игры слов, а также остроумия, что позволяет говорить о частичной изофункциональности переводных и оригинального текстов, то есть о том, что диалог текстов оказался более или менее продуктивным.

Анализ убеждает в том, что перевод такого сложного в формальном и содержательном отношении юридического/лудофильного текста можно ориентировать на особенности адресата как носителя

конкретной языковой культуры. Приведем в этой связи высказывание Э. Прунча: «Для инновативных экспрессивных текстов и для особо престижных текстов справедлив тем не менее в модифицированной форме постулат естественности. Не естественность сама по себе, а степень отклонения от естественности должна служить мерилем при переводе. Если оригинальный текст содержит отклонения от ожидаемых и естественных структур, то при переводе их следует выражать тоже способами, отклоняющимися от ожидаемых структур» [24, S. 86].

Поэтому очевидно, что более предпочтительным и продуктивным следует признать холистический подход на всех этапах работы с текстом, то есть иметь в виду целостность даже тогда, когда идет более тщательная работа на текстовом мезо- и/или микроуровне. Ср. в этой связи одну из рекомендаций так называемой стратегии успеха переводческой деятельности: «Работайте согласно глобальным стратегиям и проводите макроанализ текста! Учитывайте общие коммуникативные условия! <...> Используйте ваше знание о мире и знание текстов и не довольствуйтесь информацией из словарей!» [19, S. 99].

Эту мысль можно выразить иначе: целесообразно думать об иерархии переводческих приемов и тем самым также об иерархии критериев оценки переводного текста, как это настоятельно подчеркивает К. Норд [23, в особенности S. 298–300, 308–309]. Естественно, нельзя пренебрегать и частными переводческими проблемами, решать которые, однако, необходимо с учетом содержательной и формальной цельности текста.

Сформулированные по ходу анализа обобщения можно представить в форме матрицы (см. ниже), отражающей возможность анализировать маркеры диалога текстов в разных условиях и с разными целями. Матрица учитывает такие параметры, задающие разнородные связи между текстами, как характер диалога текстов (формальный и содержательный), разные уровни текста (микро-, мезо-, макроуровень), а также основания для выявления диалога текстов, которые правомерно трактовать и как маркеры диалога изучаемого характера (логические, лексико-семантические, словообразовательные, морфологические, синтаксические, формально-структурные, стилистические, текстограмматические — понятийная сфера, прецедентные феномены, когнитивные метафоры и другие). Предлагаемая матрица позволяет исчислить типы диалога текстов, а также ве-

роятную специализацию маркеров диалога текстов на те или иные условия (тип текста, макросемантическая и/или макросинтаксическая организация текста на том или ином текстовом уровне):

Матрица

Характер диалога текстов	Основания для выявления диалога текстов	Компоненты текстовой структуры на разных уровнях		
		Макро-уровень	Мезо-уровень	Микро-уровень
Формальный	Лексико-семантические			
	Словообразовательные			
	Морфологические			
	Синтаксические			
	Формально-структурные			
	Стилистические			
	Логические			
Содержательный	Текстограмматические			
	Понятийная сфера			
	Прецедентный феномен			
	Когнитивная метафора			
	...			

7. Выводы

Сказанное выше означает, что, с одной стороны, диалог текстов чрезвычайно значим абсолютно для всех видов взаимодействия носителей языка и культуры, при порождении и рецепции текстов

любого типа. С другой стороны, диалог текстов требует от носителей языка и культуры сформировавшегося умения его распознавать. В противном случае глубина осмысления воспринимаемого текста существенно ухудшается, взаимодействие осложняется. Это приводит к недопониманию, а также к разного рода конфликтам различной степени остроты как в содержательном, так и в формальном отношении. Исчисление и детальное описание маркеров диалога текстов позволяет более или менее оптимистично прогнозировать результат — в идеальном случае успешное решение поставленной коммуникативной и когнитивной задачи как при внутрикультурной, так и при межкультурной коммуникации. Очевидно, соответствующие данные значимы не только для осмысления естественной коммуникации в ее самых разных проявлениях, но и для проработки разнообразных дидактических задач. Другими словами, изучение диалога текстов вносит очевидный вклад в теорию текста, а также раскрывает с новой стороны прикладной потенциал лингвистически релевантного знания.

Источники иллюстративного материала

Попов — *Попов, Г.* Мыльный Дон // Литературная газета. 2006. № 49. С. 16.

Erhardt — *Erhardt, H.* Fische // Erhardt H. Viel Glück! Mit Bildern von Gerhard Glück. S.l.: Lappan Verlag, 2003. S. 45.

Haddenbach — *Haddenbach, G.* Die 12 Sternzeichen. Wiesbaden: Falken-Verlag Erich Sicker, 1976. 160 S.

Литература

1. *Бергсон, А.* Смех. М.: Искусство, 1992. 127 с.
2. *Вулис, А. З.* Метаморфозы комического. М.: Искусство, 1976. 126 с.
3. *Гришаева, Л. И.* Анекдот как способ фиксации социальных норм и морально-этических ценностей социума // Эссе о социальной власти языка / под общ. ред. Л. И. Гришаевой. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. С. 169–179.
4. *Гришаева, Л. И.* Непереводимое? // Социокультурные проблемы перевода. Вып. 11. Воронеж: Изд. дом Воронеж. гос. ун-та, 2014. С. 296–304.
5. *Гришаева, Л. И.* Сущность и объяснительная сила макротекстового анализа // Вестник Моск. гос. лингвист. ун-та. Грамматика: перспективы развития. Языкознание и литературоведение. 2015. Вып. 20 (731). С. 208–220.

6. Краткий психологический словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1985. 431 с.
7. Лук, А. Н. Юмор. Остроумие. Творчество. М.: Искусство, 1977. 184 с.
8. Миловская, Н. Д. Юмор немецкого этноса: языковой бытовой анекдот. Иваново: Иванов. гос. ун-т, 2014. 192 с.
9. Пушкарева, О. В. Пародирование как способ сюжетно-композиционной организации анекдота // Филологические науки. 1996. № 2. С. 35–42.
10. Философский энциклопедический словарь. М.: Инфра-М, 2002. 576 с.
11. Duden. Deutsches Universalwörterbuch A–Z. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag; Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus, 1989. 1816 S.
12. Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag; Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus, 2002. 960 S. (Duden. Deutsche Sprache: in 12 Bdn. Bd. 11).
13. Duden. Zitate und Aussprüche. Mannheim: Dudenverlag; Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus, 2008. 960 S.
14. Hellmich, H. „Stoffauswahl und Stoffaufbereitung“ // Didaktik des Fremdsprachenunterrichts / Autorenkollektiv unter Leitung von G. Desselmann, H. Hellmich. Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1986. S. 55–66.
15. Isenberg, H. Texttypen als Interaktionstypen. Eine Texttypologie // Zeitschrift für Germanistik. Leipzig, 1984. H. 3. S. 261–270.
16. Jurewicz, M., Kubiak, P. Semantische Dominante — ein entscheidendes Kriterium bei der Anfertigung und Evaluation von Übersetzungen? // Translations Studies and Translation Practice: Proceedings of the 2nd International TRANSLATA Conference, 2014. Frankfurt a/M.: Peter Lang Verlag, 2017. S. 11–20.
17. Kupsch-Losereit, S. Verrückte Kulturen. Zur Vermittlung von kultureller Differenz beim Übersetzen // Quo vadis Translatologie? Ein halbes Jahrhundert universitäre Ausbildung von Dolmetschern und Übersetzern in Leipzig. Rückschau, Zwischenbilanz und Perspektiven aus der Außensicht / hrsg. von G. Wotjak. Berlin: Frank & Timme, 2007. S. 205–220.
18. Kußmaul, P. Risikomanagement beim Übersetzen sozialwissenschaftlicher Umfragen // Quo vadis Translatologie? Ein halbes Jahrhundert universitäre Ausbildung von Dolmetschern und Übersetzern in Leipzig. Rückschau, Zwischenbilanz und Perspektiven aus der Außensicht / hrsg. von G. Wotjak. Berlin: Frank & Timme, 2007. S. 235–253.
19. Kußmaul, P. Verstehen und Übersetzen. Ein Lehr- und Arbeitsbuch. Tübingen: Gunter Narr Verlag; Studienbücher, 2010. 217 S.
20. Lakoff, G., Johnson, M. Leben in Metaphern. Konstruktion und Gebrauch von Sprachbildern / übersetzt von A. Hildenbrand. Heidelberg: Carl-Auer Verlag, 2008. 272 S.
21. Mudersbach, K. Kohärenz und Textverstehen in der Lesersicht. Oder: Wie prüft man die Stimmigkeit von Texten beim Lesen // Neue Perspektiven in der Übersetzungs- und Dolmetscherwissenschaft. Festschrift für Heidrun Gerzy-

misch-Arbogast zum 60. Geburtstag / hrsg. von Th. Vogel, B. Voss. Bohum: AKS-Verlag, 2004. S. 249–271.

22. Nord, Ch. Fertigkeit Übersetzen. Ein Selbstlernkurs zum Übersetzen und Übersetzenlehren. Alicante: Editorial Club Universitario, 2002. 182 S.

23. Nord, Ch. Übersetzungstypen — Übersetzungsverfahren. Ein paar neue Gedanken zu einem uralten Thema // Quo vadis Translatologie? Ein halbes Jahrhundert universitäre Ausbildung von Dolmetschern und Übersetzern in Leipzig. Rückschau, Zwischenbilanz und Perspektiven aus der Außensicht / hrsg. von G. Wotjak. Berlin: Frank & Timme, 2007. S. 293–310.

24. Prunč, E. Entwicklungslinien der Translationswissenschaft. Von den Asymmetrien der Sprachen zu den Asymmetrien der Macht. Berlin: Frank & Timme, 2007. 438 S.

25. Rothfuß-Bastian, D. Das Zusammenspiel von Vertextungsmitteln in Original und Übersetzung // Neue Perspektiven in der Übersetzungs- und Dolmetscherwissenschaft. Festschrift für Heidrun Gerzymisch-Arbogast zum 60. Geburtstag / hrsg. von Th. Vogel, B. Voss. Bohum: AKS-Verlag, 2004. S. 273–288.

26. Van Vaerenbergh, L. ‚Kohärenz‘ in Text, Translation und Kommunikation // Quo vadis Translatologie? Ein halbes Jahrhundert universitäre Ausbildung von Dolmetschern und Übersetzern in Leipzig. Rückschau, Zwischenbilanz und Perspektiven aus der Außensicht / hrsg. von G. Wotjak. Berlin: Frank & Timme, 2007. S. 411–426.

References

1. Bergson, A. *Laugh*. Rus. ed. Moscow, Iskusstvo Publ., 1992, 127 p. (In Russian)

2. Vulis, A. Z. *Comic Metamorphosis*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1976, 126 p. (In Russian)

3. Grishaeva, L. I. Anecdote as a Way of Fixing Social Norms and Moral and Ethical Values of Society. *Esse o sotsial'noi vlasti iazyka*, ed. by L. I. Grishaeva. Voronezh, Voronezh. gos. un-t Publ., 2001, pp. 169–179. (In Russian)

4. Grishaeva, L. I. Untranslatable? *Sotsiokul'turnye problemy perevoda*, issue 11. Voronezh, Isd. dom Voronezh. gos. un-ta Publ., 2014, pp. 296–304. (In Russian)

5. Grishaeva, L. I. Essence and Explanatory Power of Macrotext Analysis. *Vestnik Mosk. gos. lingvist. un-ta. Grammatika: perspektivy rasvitiia. Iasykosnanie i literaturovedeniie*, 2015, issue 20 (731), pp. 208–220. (In Russian)

6. *Concise Dictionary of Psychology*, ed. by A. V. Petrovskii, M. G. Jaroshevskii. Moscow, Politisdat Publ., 1985, 431 p. (In Russian)

7. Luk, A. N. *Humor. Wit. Creation*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1977, 184 p. (In Russian)

8. Milovskaia, N. D. *German Ethnos Humor: Language Household Anecdote*. Ivanovo, Ivanov. gos. un-t Publ., 2014, 192 p. (In Russian)

9. Pushkareva, O. V. Parody as a Means of Organisation of the Plot and Composition of a Canned Joke. *Filologičeskie nauki*, 1996, no 2, pp. 35–42. (In Russian)
10. *Filosofskii entsiklopedičeskii slovar'*. Moscow, Infra-M Publ., 2002, 576 p. (In Russian)
11. *Duden. Deutsches Universalwörterbuch A–Z*. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, Dudenverlag; Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus, 1989, 1816 p.
12. *Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik*. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, Dudenverlag; Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus, 2002, 960 p. (Duden. Deutsche Sprache, in 12 vols., vol. 11).
13. *Duden. Zitate und Aussprüche*. Mannheim, Dudenverlag; Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus, 2008, 960 p.
14. Hellmich, H. „Stoffauswahl und Stoffaufbereitung“. *Didaktik des Fremdsprachenunterrichts*, author group led by G. Desselmann, H. Hellmich. Leipzig, Verlag Enzyklopädie, 1986, pp. 55–66.
15. Isenberg, H. Texttypen als Interaktionstypen. Eine Texttypologie *Zeitschrift für Germanistik*, Leipzig, 1984, book 3, pp. 261–270.
16. Jurewicz, M., Kubiak, P. Semantische Dominante — ein entscheidendes Kriterium bei der Anfertigung und Evaluation von Übersetzungen? *Translations Studies and Translation Practice: Proceedings of the 2nd International TRANSLATA Conference, 2014*. Frankfurt a/M., Peter Lang Verlag, 2017, pp. 11–20.
17. Kupsch-Losereit, S. Verrückte Kulturen: Zur Vermittlung von kultureller Differenz beim Übersetzen. *Quo vadis Translatologie? Ein halbes Jahrhundert universitäre Ausbildung von Dolmetschern und Übersetzern in Leipzig. Rückschau, Zwischenbilanz und Perspektiven aus der Außensicht*, ed. by G. Wotjak. Berlin, Frank & Timme, 2007, pp. 205–220.
18. Kußmaul, P. Risikomanagement beim Übersetzen sozialwissenschaftlicher Umfragen. *Quo vadis Translatologie? Ein halbes Jahrhundert universitäre Ausbildung von Dolmetschern und Übersetzern in Leipzig. Rückschau, Zwischenbilanz und Perspektiven aus der Außensicht*, ed. by G. Wotjak. Berlin, Frank & Timme, 2007, pp. 235–253.
19. Kußmaul, P. *Verstehen und Übersetzen. Ein Lehr- und Arbeitsbuch*. Tübingen, Gunter Narr Verlag Studienbücher, 2010, 217 p.
20. Lakoff, G., Johnson, M. *Leben in Metaphern. Konstruktion und Gebrauch von Sprachbildern*, transl. by A. Hildenbrand. Heidelberg, Carl-Auer Verlag, 2008, 272 p.
21. Mudersbach, K. Kohärenz und Textverstehen in der Lesersicht. Oder: Wie prüft man die Stimmigkeit von Texten beim Lesen. *Neue Perspektiven in der Übersetzungs- und Dolmetscherwissenschaft. Festschrift für Heidrun Gerzymisch-Arbogast zum 60. Geburtstag*, ed. by Th. Vogel, B. Voss. Bohum, AKS-Verlag, 2004, pp. 249–271.
22. Nord, Ch. *Fertigkeit Übersetzen. Ein Selbstlernkurs zum Übersetzen und Übersetzenlehren*. Alicante, Editorial Club Universitario, 2002, 182 p.

23. Nord, Ch. Übersetzungstypen — Übersetzungsverfahren. Ein paar neue Gedanken zu einem uralten Thema. *Quo vadis Translatologie? Ein halbes Jahrhundert universitäre Ausbildung von Dolmetschern und Übersetzern in Leipzig. Rückschau, Zwischenbilanz und Perspektiven aus der Außensicht*, ed. by G. Wotjak. Berlin, Frank & Timme, 2007, pp. 293–310.

24. Prunč, E. *Entwicklungslinien der Translationswissenschaft. Von den Asymmetrien der Sprachen zu den Asymmetrien der Macht*. Berlin, Frank & Timme, 2007, 438 p.

25. Rothfuß-Bastian, D. Das Zusammenspiel von Vertextungsmitteln in Original und Übersetzung. *Neue Perspektiven in der Übersetzungs- und Dolmetscherwissenschaft. Festschrift für Heidrun Gerzymisch-Arbogast zum 60. Geburtstag*, ed. by Th. Vogel, B. Voss. Bohum, AKS-Verlag, 2004, pp. 273–288.

26. Van Vaerenbergh, L. ‚Kohärenz‘ in Text, Translation und Kommunikation. *Quo vadis Translatologie? Ein halbes Jahrhundert universitäre Ausbildung von Dolmetschern und Übersetzern in Leipzig. Rückschau, Zwischenbilanz und Perspektiven aus der Außensicht*, ed. by G. Wotjak. Berlin, Frank & Timme, 2007, pp. 411–426.

Гришаева Людмила Ивановна

профессор кафедры немецкой филологии
Воронежского государственного университета,
доктор филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 394006, Воронеж, Университетская пл., 1

Liudmila I. Grishaeva

Full Professor of German Philology Department, Voronezh State University,
Doctor of Philological Sciences
Address: 1, University sq., Voronež, 394006, Russian Federation

E-mail: grishaewa@rgph.vsu.ru

SPIN-код: 2732-4529; AuthorID: 304126; ResearcherID: T-9182-2018

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНЫХ ДИСКУРСАХ

Ключевые слова: дискурс, текст, литературный диалог, интердискурсивность, интертекстуальность, немецкий язык, русский язык.

В настоящее время интертекстуальность представляет собой одно из самых привлекательных направлений лингвистического анализа речевых произведений. Изучение межтекстовых и интердискурсивных связей позволяет расширить наши представления о смысловых взаимоотношениях, возникающих между отдельными текстами, выявить и проанализировать сложные структурно-типологические отношения между текстом и классом (группой, типом) текстов, обладающих сходными лингвистическими и экстралингвистическими характеристиками. Особняком стоит вопрос о структурировании типологических взаимосвязей между отдельными типами текстов и отдельными дискурсами. Интертекстуальность как явление сопровождает человека на протяжении всей истории культуры, воплощенной в текстах, и затрагивает практически все сферы коммуникации. Тем самым она выступает в качестве неотъемлемого признака литературной коммуникации, характерного для разных периодов развития языков и культур. Прямые и скрытые отсылки от одного текста к другому, интеграция фрагмента исходного текста в другой текст (или фрагмент текста), преобразование одного целостного текста в другой целостный текст и так далее позволяют преодолеть идиоэтнические рамки языковых систем, сохранить и приумножить культурное наследие литературных предшественников. Нередко интертекстуальность выходит за чисто лингвистические рамки этого понятия, в результате чего речевое произведение, будучи манифестировано в разных медийных пространствах, приобретает новые свойства. Возможность представления литературных текстов в разных медийных средствах коммуникации с неизбежностью влечет за собой необходимость учета соответствующих «интермедийных» характеристик. Приведенные в статье примеры взяты из литературных источников, начиная с XVI века до настоящего времени, что позволяет проследить некоторые тенденции развития интертекстуальности в разные периоды развития языка и культуры.

К. А. FILIPPOV

St. Petersburg State University

SOME ASPECTS OF INTERTEXTUALITY IN GERMAN AND RUSSIAN LITERARY DISCOURSES

Keywords: discourse, text, literary dialogue, interdiscursivity, intertextuality, German language, Russian language.

Currently, intertextuality is one of the most attractive directions in the linguistic analysis of speech products. The study of intertextual and interdiscourse connections

allows us to expand our understanding of semantic relationships between individual texts, to identify and analyze complex structural and typological relations between a text and a class (group, type) of texts sharing similar linguistic and extra-linguistic characteristics. The problem of structuring typological interrelations between separate types of texts and separate discourses stands apart. Intertextuality as a phenomenon accompanies a person throughout the history of culture embodied in the texts, and affects almost all areas of communication. Thus, it acts as an integral feature of literary communication, characteristic for different periods of development of languages and cultures. Direct and hidden references from one text to another, integration of a source text fragment into another text (or a text fragment), conversion of one holistic text into another holistic text, etc. allow to overcome the idio-ethnic framework of language systems, preserve and enhance the cultural heritage of literary predecessors. Often, intertextuality goes beyond the purely linguistic framework of this concept, as a result of which a speech product, being manifested in different media spaces, acquires new properties. The possibility of presenting literary texts in different traditional and new media inevitably entails the need to take into account the relevant intermedia characteristics. The examples given in the article are taken from literary sources, starting from the 16th century up to the present, which allows us to trace some trends in the development of intertextuality in different periods of language and culture.

1. Предварительные замечания

В качестве вступления к теме настоящей статьи целесообразно обратиться к мнению ученых, обозначивших ключевые направления развития современной теории интертекстуальности. В.Б. Касевич, говоря о связи языка и культуры, признает, что «культура как таковая по природе диалогична» [12, с. 223], и в то же самое время подчеркивает, что именно в тексте «обнаруживаются черты диалогоцентричности — использования стратегий, нормально обслуживающих диалог» [12, с. 224]. Со своей стороны, М.М. Бахтин определил главный принцип подхода к установлению межтекстовых отношений при анализе конкретного речевого произведения: «Два сопоставленных чужих высказывания, не знающих ничего друг о друге, если они хоть краешком касаются одной и той же темы (мысли), неизбежно вступают друг с другом в диалогические отношения» [3, с. 485–486]. Наконец, К. Гаузенблаз выявил и описал закономерности построения и функционирования:

- 1) текстов с простой/сложной структурой;
- 2) свободных/зависимых речевых произведений;
- 3) прерывных/непрерывных речевых произведений [8, с. 64–76].

Представленные выше позиции предвосхитили развитие лингвистического анализа интертекстуальности по двум основным направлениям: с одной стороны, это лингвистический анализ смысловых отношений между одним конкретным речевым произведением и другим конкретным речевым произведением (другими конкретными речевыми произведениями), а с другой — рассмотрение принадлежности конкретного текста к определенному классу (группе, типу) текстов.

Принимая во внимание, что в настоящей статье под дискурсом понимается «совокупность текстов, соотнесенных друг с другом на основе общих семантико-тематических, прагматических и когнитивных отношений» [21, с. 50], то соответственно этой дефиниции в статье анализируются различные проявления межтекстовых связей в немецких и русских литературных дискурсах, то есть текстах как представителях того или иного дискурса. Это могут быть прямые и скрытые отсылки от одного текста к другому, интеграция фрагмента исходного текста в другой текст (или фрагмент текста), преобразование одного целостного текста в другой целостный текст и так далее. Отдельной разновидностью интертекстуальности выступает художественный перевод как своеобразный культурный перенос одного измерения текста в другое измерение текста [22, с. 46]. Трудность этого культурного переноса, по словам В. И. Шадрина, «заключается в многомерности художественного текста, в его связях и ассоциациях с другими текстами и единицами языка» [22, с. 47].

Примеры взяты из литературных источников, начиная с XVI века до настоящего времени, что позволяет проследить некоторые тенденции развития интертекстуальности в разные периоды развития языка и культуры.

2. Интертекстуальность в истории культуры

Интертекстуальность как явление сопровождает человека на протяжении всей истории культуры, воплощенной в текстах, и затрагивает практически все сферы коммуникации. П. Е. Бухаркин, анализируя русские риторические трактаты второй половины XVIII — первой трети XIX века, приходит к мысли, что обязательное обращение автора к классическим литературным образцам можно рассматривать как возможность почерпнуть идеи «из

своеобразного словесного резервуара, представляющего культуру в целом» [6, с. 77], как «оптимальный способ словесного воплощения собственного смысла» [6, с. 77]. Иными словами, нередко интертекстуальные включения в литературном тексте — это «знаки причастности к классической традиции» [6, с. 78].

В качестве примера такого обращения к классической традиции обратимся к одной из эпиграмм Джона Оуэна, написанной на латинском языке в начале XVII века и посвященной известному произведению Эразма Роттердамского «Похвала глупости» (*Lob der Torheit*, 1509):

Erasmii Moria

Stultitiae laudem scripsisti primus, Erasme,

Indicat ingenium Stultitia ista tuum (Galle und Honig, S. 130).

В немецком переводе этот текст звучит следующим образом:

Die Torheit des Erasmus

Du hast als erster, Erasmus, das „Lob der Torheit“ geschrieben,

aber die Torheit von dir ist ein Beweis des Genies (Galle und Honig,

S. 131).

«Глупость Эразма

Ты первый, Эразм, вознес „Похвалу глупости“,

Но эта глупость твоя — свидетельство гения» (перевод здесь и далее мой, если не указано иное. — К. Ф.).

В эпиграмме Оуэна имеются две прямые отсылки к тексту Эразма Роттердамского — имя автора и название произведения. Прямое обращение к Эразму, казалось бы, предполагает личное знакомство Оуэна с автором «Похвалы глупости», однако эти два текста разделяет целое столетие. Несомненно, эпиграмма направлена образованному читателю, знакомому с текстом первоисточника, при этом Оуэн использует типовую форму эпиграммы для выражения собственной высокой оценки произведения. Но тем не менее здесь налицо разновекторная адресованность эпиграммы — лично Эразму и образованному читателю. Этот пример подтверждает слова Бахтина о том, что «воспроизведение текста субъектом (возвращение к нему, повторное чтение, новое исполнение, цитирование) есть новое, неповторимое событие в жизни текста, новое звено в речевой цепи речевого общения» [3, с. 476].

Рассмотрим более поздний литературный пример из XX века. Музыкальная пьеса Б. Брехта «Трехгрошовая опера» (Die Dreigroschenoper) начинается примечательным зонгом, посвященным представлению главного отрицательного героя пьесы — Мэки Мэхита (Mackie Machheath), именуемого Мэки-Ножом (Mackie Messer). Первое четверостишие этого зонга стало крылатой фразой и повторяется в разных контекстах:

*Und der Haifisch, der hat Zähne,
Und die trägt er im Gesicht,
Und Macheath, der hat ein Messer,
Doch das Messer sieht man nicht* (Brecht, S. 31–32).

«У акулы — зубы-клинья,
Все торчат, как напоказ,
А у Мэки — нож, и только,
Да и тот скрыт от глаз» (перевод С. Апта) (Брехт, с. 5).

Одним из примеров современного заимствования лексического и синтаксического материала Брехта является известная песня немецкой рок-группы «Раммштайн» (Rammstein). В этой песне рефреном проходит примечательное четверостишие:

*Und der Haifisch, der hat Tränen,
Und die laufen vom Gesicht
Doch der Haifisch lebt im Wasser,
So die Tränen sieht man nicht* (Rammstein).

Воспроизведением лексической, синтаксической и ритмической структуры первоначального текста (*Haifisch — Zähne / Haifisch — Tränen, im Gesicht / vom Gesicht, sieht man nicht / sieht man nicht*) автор современного варианта пытается максимально облегчить аудитории узнавание знаменитого предшественника. В данном случае уместно вспомнить приведенное Лессингом мнение неких лиц по поводу комментария Вольтера стихов Корнеля: «Пример, который он подает, единственен в своем роде; он покидает, так сказать, свое собственное поле, чтобы работать на поле соседа и сделать его лучше»¹.

В отличие от Вольтера группа Раммштайн использует речевой материал Брехта не для того, чтобы улучшить первоисточник,

¹ «Das Beispiel, das er gibt, ist einzig; er verläßt sozusagen sein eigenes Feld, um auf dem Acker seines Nachbarn zu arbeiten und ihn wertvoller zu machen» [24, S. 648].

а скорее для того, чтобы таким образом приобщиться к немецкой музыкально-драматической традиции (см. цитату Бухаркина о «знаках причастности к классической традиции» выше).

3. Семантико-грамматические аспекты интертекстуальности

Тот факт, что грамматика выступает в качестве одного из компонентов, определяющих своеобразие литературного произведения, подкрепляется многочисленными примерами в истории европейской и отечественной культуры. В частности, литературный критик начала XIX века А. Ф. Воейков, анализируя сказку А. С. Пушкина «Руслан и Людмила», осуждает «огерманизированный вкус» литературы своего времени и иронизирует над «жалкими стихотворцами, которые прямо из-за букваря начали сочинять стихи и у которых и грамматика, и синтаксис, и выражения взяты из Готшедовой „Немецкой грамматики“» [7, с. 67–68]. Интересно, что сам Пушкин, словно откликаясь на слова критика, оценивает роль грамматики следующим образом: «Грамматика не предписывает законов языку, но изъясняет и утверждает его обычаи» (Пушкин II, с. 491).

Как известно, немецкий и русский языки обладают идентичным составом знаменательных и служебных частей речи, однако, как справедливо утверждает С. Т. Нефёдов, «типологические различия обнаруживаются здесь не в количестве частей речи (оно минимально), а в их морфолого-грамматических свойствах — способности изменяться по тем или иным грамматическим категориям и их разрядам» [14, с. 340].

Случаи искажения первоначального поэтического образа при переводе, обусловленные типологическими различиями лексической и грамматической систем немецкого и русского языков, регулярно повторяются в истории литературы. Для этого достаточно вспомнить рассуждения А. А. Потебни о «видах поэтической иносказательности», представленных в переводах стихотворения Генриха Гейне *Ein Fichtenbaum steht einsam* М. Ю. Лермонтовым и Ф. И. Тютчевым [17, с. 141]. Затем уже основатель лингвистической теории перевода А. В. Федоров еще раз обращается к анализу этого примера, подчеркивая, что «формально-грамматический элемент языка играл для них принципиально важную роль, с соблюдением которой некоторые из них совместили и частичную передачу вещественной стороны образа хвойного дерева (кедр)» [20, с. 262].

С подобными проблемами семантико-грамматических различий в немецком и русском языках сталкиваются также переводчики русской литературы на немецкий язык.

Приведем небольшой стихотворный пример из поэтического творчества Анны Ахматовой. Этому лирическому тексту в качестве эпиграфа предпослана строка из стихотворения Иннокентия Анненского: *Опять ты со мной, подруга осень!* (Achmatowa, S. 120). Далее в строках Ахматовой метафора «осень — подруга» повторяется:

*Пусть кто-то еще отдыхает на юге
И нежится в райском саду.
Здесь северно очень — и осень в подруги
Я выбрала в этом году* (Achmatowa, S. 120).

Но вот в немецком варианте стихотворения происходит вполне понятная метаморфоза, обусловленная семантико-грамматическими причинами: в немецком языке слово *Herbst* 'осень' мужского рода, а не женского (как в русском языке). Поэтому и эпиграф Анненского *Du bist wieder bei mir, Freund!* (Achmatowa, S. 121), и текст Ахматовой, ср.:

*Wenn auch noch mancher sich erholt im Süden
Und sich im Paradiese wohlig quält —
Hier ist es nördlich, und den Herbst zum Freunde
Hab ich in diesem Jahre mir erwählt*
(перевод Г. Чеховски / H. Czechowski) (Achmatowa, S. 121) —

получают в немецком тексте несколько иное смысловое содержание. Этот пример интересен также тем, что в нем снова налицо разнонаправленность интертекстуальных отношений: своеобразная межтекстовая переключка, с одной стороны, между текстом Анненского и текстом Ахматовой, а с другой — между русским и немецким вариантами стихотворения.

В сфере местоимений также наблюдаются любопытные явления при передаче содержания первичного источника в переводе с одного языка на другой. С. С. Аверинцев дает образец анализа причин замены В. И. Жуковским вежливого *Ihr* 'Вы' на фамильярное *Du* 'Ты' в балладе Шиллера «Рыцарь Тогенбург» (Ritter Toggenburg) [1]. Такая местоименная замена обусловлена типологическими различиями в системах немецкого и русского языков, причем эти различия действуют в обоих направлениях.

Интересно, что тем же самым приемом местоименной замены воспользовался однажды известный немецкий переводчик русской литературы XIX века Фридрих Боденштедт (1819–1892) при переводе стихотворения Пушкина «Я вас любил...» (1829):

*Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то нежностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим (Пушкин III).*

В переводе Боденштедта это стихотворение приобрело следующий вид (здесь сохранена орфография издания XIX века):

*Ich liebte Dich: vielleicht ist dieses Feuer
In meinem Herzen noch nicht ganz verlüht;
Doch Deine Ruh ist mir vor allem theuer,
Durch nichts betrüben will ich Dein Gemüth.
Ich liebte Dich, stumm, hoffnungslos und schmezlich,
In aller Qual, die solche Liebe giebt —
Ich liebte Dich so wahrhaft und so herzlich,
Gott geb', daß Dich ein andrer je so liebt! (Puschkin II, S. 18).*

Необходимо заметить, что немецкий вариант пушкинских строк прекрасно передает настроение первоисточника. В небольшой статье нет необходимости подвергать весь текст перевода скрупулезному лингвистическому анализу, но хочется поразмышлять над странной метаморфозой, произошедшей с именованием объекта обожания автора: вежливая форма обращения на «Вы» уступила место более фамильярному местоимению 1-го лица *Dich* 'тебя', хотя и представленному в написании с заглавной буквы. Тем самым Боденштедт вольно или невольно исказил смысл отношений между автором и объектом его обожания. В русском варианте автор даже в собственных мыслях не решаетя преодолеть ту дистанцию, которая отделяет его от объекта любви. Он говорит о своей любви как о чем-то далеком и недостижимом. И свое обожание, и несбыточность своей любви он передает посредством вежливой формы *Вы*. Боденштедт же при помощи изящной «местоименной игры»

придает интимный характер взаимоотношениям главных героев и тем самым достигает непосредственного контакта с читателем.

Рассмотрим еще один пример местоименной игры в небольшом фрагменте из переведенной Боденштедтом пушкинской «Русалки». Встреча князя с мельником и его дочерью начинается с обмена приветствиями:

Князь

Здорово, милый друг.

Здорово, мельник.

Мельник

Милостивый князь,

Добро пожаловать. Давно, давно

Твоих очей мы светлых не видали (Пушкин I, с. 488).

В немецком переводе этот фрагмент выглядит следующим образом:

Fürst

Gott grüß' Dich, meine Liebe!

Wie geht's Euch, Müller?

Müller

Gnäd'ger Fürst,

ich wünsche Euch alles Gute. Schon so lange haben

Wir Eure hellen Augen nicht gesehn (Puschkin I, S. 178).

При сопоставлении русского и немецкого вариантов начала беседы обращают на себя внимание некоторые речевые несоответствия: в русском варианте этого фрагмента Пушкин использует одинаковую разговорную формулу начала беседы между князем и его собеседниками — мельником и его дочерью: **Здорово, милый друг.** / **Здорово, мельник.** В немецком тексте приветствие варьируется в зависимости от обращения князя к дочери: **Gott grüß' Dich, meine Liebe!** и к ее отцу: **Wie geht's Euch, Müller?** Для понимания причин такого расхождения необходим углубленный филологический комментарий.

В «Словаре русского языка XVIII века» имеется отдельная словарная статья, в которой отмечается, что слово *здорово* — это просторечный вариант приветствия *здравствуй*, которым обменива-

ются люди при встрече [19, с. 158]. Примерно такая же дефиниция приводится в толковом словаре В. Даля: «Здорóво! Привет, пожеланье: здравствуй, здоров ли» [10, с. 698]. В современной русской грамматике (как и в грамматике XVIII века) такие слова относятся к междометиям, «обслуживающим сферу этикета» [13, с. 343].

В словаре И. Аделунга выражение *Gott grüße dich!* трактуется как «обычное приветствие лиц низкого происхождения между собой, равно как и лиц более высокого происхождения по отношению к лицам более низкого происхождения»². В двуязычном «Полном немецко-русском лексиконе» (1798) приводятся следующие интерпретации этих двух разговорных формул: «*Gott grüße dich!* Бог в помощь! здравствуй» [26, S. 730] и «*Wie geht es ihnen*, каково поживаешь» [26, S. 651].

Вероятно, разница в выборе местоимения 1-го лица единственного числа (*Dich*) по отношению к дочери мельника и местоимения 1-го лица множественного числа (*Euch*) по отношению к ее отцу при переводе объясняется различиями в определении социальной (межличностной) дистанции партнеров по коммуникации, характерными для немецкого и русского речевого обихода. Дело заключается в том, что в немецком речевом обиходе на протяжении всего XVIII и вплоть до начала XIX века сохранялась пятизвенная система местоимений, представляющих разряды категории вежливости, «респекта» (Kategorie Respekt): *ich — du — er/sie — Sie — dieselben* [25, S. 128–129]. Такая система позволяла передавать самые тонкие оттенки межличностных отношений при общении.

В русском языке дело обстояло несколько иначе. В «Пространной русской грамматике» Н. И. Греча (1830) приводится соответствие между русскими местоимениями 1-го (*я, мы*) и 2-го (*ты, вы*) лица и немецкими аналогами (*ich, wir*) и (*du, ihr*) [9, с. 240], но нет никакого упоминания о возможности использования личных местоимений для передачи вежливого отношения к собеседнику. В толковом словаре В. И. Даля зафиксирована возможность употребления («из вежливости») формы множественного числа личного местоимения *вы* по отношению «к человеку, который один многих сто́ит» [10, с. 283]. Тем не менее, как показывает приведенный выше пример русского перевода немецкого вежливого приветствия *Wie geht es ihnen* про-

² «...ein gewöhnlicher Gruß geringerer Personen gegen einander, ingleichen Höherer gegen Geringere)» [23, S. 841].

сторечной разговорной формулой *каково поживаешь*, в русском речевом обиходе выражение вежливого отношения к собеседнику, «который один многих стóит», соблюдалось еще не всегда.

4. Воспроизводимость как необходимый аспект интертекстуальности

В данном разделе статьи рассмотрим любопытный текстовый фрагмент, иллюстрирующий одно из базовых положений М. Бирвиша о процессах восприятия речевого сообщения: «Понимание естественного языка есть в высшей степени автоматический и в значительной степени спонтанный процесс» [5, с. 103].

Молодая девушка, никогда не читавшая Шекспира, отправляется на оперу «Othello» и читает в программке: «she loved me for the pains I have suffered». «Мама! — восклицает девушка, — Тут написано, что она любила его за его страдания?» — «Она его за муки полюбила», — почти механически исправляет её мать (пример взят из: [16, с. 35]).

В представленном примере речь идет о словах Отелло, посвященных любимой супруге Дездемоне: *she loved me for the pains I have suffered*. Вариант буквального перевода данной фразы *она любила его за его страдания* не устраивает мать девушки, и она предлагает дочери свою версию.

Вариант перевода фразы *she loved me for the pains I have suffered* как

*Она меня за муки полюбила,
А я ее за состраданье к ним (Шекспир I, с. 298)*

принадлежит П. И. Вейнбергу, и именно его версию следует признать наиболее известным вариантом перевода. Справедливости ради следует отметить, что в настоящее время существуют разные варианты перевода произведений Шекспира, но именно П. И. Вейнберг сумел наиболее точно представить эмоциональное содержание трагедии «Отелло». Для сравнения мы можем привести данные слова в переводе М. Л. Лозинского, но в нем строки Шекспира представлены в ином, менее известном речевом облике:

*Я стал ей дорог тем, что жил в тревогах,
А мне она — сочувствием своим (Шекспир II, с. 23).*

К тому же росту популярности фразы *Она меня за муки полюбила* в немалой степени способствовала экранизация «Отелло» на «Мосфильме» в 1955 году с Сергеем Бондарчуком в заглавной роли. Именно эти слова актер произносит в эпизоде, снятом крупным планом и производящем большое впечатление на зрителей. Несомненно, этот эпизод и проникновенные слова Отелло о Дездемоне *Она меня за муки полюбила, / А я ее за состраданье к ним* запомнились многим зрителям.

Таким образом, слова Отелло *Она меня за муки полюбила* стали известны широкой аудитории русскоязычных читателей и зрителей, они стали повторяться в многочисленных изданиях произведений Шекспира, они встречаются на страницах научных, научно-популярных и справочных публикаций, в печатной и электронной прессе, они звучали и звучат на подмостках театров и в зрительных залах. Именно в этом словесном варианте они стали повторяться в речевом обиходе и тем самым приобрели особый статус — статус воспроизводимого высказывания (если пользоваться терминологией В. Г. Адмони; см., например: [2]). Даже небольшая модификация в приведенном фрагменте, выразившаяся в замене местоимения 1-го лица *меня* на местоимение 3-го лица *его*, не лишает узнаваемости данную крылатую фразу.

В этой связи особого внимания заслуживают мысли В. М. Павлова о значении воспроизводимости в исследовании текста: «Воспроизводимость основывается на памяти. Память же содержит в себе языковые образования, так или иначе соотнесенные, *ассоциированные* друг с другом, и обсуждая вопрос о *выборе* говорящим конкретного способа выражения, лингвист обращается к элементам языковой системы, которые объединены в сообщества посредством ассоциаций в „языковом сознании“ индивидов...» [15, с. 290].

Именно в силу общеизвестности фразы *Она меня за муки полюбила* мать девушки в рассматриваемом примере «механически», то есть спонтанно, обращаясь к своему «языковому сознанию», направляет слова своей дочери.

Несомненно, стройное и логичное развертывание текста способствует правильному пониманию содержания реципиентом. Новейшие экспериментальные исследования подтверждают тезис о важности грамматического и семантического контекстов в процессе восприятия речи, причем важную роль в процессе восприятия играют как левый, так и правый контекст (при бóльшей «пред-

сказательной силе» левого контекста) (подробнее см.: [18, с. 126–127]). В этой связи уместно вспомнить следующее правило, сформулированное Т. А. ван Дейком и У. Кинчем: «В процессе понимания текста происходит образование структур, которые представляют собой весьма эффективные поисковые системы. Материал организуется в порции информации, конструируемые в соответствии с существовавшими прежде единицами памяти, при этом порции памяти тесно взаимосвязаны, что обеспечивается связностью микро- и макроструктур текстовой базы» [11, с. 198].

В сборнике немецких разговорных выражений «на все случаи жизни» (*für alle Lebenslagen*) в рубрике «Дружеские предостережения» (*Freundschaftlich gemeinte Mahnungen*) среди прочих приводится следующая фраза и пояснение к ней: «*Trag bloß kein Bier nach München. (statt: Eulen nach Athen tragen)*» [27, S. 41]. В русском языке этим выражениям соответствует идиома *ехать в Тулу со своим самоваром*. Общим смысловым стержнем этих идиом является сентенция «везти что-л. туда, где этого имеется в избытке» [4, с. 160]. Иными словами, общность смысла позволяет преодолеть идиоэтнические особенности немецкого и русского языков и установить межтекстовые взаимосвязи, несмотря на апелляцию к разным референтным (*Bier — Eulen — самовар; München — Athen — Тула*) и предикатным (*tragen — ехать*) составляющим данных выражений.

5. Заключение

В настоящее время интертекстуальность представляет собой одно из самых привлекательных направлений лингвистического анализа речевых произведений. Изучение межтекстовых и интердискурсивных связей позволяет расширить наши представления о смысловых взаимоотношениях, возникающих между отдельными текстами, выявить и проанализировать сложные структурно-типологические отношения между текстом и классом (группой, типом) текстов, обладающих сходными лингвистическими и экстралингвистическими характеристиками. Особняком стоит вопрос о структурировании типологических взаимосвязей между отдельными типами текстов и отдельными дискурсами.

Интертекстуальность выступает в качестве неотъемлемого признака литературной коммуникации, характерного для разных пе-

риодов развития языков и культур. Прямые и скрытые отсылки от одного текста к другому, интеграция фрагмента исходного текста в другой текст (или фрагмент текста), преобразование одного целостного текста в другой целостный текст и так далее позволяют преодолеть идиознательские рамки языковых систем, сохранить и приумножить культурное наследие литературных предшественников.

Анализ примеров показывает, что в ряде случаев интертекстуальность выходит за чисто лингвистические рамки этого понятия, в результате чего речевое произведение, будучи манифестировано в разных медийных пространствах, приобретает новые свойства. Ср., например, восприятие прочитанной в книге фразы *Она меня за муки полюбила* из трагедии Шекспира и эмоциональное восприятие тех же слов, сопровождаемых визуальным и звуковым рядом, в фильме С. Бондарчука. Или сравним музыкальное представление зонга Брехта в театре Берлина 1930-х годов и современное исполнение группой «Раммштайн» заимствованных словесных элементов и поэтических ритмов Брехта (*Haifisch — Zähne / Haifisch — Tränen; im Gesicht / vom Gesicht; sieht man nicht / sieht man nicht*) в песне Haifisch. Таким образом, возможность представления литературных текстов в разных медийных пространствах с неизбежностью влечет за собой необходимость учета соответствующих «интермедийных» характеристик.

Источники

Брехт — *Брехт, Б.* Трехгрошовая опера / пер. с нем. С. Апта. М.: Искусство, 1958. 132 с.

Пушкин I — *Пушкин, А. С.* Русалка // Пушкин А. С. Соч.: в 3 т. Т. 2. Поэмы. Евгений Онегин. Драматические произведения. М.: Художественная литература, 1986. С. 486–506.

Пушкин II — *Пушкин, А. С.* Заметки и афоризмы разных лет // Пушкин А. С. Соч.: в 3 т. Т. 3. Проза. М.: Художественная литература, 1986. С. 488–491.

Пушкин III — *Пушкин, А. С.* «Я вас любил: любовь еще, быть может...» // Пушкин А. С. Соч.: в 3 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1986. С. 454.

Шекспир I — *Шекспир, В.* Отелло, венецианский мавр / пер. П. Вейнберга; предисл. Л. Полонского // Шекспир В. Полн. собр. соч.: в 5 т. Т. 3. СПб.: Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, 1903. С. 275–362. (Библиотека великих писателей под ред. С. А. Венгерова). <http://rus-shake.ru/translations/Othello/Veinberg/1903/> (дата обращения: 07.11.2018).

Шекспир II — *Шекспир, В.* Отелло / пер. М.Л.Лозинского // Шекспир В. Избр. произведения: в 2 т. / сост. В.П.Комарова. Т.2. СПб.: Беловежская пуща, 1997. С. 6–142.

Achmatowa — *Achmatowa, A.* Poem ohne Held. Poeme und Gedichte russisch und deutsch. Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1984. 304 S.

Brecht — *Brecht, B.* Vorwärts und nicht vergessen. Ausgewählte Werke. Moscow: Progress, 1976. 576 S.

Galle und Honig — Galle und Honig. Humanistenepigramme: lateinisch und deutsch / hrsg. von H. C. Schnur, R. Kößling. Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1984. 206 S.

Puschkin I — *Puschkin, A.* Die Stromnixe // Puschkin A. Dramatische Werke / deutsch von F. Bodenstedt. Berlin: Verlag der Deckerschen Geheimen Ober-Hofdruckerei, 1855. S. 173–204.

Puschkin II — Russische Dichter / deutsch von F. Bodenstedt. I. Alexander Puschkin. Bd. 1. Berlin: Verlag der Geheimen Ober-Hofbuchdruckerei, 1866. 466 S.

Rammstein — *Rammstein.* Haifisch. <https://www.songtexte.de/songtexte/rammstein-haifisch-10504674.html> (дата обращения: 07.11.2018).

Литература

1. *Аверинцев, С. С.* Размышления над переводами Жуковского // Зарубежная поэзия в переводах В. А. Жуковского: в 2 т. / сост. А. А. Гугнин. Т. 2. М.: Радуга, 1985. С. 553–574.

2. *Адмони, В. Г.* Система форм речевого высказывания. М.: Наука, 1994. 154 с.

3. *Бахтин, М. М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. С. 473–500.

4. *Бинович, Л. Э., Гришин, Н. А.* Немецко-русский фразеологический словарь / под ред. Г. Малиге-Клаппенбах, К. Агрикола. 2-е изд. М.: Русский язык, 1975. 656 с.

5. *Бирвиш, М.* Насколько линейно упорядоченной является языковая обработка? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка / сост., ред., вступ. ст. В. В. Петрова, В. И. Герасимова. М.: Прогресс, 1988. С. 93–152.

6. *Бухаркин, П. Е.* Интертекстуальность и риторическая словесность (предварительные замечания) // Интертекстуальный анализ: принципы и границы: сб. науч. статей / под ред. А. А. Карпова, А. Д. Степанова. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 2018. С. 65–79.

7. *Воейков, А. Ф.* Разбор поэмы «Руслан и Людмила», сочин. Александра Пушкина // Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827 / Пушк. комиссия

РАН; Гос. пушк. театр. центр в С.-Петербурге. СПб.: Гос. пушк. театр. центр, 1996. С. 36–68.

8. *Гаузенблаз, К.* О характеристике и классификации речевых произведений // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста / сост., общ. ред., вступ. ст. Т.М. Николаевой. М.: Прогресс, 1978. С. 57–78.

9. [*Греч, Н.И.*] Пространная русская грамматика, изданная Николаем Гречем. Т. 1. 2-е изд. СПб.: В тип. издателя, 1830. 408 с.

10. *Даль, В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 2-е изд. Т. 1. А–З. М.; СПб.: Изд. типографа-книгопродавца М.О.Вольфа, 1880. 723 с.

11. *Дейк, Т.А. ван, Кинч, В.* Стратегии восприятия связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка / сост., ред., вступ. ст. В.В. Петрова, В.И. Герасимова. М.: Прогресс, 1988. С. 153–211.

12. *Касевич, В.Б.* Буддизм. Картина мира. Язык. СПб.: Петерб. востоковедение, 1996. 288 с.

13. Краткая русская грамматика / В.Н. Белоусов, И.И. Ковтунова, И.Н. Кручинина и др.; под ред. Н.Ю. Шведовой, В.В. Лопатина. М.: Русский язык, 1989. 639 с.

14. *Нефёдов, С.Т.* Теоретическая грамматика немецкого языка. Морфология: учебник. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. 354 с.

15. *Павлов, В.М.* В защиту «психологизма» в языкознании // Павлов В.М. Германская филология и общее языкознание / отв. ред. Н.Л. Сухачев. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 276–295.

16. *Павлова, А.В., Светозарова, Н.Д.* Трудности и возможности русско-немецкого и немецко-русского перевода: справочник. СПб.: Антология, 2012. 480 с.

17. *Потебня, А.А.* Теоретическая поэтика / сост., вступ. ст., коммент. А.Б. Муратов. М.: Высшая школа, 1990. 344 с.

18. *Риехакайнен, Е.И.* Восприятие русской устной речи: контекст + частотность: [монография]. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2016. 270 с.

19. Словарь русского языка XVIII в. Вып. 8. (Залезть — Ижоры). СПб.: Наука, 1995. 256 с.

20. *Федоров, А.А.* Основы общей теории перевода (Лингвистические проблемы). 4-е изд. М.: Высшая школа, 1983. 303 с.

21. *Филиппов, К.А.* Немецкая лингвистическая терминология в контексте процессов глобализации // Русская германистика: ежегодник Российского союза германистов. Т. 14. М.: Изд. дом ЯСК, 2017. С. 45–54.

22. *Шадрин, В.И.* Университетское переводоведение: учебник. СПб.: ВВМ, 2017. 292 с.

23. *Adelung, J.Ch.* Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart, mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber

der Oberdeutschen, 2. Aufl. Theil 1: A–E. Leipzig: J. G. I. Breitkopf und Co., 1793. 1993 S.

24. *Lessing, G. E.* Die Hamburgische Dramaturgie. Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1972. 651 S.

25. *Schepaniak, R.* Grammatikalisierung im Deutschen. Eine Einführung. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2011. 211 S.

26. Vollständiges Deutsch-Russisches Lexicon, nach dem grossen grammatisch-kritischen Wörterbuche des Herrn Adelung ausgearbeitet, und mit allen zur vollkommenen Kenntniß der deutschen Sprache nöthigen Phraseologien und Erläuterungen versehen / hrsg. von einer Gesellschaft von Gelehrten. Bd. 1. A–L. St. Petersburg: Kayserliche Buchdruckerey bey J. J. Weitbrecht, 1798. 1048 S.

27. *Willen, G.* Niveau ist keine Hautcreme. Gepflegte Sprüche für alle Lebenslagen. Berlin: Ullstein, 2008. 223 S.

References

1. Averintsev, S. S. Reflections on Zhukovsky's Translations. *Zarubezhnaia poeziia v perevodakh V. A. Zhukovskogo*, in 2 vols, comp. by A. A. Gugin, vol 2. Moscow, Raduga Publ., 1985, pp. 553–574. (In Russian)

2. Admoni, V. G. *The System of Speech Utterance Forms*. Moscow, Nauka Publ., 1994, 154 p. (In Russian)

3. Bakhtin, M. M. The Problem of Text in Linguistics, Philology and Other Humanities. Experience of the Philosophical Analysis. *Bakhtin M. M. Literaturno-kriticheskie stat'i*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1986, pp. 473–500. (In Russian)

4. Binovich, L. E., Grishin, N. A. *German-Russian Phraseological Dictionary*, ed. by H. Malige-Klappenbach, K. Agrikola, 2nd ed. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1975, 656 p. (In Russian)

5. Bierwisch, M. How On-line is Language Processing? *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*, issue 23, Kognitivnye aspekty iazyka, comp., ed., introd. by V. V. Petrov, V. I. Gerasimov. Rus. ed. Moscow, Progress Publ., 1988, pp. 93–15. (In Russian)

6. Bukharkin, P. E. Intertextuality and Rhetorical Literature (Preliminary Remarks). *Intertekstual'nyi analiz: printsipy i granitsy: sb. nauch. statei*, ed. by A. A. Karpova, A. D. Stepanova. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta Publ., 2018, pp. 65–79. (In Russian)

7. Voeikov, A. F. Analysis of “Ruslan and Liudmila” poem, works by Alexandr Pushkin. *Pushkin v prizhiznennoi kritike. 1820–1827*, Pushk. komissii RAN; Gos. pushk. teatr. tsentr v S.-Peterburge. St. Petersburg, Gos. pushk. teatr. tsentr Publ., 1996, pp. 36–68. (In Russian)

8. Hausenblas, K. On the Characteristics and Classification of Speech Works. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*, issue 8, Lingvistika teksta, comp., ed., introd. T. M. Nikolaeva. Rus. ed. Moscow, Progress Publ., 1978, pp. 57–78. (In Russian)

9. [Grech, N.I.] *Extensive Russian Grammar, Published by Nikolai Grech*, vol. 1, 2nd ed. St. Petersburg, V tip. izdatelia Publ., 1830, 408 p. (In Russian)
10. Daľ, V.I. *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*, in 4 vols., 2nd ed, vol. 1, A–Z. Moscow; St. Petersburg, Izd. tipografa-knigoprodavtsa M. O. Vol’fa Publ., 1880, 723 p. (In Russian)
11. Dijk, T.A. van, Kintsch, V. Strategies of Discourse Comprehesion. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*, issue 23, Kognitivnye aspekty iazyka, comp., ed., introd. by V.V.Petrov, V.I.Gerasimov. Rus. ed. Moscow, Progress Publ., 1988, pp. 153–211. (In Russian)
12. Kasevich, V.B. *Buddhism. Worldview. Language*. St. Petersburg, Peterb. vostokovedenie Publ., 1996, 288 p. (In Russian)]
13. *Brief Russian Grammar*, V.N. Belousov, I.I. Kovtunova, I.N. Kruchinina et al., ed. by N. Iu. Shvedova, V.V. Lopatin. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1989, 639 p. (In Russian)
14. Nefedov, S.T. *Theoretical Grammar of the German Language. Morphology: A Textbook*. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta Publ., 2018, 354 p. (In Russian)
15. Pavlov, V.M. In Defense of “Psychologism” in Linguistics. *Pavlov V.M. Germanakaia filologiiia i obshchee iazykoznanie*, ed. by N.L. Sukhachev. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2016, pp. 276–295. (In Russian)
16. Pavlova, A.V., Svetozarova, N.D. *Difficulties and Possibilities of Russian-German and German-Russian Translation: Reference Book*. St. Petersburg: Antologiiia Publ., 2012, 480 p. (In Russian)
17. Potebnia, A.A. *Theoretical Poetics*, comp., introd., comment. by A.B. Muratov. Moscow, Vysshaiia shkola Publ., 1990, 344 p. (In Russian)
18. Riekhakainen, E.I. *Perception of Russian Oral Speech: Context + Frequency: [monography]*. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta Publ., 2016, 270 p. (In Russian)
19. *Dictionary of Russian 18th Century*, issue 8, (Zalezť — Izhory). St. Petersburg, Nauka Publ., 1995, 256 p. (In Russian)
20. Fedorov, A.V. *Foundations of the General Theory of Translation (Linguistic Problems)*, 4th ed. Moscow, Vysshaiia shkola, 1983, 303 p. (In Russian)
21. Filippov, K.A. German Linguistic Terminology in the Context of Globalization. *Ruskaia germanistika: ezhegodnik Rossiiskogo soiuza germanistov*, vol. 14. Moscow, Izdatel’skii dom IASK, 2017, pp. 45–54. (In Russian)
22. Shadrin, V.I. *University Translatology: A Textbook*. St. Petersburg, VVM, Publ., 2017, 292 p. (In Russian)
23. Adelung, J.Ch. *Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart, mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber der Oberdeutschen*, 2nd ed., part 1, A–E. Leipzig, J.G.I. Breitkopf und Co., 1793, 1993 p.
24. Lessing, G.E. *Die Hamburgische Dramaturgie*. Leipzig: Philipp Reclam jun., 1972, 651 p.
25. Schepaniak, R. *Grammatikalisierung im Deutschen. Eine Einführung*. Tübingen, Gunter Narr Verlag, 211 p.

26. *Vollständiges Deutsch-Russisches Lexicon, nach dem grossen grammattikalisch-kritischen Wörterbuche des Herrn Adelung ausgearbeitet, und mit allen zur vollkommenen Kenntniß der deutschen Sprache nöthigen Phraseologien und Erläuterungen versehen*, ed. by Society of scholars, vol. 1, A–L. St. Petersburg, Kayserliche Buchdruckerey bey J. J. Weitbrecht, 1798, 1048 p.

27. Willen, G. *Niveau ist keine Hautcreme. Gepflegte Sprüche für alle Lebenslagen*. Berlin, Ullstein, 2008, 223 p.

Филиппов Константин Анатольевич

профессор кафедры немецкой филологии СПбГУ, доктор филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Konstantin A. Filippov

Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,
Doctor of Philological Sciences
Address: 7–9, University emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: k.filippov@spbu.ru;

SPIN-код: 3117-6803; ResearcherID: P-4563-2015; ORCID: 0000-0001-8702-6112

III. АНАЛИЗ СРЕДСТВ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

УДК 811.112.2

С. В. БУРЕНКОВА

Омский государственный технический университет

АЛЛЮЗИВНЫЕ ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В НЕМЕЦКОМ РАЗГОВОРНОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: аллюзивное имя собственное, немецкий разговорный дискурс, комический потенциал ономастики, фоновые знания, способы создания комизма.

Представленное исследование посвящено изучению прагматического, а именно комического, потенциала имен собственных в немецком разговорном дискурсе. Прецедентность имен собственных, их информативная насыщенность, культурный фон обуславливают аллюзивное функционирование имен в современной речи, отличающейся значительной степенью интертекстуальности. Собранные автором из различных источников (научные публикации по проблемам ономастики, словари, форумы в сети Интернет, личные записи) примеры аллюзивных имен собственных, обладающих определенной степенью комизма и представляющих интерес с точки зрения лингвистических механизмов его создания, систематизированы по классам онимов: имена, фамилии, прозвища, географические названия, названия торговых марок. Описание каждой отдельной группы имен основывается на типологии языковых и речевых приемов, служащих механизмом создания комизма: омонимии, полисемии, контаминации, деонимизации, дезаббревиации и так далее. Аллюзивные имена собственные рассматриваются также в культурно-историческом аспекте, поскольку шутки с онимами нередко рассчитаны на фоновые знания коммуникантов, а следовательно, результаты их анализа могут быть полезны и с точки зрения знакомства с культурой, традициями, обычаями страны изучаемого языка.

S. V. BURENKOVA

Omsk State Technical University

ALLUSIONAL PROPER NAMES IN GERMAN EVERYDAY DISCOURSE

Keywords: allusional proper name, German everyday discourse, the comic potential of proper names, background knowledge, mechanisms for creating a comic.

The article is devoted to the study of the pragmatic, namely, the comic potential of proper names in German everyday discourse. The case phenomenon of proper names, their informative richness and cultural background determine the allusive function-

ning of names in modern speech, which is distinguished by a considerable degree of intertextuality. Examples collected by the author from various sources (scientific publications to the problems of proper names, dictionaries, Internet forums, personal records), allusive proper names, possessing a certain comic degree and which are interesting in terms of its linguistic creation mechanisms, are systematized according to the classes of names: place names, brand names. The description of each individual group of names is based on the typology of language and speech techniques that serve as a mechanism for creating a comic: homonymy, polysemy, contamination, deonymization, disabbration etc. Allusive proper names are also considered in the cultural-historical aspect, since jokes with onyms are often designed for background knowledge of communicants, and, therefore, the results of their analysis can be useful in terms of acquaintance with the culture, traditions and customs of the country of the learning language.

1. Введение

Ономастика национального языка обладает неисчерпаемым потенциалом для исследования; примерный диапазон возможных аспектов изучения различных онимов на материале самых разных языков представлен, к примеру, в двухтомнике *Namenforschung* серии HSK (*Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft*) немецкого издательства «Вальтер де Гройтер» (*Walter de Gruyter*) [8]. Отдельные разделы издания посвящены истории развития ономастики, ее терминологии и методологии, грамматическим, семантическим, прагматическим и стилистическим особенностям онимов, историческому развитию имен, вопросам их контрастного изучения. Материалом исследования становятся самые разные классы онимов: от личных имен и фамилий до названий вещей и учреждений. Специфика имен исследуется в тесной взаимосвязи с историей, географией, правом, религией. Ономастике посвящен сайт *Onomastik. Namen und Namenbedeutung (ONN)*. Внимание к этой области языкознания вполне объяснимо, не случайно возникло сравнение: «Исследование имен — это работа детектива»¹.

Интересный материал для изучения дают возможности имен в создании юмористического эффекта (ср.: [6; 7; 9; 10]). Прецедентность имен собственных, их информативная насыщенность, культурный фон обуславливают аллюзивное функционирование имен в современной речи, отличающейся определенной степенью интертекстуальности.

¹ «*Namenforschung ist Detektivarbeit*» [11, S. 17]. Перевод здесь и далее мой. — С. Б.

2. Постановка задачи

В рамках настоящей статьи предпринимается анализ имен собственных немецкого разговорного языка, обладающих фоновой внеязыковой информацией, предлагается описание их культурно-исторических особенностей и прагматического, в частности комического, потенциала. Собранные из различных источников (научные публикации по проблемам ономастики, словари, форумы в сети Интернет, личные записи) примеры использования онимов для создания комизма в разговорном дискурсе систематизированы по классам онимов: имена, фамилии, прозвища, географические названия и прочее. Описание каждой отдельной группы имен основывается на типологии языковых и речевых приемов, служащих механизмом создания комизма: омонимии, полисемии, контаминации, деонимизации и так далее.

В рамках статьи аллюзивные имена собственные рассматриваются как стилистическое явление современной речи, представляющее собой намек на какой-либо достаточно широко известный исторический, политический, культурный или бытовой факт, обстоятельство, событие, персону, явление, ассоциирующееся с данными фактами, событиями или персонами, ср.: [5, с.23]. Среди многочисленных имен подобного рода для анализа отбирались примеры, обладающие определенной степенью комизма и представляющие интерес с точки зрения лингвистических механизмов его создания.

3. Содержание исследования

Имя собственное, как географическое, так и личное, «может оказаться эпицентром комизма» [3, с.57]. Известный исследователь языковой игры на материале русского языка В.З.Санников, рассматривая механизмы языковой шутки на всех уровнях языка, от фонетики и графики до уровня текста и речевой прагматики, неоднократно приводит примеры шуток с онимами, однако, на наш взгляд, незаслуженно не уделяет особого внимания данному классу лексики, рассредоточивая шутки с онимами в самых разных типах языковой игры [4]. Возможно, данное обстоятельство сопряжено со сложностью дифференциации шуток с онимами на предметные («в которых важен комизм ситуации») и языковые («имеющие чисто языковой механизм») [4, с.30–31].

Иную ценность данный материал приобретает для изучающего язык в качестве иностранного, когда каждый факт пополняет не только индивидуальный языковой арсенал, но и знания о стране и культуре изучаемого языка. В этой связи особую значимость имеют лингвострановедческие словари, содержащие подобную информацию. В качестве примера может быть назван «Немецко-русский фразеологический словарь с лингвострановедческим комментарием» Д. Г. Мальцевой (МД), который содержит два особых раздела, включающих устойчивые сочетания с личными и географическими именами. Сравните примеры: *der Tante-Emma-Laden* — ‘маленький магазинчик’; известно, что имя *Эмма* олицетворяло бюргерскую добропорядочность. Или другой пример из данного словаря: *Katharina haben* (разговорное) — ‘расстройство желудка’; впервые употребляется в 1669 году в романе Г. Я. К. Гриммельсгаузена «Симплициссимус» (*Simplizissimus*) как шутовское обозначение желудочного расстройства на основе созвучия имени *Katharina* и лексемы *Katarrh* ‘катар’ (МД, с. 228–229).

Следует отметить, что имена личные индивидуальны и не связаны с внешностью, характером человека, поэтому аллюзивными их можно считать с большой долей условности. Скорее к примерам произвольности языкового знака следует отнести использование личных имен в качестве ироничной характеристики, сравните негативные коннотации таких русских имен, как *Маня*, *Алёша*, *Клава* (*Да там Клава за рулём!*; *Ну ты и Алёша!*), однако выбор конкретных имен может свидетельствовать также и о существовании прототипов с соответствующими признаками — личностей с отрицательными чертами характера, отклонениями в поведении.

В немецком разговорном дискурсе дурачка или простофилю называют такими именами, как *Horst*, *Otto*, *Heini*, *Willi*, *Uschi*, *Kevin*: *Mach dich nicht zum Horst!* — «Не строй из себя идиота / Перестань Ваньку валять!»; *Voll der Alpha-Kevin!* — «Полный кретин! / Иван-дурак!» Наличие негативных коннотаций у кратких форм на *-i* (*Heini* > *Heinrich*, *Willi* > *Wilhelm*, *Uschi* > *Ursula*) исследователи имен (например А. Руофф, О. Фабер и другие) объясняют их использованием в среде малообразованных крестьян, в то время как в аристократических кругах употреблялись полные формы данных имен. Функционирование прочих имен в качестве ругательств исследователи связывают с их значительной распространенностью, что, как правило, увеличивает шансы обнаружить среди их обладателей

людей с какими-либо отклонениями от общепринятых стандартов (см.: [9]; (FO; KT)).

Особый случай представляет собой имя *Kevin*, которое едва ли не победило в конкурсе *Das Jugendwort 2015* в силу его частого использования в молодежной среде для обозначения глупого человека:

Du, Alpha-Kevin! Der Dümme unter den Dummen. Kevin ist kein Name, sondern eine Diagnose. — «Ты, идиот! Самый тупой среди тупых. Кевин — это не имя, а диагноз» (LC).

«Дурную» славу это и другие иностранные, следовательно неприличные, вычурные для немецкой лингвокультуры, имена (сравните: *Justin, Chantal, Jaquelin*) могли приобрести в силу того обстоятельства, что мода на них распространена в основном среди людей с невысоким уровнем образования и интеллекта. Следует заметить, что данная точка зрения далеко не бесспорна, хотя в сети Интернет обнаруживается немало публикаций на тему ее состоятельности, в частности на тему *Kevinismus* (*кевинизм* — шутивное обозначение склонности родителей немецкоязычных стран давать своим детям необычные, экзотические имена; см.: (WP)). Примечательно, что в качестве компонента, усиливающего негативную характеристику, выступает акроним апеллятива *Alphamännchen/Alphatier* ‘вожак стада’.

Немотивированность большей части имен собственных «создает при деривации базу для смешной непонятности» [3, с. 179], хотя семантика многих антономазий при пристальном анализе вполне прозрачна и детерминирована либо исторически закрепившимся за именем значением, либо дополнительным апеллятивом, например *ungläubiger, dummer* и другие: *Heini* ‘глупец’, *Lieschen Müller* ‘посредственная женщина без претензий’, *Michel* ‘немец’, *Tommi* ‘англичанин’, *Hans Dumm* ‘глупец’, *Hans Hasenfuß* ‘трусишка’, *Hans Liederlich* ‘неряха’, *Hans Immerdurst* ‘Танс-выпивоха’ (разговорное), *ungläubiger Thomas* ‘Фома неверящий’, *frech wie Oskar* ‘нахал’, *Metze* (от женского имени *Mechthild*; о женщине легкого поведения), *Rüpel* (от мужского имени *Ruprecht*; о грубом человеке), *dummer August* (разговорное) ‘глупый Август, Август-дурачок’, ‘рыжий (клоун)’ (это сценическое имя принадлежало клоуну Тому Беллингу, выступавшему в цирке Ренца в Берлине и создавшему особый тип клоуна; со временем оно стало нарицательным — ‘клоун’ (в цирке); переносное: ‘шут, дурак’), *Meckerfritze* ‘нытик, брюзга’ (в том числе

о женщине), *Unglückspeter* ‘неудачник’ (о мужчине), *Heulsuse* ‘плакса’ (о женщине). Очевидна пейоративность данных номинаций, преобладающая над шутливостью.

Целый пласт личных имен используется для шутливого именованья военной техники, примеры можно найти в разных языках, сравните: *военный робот Игорёк*, *Marie auf Socken* (жаргонное) ‘бесшумный снаряд’ (см. подробнее: (МД)).

С личными именами (и фамилиями) связано немало дразнилок, которые можно услышать в детской среде, как в русскоязычной культуре: *Ирка-дырка*, *Светка-конфетка*, *Андрей-воробей*, *Рыбак* (от фамилии *Рыбаков*), так и в немецкоязычной, сравните:

*Gretel Pastetel, was machen die Gäns?
Sie sitzen im Wasser und waschen die Schwänz.*

«Гретель Пастетель, что делают гуси?
Они сидят в воде и моют хвосты».

Pastetel — «Пастетель» — шутливая фонетическая модификация слова *Pastete* ‘паштет’; ‘пирожок’, созданная для рифмы.

Очень часто имена становятся полуаффиксами и используются в составе характеризующих композитов-апеллятивов: *Prahlhans* ‘хвастун’; *Angstpeter* ‘трус’, *Nörglerpeter* ‘брюзга’; *Heulliese* ‘рева’, *Bummelliese* ‘копуша’; *Drecksuse* ‘неряха’ и так далее. Как правило, все они имеют негативные коннотации.

Как уже отмечалось, причины возникновения метафорического значения могут быть разными: от существования образа-прототипа до банального звучания в рифму. Тем интереснее знакомство с информацией, связанной с именем. Так, вопреки распространенному мнению относительно идиомы *frech wie Oskar*, она не связана с мужским именем *Oskar*, значение идиомы восходит к слову *ossoker* (идиш) = ‘freche Person’ (KWSW, S. 53).

Иронию традиционно вызывают такие имена, как *Fridolin*, *August*, а также комичные сочетания имен или имени и фамилии, сравните: *Anna Bolika*, *Axel Schweiß*, *Bill Ich*, *Rainer Zufall*, *Anna Nass*, *Paul Lahner*, *Frank Reich*, *Jana Türlich* и так далее (WW), комизм последних обусловлен номинативными значениями созвучных с ними омонимичных единиц, существующих в немецком языке: *Anabolika*, *Achselschweiß*, *billig*, *reiner Zufall*, *Ananas*, *Paulaner*, *Frankreich*, *Ja, natürlich!*

Не менее ироничны следующие «говорящие» имена в паре с апеллятивом, семантика которого тематически связана со значением фамилии: *Putzfrau Sauber*, *Bankier Wucherpfennig*, *Souffleur Flüstervogel*, *Dr. Marterer* (ср. *Märtyrer*), *Dr. Schiele/Blind* (*Augenarzt*), *Dr. Hans Metzger*, *Zahnarztpraxis Dr. Reißmann* (ср. *reißen*) и так далее. Среди топонимов встречаются названия, совпадение которых с именами нарицательными служит поводом для их включения в перечень смешных имен, сравните: *Чуваки*, *Hundeluft*, *Benzin*, *Kuhbier*, *Wetten*, *Busenberg*, *Drogen* и так далее.

Примерами, иллюстрирующими юмористический потенциал онимов, выступают национальные прозвища: они подчеркивают определенные качества их обладателей, которые, с точки зрения создателя номинации, отклоняются от нормы, стандарта. Незначительные фонетические модификации (добавление или изменение звука/буквы) создают комичные паронимические аттракции, сравните: *die Schwitzer* (> *die Schweizer* ‘швейцарцы’; от *schwitzen* ‘потеть’); *die Irren* (> *die Iren* ‘ирландцы’; от *(sich) irren* ‘ошибаться’, ‘заблуждаться’), *die Schlaffen/Sklaven* (> *die Slawen* ‘словаки’; от *schlafen* ‘спать’; *Sklaven* — ‘рабы’) [1].

Небезынтересно, что немецкие исследователи истории немецких имен обнаруживают эту же тенденцию и при возникновении отдельных немецких фамилий: особые личные качества или признаки, чаще всего негативные, служили мотивом номинации, которая, в свою очередь, принимала на себя высмеивающую и тем самым назидательную, контролирующую функцию. К примеру, капризного, своенравного человека не случайно называли *Wunderlich*, вспыльчивого — *Storm*, слишком худого — *Mägerle* (GB, S. 88–110). С течением времени былая комичность утрачивается, стирается.

Следует заметить, что шутки раскрывают и проявляют отношение человека к миру, сознанию и языку. Хорошая шутка имеет большую эстетическую ценность. Кроме того, она позволяет «замаскировать» сообщение и благодаря этому выразить те смыслы, которые нередко находятся под запретом, иначе говоря табуированы. В качестве примера можно привести анаграммы, материалом для которых послужили имена известных личностей, а также их общеизвестные характеристики: *Lehrt in Armut* (буквально: ‘обучает в бедности’) — *Martin Luther*; *Holt Kuheim* (буквально: ‘приводит корову домой’) — *Helmut Kohl*; *Wasche alle* (буквально: ‘мою

всех') — *Lech Walesa*; *O Mozart, sei zart* (буквально: 'О, Моцарт, будь нежен') — *Eros Ramazzotti*; *Folterhilda* (буквально: 'Хильда-мучительница') — *Adolf Hitler* и так далее (см.: FO, S. 15).

Игра слов зиждется, как известно, на двусмысленности, которая обнаруживается при изменении значения, использовании омонимов, полисемии, изменении формы слова (например, при перестановке букв, слогов и прочего: журнал *Brigitte* > *Frigitte* (*frigid* 'фригидная'), при контаминации: *BRDigung der DDR* — буквально: 'похороны ГДР' и так далее). Юмористический эффект возникает в случае неожиданной мотивировки личных имен посредством апелляции к именам нарицательным, например: *Ich heiße Sandig, Sandig wie staubig*. — «Меня зовут Зандих, Зандих как штаубих ('пыльный')»; *Warum Herr Glück unglücklich ist* (афоризм писателя Петера Хэртлинга). — «Почему господин Глюк ('счастье') несчастен»; *Der Holzmann, so ein Holzkopf!* — «Господин Хольцман ('деревянный человек'), что за деревянная голова!»

Следующая шутка основана на явлении омонимии (в немецком языке существует пара омонимов *der Kiefer* 'челюсть', *die Kiefer* 'сосна'):

A: *Joachim Kiefer*. — «Йоахим Кифер».

B: *Wie der Kiefer?* — (буквально) «Как челюсть?»

A: *Wie die Kiefer*. — (буквально) «Как сосна».

Комический эффект производит образование грамматической формы множественного числа имен собственных, в частности фамилий, с помощью формантов множественного числа, свойственных именам нарицательным, которые входят в качестве компонента в состав фамилии, о чем свидетельствуют следующие примеры: *die Settekörner* вместо нормативного *Settekorns* (*Korn, Körner* — 'зерно, зернышко'), *die Wölfe* вместо *Wolfs* (*Wolf, Wölfe* — 'волк').

Большой интерес представляет неомотивация (новое толкование) имен собственных в юмористических целях, сравните ироничное обыгрывание немецких географических имен: *Bundesland Steiermark* > *St. Eiermark*. Игра слов основана на контаминации смыслов: *ST* — буквенное обозначение федеральной земли на автомобильных номерах. Причиной возникновения следующих шуточных номинаций послужили паронимические замены: *Heselbronn* > *Eselbronn* (*Esel* — 'осёл'); *Ludwigsburg* > *Lumpenbrunn* (*Lumpenkerl* — 'негодяй'); *Los, angele es!* («Давай, вылови!», реклама в рыбном су-

пермаркете) > *Los Angeles*. Такое остроумное обыгрывание помогает запомнить то или иное название, например: *Spiegeleierplatz* (буквально: 'площадь яичницы') вместо *Stiglmaierplatz* — название площади в Мюнхене по имени известного литейщика Иоганна Баптиста Стигльмайера.

Шутки с онимидами нередко рассчитаны на фоновые знания реципиентов, сравните деонимизацию: *Ему в Кащенко пора*, в немецком: метонимии *Dalldorf (Wittenu)* 'психиатрическая клиника', *Röntgenkleid* 'прозрачное платье', фразеологизм с элементом народной этимологии *die Suppe ist in Brandenburg gewesen* 'суп подгорел' (ложная (народная) этимология ассоциирует *Brandenburg* с возможными пожарами на протяжении истории, однако название восходит к распространенному славянскому топониму *Бранибор* или *Бранный Бор*, то есть 'оборонный (пограничный) лес' (KWSW, S. 160–161)).

Многие географические названия обладают в разговорном дискурсе устойчивыми шутливыми ассоциациями, известными зачастую только носителям немецкого языка, при этом причина таких ассоциаций (нередко негативных) может быть неизвестна, порой лишена реального основания, поскольку заключается лишь в семантико-структурных особенностях номинации (рифма, наличие омонима-апеллятива и другие), сравните: *Halle, da werden die Dummen nicht alle!* — (буквально) «Галле (город в Германии), где дураки не переводятся»; *Wenn das hier Essen ist, wie sieht dann erst Kotzen aus?* — «Если это еда, то на что похожа рвота?»; *Das Beste an Augsburg ist der Zug nach München.* — «Лучшее в Аугсбурге — это поезд до Мюнхена»; *Lieber in Frankfurt sterben, als in Offenbach leben.* — «Лучше умереть во Франкфурте, чем жить в Оффенбахе» (намек на провинциальность городов).

К числу «говорящих» топонимов можно отнести: *aus Reichenbach/Reichshausen sein = reich, wohlhabend sein* 'быть богатым', *reich* — 'богатый'; *aus Laufenburg sein = feige sein, gut davonlaufen können*; *Durchfall haben* — 'быть трусливым, уметь убежать'; 'расстройство желудка'; *aus Ruhestetten sein = faul sein, gern ruhen* 'быть ленивым, любить отдыхать' и другие (ERB, S. 29).

Примеры из речевой практики (записанные автором статьи при просмотре сайтов в сети Интернет (AD), а также в процессе устного общения с носителями немецкого языка) показывают, что нередко в комическом контексте/ситуации используются наи-

менования брендов (эргонимы): свои оценочные суждения немецкие потребители воплощают в переосмыслении названий известных марок. Подобные шутки способствуют созданию веселой атмосферы общения, дают возможность выразить жизненные наблюдения и отношение к товару: позлорадствовать или пошутить на актуальные темы (см.: [2]). Обыгрывание номинаций может служить или препятствовать дальнейшему продвижению тех или иных марок и свидетельствует об их популярности либо отсутствии таковой. Многочисленную группу эргонимов составляют имена, образованные путем аббревиации, а именно с помощью буквенных (акронимов) и фонетических сокращений. Например, термосы *Alfi* — от названия фабрики и места ее расположения *Aluminiumwarenfabrik Fischbach*; популярная ежедневная газета, издаваемая в Берлине, *BZ* — от *Berliner Zeitung*; железные дороги Германии *DB* — от *Deutsche Bahn*; машиностроительный концерн *DEMAG* — от *Deutsche Maschinenfabrik AG*; издательство, выпускающее «карманные» издания, *dtv* — от *Deutscher Taschenbuch Verlag* и так далее и тому подобное. Сравните шуточные псевдорасшифровки:

- *AEG (Allgemeine Elektrizitäts-Gesellschaft* — Всеобщая электрическая компания, специализировавшаяся в области электроэнергетики, машиностроения, а также товаров для дома; упразднена в 1996 году):
 - *Aus Ersatzteilen Gebaut* — «Построено из запчастей»;
 - *Alles Elektronisches Gerümpel* — «Всё электронный хлам»;
 - *AltEisenGesellschaft* — «Предприятие/магазин металлолома»;
 - *Auspacken, Einschalten, Garantiefall* — «Распаковать. Включить. Гарантийный случай»;
- *ARD (Arbeitsgemeinschaft der öffentlich-rechtlichen Rundfunkanstalten der Bundesrepublik Deutschland* — Рабочее содружество общественно-правовых вещательных станций Германии (крупнейшая телерадиокомпания)):
 - *Ausschaltknopf rechtzeitig Drücken* — «Вовремя нажать кнопку „Выкл.“»;
 - *Allgemeines Riesendurcheinander* — «Всеобщий гигантский хаос»;
- *BMW (Bayerische Motorenwerke* — Баварские автомобильные, мотоциклетные и моторостроительные заводы):

- *Bei Mercedes weggeschmissen* — «Выброшенный фирмой „Мерседес“»;
- *Bayerischer Mistwagen* — «Баварский автомобиль для навоза»;
- *Bestrafe mich, Wigald* — «Оштрафуй меня, Вигальд!»;
- *Bring mich Werkstatt* — «Отгони меня в мастерскую»;
- *Besser man wandert* — «Лучше бродить пешком»;
- *Bayerische Müllwerke* — «Баварские мусорные заводы»;
- *EDEKA (Einkaufsgenossenschaft der Kolonialwaren- und Lebensmittel Einzelhändler* — Закупочное товарищество германских розничных торговцев колониальными и продовольственными товарами (крупнейшая немецкая торговая сеть)): *Ein deutscher Esel kauft alles* — «Немецкий осел покупает всё»;
- *EDV (Elektronische Datenverarbeitung* — Обработка данных на ЭВМ): *Ende der Vernunft* — «Конец разума»;
- *FIAT* (итал. *Fabbrica Italiana Automobili Torino* — Итальянская автомобильная фабрика Турина (компания — производитель автомобилей)):
 - *Fehler in allen Teilen* — «Ошибки во всех частях»;
 - *Für Idioten allgemein tauglich* — «Для идиотов в целом годится»;
 - *Fehler ist aber teuer* — «Однако дорогая ошибка»;
 - *Fahr immer am Tag (nachts sind die Werkstätten zu)* — «Езди всегда днем (ночью ремонтные мастерские закрыты)»;
 - *Für Italiener ausreichende Technik* — «Для итальянцев подходящая техника»;
 - *Fahrer im Auftrag des Todes* — «Водитель по поручению смерти»;
- *GmbH (Gesellschaft mit beschränkter Haftung* — товарищество с ограниченной ответственностью): *Gesellschaft mit bösen Hintergedanken* — «Общество со злыми „задними“ мыслями»;
- *IKEA (Ingvar Kamprad Elmtaryd Agunnaryd* — имя и фамилия основателя Ингвар Кампрад и название фермы Эльмтарюд в приходе Агуннарюд, где он родился):
 - *Idioten kaufen einfach alles* — «Идиоты покупают просто всё»;
 - *Ich kriege einen Anfall* — «У меня <будет> приступ/припадок»;

- *MAN (Maschinenfabrik Augsburg-Nürnberg* — Объединенные машиностроительные заводы Аугсбурга и Нюрнберга); *Murks aus Nürnberg* — «Халтура из Нюрнберга»;
- *NASA* (англ. *National Aeronautics and Space Administration* — Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства); *Needs Another Seven Astronauts* — «Нужны другие семь астронавтов»;
- *WWW (WorldWideWeb): WeltWeites Warten* — «Всемирное ожидание»;
- *ZDF (Zweites Deutsches Fernsehen): Zentrale Dachschaden-Fabrik* — «Центральная фабрика по производству умственных расстройств» (AD).

Существует мнение, что у немцев отсутствует чувство юмора, однако приведенные примеры иллюстрируют обратное. Так, в шутовском обыгрывании аббревиатуры *EDV* скрыт глубокий смысл, передающий реальную жизнь: ведь человеческий разум действительно отключается, когда информацию перерабатывают электронные приборы. В ироничных переосмыслениях зачастую содержатся жизненные наблюдения, которые отражают реальную картину на рынке товаров и услуг. Нетрудно заметить, что большинство расшифровок негативны и относятся к сфере автомобилестроения. Причем народное творчество распространяется как на немецкие, так и на иностранные марки. Предпочтение некоторых автолюбителей отдается импортным производителям, что создает немецким автоконцернам определенные проблемы внутреннего сбыта. Данное обстоятельство служит фоном для игровой расшифровки аббревиатур «иномарок». Так, многообразие шуток про автомобиль *FIAT* не случайно: немцы часто саркастически шутят по поводу итальянских марок, придумывая всё новые и новые обидные расшифровки. Они явно не любят итальянского производителя автомобилей и не скрывают свою неприязнь. Судя по негативным ассоциациям, многие компании не являются фаворитами среди своих покупателей. Даже само название правовой формы многих компаний (общество с ограниченной ответственностью) не осталось без язвительного комментария. В некоторых примерах (*EDEKA, IKEA*) объектом высмеивания становится не производитель, а сам потребитель, который не разбирается в качестве товара и скупает всё подряд.

4. Выводы

Шутки с онимами, существующие в системе языка и намеренно воспроизводимые, случайные или, напротив, создаваемые специально, в том числе лингвистами, представляют собой некоторую языковую необычность, которая порождает комический эффект. Аллюзия на тот или иной вид онима и связанный с ним культурно-исторический фон рассчитана на демонстрацию интеллекта, остроумия, кругозора, маскировку неприятных фактов или же на вовлечение адресата в языковую игру. Во многих случаях иноязычные шутки с онимами дают нам дополнительную информацию, что-то новое, чего мы раньше в связи с этим именем не знали. Тем самым изучение подобных случаев языковой игры обладает лингводидактической значимостью, поскольку понимание игры слов в целом, как и игры с именами в частности, является свидетельством наивысшей степени владения языком, тончайшего чувства языка и юмора, творческого подхода к языку. Применительно к практике преподавания иностранного языка важно подчеркнуть, что изучение многообразных проявлений языковой игры: словесных шуток, анекдотов, каламбуров, речевого «кривляния» и балагурства — оказывается достаточно интересным и полезным занятием в плане знакомства с культурой, традициями, обычаями страны изучаемого языка.

Источники

МД — *Мальцева, Д.Г.* Немецко-русский фразеологический словарь с лингвострановедческим комментарием = Die deutschen Redensarten und Sprichwörter im Spiegel der Geschichte und Kultur. М.: Азбуковник; Русские словари, 2002. 350 с.

AD — <http://www.andinet.de/lustiges/sonstiges/firmennamen.php> (дата обращения: 25.10.2017).

ERB — *Essig, R.-B.* Ich kenne doch meine Pappenheimer! Wunderbare Geschichten hinter sprichwörtlichen Orten. Berlin: Dudenverlag, 2018. 144 S.

FO — *Faber, O.* Das babylonische Handbuch der Sprache. Von Zungenbrechen, Schwiagemuttersprachen und Freud'schen Versprechern. Frankfurt a/M.: Eichborn AG, 2008. 255 S.

GB — *Garbe, B.* Goodbye Goethe. Neue Sprachglossen zum Neudeutsch. Freiburg; Basel; Wien: Herder, 2007. 156 S.

КТ — <http://www.konstantext.de/index.php/sprache/wie-namen-zu-schimpfwoertern-werden> (дата обращения: 16.01.2019).

KWSW — *Krämer, W., Sauer, W.* Lexikon der populären Sprachirrtümer. München; Zürich: Piper, 2006. 224 S.

LC — <http://www.literaturcafe.de/alpha-kevin-ist-jugendwort-des-jahres-aber-nur-bei-jugendlichen/> (дата обращения: 24.12.2018).

ONN — <https://www.onomastik.com/> (дата обращения: 24.05.2018).

WP — <https://de.wikipedia.org/wiki/Kevinismus> (дата обращения: 04.02.2019).

WW — <https://wortwitz.jimdo.com/lustige-ortsnamen/?mobile=1> (дата обращения: 12.01.2019).

Литература

1. *Аблова, Н. А.* Передача немецких прозвищ на русский язык // Образование и культура России в изменяющемся мире: материалы Междисциплинарного семинара для молодых ученых и аспирантов, 20–22 июня 2007 г. Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 2007. С. 81–84. <http://www.philology.ru/linguistics3/ablova-07.htm> (дата обращения: 11.12.2018).

2. *Буренкова, С. В.* Обыгрывание аббревиации как способ создания комического эффекта (на материале немецкого языка) // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2017. № 4. С. 11–13.

3. *Девкин, В. Д.* Язык и юмор. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2015. 208 с.

4. *Санников, В. З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 552 с.

5. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А. П. Сковородникова. М.: Флинта; Наука, 2005. 480 с.

6. *Földes, C.* Namensspiele. Spiele mit Namen // *Namenforschung*: in 2 Hbdn. / hrsg. von H. Steger, H. E. Wiegand. Hbd. 1. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1995. S. 586–593. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. Vol. 11).

7. *Lötscher, A.* Der Name als lexikalische Einheit: Denotation und Konnotation // *Namenforschung*: in 2 Hbdn / hrsg. von H. Steger, H. E. Wiegand. Hbd. 1. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1995. S. 448–457. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. Vol. 11).

8. *Namenforschungkunde*: in 2 Hbdn und Reg.-Bd. / hrsg. von H. Steger; H. E. Wiegand. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1995–1996. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. Vol. 11).

9. *Ruoff, A.* Stilistische Funktion der Namen in mündlichen Erzählungen // *Namenforschung*: in 2 Hbdn / hrsg. von H. Steger; H. E. Wiegand. Hbd. 1. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1995. S. 551–556. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. Vol. 11).

10. Sandig, B. Namen, Stil(e), Textsorten // Namenforschung: in 2 Hbden / hrsg. von H. Steger; H. E. Wiegand. Hbd. 1. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1995. S. 539–551. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. Vol. 11).

11. Udolph, J., Fitzek, S. Buch der Namen. Woher sie kommen. Was sie bedeuten. München: Goldmann Tb, 2007. 319 S.

References

1. Ablova, N. A. Transfer of German nicknames into Russian. *Obrazovanie i kul'tura Rossii v izmeniaiushchemsia mire: materialy Mezhdistsiplinarnogo seminarra dlia molodykh uchenykh i aspirantov, 20–22 iunია 2007 g.* Novosibirsk, Novosib. gos. ped. un-t Publ., 2007, pp. 81–84. <http://www.philology.ru/linguistics3/ablova-07.htm> (accessed date: 11.12.2018). (In Russian)

2. Burenkova, S. V. Playing up the Abbreviation as a Way to Create a Comic Effect (On the Material of the German Language). *Omskii nauchnyi vestnik. Serii: Obshchestvo. Istorii. Sovremennost'*, 2017, no. 4, pp. 11–13. (In Russian)

3. Devkin, V. D. *Language and Humor*. Abakan, Khakas. kn. izd-vo Publ., 2015, 208 p. (In Russian)

4. Sannikov, V. Z. *Russian Language in the Mirror of the Language Game*. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2002, 552 p. (In Russian)

5. *Encyclopedic Reference Dictionary. The Expressive Means of the Russian Language and Speech Errors and Shortcomings*, ed. by A. P. Skovorodnikov. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2005. 480 p. (In Russian)

6. Földes, C. Namenspiele. Spiel emit Namen. *Namenforschung*, in 2 vols., ed. by H. Steger, H. E. Wiegand, vol. 1. Berlin; New York, Walter de Gruyter, 1995, pp. 586–593. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft, vol. 11).

7. Lötscher, A. Der Name als lexikalische Einheit: Denotation und Konnotation. *Namenforschung*, in 2 vols., ed. by H. Steger, H. E. Wiegand, vol. 1. Berlin; New York, Walter de Gruyter, 1995, pp. 448–457.

8. *Namenforschungkunde*, in 2 vols. and reg. vol., ed. by H. Steger, H. E. Wiegand. Berlin; New York, Walter de Gruyter, 1995–1996 (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft, vol. 11).

9. Ruoff, A. Stilistische Funktion der Namen in mündlichen Erzählungen. *Namenforschung*, in 2 vols., ed. by H. Steger, H. E. Wiegand, vol. 1. Berlin; New York, Walter de Gruyter, 1995, pp. 551–556. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft, vol. 11).

10. Sandig, B. Namen, Stil(e), Textsorten. *Namenforschung*, in 2 vols., ed. by H. Steger, H. E. Wiegand, vol. 1. Berlin; New York, Walter de Gruyter, 1995, pp. 539–551. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft, vol. 11).

11. Udolph, J., Fitzek, S. *Buch der Namen. Woher sie kommen. Was sie bedeuten.* München, Goldmann Тб, 2007, 319 p.

Буренкова Светлана Витальевна

профессор, заведующий кафедрой «Иностранные языки» Омского государственного технического университета, доктор филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 644050, Омск, проспект Мира, 11

Svetlana V. Burenkova

Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Omsk State Technical University, Doctor of Philological Sciences
Address: 11, prospect Mira, Omsk, 644050, Russian Federation

E-mail: in.jaz_omgtu@mail.ru

SPIN-код: 3533-0996; Author ID: 282377; ResearcherID: R-7629-2018; Scopus Author ID: 57110332000

**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В РОМАНЕ ЛИОНА ФЕЙХТВАНГЕРА
«СЕМЬЯ ОППЕРМАН»**

Ключевые слова: интертекстуальные связи, исторический роман, эпиграф, цитата, атрибуция цитат, парафраз, прецедентный текст.

Роман Л. Фейхтвангера «Семья Опперман», вышедший в свет в 1933 году, во время жизни писателя в эмиграции, посвящен истории Германии 1930-х годов. На примере одной семьи показаны трагические изменения в жизни страны во время прихода к власти национал-социалистической партии. Данный роман представляет собой пример произведения, в тексте которого присутствуют различные виды интертекстуальных связей. Цитаты и парафразы связывают текст романа с произведениями таких классиков немецкой литературы, как Гёте, Лессинг, Клейст, и менее известных писателей, с поэзией Гомера и Шекспира, религиозными текстами христианства и иудаизма, текстами песен и оперных либретто. В произведении присутствуют атрибутированные цитаты и цитаты без указания источника и автора. Межтекстовыми связями насыщен не только авторский текст, но и прямая речь персонажей. В одних случаях герои произведения используют отсылки к определенным текстам как риторический прием, желая произвести впечатление на собеседника, в других — обращаются к прецедентным текстам как к духовно-нравственному ориентиру, ищут в них опору и утешение в трудное время. При этом тексты, относящиеся к мировой культуре, противопоставляются источникам из политической жизни 1930-х годов, связи с которыми также присутствуют в произведении. Прецедентные тексты, на которые ссылаются герои романа, характеризуют их мировоззрение и позволяют читателю лучше понять их поступки. Можно отметить также наличие паратекстуальных связей — важную смысловую нагрузку несут эпиграфы к отдельным главам произведения. В статье анализируются различные виды интертекстуальных связей и их функции в тексте романа.

A. V. MELGUNOVA
St. Petersburg State University

**INTERTEXTUALITY IN THE NOVEL “THE OPPERMANN’S”
BY LION FEUCHTWANGER**

Keywords: intertextual links, historical novel, epigraph, quotation, attribution of quotations, paraphrase, precedent text.

“The Oppermanns” was published by L. Feuchtwanger during his exile in 1933. The novel is dedicated to the German history of the 1930s. The tragic changes in the life of the country at the time of the Nazi rise to power are depicted through the story of one family. This novel comprises various types of intertextual links. Quotations and paraphrases interconnect the novel with the works of such classics of German literature as Goethe, Lessing, Kleist, and other less famous writers; with Homer and

Shakespeare's poetry; with religious materials of Christianity and Judaism; with song lyrics and opera librettos. The novel includes attributive quotations and quotations with no attribution. Both the authorial text and characters' direct speech are rich in intertextual links. In some cases the characters of the novel use the references to certain texts as a rhetorical device in order to create an impression on their interlocutors. In others they turn to precedent texts as a spiritual and mental guiding line, looking for support at hard times. However, the texts, related to world culture, are opposed to sources of political life of the 1930s, which the novel has also some affiliations with. Precedent texts referred to by the novel characters define their world view and allow the reader to better understand their actions. Furthermore, the presence of paratextual links should be noted. The epigraphs to some of the novel chapters carry important messages. The article analyses different types of intertextual links and defines their functions in the novel.

Жанр исторического романа предполагает использование различных источников при его написании. Связь с литературными, а также научными и публицистическими источниками может присутствовать во всех частях произведения.

Роман, рассмотрению которого посвящена данная статья, относится к трилогии «Зал ожидания» (Wartesaal), состоящей из трех произведений — «Успех» (Erfolg), «Семья Опперман» (Die Geschwister Oppermann) и «Изгнание» (Exil). В данной трилогии Л. Фейхтвангер обращается к истории современной ему Германии.

Роман «Семья Опперман» состоит из трех глав, обозначаемых автором как «первая книга» (erstes Buch) и так далее и имеющих свои названия — «Вчера» (Gestern), «Сегодня» (Heute) и «Завтра» (Morgen). Произведение завершается небольшим послесловием из двух абзацев. Каждой главе предшествует эпитафия.

Отношение текста к таким его частям, как эпитафия или послесловие, обозначается при помощи термина «паратекстуальность». Паратекстуальные связи важны для понимания произведения. Эпитафия «является цитатой по определению» и, будучи метатекстовым включением, играет большую роль в осмыслении текста, которому он предшествует [1, с. 429]. Рассмотрим эпитафии к главам романа (в порядке их следования) и их источники.

- (1) *Das Menschenpack fürchtet sich vor nichts mehr als dem Verstand. Vor der Dummheit sollten sie sich fürchten, wenn sie begriffen, was fürchterlich ist.* Goethe (Feuchtwanger, S. 6). — «Человеческий сброд ничего не боится более, чем разума. Глупости следовало бы ему бояться, если бы он понимал, что действительно ужасно. Гёте» (перевод здесь и далее мой. — А. М.).

- (2) *Die Deutschen haben die kulturwidrigste Krankheit und Unvernunft, die es gibt, auf dem Gewissen, den Nationalismus, diese névrose nationale, an der Europa krank ist: sie haben Europa um seinen Sinn, um seine Vernunft gebracht. Nietzsche* (Feuchtwanger, S. 124). — «У немцев на совести самая противная цивилизации, самая безумная болезнь из существующих — национализм, этот национальный невроз, которым больна Европа: они лишили Европу ее рассудка, ее разума. Ницше».
- (3) *Es ist uns aufgetragen, am Werke zu arbeiten, aber es ist uns nicht gegeben, es zu vollenden. Talmud* (Feuchtwanger, S. 232). — «Нам положено трудиться, но нам не положено завершить наш труд. Талмуд».

В эпиграфах цитируются классик немецкой литературы И. В. Гёте, немецкий философ Ф. Ницше и иудейский религиозный текст. Источники относятся к различным эпохам — наиболее древним является Талмуд, созданный еще до VII века нашей эры, а наиболее новым по хронологии является высказывание Ницше. Только в этом эпиграфе напрямую говорится о национализме, зарождение которого как раз мог наблюдать Ницше. Если два первых эпиграфа можно отнести к отраженной в романе ситуации, то эпиграф к последней главе характеризует скорее биографию некоторых героев романа.

Можно отметить также, что использованные в эпиграфах тексты, кроме эпиграфа второй главы, повторяются и в тексте самого романа. Например, высказывание Гёте вспоминает в первой главе один из персонажей, предваряя его словами:

Welche dunkle Zeit. Wieder einmal hatte Goethe recht (Feuchtwanger, S. 95). — «Какое мрачное время. И снова был прав Гёте».

В кратком авторском послесловии дается комментарий к содержанию книги и говорится об исторических документах, которые могут прояснить реалии того времени. Некоторые языковые черты данного послесловия можно сравнить с тем, что отмечается исследователями как характерная черта предисловия — например, наименование основного текста, сопровождающееся указательным местоимением и фигурирующее в составе генитивной конструкции [4, с. 39–40]:

Kein einziger von den Menschen dieses Buches existierte aktenmäßig innerhalb der Grenzen des Deutschen Reiches in den Jahren 1932/33, wohl

aber ihre Gesamtheit (Feuchtwanger, S. 375). — «Ни один из героев **этой книги** не существовал как зарегистрированное в официальных актах лицо на территории Германской империи 1932–1933 годов, но существовала их совокупность».

Наиболее важным в романе является цитирование немецкой классической литературы. Однако в нем присутствуют и фрагменты известных произведений литературы мировой. К таким текстам, называемым прецедентными, можно отнести Библию, произведения классиков мировой литературы — например, Шекспира. Наряду с литературными произведениями к прецедентным текстам также относятся народные песни, молитвы. Обращение к прецедентным текстам служит для сопоставления различных эпох и свойственных этим эпохам ценностей [1, с. 365]. Следует отметить, что многие цитаты являются переводными.

*Er selber, Edgar, lächelte über Ruths Zionismus. Er sollte sich mehr um sie kümmern. <...> Geh **nicht** in ein Kloster, Ophelia* (Feuchtwanger, S. 83). — «Он сам, Эдгар, посмеивался над сионизмом Рут. Ему следовало бы больше заботиться о ней. <...> **Не** иди в монастырь, Офелия».

В данном случае применяется трансформация реплики Гамлета из известного произведения Шекспира в немецком переводе, которая не содержит отрицания: *Geh in ein Kloster!* (Shakespeare, Kapitel 4).

В романе присутствуют разные типы цитирования, например цитаты с атрибуцией. Иногда при этом указываются как автор, так и название произведения. Когда имеет место атрибуция, цитаты в романе, как правило, точно передают оригинал.

*Einer erwähnte **Kleists wilden Hymnus „Germania an ihre Kinder“**. „Eine großartige Dichtung“, eiferte sich Vogelsang. Er kannte das Gedicht auswendig, zitierte einige jener gewaltigen Verse irrsinnigen Hasses gegen die Welschen:*

*„<...> Schlagt ihn tot! Das Weltgericht
Fragt euch nach den Gründen nicht!“*

Ekstatisch zelebrierte Vogelsang die Verse des Hasses (Feuchtwanger, S. 58).

«Кто-то упомянул дикий **гимн Клейста „Германия — своим детям“**. „Великолепные стихи“, — воодушевился Фогельзанг. Он знал

стихотворение наизусть, процитировал несколько из тех мощных стрóf бешеной ненависти к чужеземцам:

„<...> Убивайте! На Страшном суде
Вас не спросят о причинах!“

Фогельзанг в экстазе декламировал наполненные ненавистью строфы».

В некоторых случаях указывается только имя автора:

*Dr. Vogelsang war von tiefer Freude erfüllt. <...> “Was euch nicht zugehört, / Müsset ihr meiden, / Was euch das Innre stört, / Dürft ihr nicht leiden.” Diese Jugend verstand, **ihren Goethe** in die Tat umzusetzen* (Feuchtwanger, S. 147). — «Доктора Фогельзанга наполняла глубокая радость. <...> „Что вам не принадлежит, / Того избегайте, / Что нарушает ваш внутренний мир, / Того не терпите“. Эта молодежь знала, как воплотить **своего Гёте** в жизнь».

Интересно, что иногда отсылки к одним и тем же представителям немецкой классики используются не только теми, кто выступает за гуманизм и культуру, но и их противниками — к примеру, преподаватель гимназии Фогельзанг, являющийся сторонником Гитлера, цитирует не только книгу своего фюрера «Моя борьба» (Mein Kampf), но также Гёте и Клейста. Подобно тому, как религиозные тексты могут использоваться не только людьми, стремящимися к добру и самосовершенствованию, но и настроенными на разрушение и насилие, немецкая литература представляет собой богатый материал, где каждый находит свое, иногда вкладывая в цитаты вовсе не тот смысл, который имел в виду писатель.

Представляет собой исключение цитирование, при котором читатель узнаёт даже том и страницу книги. Данная цитата включена не в устную речь или мысли персонажей, как в большинстве случаев, а является частью предсмертной записки Бертольда Оппермана, который, прочитав рассказ Клейста «Михаэль Кольхаас» (Michael Kohlhaas), использует фразу из этого рассказа как точно отражающую его чувства:

Nein, Prosa ist besser. Und er schreibt: „Lieber ein Hund sein, wenn ich von Füßen getreten werden soll, als ein Mensch (Kleist, Inselausgabe, 4. Band, Seite 30)“ (Feuchtwanger, S. 226). — «Нет, лучше проза. И он пишет: „Лучше быть собакой, если меня должны попирать

ногами, чем человеком (Клейст, издательство «Инзель», том 4, страница 30)“».

Для художественного текста наиболее типичны цитаты без атрибуции [6, с. 126]. Будучи воспроизводимыми в мыслях или речи героев произведения, они не всегда точны:

„*Weißt du, mein Junge*“, sagte Onkel Joachim <...> „*Der eine fragt, was kommt danach, / Der andre, was ist recht, / Und **dadurch** unterscheidet sich / Der Freie von dem Knecht.*“ *Hermann hat recht gehabt* (Feuchtwanger, S. 64). — «„Знаешь, мой мальчик“, — сказал дядя Йоахим <...>. — „Один спрашивает, что будет после, / А другой — **что** справедливо — / **Этим** и отличается / Свободный человек от раба“. Герман был прав».

Цитата из стихотворения Т. Шторма неточна. Однако замена элементов не искажает общего смысла:

*Der eine fragt, was kommt danach,
Der andre **fragt nur: Ist es recht?**
Und **also** unterscheidet sich
Der Freie von dem Knecht* (Storm, S. 148).

«Один спрашивает, что будет после,
А другой **спрашивает только:** что справедливо?
И **таким образом** отличается
Свободный человек от раба».

Трансформации исходной цитаты могут быть разного типа, но чаще всего в данном произведении имеют место грамматические и синтаксические преобразования.

*Herr Wolfsohn sieht ihn **mit einem nassen, einem heitern Auge** scheiden* (Feuchtwanger, S. 165). — «Господин Вольфсон видит, как он уходит — наполовину печален, наполовину весел».

В этом случае меняется порядок слов по сравнению с переводом произведения Шекспира на немецкий язык: *Mit einem heitern, einem nassen Aug'* (Shakespeare, Kapitel 2).

Aber er bleibt im Lande und nährt sich redlich (Feuchtwanger, S. 105). — «Но он остается в своей стране и добывает пропитание честным трудом».

Данное выражение относится к фразеологизмам библейского происхождения (Пс. 37: 3) и имеет форму императива: *Bleibe im Lande und nähre dich redlich* [8, S. 461]. Здесь имеет место замена грамматической формы повелительного наклонения на форму изъявительного, которая является вполне естественной, так как во фразе отсутствует побудительный смысл, она используется для описания действий героя произведения.

Возможно, подобные замены не несут особой смысловой нагрузки. Однако в следующем случае можно предположить, что определенный смысл в изменении цитаты есть.

„*Dulde auch dieses, mein Herz, du hast soviel schon geduldet.*“ *Fernher umplätscherten ihn die Hexameter. Ach, sich ihnen hingeben dürfen* (Feuchtwanger, S. 190). — «Терпи и это, мое сердце, **ты уже так много терпело**». Издалека доносился плеск волн гексаметров вокруг. Ах, если бы он мог целиком погрузиться в них!»

В вариантах перевода «Одиссеи» на немецкий язык цитируемая фраза включает форму сравнительной степени:

Dulde, mein Herz! Du hast noch härtere Kränkung erduldet <...> (Homer II, Kapitel 52). — «Терпи, мое сердце! Ты терпело и **более жестокие** оскорбления <...>»

либо

Dulde nun aus, mein Herz! Noch Härteres hast du geduldet (Homer I, S. 204). — «Выдержи теперь, мое сердце! Ты терпело и **более тяжкие** испытания».

Но сравнительная степень отсутствует в интерпретации гомеровской фразы героем произведения, хотя он, будучи преподавателем гимназии, несомненно, хорошо знаком с данным текстом. Возможно, это связано с тем, что именно трагические события, происходящие в его жизни в настоящее время, являются наиболее тяжелыми из всего, что ему приходилось переживать прежде.

Неточность цитаты также может быть исправлена в тексте — например, Густав Опперман во время принудительной работы в концлагере вспоминает высказывание Лессинга. То, что это удается ему не сразу, показывает, насколько изменило его все пережитое.

„*Geh deinen langsamen Schritt, ewige Vorsehung.*“ *Es heißt nicht „langsam“, „unmerklich“ heißt es. „Geh deinen unmerklichen Schritt, ewige Vorse-*

hung. „Ärgerlich, daß er nicht weiter weiß. Dafür hat er jahrelang am Lessing gearbeitet <...>. Hurra, jetzt weiß er, wie es weiter heißt: „nur laß mich deiner Unmerklichkeit wegen an dir nicht verzweifeln.“ Daß ihm das eingefallen war, befriedigte ihn (Feuchtwanger, S. 370). — „Иди своим медленным шагом, вечное провидение“. Нет, правильно не „медленным“, а „незаметным“. „Иди своим незаметным шагом, вечное провидение“. Он рассердился, что не может вспомнить, как дальше. А ведь он много лет занимался Лессингом. Ура, теперь он знает, как дальше: „только не позволяй мне из-за твоей незаметности усомниться в тебе“. Он был доволен, что вспомнил это».

Тексты, с которыми существует интертекстуальная связь, могут быть объектами парафраза [3, с. 215]. Мы можем отнести к таким парафразам пересказы известных произведений, например:

Es ist eine scheußliche Komödie. Ein König in Unterhosen hockt da, und das Volk liegt auf den Knien und schreit, was er für einen herrlichen Ornat hat (Feuchtwanger, S. 334). — «Это отвратительная комедия. Король сидит в нижнем белье, а народ, преклонив колени, кричит, какой у него чудесный наряд».

К источникам, фигурирующим в произведении, относится не только художественная литература, но и другие известные тексты, при этом они не всегда цитируются. Упоминаются труды историков Т. Моммзена, Г. Дессау (Feuchtwanger, S. 195), которые используются персонажами в образовательных целях. Народные легенды и даже оперные либретто также относятся к этим текстам. К примеру, преподаватель гимназии употребляет при общении с учениками в качестве риторического приема подходящие по ситуации фразы в повелительном наклонении, например: *Landgraf, werde hart!* (Feuchtwanger, S. 142) — «Ландграф, стань твердым!» из народной легенды о кузнеце из Рулы и тому подобные выражения:

Und als Oppermann vorgetreten war, fügte Vogelsang, heute offenbar sehr gut aufgelegt, mit scherzhaft wohlwollender Aufmunterung hinzu: „Wolfram von Eschenbach, beginne!“ (Feuchtwanger, S. 88). — «И когда Опперман вышел вперед, Фогельзанг, сегодня, очевидно, будучи в очень хорошем настроении, добавил, шутливо и благосклонно подбадривая: „Вольфрам фон Эшенбах, начинай!“».

В данном случае говорящий цитирует слова из либретто к опере Р. Вагнера «Тангейзер» (Wagner).

Тексты песен также присутствуют в романе — в основном в виде названий, но иногда приводятся и отрывки из текста. Это песни на немецком языке — религиозные и светские, а также религиозные на иврите и народные на идиш.

Aus dem Radio klangen Glocken, Choräle, fromme Lieder. Die Kinder sangen: „Stille nacht, heilige Nacht“ (Feuchtwanger, S. 100). — «Из радиоприемника доносились записи колокольного звона, хоралы, религиозные песни. Дети пели: „Тихая ночь, святая ночь“».

Если цитируется песня не на немецком языке, то автор приводит в тексте информацию, поясняющую ее содержание и значение в соответствующей культуре:

Jetzt singen sie die Hymne: „Moaus zur jeschuosi, Hort und Fels meines Heils“. *Es ist eine sehr alte Hymne, so was wie die jüdische Nationallhymne* (Feuchtwanger, S. 103). — «Теперь они пели гимн „Маоз цур ешуати — оплот и твердыня моего спасения”. Это очень старый гимн, что-то вроде еврейского национального гимна».

В романе показано сосуществование двух культур в кругу общения друзей и родственников. Хотя иногда возникают споры, которые, как правило, разрешаются мирно — как, например, какой гимн красивее, рождественский или ханукальный. В результате один из персонажей говорит, что обе песни одинаково красивы (Feuchtwanger, S. 103).

При цитировании песен во многих случаях присутствует также оценочная лексика, которая показывает нам восприятие песни персонажами:

Ein Grammophon spielte das Horst-Wessel-Lied. „Die Straße frei den braunen Bataillonen”, quäkte es. „Die Straße frei dem Sturmabteilungsmann. Es schau auf's Hakenkreuz voll Hoffnung schon Millionen. Der Tag für Freiheit und für Brot bricht an.“ (Feuchtwanger, S. 257). — «Из граммофона доносилось верещание песни Хорста Весселя. „Дорогу коричневым батальонам! Дорогу штурмовикам! Глядят на свастику с надеждой миллионы. Наступает день свободы и достатка“».

В следующем случае цитата из песни подвергается персонажем трансформации для достижения комического эффекта и демонстрации бессмысленности песни, которую он слышит с улицы:

Unten zog ein Trupp völkischer Landsknechte vorbei, sie sangen. „Wenn die Handgranate kracht, / das Herz im Leibe lacht“, sangen sie. Jaques Lavendel schüttelte den Kopf. „Man kann es auch umdrehen“, meinte er. „Wenn die Handgranate lacht, / das Herz im Leibe kracht“ (Feuchtwanger, S. 176). — «Внизу проходила с песней группа нацистских боевиков. „Когда взрывается граната, / смеется сердце в груди“, — пели они. Жак Лавендель покачал головой. „Можно и наоборот повернуть“, — сказал он. — „Когда смеется ручная граната, / взрывается сердце в груди“».

После чего он закрывает окна и ставит на граммофон пластинку с народными песнями, которые ему нравятся.

Интертекстуальные отсылки могут вводиться в текст при помощи сравнения [6, с. 50]. Актуальные ситуации и поступки персонажей сопоставляются с событиями, происходящими в различных художественных произведениях, при этом называются имена героев соответствующего произведения.

Sie wußten aber auch, daß am Ende immer Vernunft die Dummheit besiegt mit der gleichen Sicherheit, mit der Odysseus den Zyklopen Polyphem besiegte <...> (Feuchtwanger, S. 115). — «Но они также знали, что в конце концов разум всегда побеждает глупость с той же уверенностью, с какой Одиссей победил циклопа Полифема <...>».

В следующем примере учитель гимназии сравнивает поведение одного из учеников, который совершил убийство, с возможными действиями такого народного героя, как Вильгельм Телль. Преступление, совершенное учеником, остается без наказания, так как убитый был журналистом, выступающим против нацистов. В связи с изменившейся ситуацией в стране поступок гимназиста оценивается как героический.

An einem anschaulichen Beispiel hat er ihnen vorgelebt, wie ein Wilhelm Tell <...> auf die schäbigen Angriffe eines Karper reagiert hätte (Feuchtwanger, S. 147–148). — «На наглядном примере он продемонстрировал им, как бы отреагировал Вильгельм Телль на грязные нападки Карпера».

В отдельных случаях одно лишь имя писателя без ссылки на произведение используется либо в качестве инструмента в споре, либо как авторитет при решении проблемы, формулировке совета. К примеру, в эпизоде, когда один герой романа уговаривает другого

покинуть Германию, где тому опасно находиться, и у него кончаются аргументы, он приводит еще один довод в пользу отъезда:

*Bitte, gehen Sie fort aus Deutschland. <...> Glauben Sie mir, **unser Lessing würde Ihnen das gleiche sagen*** (Feuchtwanger, S. 354). — «Пожалуйста, уезжайте из Германии. <...> Поверьте, **наш Лессинг сказал бы Вам то же самое**».

В романе присутствуют упоминания книги Гитлера «Моя борьба» (Mein Kampf) и цитаты из нее. В случае, если книга цитируется (упоминается) не сторонниками Гитлера, это делается в критическом ключе, с соответствующими комментариями автора и персонажей.

*Aber lange hielt Rektor François **die unappetitliche Lektüre** nicht aus. „Ich kann Ihnen kaum schildern, lieber Freund“, sagte er „wie unbehaglich mir zumute wird. Wenn ich etwas **aus diesem unsauberen Buch** hören muss <...>“* (Feuchtwanger, S. 118). — «Но директор Франсуа не мог долго выдерживать это **неаппетитное чтение**. „Едва ли я могу Вам объяснить, дорогой друг“, — сказал он, — „насколько мне становится не по себе, когда мне приходится слышать что-то из **этой грязной книги**“».

Книга «Моя борьба» критикуется в романе не только в отношении содержания, но и из-за ее стилистических и грамматических недостатков [2, с. 134].

Фейхтвангер показывает, насколько образованный класс не осознает опасности новой идеологии. В конце первой главы Густав Опперман и директор гимназии Франсуа обсуждают различную реакционную литературу, в том числе фальшивый документ «Протоколы сионских мудрецов» и книгу Гитлера. Произведение лидера нацистов кажется собеседникам настолько нелепым, что отдельные цитаты из него зачитываются с целью посмеяться над ними. К концу разговора собеседники полностью убеждают друг друга, что немецкий народ, воспитанный на произведениях немецкой классической литературы, не сможет опуститься до такой идеологии. Заканчивается глава предложением о том, что автор книги «Моя борьба» избран рейхсканцлером.

Название прецедентного текста может использоваться для создания метафоры, как в следующем случае:

*Niedergelegt sei **das Evangelium des Führers** in dem Buche „Mein Kampf“; die Gefangenen hätten das Recht, dieses Buch zu kaufen, kartoniert*

um fünf Mark siebzig, gebunden um sieben Mark zwanzig (Feuchtwanger, S. 361). — «Изложено **Евангелие** фюрера в книге „Моя борьба“; заключенные имеют право купить эту книгу — в картонной обложке за пять марок семьдесят, в переплете — за семь марок двадцать».

Данная метафора не случайна, хотя и используется с иронией, так как новая идеология претендует практически на место религии. С темой нацизма оказывается связанным даже такой тип религиозного текста, как молитва. Текст молитвы дополняется актуальными лозунгами.

*Sie marschierten zurück ins Lager. Sangen das Horst-Wessel-Lied. Sprachen das Tischgebet: „Komm, Herr Jesus, sei unser Gast / und segne, was du uns bescheret hast. / **Schütze unsere deutsche Nation / und unseren Reichskanzler Hitler, ihren größten Sohn.**“* (Feuchtwanger, S. 359). — «Они маршировали обратно в лагерь. Пели песню Хорста Весселя. Перед едой произносили молитву: „Приди, Иисус, будь нашим гостем / и благослови твои дары. / **Защити нашу немецкую нацию / и рейхсканцлера Гитлера — ее величайшего сына**“».

Одна из важных функций интертекстуальных связей — характеристика персонажей, их внутреннего мира, уровня образования, отношения к культуре, принадлежности к определенному социальному кругу [5, с. 112].

Главные герои романа принадлежат к образованному слою общества. Прожив всю жизнь в Германии и получив там образование на немецком языке, они ближе к немецкой культуре, чем к еврейской.

*Was sollte man auch sagen zu einem solchen Bericht, wenn man Deutschland liebte? Was heißt das: liebte? Irgendein alter Vers stieg in ihm hoch, **hat er ihn selber gemacht oder ein anderer:** „Und liebst du Deutschland? Frage ohne Sinn. / Kann ich das lieben, was ich selber bin?“* (Feuchtwanger, S. 271). — «Да и что можно было сказать о таком сообщении, если любил Германию? Что это значит: любил? Ему вспомнились какие-то старые стихи — **то ли он сам их сочинил, то ли кто-то другой:** „А любишь ли ты Германию? Вопрос не имеет смысла. / Могу ли я любить то, чем являюсь я сам?“».

В передаче последнего предложения из отрывка стихотворения есть неточности, так как там объединяются слова из разных строф. Цитируемое стихотворение о любви к Германии принадлежит Ю. Бабу, который написал его в 1914 году, во время Первой миро-

вой войны. В этом стихотворении Баб — автор еврейского происхождения — полностью идентифицирует себя с Германией, понятия «я» и «Германия» являются для него абсолютными синонимами [7, S. 173–174]. Показательно, что и Густаву Опперману кажется, что он мог сам сочинить эти строки — настолько они ему близки.

Беседы о литературе занимают в романе большое место — и не только потому, что в сюжете присутствуют описания уроков в гимназии. Такие диалоги имеют место намного чаще в сценах из повседневной жизни персонажей.

В большинстве случаев, принимая решение или находясь в трудной жизненной ситуации, герои произведения обращаются к литературным источникам в надежде получить совет и понять, как им следует поступить. Например, в разговорах директора гимназии с учеником старшего класса Бертольдом Опперманом собеседники практически никогда не обходятся без этой темы.

Er wußte nicht recht, was zu sagen; schließlich <...> brachte er heraus: „Na, Oppermann, was lesen Sie denn jetzt in der Klasse?“ Berthold, und in seiner Stimme was fast mehr Resignation als Bitterkeit, erwiderte: „Den vaterländischen Dichter Ernst Moritz Arndt und den vaterländischen Dichter Theodor Körner und immer mal wieder den ‚Nationalsozialistischen Liederschatz‘, Herr Rektor“ (Feuchtwanger, S. 152). — «Он не знал, что сказать; наконец <...> произнес: „Ну, Опперман, что вы сейчас читаете в классе?“ Бертольд, в голосе которого звучало больше разочарования, чем горечи, ответил: „Поэта-патриота Эрнста Морица Арндта, поэта-патриота Теодора Кёрнера и постоянно ‚Сокровищницу национал-социалистических песен‘, господин директор“».

Директор гимназии, желая поддержать оказавшегося в трудной ситуации ученика, сначала обращается к историям из античной мифологии, затем советует Бертольду прочитать две басни из книги Дёблина, а также не художественное произведение, но опубликованный текст — одно из писем Лессинга, адресованное Эшенбургу, которое он написал после смерти своей жены (Feuchtwanger, S. 153).

Berthold las. Es war ein bißchen seltsam, daß Rektor François ihm gerade diesen Brief von der Zangengeburt zur Lektüre empfahl. Aber angerührt war Berthold. Daß dieser Lessing am Sterbebett seiner offenbar sehr geliebten Frau seinem Freunde vom Absterben dieser Frau berichtete und ihn, eh die Tinte trocken war, ersuchte, ihm Literatur für seine Arbeit zu schicken, das war schon allerhand. Leicht hat er es nicht gehabt, dieser Schriftsteller

G. E. Lessing. Als er seinen „Nathan“ schrieb, sein Bekenntnis für die Emanzipation der Juden, erklärten die damaligen Völkischen, er sei dafür noch bezahlt worden. **Immerhin hat niemand von ihm verlangt, daß er Abbitte tue und widerrufe.** Es ist in den hundertfünfzig Jahren seither erheblich finsterner geworden in Deutschland (Feuchtwanger, S. 154–155). — «Бертольд читал. Было немного странно, что директор Франсуа рекомендовал ему прочитать именно это письмо о родах с наложением щипцов. Но Бертольд был тронут. То, что этот Лессинг у постели умершей жены, которую он, очевидно, очень любил, сообщает своему другу о ее смерти и, когда еще не успели высохнуть чернила, сразу же просит его выслать литературу для его работы — это значило немало. **Нелегко ему приходилось, этому писателю Г. Э. Лессингу.** Когда он написал своего „Натана“ — высказывание в пользу эмансипации евреев, националисты того времени объявили, что ему за это заплатили. **Тем не менее никто не требовал от него, чтобы он извинился и отрекся от написанного.** За последние 150 лет, прошедших с тех пор, в Германии стало значительно мрачнее».

Бертольд Опперман думает о прочитанном, о биографии Лессинга вообще и пытается сопоставить информацию о нем с ситуацией в своей жизни — конфликтом с учителем-нацистом, требованием отречься от своих слов, от своей точки зрения. В другой беседе тех же персонажей говорится о произведениях драматурга Ф. К. Хеббеля.

„Wir haben Hebbel gelesen“, fängt er schließlich an... „<...>. Dr. Heinzius hat uns gesagt, der ganze Hebbel hat ein einziges Thema: **verletzte Menschenwürde. Laesa humanitas. Ich habe noch „Herodes und Mariamne“ gelesen. Nicht als Klassenlektüre, für mich. Mariamne könnte sich das Leben retten, wenn sie nur spräche. <...> Sie stirbt, aber sie spricht nicht. Dr. Heinzius hat uns sehr deutlich gemacht, was das ist, laesa humanitas. **Haben nur alte Könige humanitas? Bin ich ein Dreck?** <...>“ (Feuchtwanger, S. 194–195). — «„Мы читали Хеббеля“, — наконец начал он... „<...> Доктор Гейнциус говорил нам, что все творчество Хеббеля посвящено одной теме: **оскорбленному человеческому достоинству. Laesa humanitas.** Я читал еще „Ирода и Мариамну“. Не по школьной программе, самостоятельно. Мариамна могла бы спасти свою жизнь, если бы только заговорила. <...> **Она умирает, но не говорит.** Доктор Гейнциус очень хорошо разъяснил нам, что это такое — laesa humanitas. **Разве им обладают только короли? А я что, ничтожество?** <...>“».**

Конфликт Бертольда с преподавателем Фогельзангом заканчивается трагически — ученик не считает возможным, как от него требуют, извиниться и отречься от своих слов, произнесенных во время доклада в классе, и предпочитает, как и персонаж Хеббеля, «умереть, но не сказать».

Другая функция интертекстуальных связей романа — противопоставление классической культуры, проповедующей гуманизм, и новой, варварской идеологии нацизма.

Dies Deutschland von 1933 ist nicht mehr das Deutschland unserer Jugend. Es hat nichts zu tun mit dem Deutschland Goethes und Kants, daran muß man sich gewöhnen. Aus dem „Faust“ kann er wenig über dieses Deutschland lernen, da muß er schon das Buch „Mein Kampf“ studieren (Feuchtwanger, S. 133). — «Эта Германия 1933 года уже больше не была Германией нашей молодости. У нее нет ничего общего с Германией Гёте и Канта, к этому нужно привыкнуть. Из „Фауста“ он может немного узнать об этой Германии, тут ему придется прочитать „Мою борьбу“».

Новая идеология проникает во все области жизни, в том числе и в сферу образования, пагубно воздействуя на подрастающее поколение.

*Mit behutsamen Fingern, die Berührung des Papiers schon war ihm widerwärtig, blätterte Rektor François in dem „Nationalsozialistischen Liederschatz“, dem offiziellen Liederbuch der Völkischen, dessen Verse jetzt auf Betreiben Vogelsangs seine Jungen auswendig lernen mussten. Was für Verse. „Und wenn die Handgranate kracht, / das Herz im Leibe lacht“, und: „Wenn’s Judenblut vom Messer spritzt, / dass geht’s noch mal so gut.“ **In den Schulsälen, in denen vorher die Strophen Goethes und Heines, die gebändigten Sätze Kleistscher Prosa erklungen waren, rülpste man jetzt diese Gemeinheiten** (Feuchtwanger, S. 151–152). — «Осторожно, как будто одно лишь прикосновение к бумаге было ему неприятно, директор Франсуа листал „Сокровищницу национал-социалистических песен“ — официальный песенник нацистов, стихи из которого его ученики теперь по инициативе Фогельзанга должны были учить наизусть. Что это были за стихи. „Когда взрывается граната, / смеется сердце в груди“ и „Когда еврейская кровь капает с ножа, / жизнь становится еще лучше“. **В классах, в которых раньше звучали строфы Гёте и Гейне, размеренные предложения прозы Клейста, теперь изрыгали эти мерзости**».*

Роман был написан в 1933 году, когда далеко не все осознавали огромную опасность, исходившую от нацизма. Можно сказать, что это роман-предостережение. Текст данного произведения в большей степени насыщен цитатами и отсылками к другим произведениям, чем романы Фейхтвангера о давно прошедших эпохах. Связи романа с различными текстами настолько разнообразны, что не могут быть в полной мере рассмотрены в рамках одной статьи. В первую очередь многочисленные интертекстуальные связи служат именно для создания контраста между культурой созидания и движением к разрушению. В отсылках к мировой культуре также содержится надежда на победу добра над злом, которая все-таки наступит однажды:

„<...> *Ulysses gerät in die Höhle Polyphems. Das erlebt jede Epoche. Aber jede Epoche erlebt auch, daß am Ende Ulysses den Polyphem besiegt. Nun dauert es manchmal etwas lange. Ich werde es höchstwahrscheinlich nicht mehr erleben, aber Sie werden es erleben*“ (Feuchtwanger, S.153). — «<...> Одиссей попадает в пещеру Полифема. Это происходит в любую эпоху. Но и каждая эпоха видит, что в конце концов Одиссей побеждает Полифема. Правда, иногда это происходит не скоро. Очень вероятно, что я этого уже не увижу, но Вы увидите».

Источники иллюстративного материала и сокращения

Feuchtwanger — *Feuchtwanger, L.* Die Geschwister Oppermann. Berlin: Aufbau Verlag, 2013. 382 S.

Homer I — *Homer.* Werke: in 2 Bdn. Bd. 2. Odyssee / übersetzt von J. H. Voß. Wien: R. Sammer, 1844. 250 S.

Homer II — *Homer.* Odyssee / übersetzt von J. H. Voß. <http://gutenberg.spiegel.de/buch/odyssee-1822/52> (дата обращения: 22.11.2018).

Shakespeare — *Shakespeare, W.* Hamlet / übersetzt von A. W. von Schlegel. <http://gutenberg.spiegel.de/buch/-5600/> (дата обращения: 28.10.2018).

Storm — *Storm, Th.* Sprüche // Gesammelte Schriften: in 6 Bdn. Bd. 1. Braunschweig: Westermann, 1872. 224 S.

Wagner — *Wagner, R.* Tannhäuser: Libretto. <http://wagner.su/book/export/html/292> (дата обращения: 15.12.2018).

Литература

1. Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. М.: Ленанд, 2016. 448 с.

2. Мельгунова, А.В. Оценочная лексика в немецкой критике языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8 (86). С. 133–137.
3. Москвин, В.П. Методы и приемы лингвистического анализа. М.: Флинта; Наука, 2015. 224 с.
4. Нefёдов, С.Т. Интертекстуальные измерения авторского предисловия // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Вып. 4. Текст и текстовые единицы: сб. науч. статей / под ред. Е. А. Гончаровой, С.Т. Нefёдова, К.Р. Новожиловой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2014. С. 32–48.
5. Пьеge-Гро, Н. Введение в теорию интертекстуальности / пер. с фр. Г.К. Косикова. М.: Ленанд, 2015. 240 с.
6. Фатеева, Н.А. Интертекст в мире текстов. Контрапункт интертекстуальности. М.: Либроком, 2012. 282 с.
7. Albanis, E. German-Jewish Cultural Identity from 1900 to the Aftermath of the First World War. A Comparative Study of Moritz Goldstein, Julius Bab and Ernst Lissauer. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2013. 318 p.
8. Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag; Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus, 2002. 960 S. (Duden. Deutsche Sprache: in 12 Bdn. Bd. 11).

References

1. Arnold, I. V. *Semantics. Stylistics. Intertextuality*. Moscow, Lenand Publ., 2016, 448 p. (In Russian)
2. Mel'gunova, A. V. Evaluative Vocabulary of German Language Criticism. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2018, no. 8 (86), pp. 133–137. (In Russian)
3. Moskvina, V.P. Methods and Techniques of Linguistic Analysis. Moscow, Flinta Publ.; Nauka Publ., 2015, 224 p. (In Russian)
4. Nefedov, S. T. The Intertextual Dimensions of the Authorial Preface. *Nemetskaiia filologiia v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete*, issue 4, *Tekst i tekstovye edinitcy: sb. nauch. statei*, ed. by E. A. Goncharova, S. T. Nefedov, K. R. Novozhilova. St. Petersburg, Izd-vo S. Peterb. un-ta Publ., 2014, pp. 32–48. (In Russian)
5. Piegay-Gros, N. *Introduction to the Theory of Intertextuality*, transl. from French by G. K. Kosikov. Rus. ed. Moscow, Lenand Publ., 2015, 240 p. (In Russian)
6. Fateeva, N. A. *Intertext in the World of Texts. The Counterpoint of Intertextuality*. Moscow, Librokom Publ., 2012, 282 p. (In Russian)
7. Albanis, E. *German-Jewish Cultural Identity from 1900 to the Aftermath of the First World War. A Comparative Study of Moritz Goldstein, Julius Bab and Ernst Lissauer*. Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 2013, 318 p.

8. *Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik*. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, Dudenverlag; Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus, 2002, 960 p. (Duden. Deutsche Sprache, in 12 vols., vol. 11).

Мельгунова Анна Владиславовна

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ, кандидат филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Anna V. Melgunova

Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,
Candidate of Philological Sciences
Address: 7–9, University emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: a.melgunova@spbu.ru

SPIN-код: 7190-7242; AuthorID: 381891; ResearcherID: P-5830-2015

**ФОРМА И ФУНКЦИИ «ЧУЖОЙ РЕЧИ» В РУКОВОДСТВАХ
ДЛЯ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ В ГЕРМАНИИ КОНЦА XVIII ВЕКА
(на примере «Руководства для молодых путешественников»
Й. Г. Хайнцманна, 1793)**

Ключевые слова: аподемика, интертекстуальность, цитирование, прецедентность, аргументация, Георг Хайнцманн, эпоха Просвещения.

Жанр аподемики, или руководства для путешественника, достигает своего расцвета в эпоху Просвещения — время накопления и культивации знаний в различных областях, в том числе за счет развития путешествий как вида деятельности. Анализируемый текст «Руководства для молодых путешественников» (*Rathgeber für junge Reisende*), написанный немецким писателем и книготорговцем Й. Г. Хайнцманном в 1793 году, приходится на конечную фазу существования постепенно вымирающего жанра и отражает его характерные особенности: сочетая художественный и утилитарный типы текстов, «Руководства» преследуют цели информирования, убеждения и наставления будущего путешественника. В данных целях автор прибегает к включению в свое произведение большого количества явных и скрытых цитат из различных источников, а также целых текстовых блоков, выполняющих соответствующие прагматические функции. Анализ формы и функций подобных интертекстуальных включений и являются целью данной статьи.

D. E. NIFONTOVA

St. Petersburg State University

**FORM UND FUNCTIONS OF INTERTEXTUAL INCLUSIONS
IN THE GERMAN ARS APODEMICA OF THE LATE 18th CENTURY
(by the example of J. G. Heinzmann's
“Rathgeber für junge Reisende”, 1793)**

Keywords: ars apodemica, intertextuality, citation, precedence, argumentation, Georg Heinzmann, the Enlightenment.

Ars Apodemica as advice travel literature gained popularity in the late Enlightenment with the spread of travelling as a source of new information in a time of accumulation and cultivation of any knowledge. The text under analysis “Rathgeber für junge Reisende” written by the German book handler and writer J. G. Heinzmann in 1793 belongs to the terminal phase of the existence of this unique genre and fully reflects its main features: a combination of literary and utility text types which aimed to inform, to convince and to admonish the future traveler. In purchasing these aims the author integrates into his text a large number of citations and whole text abstracts from different sources which fulfill the corresponding pragmatic goals. This article discusses the forms und functions of these intertextual inclusions.

Настоящая статья посвящена изучению формы и функций «чужой речи» в текстах руководств для путешественников в Германии конца XVIII века и выполнена в русле активно развивающегося направления в лингвистике и литературоведения последних десятилетий — интертекстуальности. Интертекстуальность — термин, введенный Ю. Кристевой еще 1960-е годы XX столетия и понимаемый как «характерный признак каждого текста впитывать и трансформировать другой текст» [4, с. 167], — подвергалась с течением времени дальнейшему осмыслению и на сегодняшний день не имеет однозначной трактовки. В настоящей статье, вслед за Ж. Женетт, И. В. Арнольд, Н. А. Кузьминой и другими исследователями, под интертекстуальностью понимается диалог между текстами, маркированный при помощи формальных средств, иначе говоря — «включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде цитат, реминисценций и аллюзий» [1, с. 34], сравните «Buch im Buch» [7, S. 34] или «Text-Text-Kontakt» [9, S. 14]. Данным проблемам уделяется особое внимание на примере литературы постмодерна, в которой «использование готового языкового материала, а также стертых выражений и клише» становится «осознанным приемом» [5, с. 135]. Несравнимо меньшее количество работ посвящено вопросам «чужой речи» в произведениях отдаленных эпох, которые тем не менее изобилуют примерами межтекстовых связей и несомненно заслуживают изучения.

Согласно Г. Гёбелю, исследования «книги в книге» неразрывно связаны с определенными представлениями об авторе, его литературном продукте и имплицитно о самом читателе и служат характеристикой читающей личности и дополнительной мотивировкой развития действия [7, S. 49]. При этом особое внимание уделяется не обоюдному взаимодействию текстов, а влиянию цитируемого текста на цитирующий — первый воспринимается как претекст и литературный образец, некий донор мотива для последующего, пассивно рецепирующего текста. Без первого второй мог бы быть совсем другим или не существовать вовсе [9, S. 10–11].

Материалом для данной статьи служит текст «Руководства для молодых путешественников» (*Rathgeber für junge Reisende*), написанный немецким книготорговцем, писателем и компилятором Йоханом Георгом Хайнцманном (*Johann Georg Heinzmann*) в 1793 году в редком жанре литературы позднего Средневековья и Нового времени «аподемика» (дословно с греческого ἀποδημιέω — ‘быть

в пути'). (Текст не переиздавался и доступен в оригинальном издании готическим шрифтом в библиотеках Германии и Швейцарии.) Конец XVIII века как время укрепления веры в знания и необходимость их получения из различных источников, в том числе за счет путешествий, характеризуется появлением всевозможных видов инструкций, стимулирующих интерес к новым видам деятельности и регулирующих процесс их освоения. Особое значение приобретают аподемические тексты, представляющие собой руководства для путешественников и охватывающие весь спектр вопросов, связанных с теоретической подготовкой к поездке и ее практической реализацией. Ввиду своего, с одной стороны, сугубо прикладного, инструкторского, с другой стороны, философско-рефлексирующего характера данные тексты оказываются на стыке предписывающего и художественного типов текста и, переживая в конце XVIII века свой третий и последний всплеск популярности (первые два пришлись на начало и середину XVII века в связи с развитием образовательных путешествий и гранд-туров молодых аристократов), попадают в нерв времени и пользуются большим спросом, оказывая положительное влияние на отношение читателя к путешествиям. Так, согласно Ю. Штагль, «Руководства» писались выдающимися философами и мыслителями своего времени, а увесистые тома, насчитывающие порой по тысяче страниц, едва ли бы вышли из типографии, не будь издатели уверены в их востребованности среди читателей [8, S. 96–105]. И хотя время расцвета путешествий наступит лишь в XIX веке с улучшением состояния дорог и мер безопасности во время пути, XVIII век, а вместе с ним и анализируемый текст «Руководства для молодых путешественников», — это важная веха на пути к дальнейшему развитию туризма как вида деятельности.

Широкая распространенность аподемик, как и их достаточно формализованная структура (переход от советов в вопросах общей морали к конкретным указаниям для путешествия), неизбежно вели к высокой степени повторяемости текстовых фрагментов в произведениях различных авторов, что служило причиной обвинений в их низкой степени оригинальности. Уже в предисловии к своему «Руководству» Хайнцманн вынужден доказывать значимость и аутентичность текста:

- (1) *Mögen hämische und boshafte Rezensenten meine bisherige Bemühungen noch so geringfügig betrachten (* so verweis ich doch, daß*

ich dabey mehr Verdienst habe, als es scheint; daß mein Geist nicht kalt und frostig raisonnirt, aber desto lebhafter handelt und wirkt (Heinzmann, S. jj).

В примере (1) автор дает ссылку (* на примечание внизу страницы, которое — как это нередко бывает в аналогичных текстах — превышает длину самого текстового фрагмента (здесь предисловия), эксплицирует интертекстуальные связи и комментирует ситуацию в целом. В примечании, графически отделенном чертой от самого текста предисловия, Хайнцманн вступает в открытую полемику со своим рецензентом из Швейцарской библиотеки, неким Бернским Патриотом (Bernier-Patrioten), который обвиняет его в плагиате:

- (2) *Man sehe die Rezension meines Bürger-Journals, in der Schweizer-Bibliothek, 3 Stück, von sogenannten jungen Berner-Patrioten, wo man sich wendet und krümmt, um nur etwas heraus zu drescheln, das mich verkleinern soll. Ich habe gewissenhaft angezeigt, welche Aufsätze nicht von mir sind, alles übrige aber, welches weit über die Hälfte von 3 starken Bänden ausmacht, rauben mir diese Leute mit den Worten „hier ist wohl wenig, das ihm eigen zugehört“* (Heinzmann, S. jjj).

Как следует из примера (2), автор не только приводит точное указание на непосредственный источник цитаты, но и выделяет ее более крупным шрифтом (передаваемым нами через жирное начертание). Приведение данной цитаты, как и ее точная атрибуция, преследуют очевидную прагматическую цель автора — проинформировать читателя о сути обвинения и опровергнуть его. Согласно мнению Н. А. Фатеевой, функции интертекста в каждом тексте «определяются исключительно через „я“ его автора, поскольку введение интертекстуального отношения — это прежде всего попытка метатекстового переосмысления претекста с целью извлечения нового смысла из „своего“ текста» [6, с. 39]. В данной связи особенно важным оказывается способ введения цитаты как главный фактор, определяющий ракурс ее восприятия реципиентом. Желая убедить читателя в несостоятельности обвинений со стороны рецензента, Хайнцманн использует в адрес своих критиков следующие оценочные высказывания: *diese Leute, rauben, sogenante Berner-Patrioten* — и далее риторические конструкции *Was wollen diese vornehme Herren?; Mich chikaniren?; Ja da möchten sie wohl, wenn*

sie Witz genug hätten; daß sie aber das Werk den Schweizern zum fleißigen Lesen empfehlen sollten, wie es ihre Pflicht als Bidermänner gewesen wäre; ja das können solche stolze Männer nicht (Heinzmann, S. jv). В порыве негодования Хайнцманн обращается к ним со словами:

- (3) *ihr wunderliche Heilige, meine guten Berner Rezensenten; was ist denn eure Schweizer Bibliothek, wenn man aus eurer Brühe die eingebrockten Auszüge wegnimmt?* (Heinzmann, S. jv).

Обращение *O ihr wunderliche Heilige* представляет собой реминисценцию — согласно «Универсальному лексикону» (Universal-Lexikon), оно восходит к 4-му псалму Ветхого Завета:

- (4) *Liebe Herren, wie lange soll meine Ehre geschändet werden?
Wie habt ihr das Eitle so lieb und die Lüge so gern!
Erkennt doch, daß der HERR seine Heiligen wunderbar führt;
der HERR hört, wenn ich ihn anrufe* (Psalmen) —

и в современном языке означает 'странный, чудаковатый'. Веком позднее Ф. Ницше в своем произведении «Утренняя заря» (Morgenröte) даст определение *Wunderliche Heilige* как:

- (5) *Kleinmütige, welche von ihrem besten Werke und Wirken Nichts halten und es schlecht zur Mitteilung oder zum Vortrage bringen: aber aus einer Art Rache halten sie auch Nichts von der Sympathie Anderer oder glauben gar nicht an Sympathie* (Nietzsche, S. 384).

Процесс распознавания реминисценций и скрытых цитат затрагивает рецептивный аспект интертекстуальности, который, согласно И. В. Арнольд, соотносится с тезаурусом личности как совокупностью накопленных человеком знаний, необходимых для правильной интерпретации текста [1, с. 353]. Среди прецедентных текстов и высказываний наибольшей частотностью пользуются библейские тексты (см. пример (3)), а также пословицы и поговорки. Возможной причиной отсылок к подобным широко известным источникам является учет автором фактора адресата: «Руководство для путешественников» ориентировано на широкие слои представителей разных профессий, преимущественно молодежи. Так, рассуждая о необходимом для каждого человека умении правильно говорить и молчать, Хайнцманн приводит пословицу *Eine gutes Wort findet eine gute Statt* (Heinzmann, S. 124), выполняющую стилистическую функцию и придающую высказыванию большую убедительность.

Отсылка к Библии осуществляется, в частности, в примере (6). Предупреждая о необходимости заранее получать информацию о местах, куда держишь путь, Хайнцманн говорит:

- (6) *wer da hat, dem wird geben. Billig also muss man vorher zu Hause studiren, ehe man reiset* (Heinzmann, S. 82).

Выделенное более крупным шрифтом *wer da hat, dem wird geben* является цитатой из текста Евангелия от Матфея (25: 29) (Evangelium), несомненно знакомого читателю и не нуждающегося в точной ссылке.

Однако вернемся к предисловию к «Руководству». Указание на полемику между автором и его рецензентом содержится в книжном анонсе «Руководства» в *Allgemeine Literatur-Zeitung* № 177, вышедшем в июне 1793 года (*Allgemeine*). Книжный анонс, как и рецензия, представляет собой вторичный текст-отклик на исходное произведение, создаваемый для привлечения внимания к анонсируемому тексту и предоставления возможности составить о нем первое впечатление. В этих целях в рассматриваемом анонсе перечисляются основные разделы книги, а также приводятся краткие критические замечания. Так, «перепалка» Хайнцманна с рецензентом характеризуется следующим образом:

- (7) *Sein Ausfall in der Vorrede über den Referenten in der Schweizer Bibliothek, welcher vielleicht etwas zu dictatorisch gesprochen hat, mag dich ein wenig zu derbe seyn* (*Allgemeine*, S. 677).

Как следует из примера (7), в анонсе происходит отсылка сразу к двум текстам — исходному и рецензии, так как дается оценка высказываниям обоих оппонентов (*Ausfall, zu derbe — zu dictatorisch*). И хотя анонс, в отличие от рецензии, не содержит непосредственных цитат из обоих текстов, можно с уверенностью говорить о том, что для обоих типов текста интертекстуальность как соприсутствие текстов в тексте становится «одной из особо значимых текстотипологических характеристик» и выступает как средство реализации его полифоничности и полиадресатности [2, с. 208]: она обозначает многоголосье, включая голоса автора произведения, рецензента и автора анонса, а также адресуется одновременно автору, рецензенту и их читателю.

Обвинения оппонентов заставляют Хайнцманна привести в предисловии, помимо ответа на критику, развернутую цитату из

хвалебной рецензии на одно из его произведений, вышедшей годом ранее. Включение цитаты с положительной оценкой (выделено жирным в примере (8)) преследует прагматическую цель настроить читателя на позитивное восприятие последующего текста и — опять же — доказать его ценность. Способ введения высказывания рецензента здесь также играет важную роль:

- (8) *Männer, von reifer Beurtheilungskraft, und Feinde aller Egoisterey, diese waren meiner Richter, und ich habe ihren Beyfall gefunden. Sie haben zu meiner größten Beruhigung meine Arbeit für sehr nützlich erklärt, und den guten schönen Zweck alles Lobes würdig erkannt. Mehr brauche ich nicht zu meiner Ehre; aber zur Schande der Großsprecher lasse ich hier die Rezension meines Werkes in Göttinger gelehrten Zeitung vom 7 May 1792, abdrucken; und dies Urtheil trägt das Gepräge des wahren Menschensinnes, der Menschenliebe und der Menschenwürde* (Heinzmann, S. v) —

далее следует цитата (в целях экономии приводим лишь первое предложение):

- (9) *„Diese Volsschrift verdient auch ausser der Schweiz, in den Händen des Publikuns zu seyn, denn es um ein nützlichles Lesen zu thun ist...“* (Heinzmann, S. v) —

а после нее заключительные слова автора, выполняющие подытоживающую, усилительную функцию:

- (10) *Dies ist das Urtheil meines göttingener Rezensenten; wenn ich recht vermuthete, so ist Herr Hofrat Seyne der Vefasser derselben, ein Mann von geradem deutlichen Herzen und gereinigtem Geschmacke* (Heinzmann, S. vj).

Характерным признаком оформления точных цитат в произведениях того времени являлось закавычивание каждой строчки слева, что графически выделяло чужую речь и облегчало восприятие текста. Интересным представляется тот факт, что, несмотря на высокую интертекстуальную интенсивность текста «Руководства», указания на непосредственный источник приводятся крайне редко. Помимо приведенных выше отсылок к рецензиям, мы встречаем в основной части книги, насчитывающей более 500 страниц, лишь несколько прямых ссылок на претекст. При этом в одном случае речь идет о полном включении в качестве одной главы собственного, ранее опубликованного произведения:

(11) *Bild eines rechtschaffenen Handlungsdieners**

*) *Diesen Aufsatz schieb ich vor 6 Jahren in ein Neujahrgeschenk für Jünglinge* (Heinzmann, S. 174).

В другом случае Хайнцманн включает в главу, посвященную путешествиям подмастерьев, целые отрывки из произведения своего современника, историка, писателя и юриста Юстуса Мёзера, не забывая, однако, заключить их в кавычки:

(12) *„Bey uns hingegen... O Scarron! Scarron! wo bleibt deine Berufe und was darunter saß?“*

Letzte Stellen sind aus einem Buche, das ich allen denkenden Handwerkskundigen zum Lesen bestens empfehle: Möser's patriotische Phantasien (Heinzmann, S. 134).

Также среди рассуждений о необходимости правильно задавать вопросы во время путешествия находим цитату знаменитого швейцарского священника, философа и писателя того времени Иоганна Каспара Лафатера о спокойствии и умении слушать:

(13) *Lavater sagt: „Findest du einen Menschen, der ruhig ist, ohne Affektation; der mit Gegenwart des Geistes, mit wahrer Theilnehmung, mit stillem Bedürfnis hören kann, der dich nicht leicht unterbricht, der nicht zwei Fragen auf Einmal thut; die Antwort auf Eine gelassen abwartet und ganz nimmt <... > — so denke einen Schatz im Acker, eine kostbare Perle gefunden zu haben. —“*

*Solche Reisende sind willkommen allen guten Menschen; man freut sich ihnen nützlich zu seyn, denn sie gewinnen gleich das Herz** (Heinzmann, S. 60).

Внизу страницы под звездочкой содержится, тем не менее, указание не на конкретную страницу произведения (Lavater, S. 48), а на начало абзаца, из которого взята дальнейшая цитата:

(14) *) *Verehre jeden Menschen, der sanft und ruhig ist. Wo Ruhe ist, da ist Weisheit, Kraft und Würde* (Heinzmann, S. 60).

В данном случае приведение цитаты несомненно знакомого швейцарскому читателю автора порядка тридцати работ выполняет аргументирующую функцию. Совершая апелляцию к авторитету, Хайнцманн придает большую убедительность своим словам и оказывает дополнительное воздействие на читателя.

Остальной же текст «Руководства» изобилует включениями целых текстовых блоков без указания на их источник. Так, например, первая глава книги посвящена приготовлениям к путешествию и представлена в форме письма старца своему внуку. И хотя Хайнцманн не присваивает себе авторства текста, вводя его словами:

- (15) **Der Großvater schrieb an seinen Enkel** folgende Lehren, als er sich **zu Straßburg** in der Lehre befand, mit treuherzigem Ernste; und wir hoffen alle jungen Leute finden darinn den Mann von Welterfahrung, der die reine Wahrheit spricht, und es herzlich gut meynt.

Erster Hauptteil.

_____ (Heinzmann, S. 6) —

последующий взятый целиком и выделенный в отдельную главу без кавычек текст оказывается не письмом умудренного опытом старца своему внуку в Страсбург, а отрывками из послания Генриха фон Лимбурга своему сыну в гимназию в Дюрлахе, написанного в 1633 году (Limburg).

Аналогично, следующая часть книги — наставления отца сыну — представляет собой соединенные отрывки разных глав из коллективного сборника «Новогодний подарок юношам, вступающим в мир» (Neujahrgeschenk an Jünglinge, die in die Welt treten, 1789) (Neujahrgeschenk). При этом Хайнцманн полностью сохраняет даже графическое оформление цитируемого текста (крупный и жирный шрифт), таким образом выделяя те же самые фрагменты, что и автор исходного текста (сравните: (Heinzmann, S. 45) и (Neujahrgeschenk, S. 22)). В данной связи обвинения рецензентов автора в плагиате и отсутствии оригинальности оказываются в известной степени правомерными. Однако в защиту Хайнцманна следует сказать то, что, несомненно, «пестрота», если не сказать компилятивный характер, «Руководства» объясняется жанровой спецификой аподемик, сочетающих в себе черты инструктирующего и художественного текстов — оба типа текста, в отличие от научного, не предполагают наличия точных ссылок на источник и преследуют иные цели. К тому же, как уже отмечалось выше, произведение Хайнцманна появляется на завершающей стадии существования аподемик и носит подытоживающий характер, вбирая в себя множество различных текстов на тему воспитания молодого поколения и популяризации путешествия. Подтверждением

данной мысли может служить появление двумя годами позднее двухтомника Франца Поссельта «Аподемик, или Искусство путешествовать. Попытка систематизации» (Apodemik oder die Kunst zu reisen. Ein systematischer Versuch) (Posselt), уже само название которого свидетельствует о намерении автора подвести черту под темой наставления путешественников и максимально полно представить читателю соответствующую информацию, накопленную за несколько веков.

Говоря о «пестроте» интертекстуальных включений анализируемого текста, хотелось бы сделать акцент на многообразии жанров, тексты которых выступают в качестве претекста для «Руководства». Приводя слова И. В. Арнольд о том, что «интекст может отличаться от включающего текста по жанру» [1, с. 436], А. В. Жданова отмечает, что анализ случаев, когда в диалог вступают тексты не только разных авторов и эпох, но и различной жанровой природы, может оказаться весьма продуктивным [3, с. 75].

Представляется логичным, что выбор в пользу той или иной жанровой принадлежности цитируемого текста диктуется прагматическими целями. Помимо уже рассмотренных в примерах выше текстов рецензии, книжного анонса, письма, текста-наставления и других, на страницах «Руководства» в качестве цитируемого текста может выступать запись чужого устного высказывания. Так, например, в целях предостережения молодого человека от опасностей на пути Хайнцманн приводит высказывание некоего «опытного путешественника»:

- (16) *Mit Recht sagt ein erfahrener Reisender: „Banditen und Räuber sind fast immer entweder furchtsam, oder nicht genug auf ihrer Hut...“* (Heinzmann, S. 79).

Или же, рассказывая о преимуществах путешествий в маленькие города, где при уплате определенной пошлины возможно получить право на проживание, автор приводит слова одного жителя:

- (17) *Hier können alle Fremde, gegen Erstattung von 6 Liv. das Bürgerrecht erhalten. Ein Bürger von La Chaur de Fonds erzählte dieses einem Reisenden, und sah des Fremden Verwunderung: er setze also hinzu: „Zahlen denn die Fremden nicht genug, wenn sie das Land bereichern helfen?“* (Heinzmann, S. 70–71).

В примерах (16) и (17) цитаты выполняют сразу несколько функций — предостерегающую, информирующую и аргументирующую, а также разбивают, в том числе графически, монотонность наставительного текста, упрощая его восприятие.

Особого внимания заслуживает пример (18), представляющий собой записку одного парижского купца, которую он отправил в отель, где принимал посетителей, приведенную Хайнцманном в качестве аргумента необходимости не быть назойливым по отношению к людям, встречающимся на пути:

(18) *) *Ein Kaufmann zu Paris schrieb mit grossen Buchstaben in das Zimmer wo er fremde Besuche empfieng: Il n'y a rien de plus facheux pour des gens, qui ont des affaires, que les visites de ceux qui n'en ont point. Es ist nichts verdrißlicher für Leute die Geschäfte haben, als wenn sie von Müßiggängern unterbrochen werden* (Heinzmann, S. 65).

Примечательно, что французский текст подается, в отличие от немецкого — его весьма вольного, возможно авторского, перевода, — не готическим шрифтом (как все примеры, приведенные выше), а антиквой, уже широко распространенной к тому времени на территории Франции и Италии. Кстати, текст этой записки будет впоследствии полностью процитирован в уже упомянутой выше аподемике Франца Поссельта (Posselt, Bd. 2, S. 420) — что характерно, без ссылки на Хайнцманна.

Особый блок текстов-доноров составляют в аподемике утилитарные тексты, цель которых — предоставить путешественнику конкретную, фактическую информацию. К таким текстам относятся различные списки, реестры, представленные в конце книги — в целях облегчения восприятия обычно в табличной форме — и содержащие данные о расстояниях между городами (*Entfernung einiger Städte von einander* (Heinzmann, S. 327)), названиях главных улиц (*Hauptstrassen nach verschiedenen Orten* (Heinzmann, S. 355)), валюте (*Münzen europäischer Länder* (Heinzmann, S. 364)), расходах на еду и транспорт (*Berechnung von Reisekosten mit dem Postwagen zur Leipziger Ostermesse 1783. Von einem Handlungsdienner in Bern* (Heinzmann, S. 181)) и прочем. Как правило, в качестве источников подобных текстовых фрагментов выступают широко распространенные в то время путевые заметки, как сделанные самим автором во время его многочисленных путешествий (пример (19)), так и заимствованные у других путешественников (пример (20)):

- (19) **Verzeichnis** einiger Wirtsrechnungen, wie ich sie zu verschiedenen Zeiten und in merherer Gesellschaft auf meinen Reisen bezahlt habe.
In Basel zahlte ich für ein Mittagessen an der Table d'hote, 12.15.18 Batzen. Im Wildenmann und im Storchen habe ich mich am besten gefunden; für ein Nachtessen und ein Nachtquartier, und Kaffee am anderen Morgen, 18.25 bis 28 Batzen (Heinzmann, S. 242).
- (20) **Aus seinem Reisejournal** ziehe ich doch hier einige seiner Reise-Routen aus, weil sie für gemeine Handwerker, die nach Arbeiten gehen, einiges Lehrreiche zu erhalten scheinen ...
Von Collmar nach Müllhausen im Elsaß rechnet er 8 Stunden
Von da nach Basel -----6-----
Von da nach Liechtstall-----3-----
 (Heinzmann, S. 112).

В примере (19) приведены сведения о ценах на питание и проживание в различных гостиницах. О времени же в пути между различными городами можно судить на основании записей молодого дубильщика, которые приводит Хайнцманн (пример (20)).

Подводя итог анализу формы и функций «чужой речи» в тексте «Руководства», представляется возможным предположить, что включения того или иного типа текста в качестве текста-донора находятся в определенной взаимосвязи со структурой аподемик:

- 1) рецензии и анонсы характерны для вступительной части текстов и выполняют информирующую функцию, а также функцию «авторской самозащиты»;
- 2) тексты-наставления, в том числе письма, встречаются преимущественно в первых главах руководств, носящих общий духовно-религиозный характер и несущих информирующую и поучительную функции;
- 3) высказывания известных людей, библейские тексты, пословицы и поговорки с их аргументирующей и эстетической функциями приводятся на протяжении всего текста;
- 4) утилитарные тексты, как источники фактической информации, размещаются в заключительных частях текста, в том числе в приложениях, и носят преимущественно справочный характер.

На основании проделанного анализа можно сделать вывод о том, что «чужая речь» играет особую роль в текстах руководств для путешественников как редкого жанра литературы Германии эпохи Просвещения и представлена широким спектром форм (атрибутированные и неатрибутированные, точные и неточные цитаты, реминисценции, целые текстовые включения), выполняющих разнообразные функции.

Источники

- Allgemeine — Allgemeine Literatur-Zeitung. 1793. № 177. S. 675–677.
- Evangelium — Evangelium nach Matthäus. <https://www.bibleserver.com/text/EU/Matth%C3%A4us25> (дата обращения: 17.01.2019).
- Heinzmann — *Heinzmann, G.* Rathgeber für junge Reisende. Leipzig: s. p., 1793. 485 S.
- Lavater — *Lavater, J. C. von.* Brüderliche Schreiben an verschiedene Jünglinge. Winterthur: s. p., 1782. 188 S.
- Limburg — *Limburg, H. von.* Thesaurus Paternus // Patriotisches Archiv für Deutschland / hrsg. von F. C. Freiherr von Moser. Frankfurt; Leipzig: Schwan, 1774. S. 289–342.
- Neujahrgeschenk — Neujahrgeschenk an Jünglinge, die in die Welt treten. Leipzig: s. p., 1789. 158 S.
- Nietzsche — *Nietzsche, F.* Morgenröte. Gedanken über die moralischen. S. l.: Vorurteile Jazzybee Verlag, 2012. 288 S.
- Psalmen — <https://www.bibleonline.ru/bible/deu/19/04/> (дата обращения: 17.01.2019).
- Posselt — *Posselt, F.* Apodemik oder die Kunst zu reisen. Ein systematischer Versuch zum Gebrauch junger Reisenden aus den gebildeten Ständen überhaupt und angehender Gelehrten und Künstler insbesondere: in 2 Bdn. Leipzig: s. p., 1795.
- Universal-Lexikon — https://universal_lexikon.academic.ru/ (дата обращения: 17.01.2019).

Литература

1. Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. М.: Либроком, 2010. 443 с.
2. Довгань, Н. В. Маркеры интертекстуальности в тексте типа «Рецензия на литературное произведение» (на материале немецких печатных и электронных изданий) // Вестник Воронеж. гос. технол. ун-та. 2013. Т. 9. № 3.2. С. 205–209.

3. Жданова, А. В. Особенности проявления интертекстуальности в публицистическом тексте // Учен. зап. Казан. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. № 4. С. 72–85.
4. Кристева, Ю. Избр. труды. Разрушение поэтики. М.: РОССПЭН, 2004. 658 с.
5. Петрова, Н. В., Кулакова, О. К. Различные подходы к определению интертекстуальности // Вестник Иркут. гос. лингвист. ун-та. 2011. № 2 (14). С. 131–136
6. Фатеева, Н. А. Интертекст в мире текстов. Контрапункт интертекстуальности. М.: Либроком, 2012. 282 с.
7. Goebel, G. Funktionen des „Buches im Buche“ in Werken zweier Repräsentanten des 'Nouveau Roman' // Interpretation und Vergleich: Festschrift für Walter Papst / hrsg. von E. Leube, L. Schrader. Berlin: Schmidt, 1972. S. 34–52.
8. Stagl, J. Apodemiken. Eine räsionierte Bibliographie der reisetheoretischen Literatur des 16., 17., und 18. Jahrhunderts. Zürich; Wien; Paderborn: Schöningh, 1983. 119 S.
9. Ternès, A. Intertextualität: Der Text als Collage. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2016. 144 S.

References

1. Arnold, I. V. *Semantics. Stylistics. Intertextuality*. Moscow, Librokom Publ., 2010, 443 p. (In Russian).
2. Dovgan, N. V. Markers of Intertextuality in the Text of the Type “Literary work review” (A Case Study of Print and Electronic Publications. *Vestnik Voronezh. gos. tekhnol. un-ta*, 2013, vol. 9, no 3.2, pp. 205–209. (In Russian).
3. Zhdanova, A. V. Peculiarities of Intertextuality Occurances in the Publicistic Text. *Uchen. zap. Kazan. un-ta. Serii: Gumanitarnye nauki*, 2015, vol. 157, no. 4, pp. 72–85. (In Russian).
4. Kristeva, Iu. *Selectas. Decaying of Poetics*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004, 658 p. (In Russian).
5. Petrova, N. V., Kulakova, O. K. Different Approaches to the Definition of Intertextuality. *Vestnik Irkut. gos. lingvist. un-ta*, 2011, no. 2 (14), pp. 131–136. (In Russian).
6. Fateeva, N. A. *Intertext in the Word of Texts. Counterpoint of Intertextuality*. Moscow, Librokom Publ., 2012, 282 p. (In Russian).
7. Goebel, G. Funktionen des „Buches im Buche“ in Werken zweier Repräsentanten des 'Nouveau Roman'. *Interpretation und Vergleich: Festschrift für Walter Papst*, ed. by E. Leube, L. Schrader. Berlin, Schmidt, 1972, pp. 34–52.
8. Stagl, J. Apodemiken. Eine räsionierte Bibliographie der reisetheoretischen Literatur des 16., 17., und 18. Jahrhunderts. Zürich; Wien; Paderborn, Schöningh, 1983, 119 p.

9. Ternès, A. *Intertextualität: Der Text als Collage*. Wiesbaden, VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2016, 144 p.

Нифонтова Дарья Евгеньевна

ассистент кафедры немецкой филологии СПбГУ, кандидат филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Daria E. Nifontova

Assistant of German Philology Department, St. Petersburg State University, Candidate of
Philological Sciences

Address: 7–9, University emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: d.nifontova@spbu.ru

SPIN-код: 1837-8136, ORCID iD: 0000-0002-8104-4042, Researcher ID: C-2934-2016;

IV. MARKERы ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 81'367:81-115

BETTINA BOCK

Friedrich-Schiller-Universität Jena

K. V. MANEROVA

Sankt Petersburg Staatliche Universität

REPRODUKTION VON PHRASEMEN IM POLITISCHEN DISKURS (am Beispiel von Zeitmetaphern während der Perestroika und in der deutschen Wendezeit)¹

Schlüsselwörter: Reproduktion, Zeitmetapher, Zeitphrasemik, diskursive Praxis, der Perestroika-Diskurs, der Wende-Diskurs, DIMEAN.

Zeit besitzt seit dem Beginn der Neuzeit eine hohe Symbolkraft und dient als Metapher. Das Ziel des Beitrages ist die Analyse der sprachlichen Kontextualisierung der diskursiven Praxis am Beispiel von reproduzierbaren russischen und deutschen Zeitmetaphern, d. h. Metaphern mit einem Zeitbezug, die zu stehenden Einheiten, auch im russischen und deutschen politischen Diskurs der Wendezeit 1988/89 in der Sowjetunion und in der DDR geworden sind. Diese Zeitmetaphern enthalten die Wörter russ. *час/часы/время* bzw. dt. *Stunde/Uhr/Zeit*, auch als Schlüsselkomponente in Phrasemen. Inwieweit spiegeln sich in der Reproduktion gesellschaftliche Entwicklungen wider, die in bestimmten Diskursen erscheinen? Ausgehend von der These, dass die Zeit in Zeiten von Umbrüchen eine eigene Symbolkraft erhält und zum Akteur im politischen Diskurs wird, zeigt die kontrastiv ausgerichtete, mittels des diskurslinguistischen Modells DIMEAN durchgeführte Analyse markante Unterschiede bei der metaphorischen Modellierung und lässt unterschiedliche M-Modelle für den russischen Perestroika- und den deutschen Wende-Diskurs erkennen. So ist die Personifizierung mit großem Abstand zu anderen M-Modellen das wichtigste reproduzierbare M-Modell für den russischen Perestroika-Diskurs und kann als diskursive Praxis eingestuft werden, was für den Wende-Diskurs nicht der Fall ist. Im deutschen Wende-Diskurs sind hingegen sowohl Phraseme mit *Zeit* als auch mit *Stunde* Elemente der diskursiven Praxis. Die Materialbasis bilden für die russische Sprache Правда-Texte aus dem Jahre 1988, fürs Deutsche Texte des Neuen Deutschlands aus dem Jahr 1989.

¹ Entsprechender Vortrag, gehalten auf der Tagung EUROPHRAS 2018 (10.–12.09.2018, Bialystok, Polen).

BETTINA BOCK
Friedrich-Schiller-University Jena

K. V. MANEROVA
St. Petersburg State University

REPRODUCIBILITY OF PHRASEMES IN POLITICAL DISCOURSE (On the Example of Time Metaphors During Perestroika and in the German “Wende”)

Keywords: reproducibility, time metaphor, time phrasemic, discourse practice, Russian Perestroika discourse, German reunification discourse, DIMEAN.

Time has had a high symbolic power since the beginning of modern times and serves as a metaphor. The aim of the article is the analysis of the linguistic contextualization of discursive practice using the example of reproducible Russian and German time metaphors, i. e. metaphors with a reference to time, which have become standing units, also in the Russian and German political discourse of the turn of 1988/89 in the Soviet Union and in the GDR. These time metaphors contain the words Russian *час/часы/время* or German *Stunde/Uhr/Zeit*, also as a key component in phrasemes. To what extent are reproductions of phrasemes reflecting social developments that appear in certain discourses? Starting from the thesis that time in times of upheaval gets its own symbolic power and becomes an actor in political discourse, the contrastively oriented analysis carried out by the discursive linguistic model DIMEAN shows striking differences in metaphorical modeling and allows to recognize different M-models for discourse of the Russian “perestroika” and the German “Wende” (reunification period). For example, personalization is by far the most reproducible M-model for Russian “perestroika” discourse, and can be categorized as discursive practice, which is not the case for the “Wende” discourse. In the German “Wende” discourse, on the other hand, phrasemes with *Zeit* ‘time’ and with *Stunde* ‘hour’ are elements of discursive practice. The material basis for the Russian language is provided by the newspaper “Pravda” texts from 1988, for the German language by texts of the newspaper “Neues Deutschland” from 1989.

1. Problemstellung

Russ. *время*, dt. *Zeit* ist eine wichtige Kategorie im menschlichen Dasein, sie ist Teil des universellen, aber auch des ethnokulturell determinierten Weltwissens. Als mentale Kategorie wird sie kognitiv erfasst. Eine der menschlichen Vorstellungen von der Zeit ist z. B. im Jahreszeitenwechsel begründet. Zeit spielt eine große Rolle, wenn es um Arbeit geht, vgl. dt. *Zeit ist Geld, Viele Hände machen der Arbeit ein schnelles Ende* [18]. An diesen Beispielen sieht man, dass die Auffassung von der Zeit auch durch die jeweilige Kultur geprägt wird, fehlt doch zum Beispiel in einigen Regionen der Erde das Erleben von Jahreszeiten und *Zeit ist Geld* ist ein Sprichwort, das mit der Industrialisierung aufkam.

Somit ist das Wortfeld linguakulturell bedingt. Der Fluss der Zeit dagegen ist wie die Wiederholung eine Universalie. Nach N. F. Alefirenko ergeben sich solche linguakulturellen Universalien aus der allgemeinen Entwicklung der Zivilisation und Kultur, aus globaler Welterkenntnis, Erkenntnis universeller Gesetze und Kategorien. Die kulturell determinierte Spezifik ist schon ein Ergebnis der sprachspezifischen Kodierung der Wirklichkeitswelt durch sog. Konstanten [1, c. 174]. Zeit ist eine solche Konstante. Die Konstante Zeit erfährt ihre sprachliche Kodifizierung auf unterschiedlichen Sprachebenen: Tempus und Aspekt als grammatische Kategorien, Metaphern, Sätze, Einwort- und Mehrworteinheiten wie russ. *сегодня*, dt. *heute* oder russ. *вчера вечером*, dt. *gestern Abend*, Konnektoren wie russ. *когда*, dt. *wenn*, variable temporale Modifikatoren wie russ. *нынешний, будущий, бывший*, dt. *gleichzeitig, zukünftig, gewesen* oder Deiktika wie russ. *этот, тот (час)*, dt. *diese, jene (Stunde)* [5, c. 278]. Die variablen Ausdrucksmittel referieren aber semantisch gleich: Etwas verläuft gleichzeitig oder vor- bzw. nachzeitig, etwas ist vergangen, gegenwärtig oder zukünftig. Eine temporale Bedeutung findet sich auch bei Sachbezeichnungen [2, c. 59]. Dazu gehören Bezeichnungen für temporale Maßeinheiten (russ. *час*, dt. *Stunde*, engl. *hour*, frz. *heure*) oder Benennungen für zeitmessende Geräte (russ. *часы*, dt. *Uhr*, engl. *clock/watch*, frz. *montre/horloge/pendule*) [9, c. 159]. Die Uhr besitzt seit dem Beginn der Neuzeit eine hohe Symbolkraft und dient als Metapher (z. B. bei Leibniz) [14, S. 140].

Für den Menschen der Moderne ist die Uhr das Ding, mit dem er Zeit in besonderem Maße verbindet. Das Geräusch des Tickens steht für den Fluss der Zeit, die Anzeige einer konkreten Zeit ist mit einem Zeitpunkt verbunden. Uhren können die falsche Zeit anzeigen oder stehenbleiben. Bestimmten Uhrzeiten kommt eine besondere Bedeutung zu, insbesondere den Anzeigen *12 Uhr* und *5 vor 12*.

Wie gesagt, Zeit ist eine sprachliche Universalie. Einblicke in das Konzept Zeit gewähren sowohl die Etymologie der einzelnen Einheiten, als auch Betrachtungen des gesamten Wortfeldes [17]. So werden im Russischen zwei verschiedene Konzepte mit einem Wort, jedoch in der Einzahl- und Mehrzahlform *час* — *часы*, dt. *Stunde* — *Stunden/Uhr* benannt, was auf eine Verbindung von Kulturgeschichte und lexikalischer Entwicklung schließen lässt. Eine ähnliche Entwicklung zeigt übrigens auch dt. *Uhr* < afrz. *(h)ore*, *(h)eure* 'Stunde' [17]. Zeitbezug findet sich in der Bezeichnung von Mahlzeiten wie russ. *завтрак* < aruss. *за-утрокъ* 'Frühstück' [13] oder dt. *Frühstück*.

Vor diesem Hintergrund geht es im Folgenden um eine Analyse der phraseologischen Zeit-Metaphorik im deutschen und russischen politischen Diskurs der Wendezeit 1988/89 in der Sowjetunion und in der DDR. Die Leitfrage ist: Inwieweit spiegeln sich in der Reproduktion und Abwandlung der Zeit-Metaphern gesellschaftliche Entwicklungen wider, die in bestimmten Diskursen erscheinen? Die Leitthese lautet, dass Zeit und Uhr in Umbruchsphasen eine eigene Symbolkraft erhalten (vgl. dazu den Gorbatschow zugeschriebenen Satz *Wer zu spät kommt, den bestraft das Leben*).

Methodisch schließt die Untersuchung an Arbeiten zum Diskurs [10; 11; 26; 27], zum Diskurs in der Wendezeit [21; 15], zum metaphorischen und phraseologischen Wortschatz im Diskurs [6; 7; 16], zum metaphorischen Wortschatz dieser Zeit [23] (sowie: [3]) und eigene Arbeiten zu Phrasemen im politischen Diskurs [19] an. Als diskursorientiertes Analysemodell dient das Modell der Diskurslinguistischen-Mehr-Ebenen-Analyse DIMEAN, mit dem Metaphernlexeme, Metaphernfelder und Mehrworteinheiten auf der intratextuellen Ebene erforscht werden können [26]. Die Materialbasis bilden für die russische Sprache Texte der Zeitung „Правда“ aus dem Jahre 1988² (Правда), fürs Deutsche Texte des „Neuen Deutschlands“ aus dem Jahre 1989 (ND). In beiden Fällen handelt es sich um das Zentralorgan der jeweiligen kommunistischen Partei.

2. Metaphorische Modellierungen zur Zeit im Russischen und sprachvergleichend im Deutschen

Eine Metapher basiert auf der Verbindung zweier Wissensstrukturen: des kognitiven Bereiches der Quelle (engl. *source domain*) und des kognitiven Bereiches des Zieles (engl. *target domain*). Bei der Metaphorisierung (engl. *metaphorical mapping*) wird der Quellbereich dem Zielbereich kognitiv zugeordnet (engl. *cognitive mapping*), wobei der Quellbereich im Zielbereich noch teilweise erkennbar ist. In der Regel ist der Quellbereich konkreter als der Zielbereich, vgl. die Metaphorisierungsskala von [22, S. 48]:

PERSON > OBJEKT > AKTIVITÄT > RAUM > ZEIT > QUALITÄT

² Das Prawda-Archiv in der Datenbank *East View Information Services*. Zugang über Gorki Scientific Library der Universität St. Petersburg unter: (Правда).

Der Quellbereich spiegelt Erfahrungen aus dem praktischen Leben der Menschen durch einfache kognitive Strukturen (engl. *image schemas*) wider. Dafür stehen z. B. Gefäß, Weg, Bewegung [3, c. 12–14]. Man spricht in diesen Fällen von M-Modellen (metaphorischen Modellen) oder von Konzeptmetaphern, für deren Auffassung das Werk von George Lakoff und Mark Johnsen [24] als grundlegend gilt.

Zeit ist ein abstraktes Konzept. Sie manifestiert sich aber in der Materialität der Welt. Der linguakulturelle Aspekt zeigt sich daher bei den Zeitmetaphern nicht nur in Bezug auf die Zeit, sondern auch in Bezug auf die Quellbereiche, wenn Zeit durch Dinge ausgedrückt wird, oder in Bezug auf die Zielbereiche, wenn Zeit-Wörter selbst Ausgangspunkt für eine Metapher sind. Kategorial und diskursiv relevant dafür sind Wortschatzeinheiten, die ein breites Spektrum abdecken: von Einworteinheiten bis zu Phrasemen und Einheiten, die durch semantische Umdeutung und metaphorische Modellierung entstanden sind [12, c. 24].

Für die russische Kultur sind *час*, *часы* und *время* kognitiv relevante zeitliche Dimensionskonzepte; die deutschen Entsprechungen sind *Stunde*, *Uhr* und *Zeit*. Alle diese Wörter erscheinen, wenn auch mit markanten Unterschieden, in Metaphern und in Mehrworteinheiten. Beide Wortformen *час* — *часы* sind Komponenten von Phrasemen, die auch wieder linguakulturell geprägt sind. „Die Phraseologismen und Idiome werden von den Phraseologieforschern als solche Einheiten verstanden, sie sind komplexe sprachliche Zeichen im Alter von einigen Jahrhunderten, in diesen Zeichen sind Mythen, Sitten und Bräuche, Symbole, Ideologie, kurz, die markanten Bestandteile einer Kultur erstarrt, somit tragen die Phraseologismen diverse Kulturcodes in sich“ [25, S. 72]. So liefert die jeweilige Kultur der Zeitauffassung ein ganzheitliches Zeitgefühl, generiert Einheiten und Bilder, Normen und Werte, kurz, eine komplexe Existenz der Kultur in der Zeit und durch die Zeit [4, c. 20]. Der semantische Wandel des Wortes ist etymologisch zu erklären. Im Russischen werden beide Denotate, sowohl die Maßeinheit *час*, als auch das Gerät *часы* mit einem Wort, entweder im Singular oder im Plural, benannt: *час* — *часы*. Etymologisch ist das Wort wohl auf eine indoeuropäische Wurzel der Bedeutung ‘hasten’ zurückzuführen, vgl. russ. *часть* [13], d. h. *час* wird konzeptuell als das ‘Dahineilende’ bestimmt, zu dem die Bedeutungen ‘Stunde’ und ‘Uhr’ in metonymischer Beziehung stehen. Die russischen Mehrworteinheiten mit der temporalen Komponente *час* lassen sich strukturell in nominative und propositionale Phraseme einteilen [20, S. 36–41]. Beide Typen zeigen

kontextabhängige Abwandlungen. Außerdem ist zu beobachten, dass die Schlüsselkomponente *час* in den Phrasemen zur Ambiguität neigt. Im Folgenden werden, soweit gegeben, die deutschen Volläquivalente (=) und Teiläquivalente (~) mit genannt.

1. Nominative Phraseme

ждать битый час = dt. *eine geschlagene Stunde warten* 'lange warten'; volle Stunde, weil eine Stunde nach der, die geschlagen hat [8]; *звёздный час* = dt. *Sternstunde* 'ein anstrengender, schicksalhafter oder glorreicher Moment'; *смертный час* = dt. *Todesstunde* 'Stunde, in der jemand stirbt; jemandes Ende'; *мертвый час* ~ dt. *Ruhestunde* 'Zeit des Mittagschlafes', *час икс* = dt. *Stunde X* 'Stunde/Tag, an dem ein großes Ereignis seinen Ausgangspunkt hat'³

In diesen Phrasemen unterliegt das Attribut, teils auch das Zeit-Wort metaphorischer Modellierung (MM): *битый* (MM von Uhrschlag), *звёздный* (MM von glänzend, blitzend), *смертный* (MM von Sterben), *мертвый* (MM von tot). Dabei büßt *час* (analog dt. *Stunde*) in diesen Einheiten die primäre Bedeutung 'eine Zeitspanne von 60 Minuten' ein.

2. Propositionale Phraseme (Routineformeln, Phraseoreflexe, Sprichwörter)

2.1. *Час* mit der Bedeutung 'Zeitpunkt': *час пробил/ударил* = dt. *die Stunde hat geschlagen* 'der Zeitpunkt ist gekommen'; *час близок* ~ dt. *die Stunde kommt*, wörtlich: 'die Stunde ist nahe'.

2.2. *Час* mit der Bedeutung 'kürzere Zeitspanne' (oft im Gegensatz zu längeren Zeitspannen wie Jahr, Jahrhundert, Leben): *час придет и пору приведет* 'die Stunde kommt und die Zeit wird kommen'; *час терпеть, а век жить* 'eine Stunde dulden, ein Jahrhundert leben'; *часом море не переедешь* 'in einer Stunde gelangt man nicht über das Meer'; *часом опоздано, годом не наверстаешь* 'verspätet man sich um eine Stunde, holt man es in einem Jahr nicht nach', vgl. dt. *was man in einer Stunde versäumt, kann oft ein Jahr nicht einholen*.

Die kulturell determinierte Ambiguität von *час* kommt durch zwei Sprichwörter zum Ausdruck: *русский час — все сейчас* 'die russische Stunde — alles ist jetzt (gleich)', *час* bedeutet *Zeitpunkt*; aber *русский час долог* 'die russische Stunde ist lang', *час* bedeutet *Zeitspanne*.

2.3. *Часы* mit der Bedeutung 'Uhr'

Das Wort ist eine Metonymie des Plurals *часы* in der Bedeutung 'Stunden'. Die Benennung des Messgerätes hat aber im Russischen keine

³ Übernahme aus dem Amerikanischen (ÜA).

intensive Metaphorisierung bzw. Phraseologisierung erfahren, was sich aus der Kulturgeschichte und der lexikalischen Entwicklung erklären lässt: Eine allgemeine Benennung der Uhr im russischen Volksmund ist und war *ходики* (von *ходить* 'gehen', weil die Uhr geht, d. h. die Zeiger bewegen sich quasi schrittweise vorwärts). Die Wendungen *стоять на часах* 'Wache stehen' (wörtlich: nach der Uhr stehen), *читать часы* (vor einem Gestorbenen in der religiösen Liturgie) wörtlich 'die Stunden lesen' sind wenige russische Belege für stehende Wendungen mit *часы*. Phraseme wie *биологические часы* = dt. *die biologische Uhr*, *внутренние часы* = dt. *innere Uhr*, *часики тикают* = dt. *die Uhr tickt* sind erst im moderneren Sprachgebrauch zu Phrasemen geworden, und zwar sind *биологические часы* ab 1960, *внутренние часы* ab 1968, *часики тикают* ab 1967 nachweisbar (nach dem Wortprofil) (НКРЯ).

3. Russ. *время* 'Zeit' als diskursiver Marker des sowjetischen Perestroika-Diskurses

Während *час* auf eine Zeitspanne oder einen Zeitpunkt referiert, *часы* 'Stunden' und 'Uhr' metonymisch daraus abgeleitet ist, steht *время* im Russischen für Zyklisches, Kreislauf, Wiederholung, was auch in der Etymologie des Wortes deutlich wird, denn es ist mit russ. *вернуть* 'wenden' zu verbinden. Das zeigt sich im phraseologischen Vergleich mit dem Deutschen, wo *Zeit* auch für *Zeitspanne*, *Zeitpunkt* oder *Frist* stehen kann: *es ist höchste Zeit* ~ russ. *давно пора* (wörtlich: 'es ist lange der Zeitpunkt'), *in möglichst kurzer Zeit* ~ russ. *в кратчайший срок* (wörtlich: 'in kürzester Frist').

Zeigt sich der Unterschied auch im russischen Perestroika- und im Wende-Diskurs in der DDR? Eine vergleichende Analyse von Metaphern des Perestroika- und des Wende-Diskurses wurde von Anatolij Baranov in seiner Studie vorgenommen [3]. Für beide Diskurse wurden metaphorische Modelle (M-Modelle) wie Raum, Krieg, Bauwesen, Architektur, Mechanismus, Sport als konzeptuelle und kognitiv stabile Metaphern ermittelt [3, c.277–284], vgl. Wende (M-Modell Raum), Perestroika (M-Modell Bauwesen). Die temporalen Modifikatoren und Komponenten in den M-Modellen bleiben jedoch in der Studie außer Acht, gleichwohl erhält *Zeit* in Zeiten von Umbrüchen eine eigene Symbolkraft. Die *Zeit* wird nicht gleich gedacht: Die Perioden, die frei von jeglichen sozial und gesellschaftlich relevanten Ereignissen sind, bekommen keine besondere sprachliche Bezeichnung. Dagegen erhal-

ten kognitiv relevante zeitliche Ereignisse eine präzise Benennung: *смутное время* ~ dt. *unruhige Zeit(en)*; *петровское время* ~ dt. *die Ära Peters I.*, *эпоха Горбачева* = dt. *die Epoche Gorbatschows*, *во времена Перестройки* = dt. *in der Zeit / in den Zeiten der Perestroika*, vgl. auch dt. *Wendezeit*, *Breschnew-Ära*⁴. Von daher verlangen zeitliche M-Modelle eine komplexe Interpretation.

Die gewählten Texte der Zeitung „Правда“ umfassen die Zeitspanne vom 28.06.1988 — 01.07.1988, die Tage des 19. Allunions-Parteitag der KPdSU (XIX Всесоюзная партийная конференция). Auf dem Parteitag wurden von M. Gorbatschow und der politischen Führung wichtige Resolutionen für Perestroika und Glasnost, Demokratisierung, d. h. für einen entscheidenden Umbruch des politischen Systems beschlossen. Die Texte der „Правда“ der ausgewählten Zeitungsnummern 181–184 beinhalten Berichte und offizielle Auftritte der Redner.

Die Methode der Diskurslinguistischen-Mehr-Ebenen-Analyse (DIMEAN) eignet sich in besonderem Maße als Matrix für die Analyse diskursrelevanter lexikalischer sowie metaphorischer Marker auf der Ebene der propositions- und wortorientierten Diskursanalysen, denn „[d]ie intratextuelle Analyse-Ebene umfasst <...> die Gesamtheit diskurslinguistisch relevanter Phänomene in Einzeltexten“ [26, S. 138] und „Wörter‘ sind nicht nur zentrale Bausteine unserer Weltaneignung und Weltgestaltung, sondern auch basale Elemente von Aussagen und als solche prominente Einheiten der diskurslinguistischen Analyse.“ [26, S. 139], somit sind sie konstruktiv für die Semantik von Texten und Aussagen. Es ist zu erwarten, dass der politische Diskurs vor diesem Hintergrund mit einer Aktualisierung des diskursiv relevanten Markers *время* als einer Einwort-Einheit (Lexemmetapher) und als einer Komponente von Mehrwort-Einheiten verbunden ist. Lexemmetaphern etablieren ihre übertragende Bedeutung durch Kontextualisierungen mit nicht metaphorischen Ausdrücken in Propositionen. So weisen Spitzmüller und Warnke darauf hin, dass der metaphorische Teil einer Aussage (engl. *focus*) in den nichtmetaphorischen Teil der Aussage (engl. *frame*) eingebettet ist, und Ziems kognitionssemantischer Arbeit [28, S. 95] folgend betonen sie, „dass die Wissensorganisation in Diskursen wesentlich auch über metaphorische Konzepte fundiert ist und damit analog zur Idee

⁴ Bei der Google-Suche (16.08.2018) erhält man ca. 212.000 Ergebnisse, für *Ulbricht-Ära* nur ca. 46.000 Ergebnisse.

konzeptueller Metaphern (Lakoff/Johnson [1980] 2008) ein Grundprinzip der kognitiven Verarbeitung darstellen [sic].“ [26, S. 153].

Фолgende Phraseme finden sich:

- *в ближайшее время* ‘in nächster Zeit’:

*Теперь эта ошибка исправляется. В **ближайшее время** будут приняты в правительственном порядке применения государственных заказов* (Правда, 28.06.1988, № 181, с. 2);

*Очевидно, это настолько важный вопрос, что он должен стать уже в **ближайшее время** также предметом специального обсуждения на Пленуме ЦК партии* (Правда, 28.06.1988, № 181, с. 6);

*Видимо, с учетом обсуждения на конференции и формирования общей нашей позиции по этим вопросам можно было бы уже в **ближайшее время** приступить к созданию новой структуры партийного аппарата* (Правда, 28.06.1988, № 181, с. 6);

- *сложное время* ‘eine schwierige Zeit’:

*Сложное и бескомпромиссное **время** духовного очищения* (Правда, 01.07.1988, № 183, с. 2);

- *неспокойное время* ‘unruhige Zeit’:

*Наше **неспокойное время** подсказывает* (Правда, 01.07.1988, № 183, с. 9);

- *историческое время* ‘historische Zeit’:

*Это правда, что сегодня **историческое время*** (Правда, 30.06.1988, № 182, с. 8);

- *судьбоносное время* ‘schicksalhafte Zeit’:

*К сожалению, иногда приходится наблюдать, что некоторые товарищи даже в это **судьбоносное** для страны **время** так и не могут отрешиться от междоусобной борьбы, групповых страстей и личных амбиций* (Правда, 28.06.1988, № 181, с. 3);

- *новое время / старые времена* ‘neue Zeit’ (positiv) / ‘alte Zeiten’ (negativ):

*Новое **время** социально-экономических преобразований развивает инициативу и творчество людей* (Правда, 30.06.1988, № 182, с. 6);

Но, мне кажется, прозвучали в ряде выступлений и ноты ностальгии по **старым, добрым временам** «идеологической комфортности» (Правда, 30.06.1988, № 182, с. 6);

Не уступайте ни шагу силам торможения и всяким плакальщикам по **старым временам** (Правда, 30.06.1988, № 182, с. 5);

- *времена застоя / застойное время* 'die Zeit der Stagnation':

Или же повздыхает о жизни и снова впадает в дрему, что прекрасно устроило бы всех, кому по вкусу **времена застоя?** (Правда, 28.06.1988, № 181, с. 7);

Говорили о грубейших нарушениях в период культа личности и **застойное время** (Правда, 30.06.1988, № 182, с. 6);

Понять бы можно человека **времен застоя**, когда вообще никто ни во что не верил (Правда, 30.06.1988, № 182, с. 8).

Wie die Belege zeigen, ist *время* im russischen Perestroika-Diskurs als quasi wichtiger Akteur der metaphorischen Modellierung ausgesetzt. Zeit handelt, bricht und zerstört das alte Regime, ist ein eigenständiges politisches Subjekt geworden. In den Texten der Zeitung „Правда“ ist der Singular *время* weit häufiger als der Plural und die Pluralform *времена* erscheint zudem als negativ konnotierte Form im Perestroika-Diskurs. Die neue Perestroika-Zeit ist keine Wiederholung alter Zeiten und dadurch attraktiv: *время* wird als kein bloß temporaler Abschnitt bzw. eine Zeitspanne aufgefasst, sondern als etwas Autozentriertes empfunden. Dementsprechend verfügt *время* über bestimmte Eigenschaften und weist dadurch auch eine starke Personifizierungstendenz auf.

Die Personifizierung ist eine Trope, die zur Bedeutungserweiterung und folglich zur Polysemie beiträgt. Im russischen Perestroika-Diskurs ist Personifizierung mit großem Abstand zu anderen M-Modellen das wichtigste M-Modell [3, с. 284]. Im Perestroika-Diskurs ist Personifizierung ein Mittel für die Herausbildung einer neuen anthropozentrierten politischen Kommunikation und für die Zerstörung des ritualisierten (d. h. sowjetischen) politischen Denkens, wo nur der Staat oder die Partei als politische Akteure auftreten durften. Diese neuen Personifizierungen leiten das Ende der monosubjektiven Struktur im ideologischen Diskurs ein. So kann Personifizierung im russischen ideologischen Perestroika-Diskurs als hochfrequente diskursive Praxis bezeichnet werden [3, с. 298]. Diskursive Praxis bezeichnet eine allgemeine Tendenz bei der Wahl der sinntragenden Ausdrucksmittel aus vielen diversen, funktionsgleichen Designatoren für eine Erscheinung im Diskurs.

Die These zur Personifizierung als reproduktivem M-Modell und diskursiver Praxis wird durch Texte der „Правда“ von 1988 (Ausgaben 181–184) verifiziert:

- *время уходит/ушло* ‘die Zeit vergeht/ist vergangen’:

Из нашего бытия безвозвратно уходит время, когда, говоря знаменитой ремаркой пушкинского Бориса Годунова, «народ безмолвствует» (Правда, 01.07.1988, № 183, с. 3);

- *время требует* ‘die Zeit fordert’:

*Я, как рабочий, считаю, что устоявшийся взгляд на прием в партию инженерно-технических работников, по крайней мере промышленных предприятий, не отвечает **требованиям времени*** (Правда, 30.06.1988, № 182, с. 6);

- *время уполномочивает* ‘die Zeit bevollmächtigt’:

*Мы **уполномочены временем**, удостоены чести нести высокие коммунистические идеалы* (Правда, 01.07.1988, № 183, с. 2);

- *время обнажает* ‘die Zeit deckt auf’:

*Товарищи, наше **время обнажает** множество сложных проблем в сфере национальных отношений* (Правда, 01.07.1988, № 183, с. 3).

Als weitere Belege der diskursiven Praxis Personifizierung lassen sich anführen: *время осуждает* ‘die Zeit bemängelt’; *время организует* ‘die Zeit organisiert’; *время меняет* ‘die Zeit ändert’; *время не терпит компромиссов* ‘die Zeit duldet keine Kompromisse’; *время покажет* ‘die Zeit wird zeigen’; *время перестройки настало* ‘die Zeit der Umgestaltung ist gekommen’.

Deiktische Marker wie *то* (*jene* [Zeit]) und *это* (*diese* [Zeit]) werden zu festen Bestandteilen der Phraseme mit *время*: *то время, это время* (vgl. auch den obligatorischen Definitartikel in den deutschen Übersetzungen). Diese Verbindungen sind zudem wertend: *jene Zeit* ist (negativ) alt, *diese Zeit* ist (positiv) neu. Die Dauer der Zeit wird negativ bewertet: *seit alten Zeiten, eine lange Zeit* — darunter wird die Zeit der Stagnation in der Breschnew-Epoche verstanden, vgl.:

*В **те** минувшие **времена** в средствах массовой информации была монополия одних людей, и мы знаем, к чему она привела* (Правда, 30.06.1988, № 182, с. 8);

Ну а разве не ощущали мы тяжкое духовное наследие **тех времен** и после того, когда началась перестройка? (Правда, 30.06.1988, № 182, с. 6);

Длительное время допускались серьезные недостатки в руководстве социально-экономическим развитием (Правда, 30.06.1988, № 182, с. 7).

Während *время*, wie die Belege zeigen, als Akteur im Perestroika-Diskurs auftritt, sind *час* und *часы* im Diskurs so gut wie gar nicht vertreten.

4. Die Zeit-Wörter im deutschen Wende-Diskurs

Anders als im Russischen sind im Deutschen *Zeit*, *Stunde* und *Uhr* etymologisch getrennt. Eine Ambiguität wie bei *час*, *часы* ist also nicht gegeben. Zu erwarten ist damit, dass im Wende-Diskurs alle drei Wörter auftauchen. Im Unterschied zum Perestroika-Diskurs ist das „Neue Deutschland“ aber nicht Organ der Gestalter des Wende-Prozesses, da dieser — anders als in der Sowjetunion — nicht von der staatstragenden Partei ausging. Ziel der S(ozialistischen) E(inheitspartei) D(eutschlands) war vielmehr, die Kontrolle über die Vorgänge nicht zu verlieren.

Dementsprechend geht es darum, den Gedanken der Kontinuität zu stärken. Die *alten Zeiten* werden positiv besetzt, so im DDR-Phrasem *Aktivist der ersten Stunde* ‘Mensch, der am Ende des Dritten Reichs zur Entwicklung der DDR beigetragen hat’:

*Über „Antifaschisten — **Aktivisten der ersten Stunde**“ berichtet seit Montag eine Ausstellung im Traditionskabinett „Antifaschistischer Widerstandskampf 1933 bis 1945“ im Ernst-Thälmann-Park (ND, 03.10.1989);*

*Treffen des Politbüros mit Widerstandskämpfern und **Aktivisten der ersten Stunde** Erich Honecker: In vier Jahrzehnten hat sich bestätigt, daß die Existenz der sozialistischen Deutschen Demokratischen Republik ein Glück für unser Volk, für die Völker (ND, 04.10.1989).*

In nächsten Beleg wird die Stunde Null, also das Jahr 1945, heraufbeschworen:

*Es ist eine große geschichtliche Herausforderung an die weltweite Friedensbewegung, unterstrich Manfred Feist, den Zeiger der Zeit in Richtung Abrüstung, Entspannung und Zusammenarbeit zu bewegen und nicht zuzulassen, daß er rückwärts gedreht wird in die gefährliche Nähe der **Stunde Null** oder der Stunde X (ND, 22.04.1989).*

Im Oktober 1989, also mitten in der Wendezeit, wird auch die Armee der DDR, quasi anschließend an den vorherigen Beleg, als *immerwährender Friedensgarant* benannt und entsprechend heißt es schon in der Überschrift mit dem metaphorischen Phrasem *zu jeder Stunde* ‘immer’:

*Für Streitkräfte ist klar: **Zu jeder Stunde** wird Klassenauftrag erfüllt* (ND, 26.10.1989).

Ebd. heißt es dann im Text:

*Allen zwölf Rednern, die zu Wort kamen, war eines gemeinsam: der Wille und die Bereitschaft, sich den neuen Aufgaben zu stellen, um der Partei zu helfen, wieder in die politische Offensive zu kommen. Grundlage dafür bleibe, daß die Streitkräfte ihren Klassenauftrag **zu jeder Stunde** erfüllen, daß die Errungenschaften des Sozialismus, die Arbeiter-und-Bauern- Macht unantastbar sind* (ND, 26.10.1989).

Während in der Sowjetunion *neue Zeiten* anbrechen, druckt das ND am 06.01.1989 ein populäres Gedicht von Walter Bräunig über die „gegenwärtige gute Zeit“ ab, das aber um 1960 entstanden war (ND)⁵. Die DDR ist *im Wettlauf mit der Zeit — auf der Höhe der Zeit*, wie es wieder plakativ in einer Überschrift heißt:

***Im Wettlauf mit der Zeit** auf der Höhe der Zeit* (ND, 03.05.1989);

*Diese Fakten und Zahlen beleuchten: Die DDR befindet sich **im Wettlauf mit der Zeit** in einer guten Position. Der Wettbewerb bietet weiten Raum, den **Wettlauf mit der Zeit** auch im wörtlichen Sinne auf die Stunde, ja auf die Minute in der Produktion selbst zu beziehen. Darauf kommt es an, daran erweist sich, ob sich ein Arbeitskollektiv **auf der Höhe der Zeit** befindet* (ND, 29.03.1989).

Die Partei- und Staatsführung war sich schon seit dem Beginn der Perestrojka der Situation bewusst, und wieder ist es eine Überschrift, die auf die Zeit referiert:

*Ein fester Standpunkt **in den Stürmen der Zeit*** (ND, 05.01.1989).

Interessant ist eine weitere Überschrift, nun aber aus der Wendezeit:

*Die **Forderung der Zeit: Kampf gegen die Zeit**, für die DDR* (ND, 11.11.1989).

⁵ <https://www.nd-archiv.de/artikel/1969907.werner-braeunig-du-unsere-zeit.html?sstr=zeit> (gesehen am 16.08.2018).

Damit wird eine Rede von Günter Sieber, Kandidat des Politbüros, Sekretär des Zentralkomitees der SED überschrieben, der in seiner Rede über die Zeit selbst sagt:

*Wenn bis jetzt vielleicht so mancher unter „**jäher Wendung**“ sich nichts Richtiges vorstellen konnte, nun haben wir sie in unserem Lande* (ND, 11.11.1989).

Die *neue Zeit* ist, wie die Belege zeigen, aus Sicht der Diskursakteure negativ konnotiert. Eine Ausnahme ist mit einem „Wende-Gewinner“ verbunden (wieder in einer Überschrift):

*Bischof sieht **Zeit des Umbruchs** als Hoffnungszeichen* (ND, 03.11.1989).

5. Fazit und Ausblick

Am Anfang stand die Leitfrage, inwieweit sich in der Reproduktion und Abwandlung von Zeitmetaphern gesellschaftliche Entwicklungen widerspiegeln, die in bestimmten Diskursen erscheinen? Verbunden damit war die Leitthese, dass Zeit und Uhr in Umbruchsphasen eine eigene Symbolkraft erhalten. Die unter Anwendung des Modells der Diskurslinguistischen-Mehr-Ebenen-Analyse DIMEAN durchgeführte Untersuchung bestätigt diese Leitthese. Sowohl für diejenigen, die den Umbruch begrüßen, als auch für die Gegner hat die Zeit eine hohe Symbolkraft, was auf der intratextuellen Ebene im deutschen Wende-Diskurs und im Perestroika-Diskurs durch Metaphernlexeme, Metaphernfelder und Mehrworteinheiten zum Ausdruck kommt. Die Verbindungen mit *время*, die in Texten der „Правда“ zu finden sind, werden durch ihre mannigfache Reproduktion zu Phrasemen mit Tendenz zur Festigkeit. Für die Verbindungen mit *час, часы* wurden keine Treffer in den Texten der „Правда“ gefunden. Der Grund dafür könnte in der linguakulturell determinierten Ambiguität von *час, часы* liegen. Das M-Modell der Personifizierung von *время*, das das Krisendenken des Perestroika-Diskurses in Phrasemik und Metaphorik repräsentiert, wird reproduziert und kann als diskursive Praxis eingestuft werden.

Im deutschen Wende-Diskurs sind sowohl Phraseme mit *Zeit* als auch mit *Stunde* Elemente der diskursiven Praxis, dafür sprechen auch die Phraseme mit *Zeit* in Überschriften. Da aber die Hauptakteure des Diskurses im „Neuen Deutschland“ keine Änderungen wünschen, tauchen auch keine neuen Phraseme auf, außer bei einem Wendegewinner:

Zeit des Umbruchs. Personifizierungen von *Zeit* oder *Stunde* finden sich in deutschen Texten nicht.

Die Diskursakteure der ersten Gruppe kreieren neue Phraseme und nutzen auch Modelle der Personifizierung von *Zeit*, die der zweiten Gruppe verwenden Phraseme, die die „guten alten Zeiten“ beschwören, in Überschriften. Diese zweite Gruppe reproduziert dabei etablierte Phraseme, während die erste Gruppe Zeitmetaphern abwandelt. Somit stehen sich auch sprachlich Altes und Neues gegenüber, die Zeitmetaphern spiegeln die gesellschaftliche Entwicklung wider. Eine weitere Bestätigung dieser Antwort auf die Leitfrage und der Leitthese liefern Belege mit dem Phrasem *die Uhr(en) zurückstellen* (neben *das Rad der Geschichte zurückdrehen*) im Deutschen:

*Es fehlte nicht an abenteuerlichen Versuchen des Imperialismus, **die Uhren** der Zeitgeschichte, die weltweit und in Gestalt der DDR auch auf deutschem Boden den Übergang vom Kapitalismus zum Sozialismus anzuzeigen, **zurückzustellen*** (ND, 05.09.1989);

*„Die Geschehnisse warnen und belehren uns, und vor allem sollen sie alle darauf aufmerksam machen, daß sich **die Uhr** der Geschichte nicht **zurückstellen** lassen wird“, sagte er [der Rabbiner; Anm. von B. B., K. M.]* (ND, 31.08.1989).

*Wie sehr Bewertung von Vorgängen und Sprache im Diskurs zusammengehen, zeigt ferner folgender Beleg: Entscheidend für mich als Siebzehnjährigen, fuhr der Generalsekretär fort, war bei dieser Reise nach Moskau, das damals anders ausgesehen hat als heute, nicht so sehr die Tatsache des Studiums, sondern vielmehr die Tatsache, daß ich das Land kennenlernen würde, in dem im Oktober 1917 die Revolution gesiegt hatte, die Revolution, die eine **neue Epoche der Menschheit** einleitete* (ND, 16.05.1989).

Das von der DDR-Führung positiv bewertete Ereignis Oktoberrevolution wird als *neue Epoche der Menschheit* bezeichnet. Zugleich wird damit wieder bekräftigt, dass in der Gegenwart, also 1989, keine Änderungen nötig sind.

Da die Analyse des deutschen Wende-Diskurses im Rahmen eines größeren Projekts zu Zeitmetaphern entstand (DFG-SPP 1688 „Ästhetische Eigenzeiten“, Projekt „Sprachliche Appräsentationen materialer Zeiterfahrung. Das Verhältnis von dingästhetischem und sozialen Sinn in Zeitmetaphern“ (ÄE)), ist zu hoffen, dass sich noch weitere Erkenntnisse zu ihrer Verwendung im Diskurs ergeben werden.

Quellen

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru> (gesehen am 20.06.2018).

Правда — Правда: полный текст с 1912-04-22 по 2014-12-26 на ресурсе «Архив российских газет и журналов» // Санкт-Петербургский государственный университет. Научная библиотека им. М. Горького. Электронные журналы. <http://cufts.library.spbu.ru/CJDB/SPBGU/journal/117888> (gesehen am 16.08.2018).

ÄE — *Rosa, H., Ziegler, S.* Sprachliche Appräsentationen materialer Zeiterfahrung. Das Verhältnis von dingästhetischem und sozialem Sinn in Zeitmetaphern // Ästhetische Eigenzeiten. [Projekt]. <https://www.aesthetische-eigenzeiten.de/projekt/zeitmetaphern/beschreibung> (gesehen am 16.08.2018).

ND — Neues Deutschland. Archiv der Ausgaben von 1946–1990. <https://www.nd-archiv.de> (gesehen am 16.08.2018).

ÜA — Übernahme aus dem Amerikanischen. <http://dslov.ru/fslov/f515.htm> (gesehen am 16.08.2018).

Literatur

1. *Алефиренко, Н. Ф.* Современные проблемы науки о языке: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2005. 416 с.

2. *Арутюнова, Н. Д.* Время: модели и метафоры // Язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 51–61.

3. *Баранов, А. Н.* Дескрипторная теория метафоры. М.: Языки славянской культуры, 2014. 642 с.

4. *Калиткина, Г. В.* Когнитивная метафора контейнера и лингвокультурная специфика концептуализации времени // Вестник Томск. гос. ун-та. Филология. 2014. № 6 (32). С. 17–36.

5. *Кронгауз, М. А.* Структура времени и значение слов // Логический анализ языка. Избранное / отв. ред., сост. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2003. С. 276–281.

6. *Манерова, К. В.* Нарушение максим Грайса в религиозном дискурсе (на примере немецких и русских фразеологизмов религиозной тематики) // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Вып. 7. Дискурсивные аспекты языковых феноменов. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2018. С. 145–160.

7. *Мельгунова, А. В.* Лексические особенности дискурса рынка труда (на материале немецкой прессы) // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Вып. 7. Дискурсивные аспекты языковых феноменов. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2018. С. 161–170.

8. *Михельсон, М. И.* Русская «мысль» и «речь». Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. СПб.: Академия наук, 1912. 779 с.

9. *Моисеева, С. А., Ухналева, Е. А.* Лингвокультурологические особенности вербализации времени (на материале английского, французского и русского языков) // Когнитивно-дискурсивные стратегии развития языка: сб. науч. трудов по итогам Междунар. науч. конф., приуроченной к юбилею Засл. деятеля науки Рос. Федерации, д-ра филол. наук, проф. Белгородск. гос. нац. исслед. ун-та Николая Федоровича Алефиренко (11–12 января 2016 г.). Белгород: Эпицентр, 2016. С. 156–164.

10. *Нефёдов, С. Т.* Дискурсивные функции модальных слов в научной аргументации // Университетский научный журнал. 2016. № 21. С. 34–42.

11. *Нефёдов, С. Т.* Дискурс: направления, школы, методология дискурсивного анализа // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Вып. 7. Дискурсивные аспекты языковых феноменов. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2018. С. 11–34.

12. *Резанова, З. И.* Дискурсивные картины мира // Картины русского мира: современный медиадискурс. Томск: ИД СК-С, 2011. С. 13–94.

13. *Фасмер, М. Р.* Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1964–1973. <https://vasmer.lexicography.online/> (gesehen am 20.06.2018).

14. *Albus, V.* Weltbild und Metapher. Untersuchungen zur Philosophie im 18. Jahrhundert. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2001. 426 S.

15. *Bock, B.* Gewendete Wörter. Veränderungen in der Prototypikalität politischer Wörter im ostdeutschen Sprachgebrauch von 1988 bis 1992 // Politik als sprachlich gebundenes Wissen. Politische Sprache im lebenslangen Lernen und politischen Handeln / hrsg. von J. Kilian, Th. Niehr. Bremen: Hempen, 2013. P. 11–31. (Sprache-Politik-Gesellschaft. Bd. 8).

16. *Bock, B.* Enantonymische Metaphern als Spezialfall der Kontradiktion // Contradiction Studies: Sammelband zur Ringvorlesung Macht im Widerspruch an der Universität Bremen (Oktober 2016 bis Januar 2017) und zur Tagung Diskurs — kontradiktorisch an der Universität Bremen (16.–18. November 2017) / hrsg. von I. H. Warnke et al. Wiesbaden: Springer VS, 2019. [im Druck]

17. *Bock, B.* Zeit — eine Wortanalyse. Hannover: Wehrhahn, 2019. (Ästhetische Eigenzeiten. Kleine Reihe). [im Druck]

18. *Bock, B., Brachat, St.* Sprachliche Muster und gesellschaftliches Wissen. Was Sprichwörter, Fabeln und andere Kurztexte über den Bedeutungswandel von Arbeit verraten. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2016. 158 p. (Sprache und Sprachen in Forschung und Anwendung. Bd. 4).

19. *Bock, B., Manerova, K.* Das Fahnenphrasem Internationale Solidarität in typischen Verwendungen — ein diatopischer und diachroner Vergleich // Sprachen, Literaturen und Kulturen im Kontakt. Beiträge der 25. Linguistik- und Literaturtage, Miskolc/Ungarn, 2017 / hrsg. von E. Kegyes et al. Hamburg. Dr. Kovac, 2019. S. 41–52.

20. *Burger, H.* Phraseologie. Eine Einführung am Beispiel des Deutschen. 4. Aufl. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2010. 239 S.

21. *Fraas, C.* Gebrauchswandel und Bedeutungsvarianz in Textnetzen: die Konzepte Identität und Deutsche im Diskurs zur deutschen Einheit. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1996. 175 S. (Studien zur deutschen Sprache. Bd. 3).

22. *Heine, B., Claudi, U., Hünnemeyer, F.* Grammaticalization. A Conceptual Framework. Chicago; London: University of Chicago Press, 1991. 318 p.

23. *Herberg, D. et al.* Schlüsselwörter der Wendezeit: Wörter-Buch zum öffentlichen Sprachgebrauch 1989/90. Berlin: Walter de Gruyter, 1997, 521 S.

24. *Lakoff, G., Johnson, M.* Metaphors We Live By. London: University of Chicago Press, 2003, 276 p.

25. *Manerowa, K.* Kulturcode Religion in der deutschen und in der russischen Idiomatik // Sprachen verbinden: Beiträge der 24. Linguistik- und Literaturtage, Brno/Tschechien, 2016 / hrsg. von V. Janíková, A. Brychová, J. Veličková, R. Wagner. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2018. S. 71–84. (Sprache und Sprachen in Forschung und Anwendung. Bd. 6).

26. *Spitzmüller, J., Warnke, I.* Diskurslinguistik. Eine Einführung in Theorien und Methoden der transtextuellen Sprachanalyse. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2011. 236 S.

27. *Warnke, I.* Diskurslinguistik und die „wirklich gesagten Dinge“. Konzepte, Bezüge und Empirie der transtextuellen Sprachanalyse // Faktizitätsherstellung in Diskursen. Die Macht des Deklarativen / hrsg. von E. Felder. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2013. S. 75–98.

28. *Ziem, A.* Frame-Semantik und Diskursanalyse. Skizze einer kognitionswissenschaftlich inspirierten Methode zur Analyse gesellschaftlichen Wissens // Methoden der Diskurslinguistik. Sprachwissenschaftliche Zugänge zur transtextuellen Ebene / hrsg. von I. H. Warnke, J. Spitzmüller. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2008. S. 89–116.

References

1. Alefirenko, N. F. *Modern Problems of Linguistics: Handbook*. Moscow, Flinta Publ.; Nauka Publ., 2005, 416 p. (In Russian)

2. Arutiunova, N. D. Time: Models and Metaphors. *Iazyk i vremia*. Moscow, Indrik Publ., 1997, pp. 687–695. (In Russian)

3. Baranov, A. N. Descriptor Theory of Metaphor. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2014, 642 p. (In Russian)

4. Kalitkina, G. V. Cognitive Container Metaphor and Linguocultural Specifics of Conceptualization of Time. *Vestnik Tomsk. gos. un-ta. Filologija*, 2014, no. 6 (32), pp. 17–36. (In Russian)

5. Krongauz, M. A. Time Structure and Word Meaning. *Logicheskii analiz iazyka. Izbrannoie*, ed., comp. by N. D. Arutiunova. Moscow, Indrik Publ., 2003, pp. 276–281. (In Russian)

6. Manerova, K. V. The Violation of Gricean Maxims in Religious Discourse (A Case Study of the German and Russian Religious Phraseology. *Nemetskaia fi-*

logiia v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete, issue 7, Diskursivnye aspekty iazykovykh fenomenov. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta Publ., 2018, pp. 145–160. (In Russian)

7. Mel'gunova, A. V. Lexical Features of Work Discourse (On Example of German Press) . *Nemetskaia filologiia v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete*, issue 7, Diskursivnye aspekty iazykovykh fenomenov. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta Publ., 2018, pp. 161–170. (In Russian)

8. Mikhel'son, M. I. *Russian "Mind" and "Speech". Own and Alien. Attempt on Russian Phraseology*. St. Petersburg, Akademiia nauk Publ., 1912, 779 p. (In Russian)

9. Moiseeva, S. A., Ukhnaeva, E. A. Linguoculture Features of Time Verbalization (in English, French and Russian). *Kognitivno-diskursivnye strategii razvitiia iazyka: sb. nauch. trudov po itogam Mezhdunar. nauch. konf., priurochennoi k iubileiu Zasl. deiatelia nauki Ros. Federatsii, d-ra filol. nauk, prof. Belgorodsk. gos. nats. issled. un-ta Nikolaia Fedorovicha Alefirenko (11–12 ianvaria 2016 g.)*. Belgorod, Epitsentr Publ., 2016, pp. 156–164. (In Russian)

10. Nefedov, S. T. Discursive Functions of Modal Words in Scientific Argumentation. *Universitetskii nauchnyi zhurnal*, 2016, no. 21, pp. 34–42. (In Russian)

11. Nefedov, S. T. Discourse: Directions, Schools, Methodology of Discourse Analysis. *Nemetskaia filologiia v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete*, issue 7, Diskursivnye aspekty iazykovykh fenomenov. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta Publ., 2018, pp. 11–34. (In Russian)

12. Rezanova, Z. I. Discursive Image of the World. *Kartiny russkogo mira: sovremennyi mediadiskurs*. Tomsk, ID SK-S Publ., 2011, pp. 13–94. (In Russian)

13. Fasmer, M. R. *Etymological Dictionary of Russian*. Moscow, Progress Publ., 1964–1973. <https://vasmer.lexicography.online/> (seen 20.06.2018). (In Russian)

14. Albus, V. *Weltbild und Metapher. Untersuchungen zur Philosophie im 18. Jahrhundert*. Würzburg, Königshausen & Neumann, 2001, 426 p.

15. Bock, B. Gewendete Wörter. Veränderungen in der Prototypikalität politischer Wörter im ostdeutschen Sprachgebrauch von 1988 bis 1992. *Politik als sprachlich gebundenes Wissen. Politische Sprache im lebenslangen Lernen und politischen Handeln*, ed. by J. Kilian, Th. Niehr. Bremen, Hempen, 2013, pp. 11–31. (Sprache-Politik-Gesellschaft, vol. 8).

16. Bock, B. Enantonymische Metaphern als Spezialfall der Kontradiktion. *Contradiction Studies: Sammelband zur Ringvorlesung Macht im Widerspruch an der Universität Bremen (Oktober 2016 bis Januar 2017) und zur Tagung Diskurs — kontradiktorisch an der Universität Bremen (16.–18. November 2017)*, ed. by I. H. Warnke et al. Wiesbaden, Springer VS. [in print]

17. Bock, B. *Zeit — eine Wortanalyse*. Hannover, Wehrhahn, 2019. (Ästhetische Eigenzeiten. Kleine Reihe). [in print]

18. Bock, B., Brachat, St. *Sprachliche Muster und gesellschaftliches Wissen. Was Sprichwörter, Fabeln und andere Kurztexte über den Bedeutungswandel von Arbeit verraten*. Hamburg, Verlag Dr. Kovač, 2016, 158 p. (Sprache und Sprachen in Forschung und Anwendung, vol. 4).

19. Bock, B., Manerova, K. Das Fahnenphrasem Internationale Solidarität in typischen Verwendungen — ein diatopischer und diachroner Vergleich. *Sprachen, Literaturen und Kulturen im Kontakt. Beiträge der 25. Linguistik- und Literaturtage, Miskolc/Ungarn, 2017*, ed. by E. Kegyes et al. Hamburg, Verlag Dr. Kovac, 2019, pp. 41–52.

20. Burger, H. *Phraseologie. Eine Einführung am Beispiel des Deutschen*, 4th ed. Berlin, Erich Schmidt Verlag, 2010, 239 p.

21. Fraas, C. *Gebrauchswandel und Bedeutungsvarianz in Textnetzen: die Konzepte Identität und Deutsche im Diskurs zur deutschen Einheit*. Tübingen, Gunter Narr Verlag, 1996, 175 p. (Studien zur deutschen Sprache, vol. 3).

22. Heine, B., Claudi, U., Hünnemeyer, F. *Grammaticalization. A Conceptual Framework*. Chicago; London, University of Chicago Press, 1991, 318 p.

23. Herberg, D. et al. *Schlüsselwörter der Wendezeit: Wörter-Buch zum öffentlichen Sprachgebrauch 1989/90*. Berlin, Walter de Gruyter, 1997, 521 p.

24. Lakoff, G., Johnson, M. *Metaphors We Live By*. London, University of Chicago Press, 2003, 276 p.

25. Manerowa, K. Kulturcode Religion in der deutschen und in der russischen Idiomatik. *Sprachen verbinden: Beiträge der 24. Linguistik- und Literaturtage, Brno/Tschechien, 2016*, ed. by V. Janíková, A. Brychová, J. Veličková, R. Wagner. Hamburg, Verlag Dr. Kovač, 2018, pp. 71–84. (Sprache und Sprachen in Forschung und Anwendung, vol. 6).

26. Spitzmüller, J., Warnke, I. *Diskurslinguistik. Eine Einführung in Theorien und Methoden der transtextuellen Sprachanalyse*. Berlin; Boston, Walter de Gruyter, 2011, 236 p.

27. Warnke, I. Diskurslinguistik und die „wirklich gesagten Dinge“. Konzepte, Bezüge und Empirie der transtextuellen Sprachanalyse. *Faktizitätsherstellung in Diskursen — Die Macht des Deklarativen*, ed. by E. Felder. Berlin; New York, Walter de Gruyter, 2013, pp. 75–98.

28. Ziem, A. Frame-Semantik und Diskursanalyse. Skizze einer kognitions-wissenschaftlich inspirierten Methode zur Analyse gesellschaftlichen Wissens. *Methoden der Diskurslinguistik. Sprachwissenschaftliche Zugänge zur transtextuellen Ebene*, ed. by I. H. Warnke, J. Spitzmüller. Berlin; New York, Walter de Gruyter, 2008, pp. 89–116.

Bock Bettina

wissenschaftliche Mitarbeiterin, Seminar für Indogermanistik,
Friedrich-Schiller-Universität Jena, Doctor philosophiae
Adresse: Deutschland, D-07743, Jena, Zwätzengasse, 12

Bettina Bock

Scientific Associate, Seminar of Indo-European Studies, Friedrich-Schiller-University
Jena, Doctor philosophiae
Address: 12, Zwätzengasse, Jena, D-07743, German

E-mail: bettina.bock@uni-jena.de

Манёрова Кристина Валерьевна

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ, кандидат филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Kristina V. Manerova

Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,
Candidate of Philological Sciences
Address: 7–9, University emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: k.manerova@spbu.ru

SPIN-код: 2216-6448; AuthorID: 377350; ResearcherID: P-7023-2015

КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО *EINHEIT* КАК МАРКЕР ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ГЕРМАНИИ

Ключевые слова: дискурс-анализ, лексикография, политическая лингвистика, тип текста, прагматика, дискурс объединения, послевоенный дискурс Германии.

В исследовании представлен многоуровневый дискурс-анализ ключевого слова *Einheit* (на внутритекстовом, транстекстовом уровнях и на уровне акторов). В статье применяются методы лингвистического описания, контекстного и корпусного анализа ключевых слов политического дискурса. Материалом публикации послужил составленный авторами корпус контекстов употребления ключевого слова *Einheit* в политических текстах разных типов (речах политиков, мемуарно-биографических произведениях, текстах партийных программ, публикациях в прессе и других). Во-первых, в фокусе внимания авторов оказываются морфологические, лексико-семантические и прагматические характеристики ключевого слова *Einheit*, кодифицированные в лексикографических источниках. Во-вторых, изучаются особенности актуализации лексемы *Einheit* как маркера политического дискурса в конкретных употреблениях, с учетом исторических и политических событий, происходивших в послевоенной Германии, в период существования двух немецких государств (ГДР и ФРГ), а также в объединенной Германии после 1990 года. Семантическая и прагматическая вариативность и диапазон интерпретаций ключевого слова *Einheit* исследуются с привлечением исторических и культурологических сведений. Кроме того, авторы обращаются к особенностям синонимии и дистрибуции лексемы в политическом дискурсе, которые проявляются в вариативности и изменяющейся частотности ее кокурентных компонентов. Данные компоненты сопровождают ключевое слово *Einheit* в анализируемых текстовых фрагментах и являются неотъемлемой частью их тематического развертывания и прагматического фокусирования, например *Wiedervereinigung*, *Einigung Deutschlands*, *die innere Einheit*, *Deutsche Einheit* и другие. Авторы приходят к выводу о высокой степени актуальности изучаемого ключевого слова для политического дискурса Германии как с позиций диахронического дискурс-анализа, так и в контексте исследования современных социально-коммуникативных практик.

I. JE. JESAN
St. Petersburg State University

E. A. KOVTUNOVA
St. Petersburg State University

KEYWORD *EINHEIT* AS A MARKER OF GERMANY'S POLITICAL DISCOURSE

Keywords: discourse analysis, lexicography, political linguistics, text type, pragmatics, union discourse, post-war discourse in Germany.

The study presents a multi-level discourse analysis of the keyword *Einheit* (at the intratextual and transtextual levels and at the level of actors). The article uses the methods of linguistic description, contextual and corpus analysis of keywords of political discourse. The publication material was a corpus of contexts of the keyword *Einheit*, made by the authors on the base of political texts of various types (speeches of politicians, memoirs and biographies, texts of party programs, publications in press etc.). Firstly, the authors focus on the morphological, lexical-semantic, and pragmatic characteristics of the keyword *Einheit*, codified in lexicographical sources. Secondly, the authors study the features of the actualization of the *Einheit* lexeme as a marker of political discourse in specific use, taking into account the historical and political events that took place in post-war Germany, during the existence of two German states (GDR and FRG), as well as in the united Germany after 1990. The semantic and pragmatic variability and range of interpretations of the keyword *Einheit* is investigated involving historical and cultural information. In addition, the authors refer to the peculiarities of synonymy and distribution of the lexeme in political discourse, which manifest themselves in the variability and changing frequency of its co-content components. These components, accompanied the keyword *Einheit* in the analyzed text fragments are an integral part of their thematic deployment and pragmatic focusing, for example, *Wiedervereinigung*, *Einigung Deutschlands*, *die innere Einheit*, *Deutsche Einheit* etc. The authors come to the conclusion that the key word under study is highly relevant for the political discourse of Germany both from the standpoint of diachronic discourse analysis and in the context of the study of contemporary social and communicative practices.

Язык — это объединенная духовная энергия народа, чудесным образом запечатленная в определенных звуках, в этом облике и через взаимосвязь своих звуков понятная всем говорящим и возбуждающая в них примерно одинаковую энергию.

В. фон Гумбольдт [2, с. 145]

Ключевые слова становятся предметом научного анализа и систематизации знаний в самых разных областях лингвистической науки: в лексикологии [14, S. 136–146], лексикографии [3], политической и дискурсивной лингвистике [10; 13; 5; 6].

В статье рассматривается ключевое слово *Einheit* как дискурсивный маркер в немецком политическом дискурсе. Отправной точкой исследования послужили морфологические, лексико-семантические и прагматические характеристики лексемы *Einheit* как ключевого слова политического дискурса Германии, кодифицированные в лексикографических источниках. Далее анализируется контекстное употребление данного ключевого слова, а также частотные коллокации и синонимические ключевые понятия, которые встречаются в составленном авторами корпусе контекстных употреблений лексемы и являются неотъемлемой частью тематического развертывания и прагматического фокусирования в текстовых фрагментах, например *Wiedervereinigung*, *Einigung Deutschlands*, *die innere Einheit*. Источниками корпуса примеров стали политические тексты разных типов (речи и мемуары политиков, тексты партийных программ, публикации в периодических изданиях и другие). В фокусе внимания находится общественно-политический дискурс Германии после 1945 года и до наших дней. При этом особое внимание уделяется послевоенному дискурсу и дискурсу объединения Германии. Важный аспект исследования — роль ключевых слов в формировании общественного мнения, то есть, в конечном итоге, в конструировании политической истории с точки зрения партийной идеологии.

Интересным представляется наблюдение немецкого исследователя Д. Фельбика о временной перспективе, заложенной в значении наиболее частотных терминов «ключевое слово» — *Schlüsselwort* (диахронический маркер) и «ключевое, ударное слово» — *Schlagwort* (маркер/явление синхронии). Последний термин, по мнению автора, играет большую роль для определенного круга лиц в конкретный период времени, связан с событиями, действиями и реакцией на них, то есть в синхронии. Соответственно, первый термин «ключевое слово» соотносится преимущественно с понятием ретроспективы, взглядом в прошлое и является центральным элементом для рецепции, понимания определенного временного отрезка, той или иной эпохи [12, S. 27].

В. Дикманн, которого по праву можно назвать основателем современной политической лингвистики, в самом начале изучения ключевых слов писал о том, что такие лексические единицы приносят в речь «неопределенность, обобщенность, видимую ясность, сильный эмоциональный компонент значения. В ключевых словах конденсируются политические программы, они превраща-

ют относительное в абсолютное, сводят сложное к типичному, обозримому. Они не нуждаются в уточняющем контексте. Более того, они иногда могут оказывать ему определенное сопротивление, ориентируясь, прежде всего, на эмоции слушающих» (перевод здесь и далее наш. — *И. Е., Е. К.*) [11, S. 103].

Политические ключевые слова, как отмечается в современных исследованиях языка политики [10], организуют речевое высказывание и становятся его центром¹. Они выполняют функцию «ключа», открывающего доступ к определенному дискурсу. Вследствие этого внимание адресата автоматически переключается на тот или иной дискурс и одновременно в сознании адресата активируется комплекс фоновых знаний, необходимых для декодирования общественно значимого знания. В связи с этим можно утверждать, что ключевые слова политического дискурса обладают суггестивной функцией и оказывают воздействие на сознание, поведение и возможные решения адресата. Данная особенность ключевых слов особенно важна, например, для такого типа текста, как партийная программа. В медийных текстах политически значимые лексемы позволяют конструировать социальную реальность, основанную на определенных принципах и нормах.

Применение дискурс-анализа к ключевым словам обосновано прежде всего тем, что политические ключевые слова являются порождением политического дискурса и становятся таковыми именно в условиях дискурса. Актуализация характеристик ключевых слов у тех лексем, которые обладают и другими значениями и функциями, не связанными с политикой, происходит также в конкретных социально-коммуникативных (дискурсивных) практиках.

В рамках лингвистики дискурса дискурс среди прочего определяется как совокупность отдельных высказываний/текстов, способных создавать общие смыслы. При этом «семантизация, то есть выявление смысла языковой единицы, связывается не с лексико(слово)-центрической объяснительной концепцией и не (только) с текстоцентрической концепцией, но с дискурсом».

¹ В исследованиях по языку политики существует множество терминов, отражающих идею компактной передачи программной информации той или иной партии, идеологической концепции и прочего. Наиболее полный список терминов приводится в работе А. Буркхардта, на которую ссылаются многие немецкие исследователи языка политики [9], и в работе М. Шрётер и Б. Кариуса [12, S. 25].

при таком подходе изучается как функционирующая система, «дискурс — это язык в действии (language-in-use)» [7, с. 32–33].

Вслед за В. Е. Чернявской в нашей статье дискурсивный анализ понимается, с одной стороны, как «инструмент описания транстекстовых структур и их глубинной связности, интертекстуальности, интердискурсивности», с другой стороны, это «метод описания языковой системы на уровне выше, чем отдельное предложение или отдельный текст». При этом важным понятием в применении дискурсивного анализа мы будем считать контекст, операционализирующийся «с разной мерой допущения релевантных экстралингвистических факторов в объяснении языковых структур» [7, с. 33]. При описании и интерпретации дискурсивной семантики и прагматики ключевых слов нам представляется необходимым учет трехчастной модели контекста. Данная модель предполагает наличие трех уровней (типов) контекстов: «собственно языкового контекста (ко-текста)» (*der sprachliche Kontext / Ko-Text*), «ситуативного», непосредственно связанного с коммуникативной ситуацией (*der situative Kontext*), и, наконец, «контекста, обращенного к знаниям о мире и фоновым знаниям» (*der Hintergrund- oder Weltwissenskontext*) [15, S. 40–41].

Можно предположить, что, приобретая узусный характер, политические ключевые слова фиксируются в словарях с соответствующими пометами. Поскольку ключевое слово *Einheit* имеет признаки узусности, следует первоначально обратиться к лексикографическим источникам.

Электронная версия словаря Duden указывает на политическую маркированность рассматриваемого слова лишь косвенно — среди примеров сочетаемости многозначной леммы *Einheit* в демонстрационной зоне приводятся коллокации *die deutsche Einheit*, *der Tag der Deutschen Einheit* (3. Oktober), иллюстрирующие употребление леммы в первом значении ‘in sich geschlossene Ganzheit, Verbundenheit; als Ganzes wirkende Geschlossenheit, innere Zusammengehörigkeit’. К политическому дискурсу Германии, как мы полагаем исходя из их семантики, имеют отношение прилагательное *deutsch*, существительные *Stabilität*, *Brüderlichkeit*, *Vielfalt*, *Freiheit*, глаголы *vollenden*, *beschwören*, *herstellen*, *formen*, которые находятся в зоне типичной сочетаемости (IV).

Немецкий портал цифрового словаря немецкого языка *Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart*

(DWDS) также не выделяет отдельного политически маркированного значения лексемы, однако предлагает в словарной зоне примеры сочетаемости исследуемой лексемы, среди которых немало таких, употребление которых в сочетании с *Einheit* возможно в дискурсе немецкой политики: например *Freiheit, Herstellung, Jahrestag, Kanzler, Nation, Symbol, Vielfalt, Volk, Vollendung, Wiederherstellung, deutsch, inner, national, politisch, staatlich, verschmelzen, wiederherstellen* (III).

На лексикографическом портале Online-Wortschatz-Informationssystem Deutsch (OWID) Института немецкого языка (Ids), включающего в себя научные словари и корпуса немецкого языка, находим эксплицитное указание на принадлежность лексемы *Einheit* политическому дискурсу в рамках одного из значений (Lesart 'Zusammenschluss') посредством дополнительной семантической спецификации (Spezifizierung 'Deutsche Einheit'). Далее следует толкование с указанием на воссоединение двух немецких государств в 1990 году: 'Mit Einheit bezeichnet man die Wiedervereinigung beider deutscher Staaten im Jahre 1990'. Здесь же цитируется статья из энциклопедии Брокгауза (Brockhaus Enzyklopädie Online), емко характеризующая понятие *deutsche Einheit*:

Zentralproblem der deutschen Frage nach 1945, beinhaltet folgende Hauptpunkte: 1) die Frage der deutschen Einheit in der Zeit der Teilung Deutschlands in zwei Staaten (1949–90); hierzu gehören die innerdeutschen Beziehungen der Regierungen und die Entwicklung des Zusammengehörigkeits- bzw. Gemeinsamkeitsbewusstseins in den beiden Gesellschaften in West und Ost; 2) den Prozess der staatlichen Vereinigung der DDR und der Bundesrepublik Deutschland (1989/90); 3) die Integrationsprozesse nach 1990, die innere Wiedervereinigung und die Herstellung der Gleichheit der Lebensverhältnisse im wieder vereinten Deutschland; 4) die Herstellung der deutschen Einheit als Teil der europäischen Einheit, die seit 1990 an Dynamik gewann (europäische Integration) (V). — «Основная проблема германского вопроса после 1945 года включает в себя следующие основные пункты: 1) вопрос немецкого единства в период существования двух немецких государств (1949–90); имеются в виду взаимоотношения между правительствами двух государств и формирование сознания единства и общности на Западе и на Востоке; 2) процесс государственного объединения ГДР и ФРГ (1989–90); 3) процессы интеграции после 1990 года, внутреннее воссоединение и достижение равных условий жизни в объединенной Германии; 4) формиро-

вание немецкого единства как составляющей европейского единства, протекающее с 1990 года более динамично)» (перевод здесь и далее наш. — И. Е., Е. К.).

В разделе «Особенности употребления» на ресурсе OWID отмечается тематически связанное использование *Einheit* в историческом и политическом контексте в сообщениях о воссоединении Германии (Themengebundene Verwendung(en)): Im Kontext von Geschichte und Politik). Особый акцент делается на значение объединения Германии для усиления Европы:

*Der Fall der Mauer wurde zum Symbol der **Einheit** Deutschlands und Europas (die tageszeitung, 25.09.2010, S. 14) (V).*

На данном портале оказался возможным также анализ дистрибуции лексемы *Einheit* конкретно в политически маркированном значении (Spezifizierung 'Deutsche Einheit'). Частотные коокурентные компоненты в данном случае распределяются следующим образом:

- Wie ist die Einheit? (Какое единство?) — *deutsch, inner, national, politisch, staatlich, territorial;*
- Wer oder was bildet die Einheit? (Кто или что образует единство?) — *Deutsche(n), Deutschland, Nation, Volk;*
- Was macht man mit der Einheit? (Что делают с единством?) — *feiern, gestalten, herstellen, Verwirklichung, Vollendung, vollziehen, Wiederherstellung;*
- Welche Folgen gab es für die Einheit? (Последствия единства) — *Folgen, Gewinner, Kosten, Lasten, Schwierigkeiten, Verlierer;*
- Wer oder was wird in Zusammenhang mit der Einheit thematisiert? (Какие темы обсуждаются вместе с единством?) — *Berlin, Europa, Frieden, Gorbatschow, Kohl, Mauerfall (V).*

Таким образом, анализ лексикографических данных некоторых немецких словарей показал скудость эксплицитной метаинформации о лексеме *Einheit* в функции ключевого слова (за исключением ресурса OWID), в то время как энциклопедическая историческая информация о содержании понятия может служить источником при лингвистической семантизации данного ключевого слова. С другой стороны, семантика коокурентных компонентов и синонимов, представленных в словарях, также может маркировать

политическую составляющую данной лексемы. При дальнейшем дискурсивном рассмотрении следует учитывать синонимичное употребление ключевого слова *Einheit* и сочетания *deutsche Einheit* в одном из политически маркированных значений, которые могут быть соотнесены с перечисленными выше аспектами «проблемы немецкого вопроса» по Брокгаузу.

Так, во фрагменте статьи, посвященной 50-летию Конституции, актуализируется второе значение ключевого слова (по Брокгаузу), поскольку речь идет о процессе объединения двух немецких государств. Вместе с *Einheit* в тематическом развертывании принимают участие коокурентные компоненты *Jubiläum, Fall der Mauer, Berlin, symbolisieren, Nation, in Frieden und Freiheit*:

*Vor wenigen Wochen haben wir das fünfzigjährige Jubiläum unseres Grundgesetzes gefeiert. In wenigen Monaten begehen wir den zehnten Jahrestag des Falls der Mauer. Beide Daten, der 23. Mai wie der 9. November, stehen in einem sehr engen Zusammenhang mit dem heutigen Tag. Das Parlament und die Bundesregierung kehren in das wiedervereinte Berlin zurück. Beide Daten, so denke ich, symbolisieren in einer herausragenden Weise die Stationen des Weges unserer Nation von der erzwungenen Teilung bis zur **Einheit** in Frieden und Freiheit (Frankfurter Allgemeine Zeitung, 02.07.1999) (V).*

Справедливо утверждение Т. В. Юдиной о том, что «политическая коммуникация, как правило, детерминирована культурно-историческими факторами и национально маркирована. Она является частью национального дискурса, она символизирует способ действия данного общества. Соответственно, смена политического курса, динамика политических процессов неизбежно приводят к трансформации на дискурсивном уровне» [8, с. 10]. В теории журналистики изменения дискурсивных практик медиа также обосновываются деформациями структур идентичности как на уровне авторов медиапроизведений, так и (что более важно) на уровне аудиторий СМИ. И. Н. Блохин, анализируя этнонациональные, гражданские и цивилизационные основания идентичности, связывает их с интегративными функциями журналистики в рамках целевых аудиторий как «групп людей, находящихся во взаимодействии, для которых характерен определенный набор социальных норм и которые имеют свою ролевую структуру» [1, с. 166].

Влияние смены политического курса на дискурсивные характеристики политически значимой лексики можно проследить на

Рис. Частотность употребления лексемы *Einheit* в газетах, 1945–2015 гг.

Источник: <https://www.dwds.de/r/plot?view=1&corpus=zeitungen&norm=date%2Bclass&smooth=spline&genres=0&grand=1&slice=1&prune=0&window=3&wbase=0&logavg=0&dlogscale=0&xrange=1945%3A2018&q1=Einheit> (дата обращения: 16.01.2019)

примере ключевого слова *Einheit*, которое активно употреблялось в послевоенном политическом дискурсе Германии. Это подтверждают данные корпусов. Так, профиль частотности употребления лексемы в газетном корпусе с 1945 года по данным портала DWDS (см. рис.) позволяет сделать вывод о заметном скачке частотности употреблений в конце 1940-х — начале 1950-х годов.

Как утверждает Д. Фельбик, в указанный период анализируемое слово все чаще встречается в идеологически маркированных текстах СЕПГ (1946–1948 — годы существования партии в западной части Германии; с 1949 года — в ГДР) с положительной коннотацией. Активное использование лексемы *Einheit* в идеологическом дискурсе ГДР приводит к снижению частотности употребления этого ключевого слова в Западной Германии. Д. Фельбик пишет о том, что именно пропаганда единства со стороны СЕПГ вызвала негативную реакцию на Западе, вследствие чего в Западной Германии «единство» (*Einheit*) в этот период противопоставлялось «свободе» (*Freiheit*) [12, S. 16]. Начиная с 1949 года, года образования ГДР, западные политики снова используют данную лексему, как правило,

вместе с ключевым словом «свобода» (Freiheit), несущим в себе исключительно положительную оценку.

Приведем фрагменты медиатекстов, иллюстрирующие употребление ключевого слова *Einheit* в периодических общественно-политических изданиях Восточной и Западной Германии в конце 1940-х и начале 1950-х годов. Очевидно, что здесь речь идет об актуализации семантики вопроса немецкого единства в период существования двух немецких государств (по Брокгаузу) и немного ранее. Еще до образования ГДР и ФРГ можно проследить на Востоке и на Западе Германии разную риторику в текстах, содержащих упоминания о единстве. Ключевое слово *Einheit* используется как яркий аргумент в споре между политиками Советской (Восточной) и Западных зон оккупации. Западная пресса (*Die Zeit*) использует понятие «единства Германии», например, в контекстах об ограничении передвижений, сомневаясь как в существовании единой Германии, так и в том, что каждая зона может жить своей собственной жизнью:

*Der Reiseverkehr ist an strenge Einschränkungen geknüpft, der Frachtverkehr weitgehend beschränkt. Kann man da noch von einer **deutschen Einheit** sprechen? Haben die vergangenen zehn Monate bewiesen, daß die vier Zonen ein eigenes Leben jede für sich führen können? (Die Zeit, 28.02.1946, Nr. 02) (III).*

В следующем контексте содержатся жесткие высказывания в отношении понятия немецкого единства, предлагаемого в Восточной (Советской) зоне. Можно наблюдать противопоставление атрибутов *deutsch* и *kommunistisch-sowjetisch*. Параллельно критикуется несамостоятельная политика СЕПГ:

*Das ist das altbekannte Spiel mit unredlichen Worten. Kein Volksbegehren kann darüber hinwegtäuschen, daß eine kommunistisch-sowjetische **Einheit** Deutschlands niemals eine deutsche **Einheit** wäre; denn nur in der Freiheit kann Deutschland deutsch sein. Die Uniformität der Sklaverei ist eine „**Einheit**“, die kein Deutscher bejahen darf, und sie ist das einzige, was die SED und ihr mächtiger Auftraggeber uns zu bieten haben (Die Zeit, 24.06.1948, Nr. 26) (III).*

Накануне провозглашения ФРГ как самостоятельного государства в Восточной Германии появляются публикации о том, как единство Германии может быть «похоронено» не без участия западных политиков:

*Eine ihrer Hauptforderungen, die nach Einberufung des Rates der Außenminister zur Erörterung der deutschen Frage, ist erfüllt. Nach dem Abbruch der letzten Konferenz der Außenminister in London glauben die in- und ausländischen Spalter Deutschlands, die **Einheit** unse- res Vaterlandes endgültig begraben zu können. Die Londoner Konferenz scheiterte bekanntlich, weil sich Marshall und Bevin mit der festen Absicht an den Verhandlungstisch setzten, den von ihnen schon seit Januar 1947 sorgfältig vorbereiteten Plan der Bildung eines separaten westdeut- schen Staates — koste es was es wolle — durchzuführen (Berliner Zeitung, 10.05.1949) (III).*

Следующий фрагмент был напечатан уже после провозглаше- ния ФРГ как отдельного государства, поэтому в статье из Die Zeit речь идет об отдаленной перспективе немецкого объединения:

*Und schließlich müssen wir zugeben: Zwar ist die **deutsche Einheit** noch fern, aber es ist in den Abmachungen der Pariser Konferenz doch nichts enthalten, was ihre Entstehung endgültig verhindern könnte (Die Zeit, 23.06.1949, Nr. 25) (III).*

Примечательно, что западные журналисты ретроспективно от- дают должное готовности Советского Союза после войны допу- стить единство Германии по образцу Веймарской Республики, чего нельзя было сказать о западных союзниках:

*Der Kreml erklärte sich damals noch bereit, eine gesamtdeutsche Ver- fassung nach dem Weimarer Vorbild und eine gesamtdeutsche Regierung zu tolerieren. Von den westlichen Alliierten aber trat ernsthaft keiner für eine bald zu verwirklichende **deutsche Einheit** ein. Während die Sowjetrussen noch durchaus willens waren, einiges zu riskieren, setzten die westlichen Alliierten ebenso — wir müssen es leider sagen — wie später die westdeut- schen Parteien nur noch auf eines: jedermann wollte Sicherheit (Die Zeit, 12.10.1950, Nr. 41) (III).*

В следующей публикации (в газете Neues Deutschland) необхо- димое немецкому народу демократическое единство в сочетании с миром и независимостью противопоставляется подстрекатель- ству к войне со стороны НАТО. Ситуативный контекст будет не вполне полным, если не упомянуть, что как раз в это время ФРГ активно втягивалась в НАТО, а в 1955 году окончательно присо- единилась к Альянсу.

*Die amerikanischen Kriegshetzer würden seinen Berlinbesuch gebrauchen, um auch in Westberlin jene Kriegspsychose zu erzeugen, die sie zur Einbeziehung Westdeutschlands in den Atlantikpakt benötigten. „Kein vernünftiger Berliner wird sich durch Deutschlands Totengräber von der Erkenntnis abbringen lassen“; erklärte Hermann Axen wörtlich, „daß das deutsche Volk wohl Frieden, demokratische **Einheit** und Unabhängigkeit, nicht aber Kriegshetze und Kriegshetzer braucht (Neues Deutschland, 16.04.1950) (III).*

Употребление ключевого слова *Einheit* демонстрирует вариативность семантики и прагматики, а также разный набор дистрибутивных компонентов не только с точки зрения диахронии и полярных политических идеологий, но и в разных типах политических текстов. Рассмотрим тексты мемуарно-биографической направленности, написанные политиками в отставке.

В заголовке мемуаров Рихарда фон Вайцзеккера (ХДС) *Der Weg zur Einheit* («Дорога к единству») легко прочитывается концептуальная метафора пути, пути Германии к единству. В своих воспоминаниях, в которых бывший федеральный президент описывает почти 45 лет немецкой истории, было выявлено 84 контекстных употребления ключевого слова с учетом различных коллокаций (*Einheit der Nation, die deutsche Einheit, staatliche Einheit*).

В книге имплицитруется, как правило, именно *Deutsche Einheit*, хотя часто употребляется только существительное, без атрибута [4, с. 95].

*Schon auf dem ersten Nachkriegskirchentag 1949 stand die Aufforderung im Mittelpunkt, an der **Einheit** und menschlichen Zusammengehörigkeit in Deutschland festzuhalten (XVI, S. 39).*

Тенденция к употреблению тандема «единство — свобода», которую отметил Д. Фельбик в послевоенное время, сохраняется и спустя десятилетия в партийном дискурсе ХДС.

В своей речи от 3 октября 1990 года Р. фон Вайцзеккер подчеркивает взаимосвязь единства Германии, свободы и мира в объединенной Европе, обращаясь к тексту конституции:

*In der Präambel unserer Verfassung, wie sie nun für alle Deutschen gilt, ist das Entscheidende gesagt, was uns am heutigen Tag bewegt: In freier Selbstbestimmung vollenden wir die **Einheit** und **Freiheit** Deutschlands. Wir wollen in einem vereinten Europa dem Frieden der Welt dienen (XVI, S. 197).*

Ключевое слово *Einheit* снова становится частотным в период объединения двух немецких государств. В это же время в контексте объединения особую актуальность приобретает лозунговое слово *Wiedervereinigung* 'воссоединение', обладающее более узконаправленной семантикой. Р. фон Вайцеккер 18 раз употребляет данное существительное в своей книге. В самом конце своих размышлений о пути Германии к единству политик приходит к выводу о том, что через 20 лет после объединения задача учиться друг у друга и узнавать друг о друге так и не была решена:

Die Aufgabe, nach vierzigjähriger Teilung übereinander und voneinander zu lernen, ist auch zwei Jahrzehnte nach der Wiedervereinigung nicht abgeschlossen (XVI, S. 191).

В последней главе автор подводит итоги, используя два ключевых слова с отрицательной и положительной оценкой соответственно: *Teilung* 'раздел, (раз)деление' и *Wiedervereinigung* 'воссоединение', которые представляют собой часто используемое в дискурсе объединения противопоставление двух ключевых понятий.

Значение *Einheit*, сформулированное в энциклопедии Брокгауза как 'процессы интеграции после 1990 года, внутреннее воссоединение и достижение равных условий жизни в объединенной Германии', реализуется в рассматриваемых мемуарах наиболее наглядно в главе XXII «На пути к внутреннему единству: Период с 1990 по 2009 год» (*Unterwegs zur inneren Einheit: Die Jahre 1990 bis 2009*). Коллокация *die innere Einheit* сама по себе является полноценным ключевым словом. Его обычно связывают с решением вопросов интеграции и преодоления различий между Восточной и Западной Германией в таких важных сферах общества, как экономика, культура и наука. Вайцеккер положительно оценивает развитие Германии после объединения, отмечает, что немецкий народ успешно преодолевает путь к немецкому единству, подчеркивая, что за это приходится бороться каждый день:

Unser Weg zur inneren Einheit schreitet voran. Um ihr Gelingen ringen wir jeden Tag (XVI, S. 194).

Значимость «внутреннего единства» для политической концепции политика подтверждается публикациями в немецкой прессе. Например, статья в ежедневной газете Западного Мекленбурга от 1 февраля 2015 года, в которой журналист Андреас Херхольц бе-

рет интервью у спичрайтера и пресс-секретаря Р. фон Вайцзеккера, вышла под заголовком «Он хотел укрепить внутреннее единство Германии» (Er wollte die innere Einheit Deutschlands stärken) (IX).

В мемуарах пятого федерального канцлера Германии в период с 1974 по 1982 год Гельмута Шмидта (СДПГ) «В отставке» (*Außer Dienst*), которые, кстати, упоминаются в книге Вайцзеккера (*Und Schmidt behielt auch „Außer Dienst“ seine prägende, führende Stimme* (XVI, S. 70)), ключевое слово *Einheit* встречается всего в трех контекстах, *Wiedervereinigung* — в семи. Частотность употребления данной лексемы еще раз подтверждает наблюдения Д. Фельбика, который, в первую очередь, связывал данную номинацию с партийной лексикой. Анализируя исторические предпосылки объединения Германии (*Wiedervereinigung*), политик использует такие коллокации, как *Einheit der Nation* (единство нации), *die nationale Einheit* (национальное единство), и подчеркивает определяющую роль национального самосознания в процессе объединения нации. Политик упоминает сборник статей «Дорога к единству: итоги и перспективы» (*Auf dem Weg zur Einheit: Bilanz und Ausblick*), опубликованный в 2005 году — на четыре года раньше, чем мемуары Вайцзеккера. В своей книге Шмидт называет несколько важных фактов, которые, по его мнению, способствовали государственному объединению Германии: революционные процессы на востоке Центральной Европы, ослабление позиций Советского Союза и особенно искусство государственного управления правительства Джорджа Буша:

*Daß 1990 die staatliche **Wiedervereinigung** geglückt ist (wobei allerdings die volle ökonomische Vereinigung noch weit zurückhängt), verdanken wir im Wesentlichen den revolutionären Vorgängen im Osten Mitteleuropas, der deutlichen Schwäche der Sowjetunion und besonders der internationalen Staatskunst der Regierung in Washington unter George Bush* (XIV, S. 78).

Политик проводит исторические параллели и подчеркивает важную роль Америки в восстановлении Западной Германии после 1945 года, а также исключительную поддержку и помощь в объединении Германии в 1990 году, спустя 45 лет.

Wir erinnern uns der vielen Hilfen, die wir nach 1945 von den USA erhalten haben. Wir Deutschen werden auch die entscheidende Hilfe Amerikas

*nicht vergessen, als es 1990 um die **Wiedervereinigung** Deutschlands ging (XIV, S. 205).*

Из приведенных фрагментов становится очевидной оценка политиком исторического развития Европейского континента. Ключевое слово *Wiedervereinigung* становится своего рода центром важного информационного блока, который несет в себе не только информацию, но также и оценку событий определенного периода в истории государства.

Партийный характер семантики ключевых слов наиболее отчетливо можно проследить на материале программ политических партий. Целый ряд понятий, широко используемых той или иной партией, может иметь абсолютно противоположное значение в партийной концепции другой партии и служит орудием воздействия на общественно-политическое мнение в борьбе за избирателя.

Фрагмент из программы ХДС/ХСС:

*Aus dem Niedergang von 40 Jahren Sozialismus in der DDR entstand die **Deutsche Einheit** und siegte die Freiheit in ganz Europa. An diese Erfolge knüpft die Union auch heute an (II, S. 8).*

В примере используется метафора борьбы, войны («поражение социализма в ГДР»), типичная для политической сферы коммуникации. Именно поражение социалистической системы, просуществовавшей 40 лет, способствовало немецкому единству и воцарению свободы на Европейском континенте, — постулируется программой. Как и в послевоенном партийном дискурсе ХДС, понятие «единство» коррелирует с понятием «свободы».

Очень часто в партийной риторике консервативной партии данная лексема встречается в контексте решения экономических проблем Восточной Германии. Очевидно, что в следующем отрывке вновь актуализируется «единство» как процесс интеграции после 1990 года, внутреннее единство (третье значение по Брокгаузу). Интересно, что в таком значении лексема *Einheit* употребляется в сочетании с существительным *Vollendung*, подчеркивая незавершенность процесса объединения:

*Eine der wesentlichen Entscheidungen von CDU und CSU **zur Vollendung der Deutschen Einheit** war es, die ostdeutschen Rentner und Arbeitnehmer in die gesamtdeutsche Rentenversicherung einzubeziehen (VIII, S. 37).*

Следующий пример демонстрирует исключительную важность объединения как исторического события (по Брокгаузу — второе значение), которому дается положительная оценка. В данном фрагменте заложена и эмоциональная оценка, поскольку немецкое единство сравнивается с подарком, которому следует посвятить памятник единства и свободы.

Mit dem Freiheits- und Einheitsdenkmal, das auf der Berliner Schlossfreiheit errichtet wird, erinnern wir dauerhaft an das Geschenk der Deutschen Einheit (VIII, S. 37).

Частотная коллокация *Einheit in Vielfalt* ‘единство в многообразии’ является своего рода маркером партийного дискурса ХДС. Речь в первую очередь идет о единой Европе и процессах интеграции, что, таким образом, указывает на реализацию семантики немецкого единства как составляющей европейского единства:

Für CDU und CSU sind die Nationalstaaten und die Regionen prägende Bestandteile eines Europas der Einheit in Vielfalt (VIII, S. 10).

В предвыборном манифесте СДПГ 2005 года и правительственной программе этой партии на период с 2013 по 2017 год встречается единичное употребление коллокации *die innere Einheit* ‘внутреннее единство’:

Mehr als 20 Jahre nach der deutschen Einheit ist die Abschaffung des geteilten Rentenrechts ebenfalls eine der entscheidenden Gerechtigkeitsfragen zur Vollendung der inneren Einheit unseres Landes (XIII, S. 31).

В примере параллельно реализуются и противопоставляются два значения лексемы как ключевого слова политического дискурса: ‘немецкое единство’ как объединение на государственном уровне и ‘внутреннее объединение’ как единство экономической системы двух объединенных государств (при контекстной поддержке темпорального сочетания *20 Jahre* и существительного *Vollendung*).

В программном тексте оппозиционной Левой партии данное ключевое слово актуализируется в контексте экономических проблем и различий социальных стандартов в Восточной и Западной Германии. Темпоральная семантика сочетания *im dritten Jahrzehnt* и предлога *nach* поддерживает реализацию ключевого слова в значении исторического события объединения 1990 года:

Auch im dritten Jahrzehnt nach der deutschen Einheit sind die Menschen in Ostdeutschland in vielen Bereichen nicht gleichgestellt: der Rentenwert und die Standardrente sind niedriger, die Löhne und Gehälter sind durchschnittlich niedriger, die Wirtschaftsleistung liegt immer noch über ein Viertel unter der der westlichen Bundesländer (V, S. 60–61).

Возникшая на волне европейского миграционного кризиса правоконсервативная партия «Альтернатива для Германии» в своей программе использует типичную для партийного дискурса ХДС коллокацию *Einheit in Vielfalt* ‘единство в многообразии’, наполняя его новыми смыслами:

*Starke, eigenständige Bundesländer, Regionen und Kommunen in einem souveränen Deutschland entsprechen dem Ideal freier Völker und vielfältiger kultureller Identitäten. **Einheit in Vielfalt** statt Selbstaufgabe im Kollektiv ist uns Ursprung und Ziel deutscher Selbstbestimmung (XII, S. 7).*

В этой связи остается как никогда актуальной метафора генерального секретаря ХДС К. Биденкопфа о борьбе за слова, захвате понятий (*Begriffe besetzen*) как обязательной составляющей партийной борьбы за избирателя (VI).

Статья от 12 января 2019 года в газете *Frankfurter Allgemeine Zeitung* под заголовком «Цель — единство в многообразии» (*Einheit in Vielfalt ist das Ziel*) посвящена проблемам единства накануне юбилейной даты — 30-летия со дня объединения. Председатель фракции ХДС в Тюрингии Майк Моринг заявил в интервью, что большая часть жителей Восточной Германии считает себя «бенефициарами немецкого единства» (*Gewinner der deutschen Einheit*), одновременно политик указывает на то, что в Германии по-прежнему существуют проблемные экономические зоны, как правило в новых землях Германии (X). Этот пример еще раз демонстрирует «семантическую» борьбу политиков/партий на уровне словоупотребления.

Прагматический потенциал и семантическую динамику политических ключевых слов наиболее ярко можно пронаблюдать в СМИ. Поводом для публикации разнообразных материалов на тему объединения Германии в немецкой прессе часто становится День немецкого единства. Рассмотрим несколько актуальных контекстов из статей, которые были опубликованы в период с ноября 2017 по октябрь 2018 года. Новостной материал в *Spiegel Online* от 2 октя-

бря 2018 года посвящен празднованию Дня немецкого единства. В данной новостной публикации устойчивое сочетание *Tag der Deutschen Einheit* 'День немецкого единства' используется в контексте торжественных мероприятий, проводимых по поводу 28-летия со дня объединения. В подзаголовке к статье приводится ссылка на речь правящего бургомистра Берлина Михаэля Мюллера, который потребовал «большого признания и понимания восточной части Германии». Таким образом, несмотря на актуализацию связанного значения лексемы *Einheit* как составляющей наименования праздника в семантическом согласовании с лексемой *Feiern*, более полный контекст открывает возможности для реализации семантики не осуществленного внутреннего единства (в особенности в отношении Восточной Германии):

*Berlins Regierender Bürgermeister hat die Feiern zum **Tag der Deutschen Einheit** eröffnet — und „mehr Anerkennung und Verständnis“ für den Osten gefordert (XI).*

Следующая аналитическая статья из раздела Politik общественно-политического издания Der Spiegel также посвящена проблеме интеграции Восточной и Западной частей Германии. Уже в заголовочном комплексе встречается лексема *Einheit* — собственно, именно так называется статья. Далее следует не лишенный иронии вопрос, почему никто не спрашивает жителей Западной Германии о том, когда они будут в Германии «чувствовать себя как дома». В вопросе используется глагол движения 'прибывать', подчеркивающий характер путешествия и прибытия в новую страну (*Einheit. Warum fragt keiner die Wessis, wann sie in Deutschland ankommen?*), а разговорная номинация жителей Западной Германии (*Wessi*) подчеркивает ироничную интенцию автора разобраться в ситуации. (Согласно словарю Duden, лексема *Wessi* стала словом десятилетия, поскольку определила дух конкретного отрезка времени сразу после объединения (IV).) В самом начале статьи автор упоминает уже ставшую традицией необходимость в дни юбилея объединения Германии и падения Берлинской стены задавать вопрос о том, как обстоят дела с процессом внутреннего единства:

*Zu den Gepflogenheiten des Herbstes gehört es, beim Jubiläum von Mauerfall und Wiedervereinigung die Frage nach dem Stand **der inneren Einheit** zu stellen (I).*

Автор статьи также размышляет о взаимоотношениях между западными и восточными немцами, обращаясь к многочисленным примерам из повседневной жизни и личным наблюдениям, при этом его симпатии во многом принадлежат последним. Он подчеркивает желание восточных немцев сохранить свою идентичность, единство нации (*Einheit der Nation*), невзирая ни на давление государства, ни на мнение западных гостей:

Viele DDR-Bürger wollten unbedingt Deutsche bleiben und sich die „Einheit der Nation“ nicht ausreden lassen, weder von der DDR-Obrigkeit noch vom Westbesuch (I).

Колонка Томаса Фрике от 5 октября 2018 года под заголовком «Немецкое единство» (*Deutsche Einheit*) затрагивает вопросы проблем в обществе, связанных с «прямыми и косвенными последствиями единства» (*direkte oder indirekte Folgen der Einheit*). В подзаголовке колумнист использует вариацию устойчивого выражения *feiern bis die AfD kommt* ‘праздновать, пока не придет АдГ’ (имеется в виду частотная коллокация *feiern bis der Arzt kommt* ‘праздновать, пока не придет врач’, то есть ‘сверх всякой меры’). Данная постановка вопроса сразу же настраивает читателя на восприятие определенной общественно-политической проблематики. Использование форм конъюнктива привносит новую перспективу рассмотрения немецкого единства:

*Die Feiern zur **Einheit** könnten so schön sein, wenn die Vereinigung nur nicht gewesen wäre. Jetzt müssen wir jedes Jahr so tun, als wäre das in Wirklichkeit nicht ein ziemliches Desaster geworden. Zeit für einen Tabubruch (VII). — «Празднования по случаю (немецкого) единства могли бы быть столь прекрасными, если бы не было объединения двух немецких государств. Теперь нам каждый год приходится вести себя так, как будто это не является настоящей катастрофой. Настало время нарушить табу».*

Фрагмент демонстрирует однозначную отрицательную оценку результатов объединения. Интересным представляется критическое рассмотрение вопроса о немецком единстве, где автор предлагает отказаться от запретов на отрицательные оценки в дискурсе, связанном с единством:

*Es wäre zur Lösung der eigentlichen Probleme wie für die künftige Feststimmung wahrscheinlich gut, das Tabu abzulegen, wonach wir **die Einheit** nicht schimpfen dürfen (VII).*

Такой подход, по мнению автора статьи, мог бы помочь решить многие проблемы немецкого общества. В одном из контекстов ключевое слово *Einheit* употреблено с прилагательным *bitterschön* (*bitterschöne Einheit*), авторским окказионализмом, образованным по аналогии с *bittersüß* ‘горько-сладкий, кисло-сладкий’. Данное сочетание используется для описания горького опыта объединения, кризисных экономических ситуаций, которые повлекло за собой единство. Критически рефлексировывает автор и распространенное мнение: восточные немцы должны быть рады тому, что они живут в социальном государстве. Настало время сломать табу:

Es gehört zu den großen Sprüchen der Einheit, dass doch die Ossis froh sein können, wie sehr sie der Sozialstaat aufgefangen hat. Höchste Zeit, das Tabu zu brechen (VII).

Последний абзац статьи перекликается с заголовочным комплексом, таким образом автор «закольцовывает» ее, подводит итоги своим размышлениям. Томас Фрике утверждает, что настало время отказаться от табу, прежде чем АдГ вышлет всех беженцев из Германии, и все удивятся тому, что экономические и социальные проблемы в обществе сохранились, поскольку имели совсем другие корни и беженцы совсем не были проблемой. Лишь отказавшись от табу, можно по-настоящему начать праздновать немецкое единство:

Höchste Zeit, das Tabu zu brechen. Bevor die AfD alle Flüchtlinge wegschickt — und wir uns danach wundern, dass die gar nicht unser Problem waren. Damit wir danach auch wieder richtig feiern können (VII).

Анализ актуальных публикаций в некоторой степени указывает на формирование в обществе новых взглядов на решение вопроса немецкого единства и на пути решения существующих в современном немецком обществе проблем. В частности, об этом свидетельствуют коокурентные компоненты ключевого слова *Einheit* ‘единство’ и другие контекстные маркеры с отрицательной оценкой.

Многоуровневый дискурс-анализ ключевого слова *Einheit* на материале корпуса политических текстов с 1945 года по настоящее время с привлечением корпусных возможностей портала DWDS позволяет более дифференцированно, чем это предлагается в имеющейся лексикографии, очертить круг его морфологических, семантических и прагматических характеристик как маркера политического дискурса Германии данного периода.

Результаты нашего исследования во многом подтверждают тенденции развития семантики и прагматики ключевого слова *Einheit*, отраженные в лексикографии. С другой стороны, данные дискурса анализа ключевых слов позволяют значительно дополнить лексикографическую информацию.

Источники иллюстративного материала

I. *Berg, St.* Einheit. Warum fragt keiner die Wessis, wann sie in Deutschland ankommen? // Der Spiegel. 2017. Н. 46. <http://www.spiegel.de/spiegel/ossis-und-wessis-sind-sie-angekommen-in-deutschland-a-1177622.html> (дата обращения: 19.01.2019).

II. Deutschlands Chancen nutzen. Wachstum. Arbeit. Sicherheit. Regierungsprogramm 2005–2009. https://www.kas.de/c/document_library/get_file?uuid=6c914ac8-7c46-b010-b1a1-24aa4261d24b&groupId=252038 (дата обращения: 15.01.2019).

III. Einheit // Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart. <https://www.dwds.de/wb/Einheit> (дата обращения: 16.01.2019).

IV. Einheit // Duden Online-Wörterbuch. <https://www.duden.de/recht-schreibung/Einheit> (дата обращения: 16.01.2019).

V. Einheit // Online-Wortschatz-Informationssystem Deutsch / Leibniz-Institut für Deutsche Sprache. <https://www.owid.de/nav/gehezu/Einheit?module=ctx.all> (дата обращения: 15.01.2019).

VI. *Eitz, Th.* Begriffe besetzen oder das Ringen um Wörter // Bundeszentrale für politische Bildung. 15.07.2010. <http://www.bpb.de/politik/grundfragen/sprache-und-politik/42715/begriffe-besetzen?p=all> (дата обращения: 15.01.2019).

VII. *Fricke, Th.* Deutsche Einheit. Feiern, bis die AfD kommt // Spiegel Online. 05.10.2018. <http://www.spiegel.de/wirtschaft/soziales/deutsche-einheit-lasst-uns-endlich-offen-ueber-die-fehler-reden-kolumne-a-1231602.html> (дата обращения: 19.01.2019).

VIII. Gemeinsam erfolgreich für Deutschland. Regierungsprogramm 2013–2017. <https://www.cdu.de/sites/default/files/media/dokumente/regierungsprogramm-2013-2017-langfassung-20130911.pdf> (дата обращения: 15.01.2019).

IX. *Herholz, A.* Er wollte die innere Einheit Deutschlands stärken // Schweriner Volkzeitung. 01.02.2015. <https://www.svz.de/deutschland-welt/politik/erwollte-die-innere-einheit-deutschlands-staerken-id8849936.html> (дата обращения: 15.01.2019).

X. *Mohring, M.* Einheit in Vielfalt ist das Ziel // Frankfurter Allgemeine. 12.01.2019. <https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/mohring-ueber-ost-und-westdeutschland-15983977.html> (дата обращения: 15.01.2019).

XI. „Nur mit Euch“. Berlin feiert 28 Jahre Deutsche Einheit // Spiegel Online. 02.10.2018. <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/tag-der-deutschen->

einheit-michael-mueller-eroeffnet-feiern-in-berlin-a-1231117.html (дата обращения: 04.10.2018).

XII. Programm für Deutschland. Wahlprogramm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum Deutschen Bundestag am 24. September 2017. https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/06/2017-06-01_AfD-Bundestagswahlprogramm_Onlinefassung.pdf (дата обращения: 15.01.2019).

XIII. Das Wir entscheidet. Das Regierungsprogramm 2013–2017. https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Beschluesse/Bundesparteitag/20130415_regierungsprogramm_2013_2017.pdf (дата обращения: 15.01.2019).

XIV. *Schmidt, H.* Außer Dienst. Eine Bilanz. München: Pantheon, 2010. 350 S.

XV. Wahlprogramm der Partei DIE LINKE zur Bundestagswahl 2017. https://www.die-linke.de/fileadmin/download/wahlen2017/wahlprogramm2017/die_linke_wahlprogramm_2017.pdf (дата обращения: 15.01.2019).

XVI. *Weizsäcker, R. von.* Der Weg zur Einheit. München: Verlag C. H. Beck, 2011. 224 S.

Литература

1. *Блохин, И. Н.* Личность в пространстве массовой коммуникации: начала ролевого анализа: монография. СПб.: Scientia, 2016. 360 с.

2. *Гумбольдт, В.* Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1995. 450 с.

3. *Езан, И. Е.* Аспекты кодификации и употребления ключевых слов немецкого политического медиадискурса // В мире науки и искусства. Вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. статей по материалам LXVII междунар. науч.-практ. конф. № 12 (67). Новосибирск: СибАК, 2016. С. 84–95.

4. *Езан, И. Е., Ковтунова, Е. А.* Лингвопрагматическая характеристика политических текстов мемуарно-автобиографической направленности // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Вып. 4. Текст и текстовые единицы: сб. науч. статей. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. С. 91–105.

5. *Езан, И. Е., Ковтунова, Е. А.* Агитационная листовка в современном немецком политическом дискурсе // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Вып. 7. Дискурсивные аспекты языковых феноменов. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. С. 85–98.

6. *Манёрова, К. В.* О развитии лексемы Sanktionen как ключевого слова политически-правового рестриктивного дискурса в немецком языке // Политическая лингвистика. 2018. № 5. С. 81–89.

7. *Чернявская, В. Е.* Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено?: Объяснительные возможности качественного и количественного подходов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 31–37.

8. Юдина, Т. В. Германия. Новая политэстетика. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 175 с.
9. Burkhard, A. Deutsche Sprachgeschichte und politische Geschichte // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung / hrsg. von W. Besch, A. Betten, O. Reichmann, S. Sonderegger. Teilbd. 1. 2., vollständig neu bearbeitete und erweiterte Aufl. Berlin u. a.: Walter de Gruyter, 1998. S. 98–122.
10. Burkhard, A. Das Parlament und seine Sprache: Studien zu Theorie und Geschichte parlamentarischer Kommunikation. Tübingen: Walter de Gruyter, 2003. 608 S.
11. Dieckmann, W. Sprache in der Politik. Einführung in die Pragmatik und Semantik der politischen Sprache. Heidelberg: C. Winter Universitätsverlag, 1975. 147 S.
12. Felbick, D. Schlagwörter der Nachkriegszeit 1945–1949. Berlin: Walter de Gruyter, 2003. 600 S.
13. Schröter, M., Carius, B. Vom politischen Gebrauch der Sprache. Frankfurt a/M.: Peter Lang Verlag, 2009. 144 S.
14. Wanzeck, Ch. Lexikologie. Beschreibung von Wort und Wortschatz im Deutschen. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht GmbH & Co; KG, 2010. 183 S.
15. Wissenschaftliches Schreiben: Ein Handbuch / A. Diehr, I. Jesan, E. Kovtunova, G. Ros, E. Sadovskaia, P. Schäfer, J. Schiewe, N. Suponitskaia; hrsg. von Ch. Gansel, S. Nefedov. Wolgast: Steffen Media Usedom, 2018. 206 S.

References

1. Blokhin, I. N. *Personality in the Space of Mass Communication: The Beginning of Role Analysis: Monography*. St. Petersburg, Scientia Publ., 2016, 360 p. (In Russian)
2. Gumboldt, V. *Language and Philosophy of Culture*. Rus. ed. Moscow, Progress Publ., 1995, 450 p. (In Russian)
3. Ezan, I. E. Aspects of Codification and Use of German Political Media Discourse Keywords. *V mire nauki i iskusstva. Voprosy filologii, iskusstvedeniia i kul'turologii: sb. statei po materialam LXVII mezhdunar. nauch.-prakt. konf.*, no. 12 (67). Novosibirsk, SibAK Publ., 2016, pp. 84–95. (In Russian)
4. Ezan, I. E., Kovtunova, E. A. Pragmalinguistic Characteristic of Political Memoir-autobiographical Texts. *Nemetskaia filologiiia v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete*, issue 4, *Tekst i tekstovye edinitiy: sb. nauch. statei*. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta Publ., 2014, pp. 91–105. (In Russian)
5. Ezan, I. E., Kovtunova, E. A. Campaign Leaflets in Modern German Political Discourse. *Nemetskaia filologiiia v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete*, issue 7, *Diskursivnye aspekty iazykovykh fenomenov*. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta Publ., 2018, pp. 85–98. (In Russian)

6. Manerova, K. V. The Dynamics of the Lexeme Sanktionen as a Key Word for Politically-legal Restrictive Discourse in German. *Politicheskaja lingvistika*, 2018, no. 5, pp. 81–89. (In Russian)
7. Cherniavskaia, V.E. Discourse Analysis and Corpus Methods: The Necessary Evidence? Explanatory Possibilities of Qualitative and Quantitative Approaches. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 2018, no. 2, pp. 31–37. (In Russian)
8. Iudina, T. V. *Germany. New Political Aesthetics*. Moscow, Ros. polit. entsiklopediia (ROSSPEN) Publ., 2010, 175 p. (In Russian)
9. Burkhard, A. Deutsche Sprachgeschichte und politische Geschichte. *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung*, hrsg. von W. Besch, A. Betten, O. Reichmann, S. Sonderegger, Teilbd. 1, 2nd ed., completely revis. and ext. Berlin et al., Walter de Gruyter, 1998, pp. 98–122.
10. Burkhard, A. *Das Parlament und seine Sprache: Studien zu Theorie und Geschichte parlamentarischer Kommunikation*. Tübingen, Walter de Gruyter, 2003, 608 p.
11. Dieckmann, W. *Sprache in der Politik. Einführung in die Pragmatik und Semantik der politischen Sprache*. Heidelberg, C. Winter Universitätsverlag, 1975, 147 p.
12. Felbick, D. *Schlagwörter der Nachkriegszeit 1945–1949*. Berlin, Walter de Gruyter, 2003, 600 p.
13. Schröter, M., Carius, B. *Vom politischen Gebrauch der Sprache*. Frankfurt a/M., Peter Lang Verlag, 2009, 144 p.
14. Wanzeck, Ch. *Lexikologie. Beschreibung von Wort und Wortschatz im Deutschen*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht GmbH & Co; KG, 2010, 183 p.
15. *Wissenschaftliches Schreiben. Ein Handbuch*, A. Diehr, I. Jesan, E. Kovtunova, G. Ros, E. Sadowskaia, P. Schäfer, J. Schiewe, N. Suponitskaia, ed. by Ch. Gansel, S. Nefedov. Wolgast, Steffen Media Usedom, 2018, 206 p.

Езан Ирина Евгеньевна

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ, кандидат филологических наук
 Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Irina Je. Jesan

Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,
 Candidate of Philological Sciences
 Address: 7–9, University emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: i.ezan@spbu.ru

SPIN-код: 1838-1835; AuthorID: 317717; ResearcherID: C-2597-2016

Ковтунова Елена Анатольевна

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ, кандидат филологических наук
 Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Elena A. Kovtunova

Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,

Candidate of Philological Sciences

Address: 7–9, University emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: e.kovtunova@spbu.ru

SPIN-код: 3523-8806; AuthorID: 345759; ResearcherID: C-2640-2016

V. КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ POST SCRIPTUM

УДК 82.091+821.113.6+616.89-02-07+616.895.3

М. В. КОРЫШЕВ

Санкт-Петербургский государственный университет

Е. М. КРЕПАК

Санкт-Петербургский государственный университет

Е. П. ИВАНОВА

Санкт-Петербургский государственный университет

Е. Ю. ЗУБОВА

*Санкт-Петербургский научно-исследовательский
психоневрологический институт им. В. М. Бехтерева*

КАТЯ ПЕТЕРСЕН

Университет им. Гельмута Шмидта

ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО ЖАН-ЖАКА РУССО ГЛАЗАМИ КАРЛА ЛЕОНГАРДА: ОТ ДИАЛОГА КУЛЬТУР К ДИАЛОГУ ИДЕЙ

Ключевые слова: Жан-Жак Руссо, Карл Леонгард, патографическое литературоведение, эндогенный психоз, аффективная парафрения, рецепция предромантизма в Германии.

Статья посвящена рецепции личности и творчества Жан-Жака Руссо в последней работе известного немецкого психиатра Карла Леонгарда, автора хорошо известной российскому читателю книги «Акцентуированные личности». Взгляды и оценки Карла Леонгарда, являющиеся ярким этапом в истории рецепции творчества выдающегося мыслителя эпохи предромантизма в Германии, представлены как исторически сложившийся конструкт и результат диалога франкоязычного мира и немецкой культуры и вписаны в историю медицинской мысли эпохи и патографического литературоведения, а также сопоставлены с результатами, полученными в позднейших патографиях, созданных исследователями, придерживающимися методологических установок, отличных от школы Вернике — Клейста — Леонгарда. В работе отмечена близость применяемого Леонгардом подхода к традициям русской гуманистической психиатрии, новым моментом является также предпринимаемая в статье попытка преодоления кажущегося методологического просчета, с которым встречается читатель работ Леонгарда: на первый взгляд, германский исследователь

не проводит границ между миром персонажа художественного произведения и миром его автора, что не так: показано, что ряд психотических переживаний, представленных в произведениях Руссо в динамике, недоступен для описания с такой точностью и пластичностью при отсутствии у автора собственного опыта болезни и ее преодоления. В заключение авторы работы анонсируют издание полного текста очерка К. Леонгарда в русском переводе с литературоведческими и медицинскими комментариями.

M. V. KORYSHEV

St. Petersburg State University

E. M. KREPAK

St. Petersburg State University

E. P. IVANOVA

St. Petersburg State University

E. Y. ZUBOVA

St. Petersburg V.M. Bekhterev Psychoneurological Research Institute

KATJA PETERSEN

Helmut Schmidt University

CHARACTER AND CREATIVE WORK OF JEAN-JACQUES ROUSSEAU AS VIEWED BY KARL LEONHARD: FROM THE DIALOGUE OF CULTURES TO THE DIALOGUE OF IDEAS

Keywords: Jean-Jack Rousseau, Karl Leonhard, pathography literary criticism, endogenous psychosis, affective paraphrenia, reception of pre-Romanticism in Germany.

The article deals with the reception of the character and creative discourse of Jean-Jacques Rousseau in the last work by the renowned German psychiatrist Karl Leonhard, the author of *Akzentuierte Persönlichkeiten*, a book well-known to the Russian reader. Karl Leonhard's views and value judgments serve a benchmark in reception of the creative work of the outstanding pre-Romanticism thinker in Germany and represent a historically formed construct and the outcome of the dialogue between the French-speaking world and German culture. His views and judgments went down in the history of medical thinking of the time and pathography literary criticism and they are comparable with the results gained from later pathographies created by the researchers who adhere to the methodology distinct from that of Wernicke-Kleist-Leonhard's. The study demonstrates the close proximity of the approach applied by Leonhard and the traditions of Russian humanistic psychiatry. Another new thing proposed in the study is an attempt to overcome a seeming methodological pitfall which the reader of Leonhard's works faces, i. e. it turns out at first sight that the German researcher does not distinguish between the world of a fiction character and the world of its author, which is not exactly so. It appears that a number of psychotic emotional

experiences as shown in Rousseau's works in their follow-up are impossible to describe with the same precision unless the author has own experience of a disease or illness and recovery from them. In conclusion the authors announce publication of the complete text by K. Leonhard in Russian translation with the attached literary and medical commentaries.

В эпоху Просвещения возникает широко разветвленная система связей между литературным, антропологическим и педагогическим дискурсами. При этом науки о человеке, борющиеся за свой статус в парадигме научного знания Нового времени, все сильнее и сильнее ощущают обязанность соответствовать нормам и требованиям прогресса общества эпохи Просвещения.

При переходе к периоду позднего Просвещения и романтизма возникает все больше конкурирующих друг с другом и наполненных противоречиями дискурсов и образовательных фреймов, создаваемых с целью возвращения в них субъекта. Результатом стало желание человека этой эпохи обладать собственной гражданской идентичностью, которая, с одной стороны, являлась бы уникальной и неповторимой, но одновременно с этим была бы приемлемой и полезной для общества. Чтобы хотя бы частично привести эти противоречия к гармонии, неизбежно требуется дисциплинировать свое «я». Нередко просветители апеллируют как к получаемому эмпирическим путем познанию, так и к опыту дуализма Просвещения и священного разума.

Именно с учетом этого все большее удивление вызывает тенденция современных историков науки ссылаться в своих изысканиях на облеченный в форму романа трактат мыслителя, в котором принципы воспитания представляют собой полную противоположность методам с применением принуждения и насилия и должны скорее рассматриваться под названием «негативное воспитание». Здесь наблюдается конфликт истории идей и конкретного опыта, точно такой же, как и у создателя этой антропологической утопии Жан-Жака Руссо. Не в его традиции легкомысленно предаваться часто встречающемуся в то время просвещенному оптимизму в духе Лейбница, невзирая на то что Руссо подчеркивает примат добра в человеке. До сих пор он считается родоначальником человековедения как науки, а его антропологические идеи нередко служат и сейчас руководством к действию для инстанций, задача которых — забота о человеке на государственном уровне. Философские сочинения Руссо, основывающиеся на принципах антропологии,

до сих пор нисколько не утратили своего значения и очарования даже несмотря на то, что идеям Руссо, подобно идеям Иммануила Канта, судьбой была уготована перцепция в усеченном и сведенном до конкретных практических нужд виде (подробнее см.: [6; 4]).

Руссо убежден, что зло — не есть творение Бога, так как люди сами по себе добры, но существует как результат включения их в контекст искусственных, по его мнению, макрообщественных отношений. И именно развитие добрых начал, заложенных от природы, является главной задачей воспитателя, что в конечном счете способствует развитию свободы без принуждения (негативное воспитание); его мечта — человеческая искренность:

Как замечательна была бы наша жизнь, если бы наше поведение всегда отражало наши чувства, если бы изысканные манеры считались добродетелью, если бы наши максимы определяли наши действия и наше мышление (Rousseau, p. 9; перевод наш. — Авт.).

Отстаивание права человека на то, чтобы быть самим собой, и поиск этой аутентичности также играют одну из центральных ролей в концепции Руссо и до сих пор остаются исходным пунктом при анализе его многогранного труда.

Трагическое в культурном и, как результат, в характеризующем именно человека развитии до сих пор не утратило своей силы. Ведущий к неизбежным разочарованиям оптимизм и слепая вера в идею прогресса остается важным предметом изучения в рамках истории культуры, философии, а также человековедения. Вдохновленные идеями антропологии и миропонимания Нового времени, тексты Руссо, по всей видимости, тесно связаны с биографической диалектикой автора, и именно в этом состоит их мощь. Руссо своими размышлениями не противопоставляет себя миру, напротив, его цель — продемонстрировать болезненные противоречия между желаемым и действительным. Он разрабатывает собственные идеи без систематического принуждения. В этом кроется причина, по которой так сложно анализировать труды Руссо, ведь он формирует индивидуальный способ восприятия мыслей (о философии языка у Руссо см.: [5]). Благодаря этому он так четко схватывает ту тоску, которую все больше и больше осознает и сама буржуазия. Тоску, из которой произрастают черты эскапизма и меланхолии.

Конечно, современные гуманитарные науки о человеке непредставимы без Руссо. Точно так же непредставимы они и без того фак-

та, что он отдал своих, на его взгляд, слишком шумных и обходящихся ему слишком дорого детей в сиротский приют. Возможно, именно этот аспект является ключом к лучшему пониманию Руссо и созданного вокруг него мифа (см. интереснейший очерк Н. Бахтина: [1]).

Одну из попыток постижения этого мифа и понимания внутреннего мира великого просветителя предпринял Карл Леонгард (1904–1988) — немецкий психиатр из числа ведущих, оставивший значительный след не только в медицине, но и в психологии и философской антропологии, человек, однако, совершенно другой культуры и совершенно других — позитивистских — воззрений.

Каждый, кто соприкасается с наследием Карла Леонгарда, убеждается в том, что творческие достижения — удел не только людей творческих профессий. Если посмотреть на место, которое он и его наследие занимают в науке, то невольно приходишь к выводу, что у его творчества одновременно и счастливая, и несчастная судьба: с одной стороны, его основные работы отлично известны у нас в русском переводе, кроме того, они переведены не только на английский, но и на полдюжины других языков; с другой стороны, в его судьбе отразились все перипетии послевоенной Германии: большее признание он снискал в Восточной Германии, этим же обстоятельством, возможно, объясняется его известность и в нашей стране, тогда как коллеги на Западе, отдавая ему должное, относились к нему сдержанно. Тем не менее успешно работает международное общество имени Вернике, Клейста и Леонгарда с центром в Вюрцбурге (Германия), работы Леонгарда, как и прежде, широко представлены в каталогах крупнейших международных медицинских издательств.

Российский читатель знает Леонгарда в основном по его работе «Акцентуированные личности», замечательно переведенной на русский язык В. М. Лещинской [3], где во второй части даются точные и проницательные описания выделяемых им типов личностей на материале произведений художественной литературы, принадлежащих перу более тридцати авторов, поскольку автор книги полагал, что великие писатели Нового времени были тонкими психологами. Нужно отметить, что художественную литературу Леонгард по-настоящему открыл для себя, еще будучи студентом-медиком, и никогда более не расставался с нею, видя в художественных произведениях источник и эстетического наслаждения, и материала для своих штудий [10].

Несмотря на то что герои произведений Руссо исследуются уже в «Акцентуированных личностях», по-настоящему развернутый анализ личности великого французского философа Леонгард дает в своей последней книге «Выдающиеся личности и их душевные болезни» [9], увидевшей свет лишь после кончины автора. Эту работу нельзя отнести к жанру психиатрического литературоведения или популярной патографии, которая, как правило, пытается показать, что именно болезнь является источником творчества. Скорее ее следует отнести к жанру посмертной психолого-психиатрической экспертизы, опирающейся на биографические данные, свидетельства современников, а также на письма, дневники и другие архивные материалы, принадлежащие перу подэкспертного. Леонгард, как мы увидим, со значительной осторожностью обращается к самим художественным произведениям Руссо: для него важнее материал, который дает биография, тогда как литературное произведение — лишь условное отражение внутренней жизни его автора, которое нуждается в отдельном доказательстве. В этом усматривается отличие метода Леонгарда от подхода Карла Ясперса [8], которого интересовал скорее биографический материал, и от подхода Карла Бирнбаума [7] — немецко-американского психиатра, постулировавшего возможность и необходимость объяснения фактов творчества через психиатрическую экспертизу биографии. Как представляется, Леонгард выбирает третий путь, который подсказывает ему опыт исследователя, диагноста и судебного эксперта, поэтому его взгляд сфокусирован прежде всего на биографии писателя, тогда как в творчестве Руссо Леонгард видит лишь отражение его душевного состояния, которое просматривается в стиле изложения, в описаниях, в образе автора или повествователя и лишь в последнюю очередь — в образах персонажей и в перипетиях сюжета. При этом Леонгард далек от мысли, что душевное расстройство является источником творчества, — он далек от идеи стигматизации художника, но ему чужда и идея антипсихиатрии, у истоков которой стоит Мишель Фуко: душевное расстройство — болезнь и источник страдания, а не недопонятое проявление таланта. Таким образом, в концепции Леонгарда, выдающийся художник творит не благодаря, а вопреки душевной болезни, понимание же сущности этого расстройства — не удовлетворение любопытства публики, а возможность более глубокого проникновения в мир художника и его творений. В таком подходе

намечается перекличка немецкой и российской психиатрических школ: за много лет до выхода работ Леонгарда наш выдающийся соотечественник П. Б. Ганнушкин (1875–1933), обладавший незаурядным литературным даром, так предвосхитил то, что в своем творчестве воплотил Леонгард: «Главная цель и изучения, и преподавания психиатрии должна состоять в том, чтобы научить молодых врачей быть психиатрами и психопатологами не только в больнице и в клинике, но прежде всего в жизни, то есть относиться к так называемым здоровым, так называемым нормальным людям с тем же пониманием, с той же мягкостью, с той же вдумчивостью, но и с той же прямоотой, как и душевно нездоровым; разница между теми и другими, если иметь в виду границы здоровья и болезни, вовсе не так уж велика» [2, с. 42].

Созвучие идей немецкой и российской школ неслучайно, так как их роднит общий методологический подход, зародившийся в Германии конца XIX века, который принято называть нозологическим: подлинное излечение возможно в том случае, если подробно исследованы причины и механизмы возникновения болезни (работы Э. Крепелина, К. Вернике, С. С. Корсакова, В. П. Сербского). В рамках этой школы работал и Леонгард, много сделавший для развития учения о наиболее тяжелых душевных заболеваниях — эндогенных (то есть не обусловленных какими-либо внешними по отношению к больному причинами) психозов, к которым относили шизофрению, маниакально-депрессивный психоз и — до определенного времени — эпилепсию. Леонгард вслед за Э. Блейлером, говорившим, правда, о «шизофрениях», полагает данный подход недостаточно дифференцированным, отмечая, что собственно шизофрения неминуемо ведет к личностному дефекту со слабоумием и эмоциональной тупостью (такие пациенты описаны А. П. Чеховым в повести «Палата № 6»), и в 1950-е годы разрабатывает свою подробную классификацию эндогенных психозов, опираясь на свой огромный клинический опыт [11]. Несмотря на то что предложенная Леонгардом классификация довольно громоздка и не используется в современных диагностических схемах, необходимо отметить, что современная нейрофизиология подтверждает его правоту: выделенные им психозы имеют различную локализацию в мозгу, то есть разные причины, и, как следствие, разное течение и исход. Таким образом, знакомство с аргументацией и ходом мысли Леонгарда позволит лучше понять Руссо как человека и как

писателя, по-новому, без вульгарных упрощений взглянуть на его творчество и его персонажей.

Знакомясь с личностью и творчеством Жан-Жака Руссо, Леонгард прежде всего стремится дать ответ на вопрос, есть ли достаточные основания для того, чтобы согласиться с исследователями, которые полагали, что бред преследования автора «Исповеди» и «Эмиля» есть проявление паранойи (Мёбиус), параноидной шизофрении (Демоль) или сенситивного бреда отношения (Кречмер). Полагая, что диагноз «паранойя» не соответствует в полной мере современным диагностическим критериям, Леонгард последовательно подводит читателя к выводу о том, что в случае Руссо уместнее всего говорить об аффективной парафрении, о чем свидетельствуют факты его биографии, автобиографические описания и его творчество в целом. Начиная с подробного описания процесса формирования бредовых идей у Руссо, Леонгард допускает, что Руссо был болен с самого начала, и мы наблюдаем экзацербацию болезненного процесса, однако очевидных доказательств тому не находит. Более того, фрагменты «Исповеди», которые можно было бы рассматривать как проявление бредовых идей и описывающие конкретные события, относящиеся к прошлому Руссо, являются ретроспекциями, сформировавшимися значительно позднее. Так, он пишет:

Если никто и не покусился на мою свободу, меня все же не избавили от оскорблений, самой моей жизни угрожала опасность. Оркестр Оперы составил порядочный заговор, чтобы убить меня на выходе из театра. Мне сказали об этом, я стал лишь еще усерднее посещать Оперу (Руссо, с. 374).

Далее в примечании читаем:

В то время, когда я писал это, я еще совсем не подозревал о великом заговоре Дидро и Гримма. Иначе я легко догадался бы, насколько первый злоупотреблял моим доверием (Руссо, с. 378).

Очевидно, что эти высказывания представляют идеи, хронологически соответствующие не описываемому периоду, а более позднему душевному настроению, связанному с периодом создания книги.

В этом смысле представляется важным отметить, что ряд психических переживаний, представленных Руссо в художественных

текстах, недоступен для диагностики момента начала его заболевания в связи с тем, что у него отсутствовало осознание своей болезни и, как следствие, ему был неведом опыт ее преодоления.

Рассуждая о природе недуга, который сопровождал Руссо до самой смерти, Леонгард обращает внимание на то, что идеи отношения в данном случае развивались в русле враждебности и раздражительности без указаний на фазовый характер их течения. Бредовые идеи затихали только на непродолжительное время, когда Руссо переезжал в новое место, будь то княжество Невшательское или Англия, спустя непродолжительное время после знакомства с новыми соседями ему снова начиналось казаться, что его вновь преследуют и все окружающие вокруг несправедливы по отношению к нему. Характерно, как пишет об этом сам Руссо:

Вынужденный говорить против своей воли, я должен прятаться, хитрить, пытаться обмануть, унижаться до таких вещей, для которых я меньше всего был рожден. У потолка, под которым я живу, есть глаза, у стен, которые меня окружают, есть уши. Окруженный шпионами и надсмотрщиками, недоброжелательными и полными бдительности, в постоянной тревоге то и дело отвлекаемый, я поспешино набрасываю на бумагу по несколько прерывистых слов (Руссо, с. 269).

Красноречиво об этом свидетельствует история охлаждения его отношений с английским философом Юмом, благодаря заступничеству которого Руссо и оказался в Англии, и сам английский король оказал ему честь и назначил хорошую пенсию. Всего за три месяца с января по март 1766 года отношения между Юмом и Руссо деградировали настолько, что Руссо более не смог скрывать свое враждебное неприятие Юма. При этом интересно заметить, что Юм, по всей видимости, не связывал агрессивные выпады Руссо с проблемами его большой психики, поскольку искренне негодовал на поведение Руссо и называл его негодяем.

Итак, что же приводит Леонгарда к выводу о том, что Руссо страдал аффективной парафренией? Прежде всего, аффект страха, который со всей очевидностью начинает преследовать швейцарца в тот момент, когда он покидает Англию. Именно тогда в поведении Руссо начинают проявляться ипохондрические и депрессивные отклонения, когда он попеременно пребывает в состоянии между страхом и экстазом. Страх, что его преследуют, хотят навредить,

а возможно, даже убить, заставляет Руссо перемещаться с места на место, нигде не задерживаясь на продолжительное время. Одним из редких эпизодов, когда его пребывание «в гостях» было более продолжительным, чем обычно, стал замок Три, куда его пригласил принц Конти. Однако и там его преследовали идеи всеобщего неприятия и недоброжелательства со стороны окружающих, из которых место главного злодея в его сознании было уготовано управляющему замком. Совершенно беспричинно факт смерти последнего по естественной причине от болезни у Руссо преломляется непостижимым образом, он начинает бояться, что его могут обвинить в отравлении усопшего по единственной причине — он послал несчастному в качестве знака внимания вино и еду. Леонгард обстоятельно демонстрирует, как внешние события, не имеющие к Руссо никакого отношения, воспринимаются им как угрожающие его жизни, трансформируются до абсурда под влиянием больного восприятия. Тревожность и депрессивность усугубляются и более никогда не оставляют Руссо на протяжении всей жизни.

Рассматривая природу аффективной парафрении, Леонгард замечает, что на начальной стадии аномальность аффекта может проявляться в попеременном состоянии страха и экстаза. И в продолжение этой темы делает предположение о том, что состояние экстатического возбуждения Руссо пережил задолго до бреда отношения, когда болезнь Руссо стала очевидной. Впервые это произошло после того, как в возрасте 37 лет он прочитал о конкурсе, объявленном Дижонской академией на тему «Способствовал ли прогресс наук и искусств порче или очищению нравов?». Вот как пишет об этом сам Руссо:

Едва я прочел эти слова, как увидел совершенно иной мир и стал другим человеком (Руссо, с. 493).

Он продолжает:

В настоящем случае я ясно помню только то, что приехал в Венсен в сильнейшем волнении, граничащем с бредом (Руссо, с. 493).

По совету Дидро он принимает решение об участии в конкурсе. И вот как он описывает свое состояние после этого решения:

Я последовал его совету и с той минуты погиб. Вся остальная моя жизнь со всеми ее мелкими несчастьями стала неизбежным след-

ствием этого момента безумия. Мои чувства с невообразимой быстротой настроились в тон моим мыслям. Все мои мелкие страсти были задушены порывом к истине, свободе, добродетели, и удивительнее всего то, что такая восторженность продержалась в моем сердце на протяжении четырех или пяти лет, притом в такой высочайшей степени, какая только возможна для человеческого сердца (Руссо, с. 493).

Отдельно Леонгард рассматривает вопрос об ипохондических проявлениях у Руссо и полагает, что одно из первых свидетельств об ипохондрии относится к 1727 году, когда ему было 25 лет. Вот что пишет об этом сам писатель:

Однако здоровье мое не шло на поправку, напротив, я чах на глазах, был бледен как смерть и худ как скелет; мои артерии бились ужасно, сердцебиения становились более частыми, я постоянно чувствовал стеснение в груди, и, наконец, моя слабость дошла до того, что я с трудом двигался, не мог ускорить шаг, не задыхаясь, не мог наклониться без головокружения, не мог поднять и малейшей тяжести, был вынужден к бездействию, мучительному для такого подвижного человека, как я (Руссо, с. 355).

После этого Руссо добавляет:

Несомненно, ко всему этому примешивалась известная доля мнительности. Мнительность — болезнь счастливых людей, страдал ею и я: частые беспричинные слезы, испуг от шелеста листьев или крика птицы, неровность настроения при самой спокойной и тихой жизни — на всем этом лежала печать скуки благополучия. Которая, если можно так сказать, извращает чувствительность (Руссо, с. 370).

По предположению Леонгарда, в ту пору Руссо вполне мог переживать панически-ипохондрическую фазу заболевания, которая часто предшествует аффективной парафрени.

В качестве дополнительного аргумента в пользу предполагаемого диагноза Руссо Леонгард отдельно останавливается на навязчивых идеях как спутниках аффективной парафрени. Сам Руссо сообщает об этом, описывая свой страх перед адской бездной:

Однажды, предаваясь этим мрачным размышлениям, я машинально бросал камешки в стволы деревьев, делая это со своей обыч-

ной ловкостью, то есть, почти никогда не попадая в цель. И вот, я вдруг решил превратить эти великолепные упражнения в своего рода выяснение будущего, чтобы унять свою тревогу. Я сказал себе: сейчас я брошу камень в дерево, которое стоит прямо предо мной; если попаду, значит, я спасен, если промахнусь — буду осужден. Говоря так, я бросил дрожащей рукой свой камешек. Сердце мое колотилось с чудовищной силой, но камешек попал в самую середину ствола, что было нетрудно, поскольку я выбрал очень толстое и близко стоящее дерево (Руссо, с. 349).

К числу других сопутствующих проявлений аффективной фобии Леонгард относит чрезвычайную робость Руссо в непривычной обстановке, о которой он неоднократно упоминает в «Исповеди». Так, например:

Моя нелепая и угрюмая застенчивость, которой я не мог победить, коренилась в опасении нарушить приличия (Руссо, с. 517).

Следующим важным симптомом аффективной парафрении является сочетание мании преследования с манией величия. Про первую мы уже говорили выше. Что же касается мании величия, следует отметить, что Руссо, не сомневаясь в своих моральных и интеллектуальных достоинствах, не стеснялся самоуверенно позиционировать себя в качестве глашатая и идеолога просветительства. Он воспринимает себя как пророка, который указывает остальным путь к исправлению мира, будь то распространение педагогических методов в «Эмиле» или влияние прогресса культуры на нравы в «Общественном договоре». Разве не об этом свидетельствуют эти слова?

Я рассказал правду. Тот, кто знает факты, противоречащие тому, что я только что изложил, будь они хоть тысячу раз подтверждены, тот знает лишь ложь и клевету. И тот, кто не захочет их проверить и выяснить у меня, пока я жив, тот не любит ни истины, ни справедливости. Что до меня, то я смело и во весь голос заявляю: кто, не читая даже моих сочинений, своими собственными глазами всмотрится в мою натуру, мой характер, мои нравы, мои склонности, мои удовольствия, мои привычки и сможет счесть меня нечестным человеком, тот сам достоин виселицы (Руссо, с. 37).

В свете приписываемой им себе миссии пророка и гражданина становится понятным решение Руссо отдать своих детей в воспитательный дом:

Скажу лишь, что мое собственное заблуждение состояло в том, что, отдавая своих детей на попечение общества, за неимением возможности воспитать их самостоятельно, и предназначая их тем самым к судьбе скорее рабочих и крестьян, нежели искателей приключений, я думал, что исполняю долг гражданина и отца, и считал себя членом Платоновой республики (Руссо, с. 501–502).

В заключение следует упомянуть еще два обстоятельства, на которые обращает внимание Леонгард. Во-первых, это нарушение мышления, которое может наблюдаться в тяжелых случаях заболевания. А во-вторых, аномальная сексуальность больного. Сразу оговоримся, что оба они не имеют отношения к случаю Руссо, поскольку либо напрямую связаны только с продвинутой стадией заболевания, либо их связь с аффективной парафренией не носит доказанного характера.

Что касается первого наблюдения, следует отметить, что Руссо за пределами своих бредовых идей сохранял логичность и ясность мышления. Так, в ответ на просьбу польского посланника он разработал проект конституции, завершив свой труд за полгода и снискав благодарность заказчика за реальность проекта.

Что же касается его аномальной сексуальности, Леонгард приводит доказательства его мазохистских наклонностей:

Мои детские фантазии не исчезли, а слились с другими, зажигаемыми во мне чувственностью. Я никогда не мог разделить их, и мое безумие, вкупе с природной робостью, сделало меня несмелым с женщинами. Я не мог сам себе дать наслаждение, которого ждал от других, а та, что могла его предоставить, не могла без слов угадать, чего я желал. Так я и провел свою жизнь, молча вождедея возле тех, кого любил сильнее всего. Но, не решаясь открыть свои желания, я наслаждался отношениями, наводившими на мысль о них. Стоять на коленях перед властной возлюбленной, подчиняться ее приказам, молить о прощении было для меня самым сладостным наслаждением (Руссо, с. 52).

Наше знакомство с творческим взглядом Леонгарда на Руссо и его произведения позволяет сделать вывод, что многогранность концепции немецкого психиатра не только является важным вкладом в современную психиатрию, но и позволяет по-новому взглянуть на литературное и философское наследие этого крупнейшего мыслителя эпохи Просвещения. Авторы данной работы выражают

надежду на публикацию в ближайшем будущем на русском языке полного текста книги Леонгарда и уверенность, что она будет интересна не только специалистам-литературоведам, но и широкому кругу читателей.

Источники иллюстративного материала

Руссо — *Russo, Ж.-Ж.* Исповедь / пер. с фр. под ред. Н.А.Бердяева, О.С.Вайнер. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2014. 640 с.

Rousseau — *Rousseau, J.-J.* Discours sur les sciences et les arts (1750). http://classiques.uqac.ca/classiques/Rousseau_jj/discours_sciences_arts/discours_sciences_arts.pdf (дата обращения: 19.11.2018).

Литература

1. *Бахтин, Н.* Руссо и его педагогические воззрения // Ж.-Ж. Руссо: pro et contra. Идеи Жан-Жака Руссо в восприятии и оценке русских мыслителей и исследователей (1752–1917): антология / сост. А.А.Златопольская. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманист. ин-та, 2005. С. 615–636.

2. *Ганнушкин, П.Б.* Психиатрия, ее объем, задачи преподавание // Ганнушкин П.Б. Избр. труды по психиатрии. М.: Юрайт, 2018. С. 9–42.

3. *Леонгард, К.* Акцентуированные личности / пер. с нем. В.М.Лещинской; под ред. В.М.Блейхера. 2-е изд., стер. Киев: Вища школа, 1989. 375 с.

4. *Розанов, В.В.* Ж.-Ж. Руссо [J.-J. Rousseau] // Ж.-Ж. Руссо: pro et contra. Идеи Жан-Жака Руссо в восприятии и оценке русских мыслителей и исследователей (1752–1917): антология / сост. А.А.Златопольская. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманист. ин-та, 2005. С. 399–406.

5. *Старобинский, Ж.* Руссо и истоки языка / пер. В.Мильчиной // Старобинский Ж. Поэзия и знание. История литературы и культуры. Т. 1 / сост., отв. ред. и авт. предисл. С.Н.Зенкин. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 289–313.

6. *Старобинский, Ж.* Руссо и поиски истоков / пер. В.Мильчиной // Старобинский Ж. Поэзия и знания. История литературы и культуры. Т. 1 / сост., отв. ред., авт. предисл. С.Н.Зенкин. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 278–288.

7. *Birnbaum, K.* Methodologische Prinzipien der Pathographie // Zeitschrift für die gesamte Neurologie und Psychiatrie. 1933. Bd. 143, H. 1, Dezember. S. 69–83.

8. *Jaspers, K.* Strindberg und van Gogh. Versuch einer pathographischen Analyse unter vergleichender Heranziehung von Swedenborg und Hölderlin. Leipzig: E. Bircher, 1922. 131 S.

9. Leonhard, K. Rousseau in seiner Affektvollen Paraphrenie // Leonhard K. Bedeutende Persönlichkeiten in ihren psychischen Krankheiten. Berlin: Akademie-Verlag, 1988. S. 148–183.
10. Leonhard, K. Meine Person und meine Aufgaben im Leben. Hildburghausen: Frankenschwelle H.-J. Salier, 1995. 206 S.
11. Leonhard, K. Aufteilung der endogenen Psychosen und ihre differenzierte Ätiologie. 8. Aufl. Stuttgart; New York: Georg Thieme Verlag, 2003. 539 S.

References

1. Bakhtin, N. Rousseau and His Pedagogical Views. *Zh.-Zh. Russo: pro et contra. Idei Zhan-Zhaka Russo v vospriatii i otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei (1752–1917): antologiya*, comp. A. A. Zlatopol'skaia. St. Petersburg, Izd-vo Rus, khristian. gumanit. in-ta Publ., 2005, pp. 615–636. (In Russian)
2. Gannuschkin, P.B. Psychiatry, Its Scope, Teaching Tasks. *Gannuschkin P. B. Izbr. trudy po psikiatrii*. Moscow, Iurait Publ., 2018, pp. 9–42. (In Russian).
3. Leonhard, K. *Accentuated Personality*, transl. from German by V.M. Leshchinskaia; ed. by V.M. Bleikher. Rus. ed. Kiev, Vishcha shkola Publ., 1989, 375 p. (In Russian)
4. Rozanov, V. V. J.-J. Rousseau. *Zh.-Zh. Russo: pro et contra. Idei Zhan-Zhaka Russo v vospriatii i otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei (1752–1917): antologiya*, comp. A. A. Zlatopol'skaia. St. Petersburg, Izd-vo Rus, khristian. gumanit. in-ta Publ., 2005, pp. 399–406. (In Russian)
5. Starobinski, J. Rousseau and the Search for the Origins, transl. by V. Milchina. *Starobinski J. Poezia i znanie. Istoriiia literatury i kul'tury*, vol. 1, comp., ed., introd. by S. N. Zenkin. Rus. ed. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2002, pp. 278–288. (In Russian)
6. Starobinski, J. Rousseau and the Origins of the Language, transl. by V. Milchina. *Starobinski J. Poezia i znanie. Istoriiia literatury i kul'tury*, vol. 1, comp., ed., introd. by S. N. Zenkin. Rus. ed. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2002, pp. 289–313. (In Russian)
7. Birnbaum, K. Methodologische Prinzipien der Pathographie. *Zeitschrift für die gesamte Neurologie und Psychiatrie*, 1933, vol. 143, book 1, December, pp. 69–83.
8. Jaspers, K. *Strindberg und van Gogh. Versuch einer pathographischen Analyse unter vergleichender Heranziehung von Swedenborg und Hölderlin*. Leipzig, E. Bircher, 1922, 131 p.
9. Leonhard, K. Rousseau in seiner Affektvollen Paraphrenie. *Leonhard K. Bedeutende Persönlichkeiten in ihren psychischen Krankheiten*. Berlin, Akademie-Verlag, 1988, pp. 148–183.
10. Leonhard, K. *Meine Person und meine Aufgaben im Leben*. Hildburghausen, Frankenschwelle H.-J. Salier, 1995, 206 p.

11. Leonhard, K. *Aufteilung der endogenen Psychosen und ihre differenzierte Ätiologie*, 8th ed. Stuttgart; New York, Georg Thieme Verlag, 2003, 539 p.

Корышев Михаил Витальевич

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ,

кандидат филологических наук

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Mikhail V. Koryshev

Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,

Candidate of Philological Sciences

Address: 7–9, University emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: m.koryshev@spbu.ru

Крепак Елена Матвеевна

старший преподаватель кафедры немецкой филологии СПбГУ,

кандидат филологических наук

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Elena M. Krepak

senior teacher of the Department of German philology, St. Petersburg State University,

Candidate of Philological Sciences

Address: 7–9, University emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: e.krepak@spbu.ru

Иванова Екатерина Павловна

профессор кафедры романской филологии СПбГУ,

доктор филологических наук

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Ekaterina P. Ivanova

Professor, head of Romance Philology Department, St. Petersburg State University,

Doctor of Philological Sciences

Address: 7–9, University emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: e.ivanova@spbu.ru

Зубова Елена Юрьевна

главный специалист Санкт-Петербургского научно-исследовательского

психоневрологического института им. В. М. Бехтерева, доктор медицинских наук

Адрес: Российская Федерация, 192019, Санкт-Петербург, ул. Бехтерева, 3

Elena Yu. Zubova

chief specialist, St. Petersburg V.M. Bekhterev Institute Psychoneurological Research,

Doctor of Medicine Sciences

Address: 3, Bekhterev str., St. Petersburg, 192019, Russian Federation

E-mail: nitella7@mail.ru

Петерсен Катя

научный сотрудник факультета гуманитарных и социальных наук
Университета им. Гельмута Шмидта, Philosophiæ Doctor
Адрес: Германия, D-22043, Гамбург, Хольстенхофвег, 85

Katja Petersen

research fellow, Faculty of Humanities and Social Sciences,
Helmut Schmidt University, Philosophiæ Doctor
Address: 85, Holstenhofweg, Hamburg, D-22043, German

E-mail: kape@hsu-hh.de

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. Е. Езан</i> ПРЕДИСЛОВИЕ	5
<i>С. Т. Нефёдов</i> ДИАЛОГИЧНОСТЬ — ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ — ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТЬ	10

I. РЕАЛИЗАЦИЯ ДИАЛОГИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РАЗНЫХ ТИПАХ ТЕКСТА

<i>Е. А. Гончарова</i> РЕЧЕВЫЕ СИГНАЛЫ ДИСКУРСИВНОЙ ОТКРЫТОСТИ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА LAUDATIO	19
<i>М. Н. Дмитриева</i> ДИАЛОГИЧНОСТЬ КАК ДОМИНАНТНАЯ КАТЕГОРИЯ ТЕКСТОВ НАУЧНОГО ДИСКУРСА	37
<i>Е. В. Комлева</i> ДИСТАНТНЫЙ ДИАЛОГ АПЕЛЛЯТИВНЫХ ТЕКСТОВ (на материале современного немецкого языка)	51
<i>С. Т. Нефёдов</i> ДИАЛОГ «ИЗВЕСТНОГО» И «НОВОГО»: СТРАТЕГИИ ОПЕРИРОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫМ НАУЧНЫМ ЗНАНИЕМ	68
<i>Л. Я. Слина</i> КОНТЕКСТ И ИНТЕРТЕКСТ В СОЗДАНИИ И ВОСПРИЯТИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КОНТАМИНАЦИИ (на материале текстов СМИ и рекламы)	91

II. ДИАЛОГИЗМ ТЕКСТОВ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

<i>Г. А. Баева</i> КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В ПЕРВЫХ ДВУЯЗЫЧНЫХ РАЗГОВОРНИКАХ	110
<i>А. В. Бояркина</i> ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ТЕКСТЕ: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА	131
<i>Л. И. Гришаева</i> МАРКЕРЫ ПРОДУКТИВНОСТИ ДИАЛОГА ТЕКСТОВ И МАКРОТЕКСТОВЫЙ АНАЛИЗ	149
<i>К. А. Филитов</i> О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНЫХ ДИСКУРСАХ	177

III. АНАЛИЗ СРЕДСТВ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

<i>С. В. Буренкова</i> АЛЛЮЗИВНЫЕ ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В НЕМЕЦКОМ РАЗГОВОРНОМ ДИСКУРСЕ.....	196
<i>А. В. Мельгунова</i> ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В РОМАНЕ ЛИОНА ФЕЙХТВАНГЕРА «СЕМЬЯ ОППЕРМАН»	212
<i>Д. Е. Нифонтова</i> ФОРМА И ФУНКЦИИ «ЧУЖОЙ РЕЧИ» В РУКОВОДСТВАХ ДЛЯ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ В ГЕРМАНИИ КОНЦА XVIII ВЕКА (на примере «Руководства для молодых путешественников» Й. Г. Хайнцманна, 1793)	230

IV. МАРКЕРЫ ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

<i>Bettina Bock, K. V. Manerova</i> REPRODUCTION VON PHRASEMEN IM POLITISCHEN DISKURS (am Beispiel von Zeitmetaphern während der Perestroika und in der deutschen Wendezeit).....	245
<i>И. Е. Езан, Е. А. Ковтунова</i> КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО <i>EINHEIT</i> КАК МАРКЕР ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ГЕРМАНИИ.....	266

V. КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ POST SCRIPTUM

<i>М. В. Корышев, Е. М. Крепак, Е. П. Иванова, Е. Ю. Зубова, Катя Петерсен</i> ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО ЖАН-ЖАКА РУССО ГЛАЗАМИ КАРЛА ЛЕОНГАРДА: ОТ ДИАЛОГА КУЛЬТУР К ДИАЛОГУ ИДЕЙ	291
--	-----

CONTENTS

<i>I. Je. Jesan</i> PREFACE.....	5
<i>S. T. Nefedov</i> DIALOGICITY — INTERTEXTUALITY — INTERDISCOURSIVITY.....	10

I. DIALOGUE RELATIONS IN VARIOUS TEXT TYPES

<i>E. A. Goncharova</i> SPEECH SIGNALS OF THE DISCURSIVE OPENNESS IN GERMAN <i>LAUDATIO</i> TEXTS.....	19
<i>M. N. Dmitrieva</i> DIALOGIC AS THE DOMINANT CATEGORY OF SCIENTIFIC DISCOURSE TEXTS.....	37
<i>E. V. Komleva</i> DISTANT DIALOGUE OF THE APPELLATIVE TEXTS (On Modern German).....	51
<i>S. T. Nefedov</i> DIALOGUE BETWEEN EXISTING AND NEW KNOWLEDGE: STRATEGIES OF PRECEDENT SCIENTIFIC KNOWLEDGE OPERATION.....	68
<i>L. I. Slinina</i> CONTEXT AND INTERTEXT IN PRODUCTION AND PERCEPTION OF UNITS OF WORD-FORMATIVE (Contamination in Mass Media and Advertising).....	91

II. DIALOGISM OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION TEXTS

<i>G. A. Baeva</i> COMMUNICATIVE PRACTICES AND THEIR REALIZATION IN THE FIRST BILINGUAL PHRASEBOOKS.....	110
<i>A. V. Boyarkina</i> INTERTEXTUAL ELEMENTS IN THE EPISTOLARY TEXT: PROBLEMS OF TRANSLATION.....	131
<i>L. I. Grishaeva</i> MARKERS OF PRODUCTIVITY OF DIALOGUE BETWEEN TEXTS AND MACRO-TEXTUAL ANALYSIS	149
<i>K. A. Filippov</i> SOME ASPECTS OF INTERTEXTUALITY IN GERMAN AND RUSSIAN LITERARY DISCOURSES.....	177

III. INTERTEXTUAL MEANS ANALYSIS

<i>S. V. Burenkova</i> ALLUSIONAL PROPER NAMES IN GERMAN EVERYDAY DISCOURSE	196
<i>A. V. Melgunova</i> INTERTEXTUALITY IN THE NOVEL “THE OPPERMANNNS” BY LION FEUCHTWANGER.....	212
<i>D. E. Nifontova</i> FORM UND FUNCTIONS OF INTERTEXTUAL INCLUSIONS IN THE GERMAN ARS APODEMICA OF THE LATE 18 TH CENTURY (By the Example of J. G. Heinzmann’s “Rathgeber für junge Reisende”, 1793)	230

IV. INTERDISCURSIVE MARKERS IN POLITICAL COMMUNICATION

<i>Bettina Bock, K. V. Manerova</i> REPRODUCIBILITY OF PHRASEMES IN POLITICAL DISCOURSE (On the Example of Time Metaphors During Perestroika and in the German “Wende”)....	245
<i>I. Je. Jesan, E. A. Kovtunova</i> KEYWORD <i>EINHEIT</i> AS A MARKER OF GERMANY’S POLITICAL DISCOURSE.....	266

V. CULTURAL STUDIES POST SCRIPTUM

<i>M. V. Koryshev, E. M. Krepak, E. P. Ivanova, E. Y. Zubova, Katja Petersen</i> CHARACTER AND CREATIVE WORK OF JEAN-JACQUES ROUSSEAU AS VIEWED BY KARL LEONHARD: FROM THE DIALOGUE OF CULTURES TO THE DIALOGUE OF IDEAS	291
---	-----

Научное издание

НЕМЕЦКАЯ ФИЛОЛОГИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Вып. IX

ДИАЛОГИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТЕКСТОВ И ДИСКУРСОВ

Редактор *О. В. Косенко*

Корректор *Е. В. Величина*

Компьютерная верстка *Е. М. Воронковой*

Подписано в печать 16.01.2020. Формат 60×84¹/₁₆.

Усл.-печ. л. 18,13 л. Планируемый тираж 300 экз. (1-й завод 60 экз.). Заказ №

Издательство Санкт-Петербургского университета.

199004, С.-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11.

Тел. (812)328-96-17; факс (812)328-44-22

publishing@spbu.ru

publishing.spbu.ru

Типография Издательства СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5